

КИР
БУЛЬЧЕВ

ЧУЖАЯ
ПАМЯТЬ

КИР
БУЛЫЧЕВ

чужая
память

**КИР
БУЛЬЧЕВ**

ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ

Москва 1995

**ББК 84Р7
Б90**

**Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**Серия «Взрослая фантастика»
Чужая память**

**Булычев Кир
Б90 Полное собрание сочинений. Серия «Взрослая
фэнтези». Т.6: Чужая память — М: «Хронос»,
1995.—448 с.
ISBN 5—85482—013—7**

*В настоящий том серии «Взрослая фантастика»
полного собрания сочинений Кира Булычева включены
написанные в 70—80-х годах фантастические повести
«Журавль в руках», «Царицын ключ», «Похищение
чародея», «Чужая память» и «Осенка-67».*

ISBN 5—85482—013—7

**ББК 84Р7
© «Хронос», 1995
© Кир Булычев**

От автора

Повести, собранные в этом томе, написаны во второй половине 70-х годов. Их объединяют два фактора. Оба связаны с особенностями той эпохи.

Во-первых, действие всех этих повестей происходит на Земле в наши дни. То есть все они так или иначе рассказывают о чувствах и мыслях, действиях и драмах наших реальных современников в столкновении с фантастикой, вторгающейся в обыденный мир. Возможно, то, что я обратился к повестям такого рода именно в тот период, объясняется завершением космической эйфории шестидесятых годов и ростом моего интереса именно к земным проблемам, что не очень тогда приветствовалось.

Я помню, что, когда мы с режиссером Ричардом Викторовым завершали в те годы работу над фильмом «Через терни к звездам», где действие частично происходит на планете Десса, полностью погубленной своими обитателями, вынужденными даже дома ходить в противогазах, то вместо слова «конец» мы предложили написать: «Все кадры мертвой планеты Десса сняты на Земле сегодня». На что нам ответили просто: «Если умный человек, он и так поймет, а если дурак, то для него пиши — не пиши, все впустую». Как видите, с нами разговаривали очень дружелюбно. И картина завершается словом «конец».

Вторая общая черта повестей этого тома — это их размер. Как ни странно, здесь верх взял момент практический. Дело в том, что все эти повести писались для журналов, которые в 70-е годы печатали фантастику. А так как специальных журналов фантастики не было, а в молодогвардейский «Искатель» ход мне был закрыт, то рассчитывать приходилось на тонкие научно-попу-

лярные журналы «Химия и жизнь» и «Знание — сила», которые и были в 70-е годы основными издателями фантастики. Но эти журналы предпочитали печатать повести с продолжениями, занимавшие не более четырех номеров. Вот и получались повести примерно в 4-5 авторских листов. Периодические сборники «Мир приключений» и «НФ» также должны были уместить на своих страницах как можно больше авторов. Ведь число авторов превышало количество «печатных мест». Так что, если бы обстоятельства были иными и издательские возможности соответствовали сегодняшним, наверное, вместо этих повестей я написал бы романы. Но не знаю, были бы они лучше или хуже коротких повестей.

После публикации в журналах эти повести долго ждали своего часа войти в авторские сборники. Например, «Похищение чародея» попала в книгу лишь через десять лет, и к тому времени по повести был снят телесериал на Ленинградском телевидении и художественный фильм на Свердловской киностудии. Почти столько же ждала своего «книжного» часа «Чужая память». Они были опубликованы в 1989 году, потому что к тому времени печататься стало уже легче. Судьба «Осечки-67» оказалась еще более драматичной...

ЖУРАВЛЬ В РУКАХ

Базар в городе был маленький, особенно в будние дни.

Три ряда крытых деревянных прилавков и неширокий двор, на котором жевали овес запряженные лошади. С телег торговали картошкой и капустой.

Будто принимая парад, я прошел мимо крынок с молоком, банок со сметаной, кувшинов, полных коричневого тягучего меда, мимо подносов с крыжовником, мисок с черникой и красной смородиной, кучек грибов и горок зелени. Товары были освещены солнцем, сами хозяева скрывались в тени, надо было подойти поближе, чтобы их разглядеть.

Увидев ту женщину, я удивился, насколько она не принадлежит к этому устоявшемуся, обычному уютному миру.

В отличие от прочих торговок, женщина никого не окликала, не предлагала своего товара — крупных яиц в корзине и ранних помидоров, сложенных у весов аккуратной пирамидкой, словно ядра у пушки.

Она была в застиранном голубом ситцевом платье, тонкие загоревшие руки обнажены. Высокая, она смотрела над головами прохожих, словно глубоко задумавшись. Цвета волос и глаз я не разглядел, потому что женщина низко подвязала белый платок и он козырьком выдавался над лбом. Если кто-нибудь подходил к ней, она, отвечая, улыбалась. Улыбка была несмелой, но светлой и доверчивой.

Женщина почувствовала мой взгляд и обернулась. Так быстро оборачивается лань, готовая бежать.

Улыбка растаяла в углах губ. Я отвел глаза.

И, как бывает со мной, я сразу придумал ей дом, жизнь, окружающих людей.

Она живет в далекой деревне, и ее муж, коренастый,

крепкий и беспутный, велел продать накопившиеся за неделю яйца и поспевшие помидоры. Потом он пропьет привезенные деньги и, мучимый похмельным раскаянием, купит на остатки платочек маленькой дочери...

Мне хотелось услышать ее голос. Я не мог уйти, не услышав его. Я подошел и, стараясь не смотреть ей в глаза, попросил продать десяток яиц. Тетя Алена ничего мне не говорила о яйцах — она велела купить молодой картошки к обеду. И зеленого лука.

Я смотрел на тонкие руки с длинными сухими пальцами и не мог представить, как она такими пальцами может делать крестьянскую работу. На пальце было тонкое золотое колечко — я был прав, она замужем.

— Пожалуйста, — сказала женщина.

— Сколько я вам должен? — спросил я, заглянув ей в лицо (глаза у нее были светлые, но какого-то необычного оттенка).

— Рубль, — ответила женщина, сворачивая из газеты кулек и осторожно укладывая туда яйца.

Я взял пакет. Яйца были крупные, длинные, а скорлупа была чуть розоватой.

— Издалека привезли? — спросил я.

— Издалека. — Она не глядела на меня.

— Спасибо, — сказал я. — Вы завтра здесь будете?

— Не знаю.

Голос был низким, глухим, даже хрипловатым, и она произносила слова тщательно и раздельно, словно русский язык был ей неродным.

— До свидания, — сказал я.

Она ничего не ответила.

Когда я вернулся домой, тетя Алена удивилась моей неловкой лжи о том, что молодой картошки на рынке не было, взяла кулек с яйцами, отнесла его на кухню и оттуда крикнула:

— Чего ты купил, Коля? Яйца-то не куриные.

— А какие? — спросил я.

— Утиные, наверное... Почем платил?

— Рубль.

Я прошел на кухню. Тетя Алена выложила яйца на тарелку, и они в самом деле показались мне совсем не похожими на куриные. Я сказал:

— Самые обычные яйца, тетя. Куриные.

Тетя Алена чистила морковку. Она развела руками — в одной зажата морковка, в другой нож. Вся ее поза говорила: «Если тебе угодно...»

Тетя Алена — единственная оставшаяся у меня родственница. Пять лет подряд я обещал приехать к ней и обманывал. И вдруг приехал. Причиной тому был вдруг вспыхнувший страх перед временем, могущим отнять у меня тетю Аллену, которая пишет обстоятельные письма со старомодными рассуждениями и укорами погоде, посыпает поздравления к праздникам и дню рождения, ежегодные банки с вареньем и ничем не выказывает обид на мои пустые обещания. Когда я приехал, тетя Алена не сразу поверила своему счастью. Я знаю, что она иногда поднимается ночами и подходит ко мне, чтобы убедиться, что я здесь. Детей у нее не было. Мужа убили на фронте, и меня она любила более, чем я того заслуживал.

Не прошло и недели в этом тихом городке на краю полей и лесов, как я, в который раз убедившись, что отдохнуть не умею, начал тосковать по неустроенной привычной жизни, по книжкам Вольфсона и Трепетова на верхней полке и своей заочной с ними полемике. Но уехать так вот, сразу, когда тетя Алена заранее грустила о том, как скротечны оставшиеся мне здесь две недели, было жестоко.

— Ты, наверное, куриных яиц и не видел, — догнал меня голос тети Алены. — И чем только вас в Москве кормят?

— Лучший способ разрешить наш спор, — ответил я, раскрывая старый номер «Иностранной литературы», — разбить пару-тройку яиц и поджарить.

Перед ужином я напомнил тете о своем решении.

— Может, до продовольственного добегу? — предложила тетя. — Простых куплю.

— Нет уж. Рискнем.

Поставив передо мной яичницу, тетя Алена налила заварки из чайника, извлеченного из-под подержанной, но все еще гордой ватной барыни, долила кипятком из самовара и отколола щипчиками аккуратный кубик сахара. Она делала вид, что мои эксперименты с яичницей ее не интересуют, плеснула чаю на блюдце, но в этот момент я занес вилку над тарелкой и она не выдержала.

— Я на твоем месте, — сказала она, — ограничилась бы чаем.

Желтки были оранжевыми, выпуклыми, словно половинки спелых яблок.

— Посолить не забудь, — подсказала тетя, полагая, что мною овладела нерешительность. В ее голосе звучала ирония. Она поправила очки, которые всегда съезжали на сухонький, острый нос. — Не робей.

На вкус яичница была почти как настоящая, хотя, конечно, не приходилось сомневаться в том, что прекрасная незнакомка продала мне вместо куриных какие-то иные, неизвестные в наших краях яйца, и я доставил искреннее удовольствие тете Алене, спросив:

— А какие яйца у тетеревов?

— Почему только тетерева? Есть еще вальдшнепы, глухари и даже журавли и орлы. Все птицы несут яйца. — Тетя Алена много лет преподавала в младших классах, и ее назидательная ирония была профессиональной.

— Правильно, — не сдавался я. — Страусы, соловьи и даже утконосы. Но главное в яйцах — их питательность. И вкус. А яичница отменная.

— Чаю налить? — спросила тетя Алена.

Когда стемнело, я вдруг поднялся и отправился гулять. В городском парке я уселся на скамейку неподалеку от танцевальной веранды. Я курил, я был снисходителен к мальчишкам и девчонкам, плясавшим под плохой, но старательный оркестр, и даже поспорил с сердитым стариком, обличавшим моды и прически ребят с таким энтузиазмом, что я представил, как он приходит сюда каждый вечер, влекомый неправильностью того, что здесь происходит, и почти детским негативизмом. Призывая старика к терпимости, я неожиданно испугался того, что куда ближе к нему, чем к ребятам, и защищая даже не их, а самого себя, каким был лет двадцать назад. А ребята, стоявшие неподалеку, слышали наш спор, но говорили о своем и тоже были снисходительны к нам. Что из того, что я могу представить себе, как накопилось электричество в невидной за желтыми фонарями туче и блеснуло зарницей над театрально подсвеченными деревьями, что я вижу энергию, которая заставляет присевшую на скамейку капельку росы подняться шариком, потому что выучил ненужный пока этим ребятам пус-

так — *поверхностное натяжение воды при двадцати градусах равно 72,5 эрга на квадратный сантиметр*. И ребята в лучшем положении, чем брюзгливый старик: кто-то из них еще узнает эту цифру или другие цифры. И полюбит их. А старик уже ничего не полюбит.

— Всех стричь, — настаивал старик. — У них же там вши заведутся. Точно вам говорю.

Валя Дмитриев погиб этой весной, измеряя свободную энергию поверхности в грозовой туче. У него тоже были длинные волосы, до плеч, и как раз в тот день утром зам по кадрам устроил ему беседу о внешнем виде молодогоченого.

Я ушел.

Подобрав под себя ноги в толстых шерстяных носках — перед дождем мучил ревматизм, — тетя Алена сидела на продавленном диване и читала «Анну Каренину». Рядом лежал знакомый — от медных застежек до вытертого голубого бархата обложки — и в то же время начисто забытый за двадцать лет пухлый альбом с фотографиями.

— Помнишь? — спросила тетя Алена. — Я сегодня сундук разбирала и наткнулась. Раньше ты любил его разглядывать. Бывало, сидишь на этом диване и допрашивашь меня: «А почему у дяди такие погоны? А как звали ту собаку?..»

Я положил тяжелый альбом на стол под оранжевый с кистями абажур и попытался представить, что увижу, открыв его. И не вспомнил.

Альбом раскрылся там, где между толстыми картонными листами с прорезями для углов фотографий была вложена пачка поздних снимков, собранных, когда мест на листах уже не осталось. И сразу увидел самого себя. Я, совершенно обнаженный, лежал на пузе с идиотской самодовольной ухмылкой на мордочке, не подозревая, какие каверзы готовит мне жизнь. Признал я себя в этом младенце только потому, что такая же фотография, призванная умилять родственниц, была у меня в Москве. Потом в пачке встретилась групповая картинка «Пятигорск, 1953 год», с которой мне улыбались пожилые учительницы на фоне пышной растительности. Среди них была и тетя Алена. На фотографиях встречались знакомые лица, боль-

ше было незнакомых — тетиных сослуживцев, местных жителей, их детей и племянников.

Интереснее было полистать сам альбом, с начала. Мой прадедушка сидел в кресле, пррабабушка стояла рядом, положив руку ему на плечо. Прадедушка был в студенческой тужурке, и я заподозрил, что он сидел не из избытка тщеславия, а потому что был мал ростом, худ и во всем уступал своей жене. Это уже относилось к области семейных преданий. И я уже знал, что на следующей странице увижу тех же — прадедушку с пррабабушкой, но пожилых, солидных, в иной одежде, окруженных детьми и даже внуками, а среди них и тетя Алена, помеченная у ног белым крестиком, — она когда-то сама пометила себя, чтобы не спутать с другими представителями того же поколения семьи Тихоновых. Дальше — моя мать и тетя Алена, юбки до щиколоток и высокие зашнурованные башмаки. Они очень похожи и почему-то взъерошены. Фотографу удалось вызвать в их глазищах этот восторг. Птичку он им, что ли, показал? Это уже где-то незадолго до революции. Потом было несколько фотографий незнакомых мне, вернее, забытых людей.

— Кто это, не могу вспомнить...

Тетя Алена отложила «Анну Каренину», поднялась с дивана, наклонилась ко мне.

— Мой жених, — сказала она. — Ты его, конечно, не знаешь. Он после революции в Вологде жил, каким-то начальником стал. А тогда, в шестнадцатом, его звали моим женихом. Не помню уж, почему. Очень я стеснялась. И этих ты тоже не можешь знать. Это врачи нашей земской больницы. Они отправлялись на фронт в санитарном поезде. Второй справа — мой дядя Семен. Отличный, говорят, был врач, золотые руки. Среди земских врачей, должна тебе сказать, были замечательные подвижники. Моего дядю лично знал Чехов, они с ним на холере работали.

— А что потом с ним случилось?

— Он погиб в девятнадцатом году. И его невеста погибла.

Дядя был суров, фуражка низко надвинута на лоб, шинель сидит неловко, словно он взял на складе первую попавшуюся.

— Где ж его невеста? — задумалась тетя Алена. — Ее,

кажется, Машей звали. Рассказывали, что, когда Семен погиб, она дня два была как окаменелая. А потом исчезла. И никто ее никогда больше не видел.

— Может быть, она куда-нибудь уехала?

— Нет. Я знаю, что она погибла. Она без него жить не могла. — Тетя Алена листала альбом. — Ага, вот она, завалилась.

Почему-то невесту дяди Семена сфотографировали отдельно. Наверное, он сам попросил, чтобы иметь ее фотографию.

Снимок порыжел от времени. Он был наклеен на картон. Внизу вязью выдавлены фамилия и адрес фотографа. Маша была в темном платье с высоким стоячим воротником, в наколке с красным крестом.

Я знал ее.

Не только потому, что видел двадцать лет назад в этом альбоме, а может, и слышал уже о ее судьбе. Нет, я ее видел вчера на базаре. Значит, она не погибла... Чепуха какая-то. Я даже зажмурился, чтобы отогнать наваждение. Женщина на фотографии не улыбалась. Она смотрела серьезно — люди на старых фотографиях всегда серьезны, выдержка камер тех лет была велика, и улыбка не удерживалась на лице. Они собирались к фотографу в Вологде все вместе. Начинался семнадцатый год. Маша опоздала. Прибежала, когда фотограф уже складывал пластиинки. А доктор Тихонов, немолодой, некрасивый, умный, золотые руки, уговорил сестру милосердия Марию сфотографироваться отдельно. Для него. Один снимок взял с собой. Другой оставил дома. И ничего не осталось от этих людей. Лишь маленький клочок их жизни, те драгоценные, крепкие, казалось бы, вечные узы, которые связывали их когда-то, живут еще в памяти тети Алены. И теперь в моей памяти. И почему-то в этих местах через много лет должна была вновь родиться Маша.

— Если хочешь поподробнее прочесть про дядю Семена, возьми книжку, я тебе достану. В Вологде вышла. «Выдающиеся люди нашего края». Там есть о дяде Семене. Несколько строк, конечно, но есть. Автор меня разыскал, он специально приходил...

Маша смотрела на меня серьезно, и белая наколка закрывала лоб, словно платок вчерашней незнакомки.

Тетя Алена долго укладывалась за стенкой, вздыхала,

бормотала что-то, шуршала страницами книги. Далеко брехали собаки, и время от времени наш Шарик врывался в собачью беседу и тявкал под окном. По улице пронесся мотоцикл без глушителя, и не успел грохот мотора заглохнуть вдали, как мотоциклист развернулся и снова пронесся мимо, наверное, чтобы порадовать меня замечательной работой мотора. «Василий, — раздался за палисадником женский голос, — если не достанешь ребенку бадминтон, то я вообще не представляю, на что ты годен». Я посмотрел на часы. Без двадцати час. Самое время поговорить о бадминтоне.

...Листва яблони под окном была черной, но черной неодинаково — это создавало видимость объема, и дальние листья пропускали толику серого небесного сияния. На темно-сером летнем северном небе все никак не могли разгореться звезды, и, вздрагивая, листья сбрасывали их с шелкового полога. Но одна из звезд сумела пронзить лучом листву и, разгораясь, спустилась по этой дорожке к самому окну. Мягкое сияние проникло в комнату. Надо было бы встать, поглядеть, что происходит, но тело отказалось сделать хоть какое-то усилие. Кровать начала медленно раскачиваться, как бывает во сне, но я знал, что не сплю и даже слышу, как Василий длинно и скучно оправдывается, сваливая вину на кого-то, кто обещал, но обманул. Женщина с рынка вошла в комнату, причем умудрилась при этом не колыхнуть занавеской, не скрипнуть дверью. Она была странно одета — светлый длинный мешок, кое-где заштопанный, с прорезями для головы и рук, доставал до колен.

Ноги были босы и грязны. Женщина приложила к губам палец и кивнула в сторону перегородки. Она не хотела будить тетю Алену. Женщину звали Луш. Это было странное имя, даже неблагозвучное, но его легко было шептать: оно показалось мне пушистым.

...Мне не хотелось входить вслед за Луш в отверстие пещеры, потому что в темноте скрывалось нечто страшное, опасное — даже более опасное и страшное для Луш, чем для меня, потому что оно могло оставить там Луш навсегда. Луш протянула длинную тонкую руку и крепко обхватила мою твердыми пальцами. Нам надо было спешить, а не думать о страшном.

Я потерял Луш в переходе, освещенном тусклыми

факелами, которые горели там так давно, что потолок на два пальца был покрыт черной копотью. Но я не мог войти в зал, где было слишком светло, потому что тогда я не выполнил бы обещанного...

— Ты чего не спиши? — спросила тетя Алена из-за перегородки. — Туши свет.

Я был благодарен тете Алене за то, что она вывела меня из пещеры. Но тревога за Луш осталась, и, отвечая тете Алене: «Сейчас тушу», я уже понимал, что мне пригрезился приход женщины, хотя я был уверен, что, если бы тетя Алена мне не помешала, я бы нашел Луш и постарался вывести ее из пещеры, откуда никто еще не выходил.

Ночью я несколько раз снова оказывался в подземелье и снова и снова шел тем же коридором, останавливаясь перед освещенным залом и кляня себя за то, что не могу переступить круг света. Луш я больше не видел.

Я проснулся рано, разбитый и переполненный все тем же иррациональным, так не вяжущимся с действительностью беспокойством за эту женщину.

— Как спал? — Тетя Алена вошла в комнату и стала поливать герань на подоконнике. — Хорошие сны видел?

Для нее смотрение снов — занятие, сходное с походом в кино. Я же сны вижу редко. И сразу забываю. Я вскочил с диванчика, и он взвыл всеми своими пружинами.

— Пойдешь за грибами?

— Нет, поброшу по городу.

— Только яиц больше не покупай, — засмеялась тетя Алена. — Ты еще вчерашние не доел.

Через час я был на рынке. Я прошел мимо крынок с молоком и ряженкой, мимо банок с коричневым тягучим медом, подносов с крыжовником и кислой красной смородиной. Вчерашней женщины не было, да и не должно было быть.

На следующее утро — не пропадать же добру — тетя Алена сварила мне еще два яйца, в мешочек. Через полчаса после завтрака, на пляже, за городским парком, я почувствовал жужжение в голове и увидел, как в небе среди облаков плывет остров, но смотрю я на него не снизу, как положено, а сверху. На плохо убранное поле, на стоящие вокруг хижины, обнесенные высоким покосившимся тыном. Луш выбежала из хижины к сухому дереву,

на котором висел человек, и стала мне махать, чтобы я скорее к ней спускался. Но я не мог спуститься, потому что я был внизу, на пляже, а остров летел среди облаков. Рядом со мной мальчишки играли в волейбол полосатым детским мячом, а у ларька с лимонадом и мороженым кто-то уверял продавщицу, что обязательно принесет бутылку обратно. Я смотрел сверху на удаляющийся остров, и фигурка Луш стала совсем маленькой; она выбежала в поле, а те, кто гнались за ней, уже готовы были выпрыгнуть из-за тына. Потом я заснул и проспал, наверное, часа два, потому что, когда очнулся, солнце поднялось к зениту, обожженная脊на саднила, киоск закрылся, волейболисты переплыли на другой берег и там играли детским полосатым мячом в футбол.

По роду своей деятельности я пытаюсь связывать причины и следствия. Придя домой, я вынул из шкафа на кухне оставшиеся пять яиц, переложил их в пустую коробку из-под туфель и перенес к себе за перегородку. Тети Алены не было дома. Я поставил коробку на шкаф, чтобы до нее не добрался кот. Я думал отвезти яйца в Москву, показать одному биологу.

Но моя идея лопнула на следующий же день. Я проснулся от грохота. Кот свалился со шкафа вместе с коробкой. По полу, сверкая под косым лучом утреннего солнца, разлилось месиво из скорлупы, белков и желтков. Кот, ничуть не обескураженный падением, крался к диванчику. Я свесил голову и увидел, что туда же, с намерением скрыться в темной щели, ковыляет пушистый, очень розовый птенец побольше цыпленка, с длинным тонким клювом и ярко-оранжевыми голенастыми ногами.

— Стой! — крикнул я коту. Но опоздал.

В двух сантиметрах от протянутой руки кот схватил цыпленка и извернулся, чтобы не попасть мне в плен. На подоконнике он задержался, нагло сверкнул на меня дикими зелеными глазами и исчез. Пока я выпутывался из простынь и бежал к окну, кота и след простыл.

Я стоял, тупо глядя на разбитые яйца, на лежащую на боку коробку из-под туфель. Вернее всего, кот услыхал, как птенец выбирается на свет, заинтересовался и умудрил я взобраться на шкаф.

— Что там случилось? — спросила тетя Алена из-за перегородки. — С кем воюешь?

— Твой кот все погубил.

В необычного цыпленка тетя не поверила. Сказала, что мне померещилось со сна. А про разбитые яйца добавила:

— Не надо было из кухни выносить. Целее были бы.

Мне не приходилось видеть ярко-розовых цыплят, которые выводятся из яиц, внушающих грэзы наяву. Притом существовала прекрасная незнакомка, присутствие которой придавало сюжету загадочность.

Я решил самым тщательным образом обыскать палисадник, столь прискорбно уменьшившийся со времени моих детских приездов сюда. Тогда он казался мне обширным, дремучим, впору заблудиться. А всего-то умелись в нем, да и то в тесноте, два куста сирени, корявая яблоня, дарившая тете Алene кислые дички на повидло, да жасмин вдоль штакетника. Зато ближе к дому, там, куда попадал солнечный свет, пышно разрослись цветы и травы — флоксы, золотые шары, лилии и всякие другие полуодичавшие жители бывших клумб или грядок, порой случайные пришельцы с соседних садов и огородов — из травы и полыни поднимались курчавые шапки моркови, зонтики укропа и даже одинокий цветущий картофельный куст. На его листе я и нашел клочок розового пуха.

Принеся пух домой, я заклеил его в почтовый конверт. Если науке известны такие птицы, розового пуха должно хватить.

— На базар? — спросила проницательная тетя Алена.

— Погулять собрался, — сказал я.

Ту женщину я увидел только на пятый день. Я ходил на рынок, как на службу. Проходил его три, четыре, пять раз за день. Примелькался торговкам и сам знал их в лицо. На пятый день я увидел ее и сразу узнал, хотя она была без платка и лицо ее, обрамленное тяжелыми светлыми волосами, странным образом изменилось, помягчело. С реки дул свежий ветерок; она накинула на плечи черный с розами платок, и концы волос шевелились, взлетали над черным полем. Глаза ее были зелеными, брови высоко проведены по выпуклому лбу. У нее были

полные, но не яркие губы и тяжеловатый для такого лица подбородок.

Она не сразу заметила меня — была занята с покупателями. На этот раз перед ней лежала груда больших красных яблок, и у прилавка стояла небольшая очередь.

Я уже привык приходить на рынок и не заставлять ее. Поэтому ее появление здесь показалось сначала продолжением грез, в которых ее зовут Луш.

Мне некуда было спешить; чтобы успокоиться, я отошел в тень и следил за тем, как она продает яблоки. Как устанавливает на весы гири и иногда подносит их к глазам, будто она близорука или непривычна к гирям. Как всегда, добавляет лишнее яблоко, чтобы миска весов с плодами перевешивала. Как прячет деньги в потертый кожаный плоский кошелек и оттуда же достает сдачу, тщательно ее пересчитывая.

Когда гора яблок на прилавке уменьшилась, я встал в очередь. Передо мной было три человека. Она все еще меня не замечала.

— Здравствуйте. Мне килограмм, пожалуйста, — сказал я, когда подошла моя очередь. Женщина не подняла глаз.

— Мало берешь, — встряла старушка, отходившая от прилавка с полной сумкой. — Больше бери, жена спасибо скажет.

— Нет у меня жены.

Женщина подняла глаза. Она наконец согласилась меня признать.

— Вы меня помните? — спросил я.

— Почему же не помнить? Помню.

Она быстро кинула на весы три яблока, которые потянули на полтора кило.

— Рубль, — сказала она.

— Большое спасибо. Здесь больше килограмма.

Я не спеша копался в карманах, отыскивая деньги.

— А яиц сегодня нет?

— Яиц нет, — ответила женщина. — Яйца случайно были. Я их вообще не продаю.

— А вы далеко живете?

— Молодой человек, — сказал мужчина в парусиновой фуражке и слишком теплом, не по погоде, просторном

костюме. — Закончили дело, можете не любезничать. У меня обеденный перерыв кончается.

— Я далеко живу, — объяснила женщина.

Мужчина оттеснил меня локтем.

— Три килограмма, попрошу покрупнее. Можно подумать, что вы не заинтересованы продать свой товар.

— Вы еще долго здесь будете? — спросил я.

— Я сейчас заверну, — предложила женщина. — А то нести неудобно.

— Сначала попрошу меня обслужить, — вмешался мужчина в фуражке.

— Обслужите его, — согласился я. — У меня обеденный перерыв только начинается.

Когда мужчина ушел, женщина взяла у меня яблоки, положила их на прилавок и принялась сворачивать газетный кулек.

— А яблоки тоже особенные? — спросил я.

— Почему же особенные?

— Яйца оказались не куриными.

— Да что вы... если вам не понравилось, я деньги верну.

Она потянулась за кожаным кошельком.

— Я не обижаюсь. Просто интересно, что за птица...

— Вы покупаете? — спросили сзади. — Или так стояте?

Я отошел. Яблоки кончились. Я встал в тени, достал из кулька одно из яблок, вытер его носовым платком и откусил. Женщине видны были мои действия, и, когда я вертел яблоко в руке, разглядывая, я встретил ее взгляд. Я тут же улыбнулся, стараясь убедить ее улыбкой в своей полной безопасности, она улыбнулась в ответ, но улыбка получилась робкой, жалкой, и я понял, что лучше уйти, пожалеть ее. Но уйти я не смог. И дело было не только в любопытстве: я боялся, что не увижу ее снова.

Женщина не торопилась, движения ее потеряли сноровку и стали замедленными и неловкими, словно она оттягивала тот момент, когда отойдет последний покупатель и вернусь я.

Яблоко было сочным и сладким. Такие у нас не растут, а если и появятся в саду какого-нибудь любителя-селекционера, то не раньше августа. Мне показалось, что яблоко пахнет ананасом. Я добрался до середины и вытащил

из огрызка косточки. Косточка была одна. Длинная, остшая, граненая. Никакое это не яблоко.

Я видел, как женщина высыпала из корзины последние яблоки, сложила деньги в кошелек, закрыла его. И тогда, сделав несколько шагов к ней, я произнес негромко:

— Луш.

Женщина вздрогнула, выронила кошелек на прилавок. Она хотела подобрать его, но рука не дотянулась, замерла в воздухе, словно женщина сжалась, замерла в ожидании удара, когда все, что было до этого, теряет всякий смысл перед физической болью.

— Простите, — сказал я, — простите. Я не хотел вас испугать...

— Меня зовут Мария Павловна. — Голос был сонный, глухой, слова заученные, как будто она давно ждала этого момента и в страхе перед его неминуемостью репетировала ответ. — Меня зовут Мария Павловна.

— Именно так. — Второй голос пришел сзади, тихий и злой. — Мария Павловна. И вас это не касается.

Небольшого роста пожилой человек с обветренным темным лицом, в выгоревшей потертой фуражке лесника отодвинул меня и накрыл ладонями пальцы Марии Павловны.

— Тише, Маша, тише. Люди глядят. — Он смотрел на меня с таким холодным бешенством в белесых глазах, что у меня мелькнуло: не будь вокруг людей, он мог бы и ударить.

— Извините, — смущался я. — Я не думал...

— Он пришел за мной? — спросила Маша, выпрямляясь, но не выпуская руки лесника.

— Ну что ты, что ты... Молодой человек обознался. Сейчас домой поедем.

— Я уйду, — сказал я.

— Иди.

Я не успел отойти далеко. Лесник догнал меня.

— Как ты ее назвал? — спросил он.

— Луш. Это случайно вышло.

— Случайно, говоришь?

— Приснилось.

Я говорил ему чистую правду, и я не знал своей вины перед этими людьми, но вина была, и она заставляла меня послушно отвечать на вопросы лесника.

— Имя приснилось?
— Я видел Марию Павловну раньше. Несколько дней назад.

— Где?
— Здесь, на рынке.

Лесник, разговаривая со мной, поглядывал в сторону прилавка, где женщина неловко связывала пустые корзины, складывала на весы гири, собирала бумагу.

— И что дальше?
— Я был здесь несколько дней назад. И купил десяток яиц.

— Сергей Иванович, — окликнула женщина, — весы сдать надо.

— Сейчас помогу.

Кто он ей? Он старше вдвое, если не втрое. Но не отец. Отца по имени-отчеству в этих краях не называют.

Лесник не хотел меня отпускать.

— Держи. — Он протянул мне чашку весов, установленную кеглями гирь. Сам взял весы. Мария Павловна несла сзади пустые корзины. Она шла так, чтобы между нами был лесник.

— Маша, ты яйцами торговала? — спросил лесник.
Она не ответила.

— Я ж тебе не велел брать. Не велел, спрашиваю?

— Я бритву хотела купить. С пружинкой. Вам же нужно?

— Дура, — сказал лесник.

Мы остановились у конторы рынка.

— Заходи, — велел он мне.

— Я тоже, — сказала Маша.

— Подождешь. Ничего с тобой здесь не случится..

Люди вокруг.

Но Маша пошла с нами и, пока мы сдавали весы и гири сонной дежурной, молча стояла у стены, оклеенной санитарными плакатами о вреде мух и бруцеллезе.

— Я вам деньги отдам, — сказала Маша леснику, когда мы вышли, и протянула кошелек.

— Оставь себе, — проворчал Сергей Иванович.

Мы остановились в тени за служебным павильоном. Лесник посмотрел на меня, приглашая продолжить рассказ.

— Яйца были необычными, — продолжал я. — Круп-

нее куриных и цвет другой... Потом я увидел сон. Точнее, я грезил наяву. И в этом сне была Мария Павловна. Там ее звали Луш.

— Да, — сказал лесник.

Он был расстроен. Ненависть ко мне, столь очевидная в первый момент, исчезла. Я был помехой, но не опасной.

— Мотоцикл у ворот стоит, — показал лесник Маше. — Поедем? Или ты в магазин собралась?

— Я в аптеку хотела. Но лучше в следующий раз.

— Как хочешь. — Лесник посмотрел на меня. — А вы здесь что, в отпуске? — Он стал официально вежлив.

— Да.

— То-то я вас раньше не встречал. Прощайте.

— До свидания.

Они ушли. Маша чуть сзади. Она сутулилась, может, стеснялась своего высокого роста. На ней были хорошие, дорогие туфли, правда, без каблуков.

Я не сдержался. Понял, что никогда больше их не увижу, и догнал их у ворот.

— Погодите, — попросил я.

Лесник обернулся, потом махнул Маше, чтобы шла вперед, к мотоциклу.

— Сергей Иванович, скажите только, что за птица? Я ведь цыпленка видел.

Маша молча привязывала пустые корзины к багажнику.

— Цыпленка?

— Ну да. Розовый, голенастый, с длинным клювом.

— Бог его знает. Может, урод выпустился. От этого... от радиации... Вообще-то яйца обычные.

Лесник уже не казался ни сильным, ни решительным. Он как-то ссохся, постарел и даже стал невзрачным.

— И яблоки обычные?

— К чему нам людей травить?

— Такие здесь не растут.

— Обычные яблоки, хорошие. Просто сорт такой.

Сергей Иванович пошел к мотоциклу. Маша уже ждала его в коляске.

Из ворот рынка вышел человек, похожий на арбуз. Инес он в руке сетку, в которой лежало два арбуза. Арбузы были ранние, южные, привез их молодой южанин, задум-

чивый и рассеянный, как великий математик из журнального раздела «Однажды...». Продавал он эти арбузы на вес золота, и потому брали их неохотно, хотя арбузов хотелось всем.

— Сергей! — возопил арбузный толстяк. — Сколько лет!

Лесник поморщился, увидев знакомого.

— Как жизнь, как охота? — Толстяк поставил сетку на землю, и она тут же попыталась укатиться. Толстяк погнался за ней. — Все к вам собираемся, но дела, дела...

Я пошел прочь. Сзади раздался грохот мотора. Видно, лесник не стал вступать в беседу. Мотоцикл обогнал меня. Маша обернулась, придерживая волосы. Я поднял руку, прощаясь с ней.

Когда мотоцикл скрылся за поворотом, я остановился. Арбузный человек переходил улицу. Я настиг его у входа в магазин.

— Простите, — сказал я. — Вы, я вижу, тоже охотник.

— Здравствуйте, рад, очень рад. — Арбузный человек опустил сетку на асфальт, и я помог ему поймать арбузы, когда они покатились прочь. Мы придерживали беспокойную сетку ногами.

— Охота — моя страсть, — сообщил толстяк. — А не охотился уже два года. Можете поверить? Вы у нас проездом?

— В отпуске. Вы, я слышал, собираетесь...

— К Сергею? Обязательно его навещу! Тишина, природа, ни души на много километров. Чудесный человек, настоящий русский характер, вы меня понимаете? Только пьет. Ох, как пьет! Но это тоже черта характера, вы меня понимаете? Одиночество, он да собака...

— Разве он был не с женой?

— Неужели? Я и не заметил. Наверное, подвозил кого-то. А как он знает лес, повадки зверей и птиц, даже ботанические названия растений — не поверите! Вы не спешите? Я тоже. Значит, так, купим чего-нибудь и ко мне, пообедаем. Надеюсь, не откажете...

До деревни Селище по шоссе я ехал на автобусе. Оттуда попутным грузовиком до Лесновки, а дальше пешком по проселочной дороге, заросшей между колеями

травой и даже тонкими кустиками. Дорогой пользовались редко. Она поднималась на поросшие соснами бугры, почти лишенные подлеска, и крепкие боровики, вылезающие из сухой хвои, были видны издалека. Потом дорога ныряла в болотце, в колеях темнела вода, по сторонам стояла слишком зеленая трава и на кочках синели черничины. Стоило остановиться, как остевые комары впивались в шиколотки и в шею. На открытых местах догоняли слепни — они вились, пугали, но не кусали.

Охотник я никакой. Я выпросил у тети Алены ружье ее покойного мужа, отыскал патроны и пустой рюкзак, в который сложил какие-то консервы, одеяло и зубную щетку. Но маскарад не был предназначен для лесника, скорее, он должен был обмануть тетю Алену, которой я сказал, что договорился об охоте со старым знакомым, случайно встреченным на улице.

Трудно было бы вразумительно объяснить — и ей, и кому угодно, себе самому, наконец, — почему я пристал к арбузному толстяку Виктору Донатовичу, добрышему ленивому чревоугоднику, живущему мечтами об охотах, о путешествиях, которые приятнее предвкушать, чем совершать; пришел к нему в гости, обедал, был любезен с такой же ленивой и добродушной его супругой, скучал, но получил-таки координаты лесника. Чем объяснить мой поступок? Неожиданной влюбленностью? Тайной — грэзы, цыплята, яблоки, страх женщины, которой знакомо странное имя Луш, гнев лесника? Просто собственным любопытством человека, который не умеет отдыхать и оттого придумывает себе занятия, создающие видимость деятельности? Или недоговоренностью? Привычкой раскладывать все по полочкам? Или, наконец, бегством от собственных проблем, требующих решения, и желанием отложить это решение за видимостью более неотложных дел? Ни одна из этих причин не была оправданием или даже объяснением моей выходки, а вместе они несодолимо толкали бросить все и уйти на поиски принцессы, Кащея, живой воды и черт знает чего. В оправдание могу сказать, что шел все-таки с тяжелым сердцем, потому что был гостем нежданным и, главное, нежеланным. Не нужен я был этим людям, неприятен. И будь я лучше или хотя бы сильнее, то постарался бы забыть обо всем, так как сам

отношу назойливость к самым отвратительным свойствам человеческой натуры.

...Дом лесника стоял на берегу маленького озера, в том месте, где лес отступил от воды. К дому примыкали сарай и небольшой огород, окруженный невысокими кольями, по-южному заплетенными лозой. Дом был стар, поседел — от серебряной дранки на крыше до почти белых наличников. Но стоял он крепко, как те боровики, что встречались на пути. У берега, привязанная цепью, покачивалась лодка. Порывами пролетавший над водой ветер колыхал осоку. Вечер наступал теплый, комариный. Собирающийся дождь пропитал воздух нетяжелой, пахнущей грибами и влажной листвой сыростью.

Я остановился на краю леса. Маша была в огороде. Она полона, но как раз в тот момент, когда я увидел ее, распрямилась и поглядела на озеро. Она была одна — Сергей Иванович, наверное, в лесу. Я понял, что могу стоять так до темноты, но не подойду к ней — ведь даже на рынке, в толпе, мои неосторожные слова сдва не заставили ее заплакать. И, конечно, не пошел к дому. Постоял еще минут пятнадцать, заслонившись толстым стволом сосны. Маша, кончив полоть, взяла с земли тяпку, занесла в сарай. Скрип сарайной двери был так четок, словно я был совсем рядом. Выйдя из сарая, она посмотрела в мою сторону, но меня не увидела. Потом ушла в дом. Начал накрапывать дождь. Он был мелок, тих и дотошн — ясно, что кончится нескоро. Я повернулся и пошел обратно, к Селищу. Я ведь никакой охотник и тем более никуда не годный сыщик.

Лес был другой. Он сжался, потерял глубину и краски, он уныло и покорно переживал вечернюю непогоду. Над дорогой дождь моросил мелко и часто, но на листьях вода собиралась в крупные, тяжелые капли, которые, срываясь вниз, гулко щелкали по лужам в колеях. Я выйду на шоссе в полной темноте, и неизвестно еще, отыщу ли попутку. И подслом.

Впереди затарахтел мотоцикл. Я не успел сообразить, кто это, и отступить с дороги, как Сергей Иванович, сбросив ногу на землю, резко затормозил.

— Ну, здравствуй, — сказал он, откидывая с фуражки

капюшон плащ-палатки. Будто и не удивился. — Куда идешь?

— Я к вам ходил, — ответил я.

— Ко мне в другую сторону.

— Знаю. Я дошел до опушки, увидел дом, Марию Павловну. И пошел обратно.

Крепкие кисти лесника лежали на руле. Фуражка была низко надвинута на лоб.

— И чего же обратно повернул?

— Стыдно стало.

— Не понял.

— Я узнал ваш адрес, взял ружье, решил к вам привезать, поохотиться.

— Так охотиться ехал или как?

— Поговорить.

— Раздумал?

— Когда увидел Марию Павловну одну — раздумал.

Лесник вынул из внутреннего кармана тужурки гнутый жестянной портсигар, перетянутый резинкой, достал оттуда папиросу. Потом подумал, протянул портсигар мне. Мы закурили, прикрывая от дождя яркий в сумерках огонек спички. Лесник поглядел на дорогу впереди, потом обернулся. В лесу стоял комариный нервный звон, листва приобрела цвет воды в затененном пруду.

— Садись. Ко мне поедешь. — Лесник откинул брезент с коляски мотоцикла. — Я бы тебя до Селища подкинул, да не люблю Машу одну вечером оставлять.

— Ничего, — сказал я. — Дойду. Сам виноват.

Лесник усмехнулся. Усмешка показалась мне недобродой.

— Садись.

Коляска высоко подпрыгивала на буграх и проваливалась в колеи. Лесник молчал, сжимая зубами мундштук погасшей папиросы.

Маша услышала треск мотоцикла и вышла встречать к воротам. Лесник сказал:

— Принимай гостя.

— Здравствуйте, — кивнул я, вылезая из коляски.

Ружье мне мешало.

— Добрый вечер. — Маша смотрела на Сергея Ивановича.

— Сказал: принимай гостя. Покажи, где умыться —

человек с дороги. На стол накрой. — Он говорил сухо и подбирал будничные слова, словно хотел сказать, что я ничем не выделяюсь из числа случайных путников, если такие попадаются в этих местах. — В лесу встретил охотника, подвез. Куда человеку в такую темень до Селища добираться?

— Он не охотник, — возразила Маша. — Зачем он приехал?

— Ну, пусть не охотник, — согласился лесник. — Я мотоцикл в сарай закачу, а то дождь ночью разойдется.

— Я вас не стесню, — сказал я Маше. — Завтра с утра уеду.

— Так и будет, — подтвердил лесник.

Маша убежала в дом.

— Не обращай внимания, — сказал лесник, запирая сарай на щеколду. — Она диковатая. Но добрая. Пошли руки мыть.

В доме засветилось окно.

— У меня водка есть, — вспомнил я. — В рюкзаке.

— Это Донатыч подсказал?

— Он, — сознался я.

— А я второй год не пью. И потребности не чувствую.

— Извините.

— А чего извиняться? В гости ехал. Ты не думай, я за компанию могу. Маша возражать не будет. Как тебя величать прикажешь?

— Николаем.

Рукомойник был в сенях. Возле него на полочке уже стояла зажженная керосиновая лампа.

— Электричества у нас нету, — пояснил лесник. — Обещали от Лесновки протянуть. В сенокос бригада жить будет. Может, в будущем году при свете заживем.

— Ничего, — сказал я. — И так хорошо.

В комнате был накрыт стол: наверное, лесник возвращался домой в одно и то же время. Шипел самовар, в начищенных боках которого отражались огни двух старых, еще с тех времен, когда их старались делать красивыми, керосиновых ламп. Дымилась картошка, стояла сметана в банке, огурцы. Было уютно и мирно, и уют этого дома подчеркивал дождь. Дождь, стучавший в окно и стекавший по стеклу ветвистыми ручейками.

— Я эти стулья из города привез, — похвастался лесник. — Мягкие.

— Хорошо у вас.

— Маше спасибо. Даже обои наклеил. Если бы Дона-тыч или кто из старых охотников сюда нагрянул, не поверили бы. Да я теперь их не приглашаю.

На этажерке между окнами стоял транзисторный приемник. За приоткрытой занавеской виднелась кровать с аккуратно взбитыми, пирамидой, подушками. К стене, под портретом Гагарина, была прибита полка с книгами.

— Водку достать? — спросил я.

— Давай.

— Сергей Иванович, — услышала нас Маша.

— Не беспокойся. Ты же меня знаешь. Как твой рыбник, удался?

— Попробуйте.

Может, я в самом деле приехал сюда в гости? Просто в гости.

От сковороды с пышным рыбником поднимался душистый пар. Оказывается, я страшно проголодался за день. Маша поставила на стол два граненых стакана. Потом села сама, подперла подбородок кулаками.

— За встречу, — предложил я. — Чтобы мы стали друзьями.

Этого говорить не стоило. Это напомнило всем и мне тоже, почему я здесь.

— Не спеши, — возразил лесник. — Мы еще и не знакомы.

Он отхлебнул из стакана, как воду, и отставил стакан подальше.

— Отвык, — сказал он. — Ты пей, не стесняйся.

— Вообще-то я тоже не пью.

— Ну вот, два пьяницы собрались. — Лесник засмеялся. У него были крепкие, ровные зубы, и лицо стало добрым. Там, в городе, он казался старше, суще, грубее.

Маша тоже улыбнулась. И мне досталась доля ее улыбки.

Мы ели не спеша, рыбник был волшебный. Мы говорили о погоде, о дороге, как будто послушно соблюдали табу.

Только за чаем Сергей Иванович спросил:

— Ты сам откуда будешь?

— Из Москвы. В отпуске я здесь, у тетки.

— Потому и любопытный? Или специальность такая?

Я вдруг подумал, что в Москве, в институте, такие же, как я, разумные и даже увлеченные своим делом люди включили кофейник, который тщательно прячут от суро-вого пожарника, завидуют мне, загорающему в отпуске, рассуждают о той охоте, на которую должны выйти через две недели, — на охоту за зверем по имени СЭП, что означает — свободная энергия поверхности. Зверь этот могуч, обитает он везде, особенно на границах разных сред. И эта его известная всем, но далеко еще не учтенная и не используемая сила заставляет сворачиваться в шарики капли росы и рождает радугу. Но мало кто знает, что СЭП присущ всем материальным телам и громаден: запас поверхностной энергии мирового океана равен 64 миллиардам киловатт-часов. Вот на какого зверя мы охотимся, не всегда, правда, удачно. И высматриваем его не для того, чтобы убить, а чтобы измерить и придумать, как заставить его работать на нас.

— Я в НИИ работаю, — сказал я леснику.

А вот работаю ли?.. Скандал был в принципе никому не нужен, но назревал он давно. Ланда сказал, что в Хорог ехать придется мне. Видите ли, все сорвется, больше некому. А два месяца назад, когда я добился согласия Андреева на полгода для настоящего дела, для думанья, он этого не знал? В конце концов, можно гоняться за журавлями в небе до второго пришествия, но простое накопление фактов хорошо только для телефонной книги. Я заслужил, заработал, наконец, право заняться наукой. На-у-кой! И об этом я сказал Ланде прямо, потому что мне обрыдала недоговоренность. Словом, после этого разговора я знал, что в Хорог не поеду. И в институте не останусь...

— А я вот не выучился. Не пришлось. Может, таланта не было. Был бы талант — выучился.

Он пил чай вприкуску, с блюдца. Мы приканчивали по третьей чашке. Маша не допила и первую. Мной овладело размягченное нежное состояние, и хотелось сказать что-нибудь очень хорошее и доброе, и хотелось остаться здесь и ждать, когда Маша улыбнется. За окном стало совсем темно, дождь разошелся, и шум его казался шумом недалекого моря.

— На охоте давно был? — спросил Сергей Иванович.

- В первый раз собрался.
- Я и вижу. Ружье лет десять не чищено. Выстрелил бы, а оно в куски.
- А я его и не заряжал.
- Еще пить будешь?
- Спасибо, я уже три чашки выпил.
- Я про белое вино спрашиваю.
- Нет, не хочется.
- А я раньше — ох как заливал. Маше спасибо.
- Вы сами бросили, — сказала Маша.
- Сам редко кто бросает. Правда? Даже в больнице лежат, а не бросают.
- Правда.
- Ну что ж, спать будем собираться. Не возражаешь, если на лавке постелим? Николай, все-таки как тебя по батюшке?
- Просто Николай. Я вам в сыновья гожусь.
- Ты меня старостью не упрекай. Может, и годишься, да не мой сын. Когда на двор пойдешь, плащ мой возьми. Мы встали из-за стола.
- А вы здесь рано ложитесь? — спросил я.
- Как придется. А тебе выспаться нужно. Я рано подыму. Мне уезжать. И тебе путь некороткий.
- И я вдруг обиделся. Беспринципно и в общем безропотно. Если тебе нравятся люди, ты хочешь, чтобы и они тебя полюбили. А оказалось, я все равно чужой. Вторгся без спроса в чужую жизнь, завтра уеду и все, нет меня, как умер.

Сверчок стрекотал за печью — я думал, что сверчки поют только в классической литературе. Лесник улегся на печке. Маша за занавеской. Занавеска доходила до печки, и голова Сергея Ивановича была как раз над головой Маши.

- Вы спите? — прошептала Маша.
- Нет, думаю.
- А он спит?
- Не пойму.
- Спит вроде.

Она была права. Я спал, я плыл, покачиваясь, сквозь темный лес, и в шуршании листвы и стуке капель еле слышен был их шепот. Но комната тщательно собирала их слова и приносila мне.

- Я так боялась.
- Чего теперь бояться. Рано или поздно кто-нибудь догадался бы.
- Я во всем виновата.
- Не казнись. Что сделано, то сделано.
- Я думала, что он оттуда.
- Нет, он здешний.
- Я знаю. У него добрые глаза.

Слышно было, как лесник разминает папиросу, потом зажглась спичка, и он свесился с печи, глядя на меня. Я закрыл глаза.

- Спит, — сказал он. — Устал. Молодой еще. Он не из-за яиц бегал.
- А почему?
- Из-за тебя. Красивая ты, вот и бегал.
- Не надо так, Сергей Иванович. Для меня все равно нет человека лучше вас.
- Я тебе вместо отца. Ты еще любви не знала.
- Я знаю. Я вас люблю, Сергей Иванович.

Легонько затрещал табак в папирорсе. Лесник сильно затянулся.

Они замолчали. Молчание было таким долгим, что я решил, будто они заснули. Но они еще не заснули.

— Он не настырный, — сказал лесник.
Хорошо ли, что я не настырный? Будь я понастырней, на мне никто никогда бы не пахал и Ланде в голову бы не пришло покуситься на эти мои полгода — цепочка мыслей упрямо тянула меня в Москву...

— А зачем сюда шел? — спросила Маша.
— Он не дошел, повернулся. Как увидел тебя одну, не захотел тревожить. Я его на обратном пути встретил.

— Я не знала. Он видел меня?
— Поглядел на тебя и ушел.
Опять молчание. На этот раз зашептала Маша:

— Не курили бы вы. Вредно вам. Утром опять кашлять будете.
— Сейчас докурю, брошу.
Он загасил папирорсу.
— Знаешь что, Маша, решил я. Если завтра он снова разговор поднимет, все расскажу.
— Ой, что вы?

— Не бойся. Я давно хочу рассказать. Образованному человеку. А Николай — москвич, в институте работает...

Я неосторожно повернулся, лавка скрипнула.

— Молчите, — прошептала женщина.

Я старался дышать ровно и глубоко. Я знал, что они сейчас прислушиваются к моему дыханию.

— Как спалось? — спросил Сергей Иванович, увидев, что я открыл глаза. Он был уже выбрит, одет в старую застиранную гимнастерку.

— Доброе утро. Спасибо.

Утро было не раннее. Сквозь открытое окошко тек душистый прогретый воздух. Сапоги лесника были мокрыми — ходил куда-то по траве. Топилась печь, в ней что-то булькало, кипело.

Я спустил ноги с лавки.

— Жалко уезжать, — сказал я.

— Это почему же? — спросил лесник спокойно.

— Хорошо тут у вас, так и остался бы.

— Нельзя, — возразил лесник и улыбнулся одними губами. — Ты у меня Машу сманишь.

— Она же вас, Сергей Иванович, любит.

— Да?.. Ты как, ночью не просыпался?

— Просыпался. Слышал ваш разговор.

— Нехорошо. Мог бы и показать.

Я не ответил.

— Так я и думал. Может, и лучше: не надо повторять.

Путей к отступлению, как говорится, нету.

И он вдруг подмигнул мне, словно мы с ним задумали какую-то каверзу.

— Одевайся скорей, мойся, — сказал он. — Маша вот-вот вернется. На огороде она, огурчики собирает тебе в дорогу. Ей-то лучше, чтобы ты уехал поскорее. И — забыть обо всем.

— Огурчики обыкновенные? — спросил я.

— Самые обыкновенные. Если хочешь, в озере искупнись. Вода парная.

Я мылся в сенях, когда вошла Маша, неся в переднике огурцы.

— Утро доброе, — поздоровалась она. — Коровы у нас нет. Сергей Иванович молоко из Лесновки возит. Как довезет на мотоцикле, так и сметана.

— Вы, наверное, росой умываетесь, — сказал я.

Маша потупилась, словно я позволил себе вольность.
Но Сергей Иванович сказал:

— Воздух здесь хороший, здоровый. И питание натуральное. Вы бы поглядели, какой она к нам явилась — кожа да кости.

Мы оба любовались ею.

— Лучше за стол садитесь, чем глазеть, — предложила Маша. Наше внимание было ей неприятно. — А вы, Николай, причешитесь. Причесаться-то забыли.

Когда я вновь вернулся в комнату, Маша спросила Сергея Ивановича:

— Пойдете?

— Позавтракаем и пойдем.

— Я вам с собой соберу.

— Добро. Ты не волнуйся, мы быстро обернемся.

За завтраком лесник стал серьезнее, надолго задумался. Маша тоже молчала. Потом лесник вздохнул, поглядел на меня, держа в руке чашку, сказал:

— Все думаю, с чего начать.

— Не все ли равно, с чего?

— Ты, Николай, подумай. Может, откажешься? А то пожалеешь.

— Вы меня как будто на медведя зовете.

— Говорю: хуже будет. Такое увидишь, чего никто на свете не видал.

— Я готов.

— Ох и молодой ты еще! Ну ладно, кончай, по дороге доскажу. — Он снял с крюка ружье, заложил за голенище сапога широкий нож. Маша хлопотала, собирая нас в дорогу. Мне собирать было нечего.

— Я Николаю резиновые сапоги дам, — предложила Маша.

— Не мельтеши, — сказал Сергей Иванович добродушно. — Там сейчас сухо. Ботинки у тебя крепкие?

— Нормальные ботинки. Вчера не промок.

Маша передала леснику небольшой рюкзак.

— А это анальгин. У Агаш опять зубы болят. Забыли небось?

— Забыл, — признался лесник, укладывая в карман хрустящую целлофановую полоску с таблетками.

— Может, Николаю остаться все-таки?

Я вдруг понял, что говорила она обо мне не как о чужом.

- Далеко не поведу. До деревни и обратно.
- Я вам там пряников положила. Городских.
- Ну, счастливо оставаться.
- Что-то у меня сегодня сердце не на месте.
- Без слез, — сказал лесник, присаживаясь перед дорогой. — Только без слез. Ужасно твоих слез не выношу. Откуда они только в тебе берутся?

Маша постаралась улыбнуться, рот скривился по-детски, и она слизнула скатившуюся по щеке слезу.

— Ну вот. — Лесник встал. — Всегда так. Пошли, Коля.

Маша вышла за нами к воротам. И, когда я встретился с ней взглядом, мне тоже досталась частица сердечного расставания.

У первых деревьев лесник остановился и поднял руку. Маша не шелохнулась. Мы углубились в лес, и дом пропал из виду.

Несколько минут мы прошли в молчании, потом я спросил:

- Далеко идти?
- Километра два... Жалею я ее. Люблю и жалею. Ей в город надо, учиться.
- А сколько Маше лет?
- День в день не скажу. Но примерно получается, что двадцать три.
- Но вы еще не старый.
- Куда уж. Пятьдесят шестой в апреле пошел. Хочу в Ярославль ее отправить. У меня там сестра двоюродная.

Мы свернули на малоожженую тропинку. Лесник шел впереди, раздвигая ветки орешника. Солнце еще не высушило вчерашний дождь, и с листвы слетали холодные капли.

Он сказал:

— Такое дело, что трудно начать. Если бы мы в городе заговорили, ты бы не поверил.

Мы перешли светлую, жужжащую пчелами душистую лужайку. Дальше лес пошел темный, еловый.

— Меня давно это мучает. Я, как увидел, что ты под дождем обратно идешь, потому что Машу пожалел, я и решил, что расскажу.

— Давайте я рюкзак понесу. А то иду пустой, а у вас и ружье, и груз.

— Ничего. Своя ноша не тянет.

Лес поредел. Стали попадаться упавшие деревья. Мы вышли на прогалину. Кто-то повалил на ней лес, но вывозить не стал.

— Не удивляет? — спросил лесник.

— Это ураган был? Но лес-то вокруг стоит!

— Ураганом так не повалит.

В центре лесосеки обнаружился небольшой бугор, заплещенный полусгнившими корнями. Пробираться к нему пришлось, перепрыгивая с кочки на кочку через черные непрозрачные лужи. Низина, на которой лес был повален, заболотилась. Кочки поросли длинным теплым мхом, и нога проваливалась в него по колено. Я старался ступать в след леснику, но раз промахнулся, и в ботинок хлынула ледяная вода.

— Ну вот, — сказал лесник укоризненно. — Надо было нам с тобой Машу послушаться, сапоги надеть.

Мы выбрались на бугор. Земля на нем была голой, покрытой сероватым налетом — то ли пылью, то ли лишайником, скрывающим крупные сучья и корни. Лесник разбросал груду валежника, и за ней под навесом переплетенных ветвей обнаружился черный лаз.

— Это я шалаш такой поставил, — пояснил Сергей Иванович. — Лапник натаскал. Высохло — не отключишь. Теперь отдыхай.

— Я не устал.

— А я не говорю, что устал. Потом устанем.

Он зарядил ружье, подобрал лямки рюкзака, чтобы не мешал.

— Там зверь есть, — сказал он. — Некул. Слыхал о таком?

Лесник нырнул в черный лаз, зашуршал ветками, сверху посыпались рыжие иглы.

— Ты здесь, Николай? — услышал я его голос. — Иди за мной. Темноты не бойся. А как схватит тебя, тоже не побей. Зажмурься. Слышишь?

Я пригнулся и пошел за ним, выставив вперед руку, чтобы ветки не попали в глаза. Впереди была кромешная тьма.

— Сергей Иванович! — окликнул я.

Его не было.

Тьма впереди была безмолвной и бездонной. Она не принадлежала к этому лесу, она была первобытна, бесконечна, и я не смог бы сравнить ее, например, с входом в глубокую шахту, хотя бы потому, что шахта или трещина в горе обещают конечность падения — брось камень и когда-нибудь услышишь стук или плеск воды. А здесь я, даже ничего не видя, знал, что темнота беспредельна.

И я не мог решиться сделать шаг. Я понимал, что лесник уже там. Что он ждет меня. Может быть, посмеивается над моим страхом. Где был лесник?.. Я в тот момент об этом не думал, но в то же время понимал, что это не просто пещера, что лесник не прятался в темноте, а был там, за черной завесой... Бред какой-то! Вот сейчас, вот-вот он вернется, спросит с насмешкой: «Ну чего же ты, Николай?». И я сделал шаг вперед.

И в то же мгновение земля исчезла из-под ног, я оторвался от нее и перестал существовать, потому что темнота не только сомкнулась вокруг меня, но и превратила меня в часть себя, растворила и понесла со стремительностью, которую можно ощутить, но невозможно объяснить или просчитать. В таких случаях старые добрые романисты писали нечто вроде: «Мое перо отказывается запечатлеть...»

Все это продолжалось мгновение, хотя отлично могло продолжаться год, а если бы кто-нибудь сказал мне, что меня несло сквозь темноту три с чем-то часа, я тоже поверил бы.

Но очнулся я в том же шалаше — с той лишь разницей, что впереди был свет и на его фоне я увидел силуэт Сергея Ивановича — он пригнулся, стараясь разглядеть меня.

— Прибыл? — спросил он. — А я уж собирался идти за тобой.

Он протянул мне руку. Я выбрался наружу. Густой кустарник подходил почти к самому шалашу. Сергей Иванович отошел на несколько шагов, поставил ружье между ног, достал папиросы, протянул мне, закурил, сплюшив мундштук крест-накрест.

— Обернись, — сказал он.

Я не сразу понял, в чем дело. Мы подходили к шалашу по заболоченной лесосеке. А здесь за шалашом начина-

лись густые, колючие, скрюченные, почти без листьев кусты. И ни одного поваленного дерева, ни кочки, ни мха, ни воды — никакого болота.

— Не понимаешь? Я в первый раз тоже не понял, — кивнул лесник. — Шалаш я потом соорудил. А тогда, в первый раз, прямо в дыру шагнул... И провалился.

За спиной лесника стояла сосна. Не сосна — старое, раздвоенное, подобно лире, дерево со стволом сосны, но вместо игл на ветках мелкие узкие листья. На коре была глубокая зарубка, затекшая желтой смолой.

— Это чтобы дорогу обратно найти, — пояснил Сергей Иванович. — Такого второго дерева поблизости нету. Вход в шалаш видишь?

Под сучьями и пожухлой листвой чернело пятно входа.

Сергей Иванович подобрал разбросанные у шалаша ветки, свалил беспорядочной грудой, маскируя вход. Потом взял ружье на руку, дулом к земле.

— Я в войну снайпером был, — сообщил он неожиданно.

Было не жарко, но ветер казался сухим, и листва на кустах и редких деревьях была покрыта пылью. В ботинке у меня еще хлюпало.

— Путь один, — сказал лесник. — Через шалаш. Можешь проверить.

— Как? — На меня навалилась необъяснимая тупость.

— Обойди, — подсказал лесник.

Я обошел шалаш. Он был спрятан в гуще чего-то вроде орешника, приходилось нагибаться или отводить рукой ветви. Жужжал жук, сквозь листву проглядывало блеклое высушенное небо. Я обернулся. Лесник шел за мной, держа ружье на сгибе руки. С задней стороны шалаш тоже был завален сучьями. В щелку между ними я увидел все то же небо.

— Убедился? — спросил Сергей Иванович. — Нет здесь никакого болота. И не было. И ни одной сосны в округе.

— Убедился, — кивнул я.

— Ты здесь со мной, как на экскурсии по выставке. А каково мне было в позапрошлом году? Один я был. Струсили. Побежал обратно, а дыру потерял. Наверное, с пол-

часа по кустам бродил. А ведь я свой лес как пять пальцев знаю. Вижу, что не тот лес...

Мы снова вышли на открытое место у шалаша. Лесники хотелось, чтобы я понял, каково ему было тогда.

— Я, наверное, тысячу раз тем болотом проходил. Там лисьи нора была. — Он показал папирисой в сторону шалаша. — На краю болота. Я всю ихнюю лисью семью в лицо узнавал. А вот на бугор не ходил. Какое-то неприятное место, даже не объясню, почему. И сейчас уже не помню, зачем я в этот бурелом полез. Вижу, чернеется. Как берлога. Но пусто, знаю, что пусто. Никого там нет. Верю своему опыту. И не знаю, давно ли та берлога образовалась. Даже думаю, что не очень давно, иначе бы заметил.

— Слушайте, Сергей Иванович, — перебил я его. — А лес когда был повален?

— Лес? Не знаю, давно. До меня еще.

— А может, здесь падал метеорит? Никто в соседних деревнях не говорил?

— Специально я не спрашивал. Если бы такое событие, люди бы запомнили. Да ты погоди объяснение искать. Сначала я покажу, что и как. Хоть ты и ученый, но все равно не спеши. Дослушай. Значит, сунулся я в дыру, меня подхватило, не пойму, то ли медведь, то ли это смерть в таком виде меня заграбастала... Но жив. Вылезаю — дождь идет. А по ту сторону дождя-то не было... Я, знаешь, что решил? Я решил, что спятил. Голова до сих пор побаливает. Я решил — вот тебе и последствие...

Порыв сухого ветра пронесся по кустам, они словно забормотали, зашептались сухими листьями.

Сергей Иванович бросил папирису, загасил ее каблучком. Я заметил, что неподалеку есть еще несколько окурков, старых, серых.

— Пойдем, — позвал Сергей Иванович. — По дороге поговорим. Дела у меня здесь. Люди ждут.

Мы прошли краем широкого поля, заросшего высокой незнакомой травой, по которой волнами гулял ветер, и там, где он пригибал траву, она поворачивалась светлой стороной, и эти светлые волны передвигались к кустам, и казалось, что мы идем по берегу настоящего моря.

— Под ноги посматривай, — сказал Сергей Иванович. — Здесь гадов много.

Трава, степь пахли сладко и тяжело, иначе, чем дома.
Где же мы?

— Я долго голову ломал, — продолжал Сергей Иванович. — Куда меня угораздило провалиться? В Австралию, что ли?

Последние слова прозвучали вопросом. Сомнение рождалось не от невежества, а от избыточного опыта.

— Так и представил себе дырку сквозь весь шарик. Потом передумал.

— Почему?

— Да никакая это не Земля. Для этого даже моих мозгов хватало.

Он обернулся, чтобы посмотреть, как я отнесусь к этим словам.

— Да?

Как на экзамене, когда нужно потянуть время, чтобы заполучить лишнюю минуту и вспомнить злосчастную формулу...

Он не стал ждать ответа:

— Конечно, удивление было, опаска, но чтобы я был потрясен, не скажу. Почему бы?

И в тот же момент ружье взлетело в его руке и дернулось.

Я вздрогнул. Выстрел был короток и негромок — кусты сглотнули эхо. А в кустах затрещали ветки и упало что-то тяжелое.

— Спа-койно, — сказал лесник. Он достал патрон, перезарядил ружье и только потом, приказав мне жестом оставаться на месте, вытащил из-за голенища нож и шагнул в кусты.

Теперь он был другой, вернее — уже третий человек. Первого — неуклюжего, староватого, неловкого — я увидел на рынке, в городе. Второй — маленький, добрый, домовитый — остался в доме, с Машей. А третий оказался сухим, ловким, быстрым и сильным. Этот, третий, стрелял.

— Коля, — позвал лесник из кустов. — Иди-ка сюда. Смотри, кого я свалил.

Подмяв длинные стебли, словно на травяной подушке, лежал большой серый зверь. У него были неправдоподобно длинные ноги, тонкие для массивного мохнатого торса, и вытянутая вперед, как у борзой, но куда более

массивная, почти крокодилья, морда с осколенными желтыми клыками.

— Уже прыгнул, — сказал лесник, упираясь в бок зверю носком сапога. — Повезло нам, что с первого выстрела взяли. Они живучие.

— Вроде волка?

— Говорят, они домашние раньше были, как собаки. Одичали потом, когда пастухов разорили. А теперь некул хуже волка. Человека знают, не любят. На человека охотятся.

Лесник ломал ветки, забрасывал ими некула.

— Скажу своим. Потом заберут. До ночи никто не тронет. Где-то логово близко. На меня один уже бросался, покрупнее этого. Я промахнулся.

— Они по одному ходят?

— Не бойся. Они только зимой в стаи собираются...
Солнце высоко. Попспешишь.

Мы шли дальше по кромке кустов.

— Вы кому-нибудь про все это рассказывали?

— Нет.

Мы вышли на тропу. Кустарник остался позади, тропинка тянулась среди редких лиственных деревьев, обогнула неглубокую обширную впадину, заросшую бурьяном. Из листьев выглядывали обгорелые балки.

— Тут раньше жили, — рассказывал Сергей Иванович. — Теперь не живут. Так вот, я ведь человек, можно сказать, обычновенный. Образования не пришлось получить. Но повидал всякое. Всю войну прошел, награды имею, за рубежом несколько стран повидал. И по-худому жизнь поворачивалась. И по-хорошему. Так что не спеши меня судить. Тебе, может, сейчас кажется: проще просто — увидел в лесу дыру — другой мир, беги, сообщай куда следует, умные люди разберутся. А оказывается, все куда сложнее...

Мы спустились в лощину, по дну которой протекал узкий ручей. Через него было переброшено два бревна.

— Дождей что-то давно не было, — продолжал лесник. Так говорят о засухе у себя дома, в деревне. — Я хотел понять, что к чему. Ведь не в городе живу, там до милиционера добежал — взгляните, гражданин начальник. Вот поеду я в город за тридцать километров, пойду по учреждениям пороги обивать.. Не поверят. А насмешек

боюсь. Когда осложнения пошли, вообще отложил. Увидишь, почему. Поймешь. Но неуверенность осталась. И мучает. А теперь я на тебя кой-что переложу, ты и решай. Сначала погляди, пойми все, потом решай. Я подозреваю, что не Земля это. Понятно? Чего глядишь, как черт на богоодицу?

— Почему вы так думаете?

— Звезды не такие и сутки короче. На час, да короче. И другие данные есть. Ко мне тогда еще приезжали. Друзья-охотнички. Не столько находитесь, сколько водки переведут. Один преподаватель там был, из области, я с ним теоретически побеседовал. Я его и так, и эдак допрашивал, только чтобы не выдать про дыру. Я ему: «А если бы так, а если бы не так?» А он в ответ: «В твоем алкогольном бреду, Сергей, ты видел параллельный мир. Есть такая теория». Ты, Николай, о параллельных мирах слыхал? Как наука на них смотрит?

— Слыхал. Никак не смотрит.

— Будто это такая же Земля, только на ней все чуть иначе. И таких земель может быть сто... Отойди-ка, милый друг, в сторонку. В кусты. А то испугаешь.

В том месте тропа сливалась с пыльной проселочной дорогой. Я услышал скрип колес. Сергей Иванович вышел на дорогу и свистнул. В ответ кто-то сказал: «Эй». Скрип колес оборвался. Мне ничего не было видно из кустов. Мне показалось даже, что лесник нарочно оставил меня в таком месте, откуда мне ничего не видно.

Как бы еще какой-нибудь некул не догадался, что я здесь, в кустах, безоружный. Лесник и добежать не успеет. Кора дерева была черной, шершавой — я потрогал. Черный жучок с длинными щегольски закрученными усами остановился и стал ощупывать усами мой палец, заградивший дорогу.

Параллельный мир... Почему-то меня занимала не столько сущность этого мира, говорить о котором можно будет лишь потом, когда я его увижу. Я думал о дыре. О двери на болоте. То есть о том феномене, о котором я уже знаю. В чем сущность этого переходника? Короток ли он, как сам шалаш, или бесконечно длинен? От чего это ощущение падения, невероятной скорости? Мгновенный момент перехода или туннель, протянувшийся в пространстве? От природы этой двери зависит и принцип

мира, в который мы попали. Если допустить, что это мир параллельный, то о его расположении в пространстве даже не стоит пока гадать. Если же это мир, существующий в нашей, допустим, Галактике, то искривление пространства... Тыфу, никогда не подумал бы, что придется ломать голову над столь невероятным феноменом. Но ведь невероятно все, с чем мы не сталкивались раньше. Я привык к тому, что Земля круглая, а легко ли было поверить в это первым путешественникам, которые не знали о законах Ньютона? Сегодня мы можем снисходительно улыбаться, вспоминая ретроградов, которые уверяли, что антиподы обязательно упадут куда-то, как же иначе им удержаться вниз головой? А так ли он наивен — тот ретроград? Что такое гравитация, что за невидимые цепи держат материальный мир? Хорошо, с ёптями мы смирились, а не пройдут ли недолгие годы и не смиримся ли мы также с тем, что можно шагнуть в иной мир, и уже меня, последнего могиканина из ретроградов, будут корить за то, что я пытаюсь выяснить: а где в самом деле находится та земля, в которую мы вступаем сквозь черную дыру?

— Николай, — окликнул с дороги лесник. — Поди сюда.

— Иду.

В туче пыли, уже почти осевшей, но еще скрывавшей колеса, возвышалась арба, запряженная парой маленьких заморенных — торчали ребра — носорогов с потертыми ярмом холками. Туловища у носорогов были необычно поджарые, а ноги были довольно тонкие и очень мохнатые, серая, вроде собачьей, шерсть облезала клочьями. Над носорогами кружились слепни. У арбы стоял мужчина в серой домотканой одежде, мешком спускавшейся до колен. Он был бос. При виде меня он поднял свободную от поводьев руку и приложил к груди. Редкая клочковатая бородка казалась нарисованной неаккуратным ребенком. Зеленые глаза смотрели настороженно.

— Приятель мой, — сообщил лесник. — Зуем звать. Я ему сказал, что ты — мой младший брат. Не обидишься?

Зуй переступил босыми ногами по теплой мягкой пыли. Сказал что-то. Нет, это не испанский язык. Я все еще,

с тающей надеждой, цеплялся за мысль о том, что мы на Земле.

— Говорит, что спешить надо. Садись в телегу.

Рюзак лесника валялся в арбе на грязной соломе. Я сел, подобрав ноги. Зуй протянул руку, пощупал материю на моем пиджаке.

— Труук, — сказал он.

— Да, — согласился я. — Материал хороший.

Лесник ухмыльнулся, усаживаясь рядом.

— Сообразил?

— А чего соображать? Когда человек выражает одобрение, это понятно на любом языке.

— Это точно. На будущее учти, что труук — это такая одежда, ее носят сукры. Так что Зую твой пиджак не понравился. Об этом он и сказал. Ясно? Одобренис на любом языке...

— Ясно.

— А то мы все по себе судим. Так и ошибиться недолго.

— Вы их язык хорошо знаете?

— Откуда мне? Тут способности надо иметь. Но разбираюсь. Понимаю.

Дорога была отвратительная. За телегой поднималось облако пыли, а раз арба двигалась медленно, то наставший сзади ветер гнал пыль на нас, и тогда лесник и Зуй скрывались в желтом тумане. Мы ехали мимо скудного, кос-как засеянного поля. На горизонте поднимался столб черного дыма.

— Что это? — спросил я, но Зуй с лесником были заняты разговором и не услышали.

Было в этом что-то от четкого, кошмарного сна с преувеличенней точностью деталей — ты понимаешь, что такого быть не может, но стряхнуть наваждение нет сил, и даже возникает любопытство, чем же закончится этот сказочный сюжет. Внизу, поднимаясь из пыли, словно горбы китов, покачивались серые спины носорогов... А может, это все-таки Земля? Нет, никто на нашей планете не запрягает таких тварей в арбу. Лесник говорил, что здесь иные звезды. Но если это звезды южного полушария? Тогда при чем носороги — это же не Африка.

— Зуй говорит, вчера приходили сукры, искали меня, — сказал лесник, разминая папиросу.

— Сукры?

- Здешние стражники.
- Кого и от кого они стерегут?
- Потом расскажу. Ты учти, Николай, — для них я за лесом живу. Будто там другая страна, но вход в нее запрещенный. Про дверь они, конечно, не знают. Не хотел бы я, чтоб кто из сукров к нам забрался. Помнишь, как Маша на рынке испугалась? Подумала сперва, что ты — отсюда. За ней.
- Я не совсем с вами согласен. Если бы вы все-таки настояли на своем, сообщили, можно было бы организовать охрану дыры...
- Погоди. — Лесник закурил. Зуй опасливо поглядел на дым, идущий изо рта. Но ничего не сказал. — Не могут привыкнуть. Я здесь стараюсь не курить, чтобы суеверия не разывать. И так уж черт те знает чего придумывают. Так вот, ты говоришь: добился бы, поставил охрану. Ну ладно, а что дальше? Мне-то будет от ворот поворот. Простите, Сергей Иванович, с вашей необразованностью и алкогольным прошлым позвольте вам отправиться на заслуженный покой и не суйтесь в наши дела.
- Ну зачем же так?
- А затем. Я бы на месте ученых так же бы рассудил. Этот Сергей Иванович только всю картину портит. Бегает, пугает... А ведь ученые тоже не все понимают. Как ни учись, умнее не станешь.
- Как же так? — Я постарался улыбнуться.
- А так. Образованнее станешь, а умней — никогда.
- Не считаете же вы себя умнее...
- Не знаю. Но мои-то без меня куда? Маша, Зуй, другие? Они же надеются. Если в соседний дом вор залез, с ружьем, что будет умнее — бежать спасать или подумать: «А вдруг он меня из ружья пристрелит?»?
- Вряд ли это аргумент. Соседний дом живет по тем же законам и обычаям, что и вы. А представьте, что в другой стране этот вор...
- Ну придумай! Придумай такую страну, чтобы от вора была польза!..
- Придумать можно, — не сдавался я. — Допустим, в соседнем доме живут люди, больные чумой, а не хотят уезжать в карантин. Вот и приходится их с оружием в руках вывозить, чтобы остальных спасти. Понимаете, я привел первый попавшийся довод...

— Ну что ж, я глупый, что ли?

— А представьте, что вы в ту деревню приехали вчера, не знаете ни про болезнь, ни про врачей и видите только внешнюю сторону событий.

— Знаю! Знаю же! — озлился лесник. — Чума?.. Скажешь тоже. Сам погляди сначала, а потом оправдывай. Так и Гитлера оправдать можно. Видишь ли, его нации места было мало, а у других свободная земля — вот и надо отобрать, да еще и людей извести... Ладно, не будем спорить. — Лесник выбросил в пыль папирису. — Не будем спорить. Я тебя для того и позвал, чтобы ты поглядел, чума здесь или простой грабеж. А если со мной что случится, то дыру сам отыщешь. И смотри, чтоб тебя сукры не выследили.

Арба подпрыгивала на неровностях дороги, пыль скрипела на зубах, в кустарнике у дороги шевелилось что-то большое и темное, кусты трещали и раскачивались, но ни лесник, ни Зуй не обращали на это внимания.

— Что там? — спросил я.

— Не знаю, — признался лесник. — Иногда бывает такое шевеление. Я как-то хотел поглядеть, но они не пустили. Нельзя близко подходить. А если не подходить, то неопасно.

— Неужели вам не захотелось выяснить?

— Если все выяснять, жизни не хватит. Тебе в соседнем городе не все ясно, а здесь...

— Кстати, вам не приходило в голову измерить длину хода в шалаше?

— А я думаю, что длины никакой нет. Как занавеска.

— А вам не казалось, что вы падаете?

— Казалось.

— И что это падение продолжается долго?

— А вот это — чистый обман. К примеру, я тебя ждал. Ты от меня не больше чем на минуту отстал. Если бы больше, я бы тебя искать пошел. Так что это падение — одна видимость. Но я тебе другое скажу — хочешь верь, хочешь нет: если с другой стороны к дыре подойти, то ее вовсе нету.

— Как так?

— Ты с другой стороны сквозь это место можешь пройти и ничего не заметишь. Вот как.

У дороги стояло одинокое дерево. Под толстым гори-

зонтальным суком, на котором были развешаны белые. голубые тряпочки и веревки, сидел почти голый старик. Свалявшиеся волосы доставали до земли, страшно худые ноги были подобраны к животу. Старик раскачивался и подывал.

— Кто это? — спросил я.

— Таких здесь много. Отпустили его сукры, а деваться некуда, деревни нет, все померли. А может, бегал, скрывался. Всю жизнь бегал. Дерево это у них святое, трогать старика нельзя. Если только некул разорвет. Только некулы редко к дороге выходят. А старику кто лепешку кинет, кто воды поставит. Тем и живет. И будто бы духи здешние его охраняют. Чепуха это все, от дикости.

Зуй кинул что-то старику, морщинистые руки дернулись, как паучьи лапы, подхватили подачку.

— А откуда Зуй знал, что мы придем?

— Я на той неделе здесь был. Без предупреждения лучше в деревню не соваться. Сукра можно встретить. Меня они не любят.

— И многие знают о вас?

— Как же не знать? Я фигура заметная.

Мы догнали стадо. Четыре однорогие — ну, что ли, коровенки — плелись по пыли, окруженные кучкой тамошних, наверное, овец. Голый мальчишка бегал, стегал этих коровенок и овец по бокам, чтобы не мешали нам проехать. Вдруг мальчишка замер, увидев меня.

— Курдин сын, — пояснил лесник. Вытащил из верхнего кармана гимнастерки кусок сахара и кинул его мальчишке.

Кусок сахара сразу перекочевал за щеку пастуха.

— Учиться бы ему, — вздохнул лесник. — Все думал — может, его к нам взять, в школу, детей у нас нет. А?

— Вы бы, наверное, не только его взяли, — сказал я.

— И не говори. Может, возьму еще...

Дорогу пересекал забор из жердей. Зуй спрыгнул с арбы, передав вожжи леснику, и оттащил несколько жердей в сторону, чтобы освободить проезд. Ставить их на место не стал, за нами шло стадо. Арба перевалила пригород, и впереди появилась деревня.

Хижины стояли вокруг, обнесенные тыном, окруженные широким, но, видно, мелким заросшим ряской рвом. Через ров вел бревенчатый мостик. Ворота в тыне, когда-

то прочные, мощные, были полуоткрыты, накренились, уперлись в землю углами, и закрыть их было бы нельзя.

— Эй! — крикнул Зуй, придерживая носорогов у мостика.

Никто не откликнулся. Деревня словно вымерла. Носороги замешкались перед мостиком. Зуй хлестнул их кнутом. Носороги дернули арбу, она вкатилась на мост, бревна зашатались, словно собирались раскатиться.

Мы выехали на пыльную утоптанную площадь, на которую со всех сторон глядели, распахнув черные рты дверей, голодные, неухоженные хижины, словно птенцы в гнезде, отчаявшиеся дождаться кормилицу. С тына и соломенных, конусами, крыш взлетели вороны или что-то вроде них. Взлетели и принялись кружить над нами и сухим корявым деревом, возле которого мы остановились.

Я знал эту деревню. Она пригрезилась мне на пляже, только я видел ее тогда сверху. И дерево видел.

И человека, повешенного на толстом длинном суху.

Порыв горячего, сухого ветра качнул тело, и оно легко, словно маятник, полетело в нашу сторону. У меня схватило сердце.

Лесник, соскакивая с арбы, подставил руку, и я понял, что это не человек — кукла в человеческий рост, чучело с грубо намалеванным на белой тряпке лицом — два пятна глаз, полоска рта и вертикально к ней — полоса носа. Так рисуют дети.

— Ну и ну, — сказал я, последовав за Сергеем.

Куклу трудно было принять за человека. Виноват был мой сон — в нем я был уверен, что вижу человека. Поэтому теперь, наяву, смотрел на чучело, а видел человека.

— Это я, — пояснил лесник. — Это меня повесили. Так сказать, заочно, на устрашение врагам.

— Кто повесил?

— Стражники. Давно повесили, весной еще.

Зуй привязал вожжи к стволу, под ногами куклы. Лесник снял с арбы рюкзак.

— Очень мною недовольны, — продолжал лесник не без гордости. — Но поймать не могут. Вот и пришлось куклу сооружать. Наглядная агитация.

— А почему здесь пусто? — спросил я.

— А кому здесь быть? Какие бабы остались и старики — в поле. Мужики — кто скрывается, кто в горе. Сам понимаешь...

Ничего я не понимал.

Лесник закинул ружье за плечи и пошел к одному из домов. Я последовал за ним в раскрытую дверь и окунулся в тяжелый, затхлый воздух. Там было темно, лишь через дыру в крыше падал свет, и глаза не сразу привыкли к полумраку. Лесник опустил рюкзак на землю.

— День добрый, — поздоровался он.

Ответа не было. Кто-то тяжело дышал в углу. Под стрехой завозилась какая-то птица, и оттуда ко мне спалировало знакомое розовое перышко.

— Как дела? — спросил в темноту лесник.

— Добри ден, Серге, — произнес глубокий, знакомый мне, чистый голос. — Как ехал?

Глаза начали привыкать. Лесник поставил ружье в угол, прошел в дальний конец хижины и наклонился над кучей тряпья.

— Хорошо доехал, — сказал он. — Я с братом приехал. Как живешь, Агаш-пато?

— Живу, — ответил тот же голос. — Где брат?

— Иди сюда, Николай, — позвал лесник. — С теткой познакомься.

В куче тряпья, прикрытае до пояса, лежала старуха в темной рубахе. Седые волосы гладко зачесаны, лицо гладкое, почти без морщин. Тетя Агаш была как две капли воды похожа на мою тетю Аллену. Только без очков. Она должна была сейчас улыбнуться и спросить с неистребимой иронией школьной учительницы, знающей, что я не выучил урок: «Все-таки надеешься решить эту задачку?»

— Подойди ближе, — позвала старуха. Она протянула ко мне тонкую сухую руку. Мизинец и безымянный палец были отрублены. Она смотрела на меня в упор. Пальцы дотронулись до моего лица. Они были прохладными.

— Она не видит, — объяснил лесник.

— Твое лицо мне знакомо, — сказала тетя Агаш. — У меня был племянник с твоим лицом. Он взял меч. Его убили. Он был умный.

— Я зажгу свечу, — предложил лесник. — Здесь темно у тебя.

— Ты знаешь, где свечи. Как живет моя Луш?
Я обернулся к леснику. Лесник зажигал свечу.

— Луш передает тебе привет и подарки, — вспомнил он.

— Спасибо. Мне ничего не надо. Зуй меня кормит. И Курдин сын помнит закон.

Вошел Зуй. Он с грохотом ссыпал у глиняного очага посреди хижины охапку дров.

— Будете пить, — продолжала тетя Агаш. — Устали. У меня нет ног, — добавила она, повернув ко мне лицо. — Зуй сделает.

— Агаш по-русски почти как мы с тобой говорит, — сказал лесник. — Один раз слово услышит и уже помнит. Ты ихнего настоя много не пей. Полчашки — и хватит с непривычки. Но бодрость дает.

— Значит, все, что я видел, это отсюда?

— Отсюда. Что обыкновенное, я Маше не запрещаю. Она все хочет для своих чего-нибудь послать. И для меня. С деньгами у нас не богато. Вот и приходится. Но яйцами я не велел торговать.. Строго запретил. Из них купу делают — такое лекарство. Но ты же Машу знаешь, своюенравная.

— Что сделала Луш? — спросила тетя Агаш.

— Своенравная она.

— Она хорошая.

— А кто спорит?

В очаге трещали сучья, и на лицо тети Агаш падали отсветы пламени.

Агаш протянула руку за нары, на которых сидела, и достала оттуда две эмалированные кружки. Кружки были наши, обыкновенные. Сергей Иванович сказал:

— Мы сюда много принести не можем. Опасаемся.

— Да, — согласилась тетя Агаш. — Нам опасно бояться. Чашки чистые. Курдин сын мыл в воде. Серге боится синей лихорадки. Много людей умерло от синей лихорадки.

— Не за себя боюсь, — сказал лесник. — К нам туда боюсь инфекцию занести.

— Сейчас нет лихорадки, — возразила Агаш. — В нашем роду никто не умер. Серге принес круглые камни.

Я не понял, обернулся к леснику.

— Таблетки принес, — пояснил Сергей. — Отпра-

вился, понимаешь, в аптеку. Знания у меня в масштабе журнала «Здоровье» — я выписываю. Аспирин взял, тетрациклину немножко, этазол. С антибиотиками осторожность проявлял, чтобы побочных эффектов не было. Каждую таблетку пополам ломал. Ничего, обошлось.

— Ну, знаете, — взвился я. — Прямо удивляюсь порой. Вы же взрослый человек. Могли повредить. Организмы...

— Я не мог глядеть, как люди помирают, — отрезал лесник.

— Но если бы...

— Если бы да кабы, — передразнил меня лесник.

В его поступках была определенная логика, но во многом она была для меня неприемлема.

Я взял кружку с настоем. Настой был теплым, прямым. На дне кружки лежали темные ягодки.

— Пей, не спеши, — кивнул лесник. — Я тут человека жду.

Словно услышав его, в хижину вошел человек.

Агаш сказала что-то строгим голосом тети Алены.

— Сердится, что без предупреждения пришел, — пояснил лесник. — А чего сердиться? Кривой всегда так. Конспиратор.

Высокий одноглазый мужчина в коротком черном балахоне, подпоясанном ремнем, на котором висел короткий меч, поклонился Агаш. Лесник поднялся и, прижав руку к сердцу, подошел к пришедшему. Кривой заговорил быстро, швыряя словами в лесника. Все замерли.

— Хорошо, — произнес лесник по-русски.

— Хорошо, — повторил Зуй.

— Мой брат останется здесь. — Лесник подтянул ремень гимнастерки.

— Хорошо, — согласилась тетя Агаш.

Все они смотрели на меня. Я был обузой, помехой.

— Вы надолго? — спросил я. Первой реакцией было не согласиться: если все идут, значит, и я иду. И в ту же минуту я понял, что надо слушаться Сергея Ивановича, как слушаются проводника в горах. Только неясно, сам-то он знает дорогу?

— Наверное, недолго, — сказал лесник. — Если что, сам найдешь, куда идти? Дорогу не забыл?

— Может, все-таки с вами?

— Если нужно, сказал бы. По незнанию еще чего натворишь. Ты останешься, порасспроси тетку. Ружье тебе оставляю. С ружьем мне нельзя.

— Почему?

— А если оно им в лапы попадет? У меня и так на совести всего достаточно.

Кривой вышел. Лесник положил мне руку на плечо, словно хотел еще что-то сказать, но не сказал.

— Дай мне кружку, Серге, — попросила тетя Агаш. — Я допью.

Я передал ей теплую кружку. Заглянул в свою. Никакой бодрости не пришло, и я сделал еще два или три глотка и спросил Агаш:

— Можно я выйду, погляжу вокруг?

— Не ходи далеко, — сказала слепая. — Тебя нельзя видеть.

Я вышел на свежий воздух. Повозка уже переехала мостик и удалялась по дороге, окутанная пылью. Кривой сжал сзади на невысокой лошадке, так что его ноги болтались над самой землей. (Лошадка — пусть будет так.) Ветер раскачивал куклу. Полоска рта улыбалась. Я заглянул в соседнюю хижину. В ней было прохладно, стоял запах пыльного сена. Одно из бревен крыши когда-то рухнуло вниз, и сейчас казалось, что полоса света со взвешенными в ней пылинками соединяет крышу и пол, усеянный черепками и щепками. Деревня была полна звуков, рожденных ветром: скрипели жерди и доски, кричали вороны, шелестел сор в узкой щели между домами. Но звуки эти были пустыми, нежилыми.

Да, это тебе не Южная Америка. И не Индия... и не Австралия. Параллельный мир? Я представил себе, как заезжий охотник, разморенный теплом и обедом с водкой, снисходительно растолковывает леснику где-то, как-то слышанную или вычитанную идею о параллельных мирах, а слушатель примеривает ее: сходится, не сходится... Ждал-то он, конечно, чего-то более четкого, приемлемого. С таким же успехом он мог бы тогда обратиться и ко мне.

В трещине пола росли грибы. На длинных белых ножках, со шляпками-колпачками, хилые и скучные. Будь я ботаник, хотя бы разбирался в наших грибах, смог бы сказать, такие же они или иные. А так... Я сорвал один из

грибов, он раскачивался в пальцах... А какие, кстати, грибы в Южной Америке?

Я даже улыбнулся. Меня забавляла косность собственного мышления. Никакой Южной Америкой здесь и не пахло, а ведь я продолжал цепляться за какое-нибудь объяснение, которое можно было бы втиснуть в пределы понятного.

На площади было пустынно. Ворона сидела на голове повешенной куклы, держа в клюве маленькое зеленое яблоко. Я вернулся к тете Агаш.

- Это ты, младший брат? — спросила она.
- Далеко они поехали?
- В лес. К людям.
- Я ничего не знаю.
- А что можно о нас знать? Зачем хорошо живущим знать о тех, кто живет плохо?
- А мой брат?
- Твой брат — большой человек.
- Он знает?
- Он знает. Но иногда он как ребенок. Он хочет хорошо, а не понимает, что потом будет плохо. Не понимает самых простых вещей. Тебе ясно, мальчик?
- Может быть. А как он к вам пришел?
- Он не сказал тебе?
- Я был далеко. Я вчера к нему приехал. Он не успел, потому что спешил сюда.
- Это было давно, — сказала тетя Агаш. Очаг догорал и дымил. — Два лета назад Серге пришел к нам в деревню. Тогда деревня была живая. В ней жило много мужчин. Мой брат был в лесу. На него напал некул. Ты знаешь некула?
- Я видел.
- Серге убил некула и замотал рану брата своей рубахой. На Серге была белая рубаха. Она стоит столько, сколько вся наша деревня. А он ее разорвал. Мой брат долго болел. Он сказал Серге: «Моя жизнь — твоя жизнь». Ты понимаешь?
- Понимаю.
- Мой род взял Серге. Но сукры могли узнать. Нельзя брать в род чужого. Серге не хотел жить у нас. Он уходил. Так было три раза. Никто не говорил сукре про Серге. Все

боялись закона сукра. Закон сукра нарушил — смерть. Но закон рода нарушил — тоже смерть. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— В тот год была лихорадка. Много людей умерло, а много бежало в лес. Когда пришли сукры, не было мужчин, чтобы сторожить ворота. Сукрам нужны были новые люди. Я была в деревне, когда они пришли. Они не должны были приходить. Наша деревня дает сукрам зерно и вещи. Мой сын погиб. Мой брат убит на пороге дома. Меня бросили умирать, кому нужна старуха? И когда пришел Серге и принес лекарство, то мало было людей, чтобы есть лекарство. И я сказала Серге: твой брат, мой брат мертв. Ты мой брат. Ты возьми его dochь Луш, и она будет твоя жена. Ты найди сукра, который убил брата, и убей сукра. И все, кто слышал, сказали: «Это нельзя, это запрещает закон. Нас всех убьют». И Серге сказал: «Законы придумали люди. И они их меняют».

— И он убивал?

Мне хотелось, чтобы старуха ответила «нет». Сергей не имел права судить и казнить. Даже если ему казалось, что это право дает ему справедливость:

— Он сказал: «Если я убью сукра, придет другой сукр. Только все вместе люди могут прогнать их».

— Правильно, — выдохнул я. — Это ничего не решает.

— А мы ждем, — закончила старуха. — И нас все меньше. А сукры все сильнее.

Где-то далеко, за пределами деревни, возник низкий протяжный звук, словно кто-то натянул и отпустил струну контрабаса. Агаш осеклась, невидящие глаза смотрели туда, откуда пришел звук. Пальцы, раздутые в суставах, вцепились в тряпку, прикрывавшую колени.

— Что это? — спросил я.

— Трубы, — сказала старуха. — Еще далеко.

— Идут сюда? — не отставал я.

— Смерть сторожит людей. Ты уходи. Серге сказал, чтобы ты уходил.

— А где Сергей? Где я найду его?

— Серге в лесу. Они ищут Серге. Уходи. Ты такой же, как он. Я была больна от горя. Я сказала Серге, что он должен убить сукра. А Серге сказал тем, кто остался живой: почему вы даете себя резать, как свиней? Лучше

бы он не приходил. Уже нет мужчин в нашем роду, уже нет деревни, и сукры убют последних за то, что деревня дала приют Сергею. Нельзя спорить с судьбой...

Звук контрабаса донесся снова. Чуть ближе. Или мне показалось, что ближе?

— Агаш-пато! Агаш-пато!

Вбежал, запыхавшись, мальчишка-пастух. Он размахивал сведенными в кулаки руками, помогая себе говорить. Старуха слушала, не перебивая. Потом протянула руку. Мальчишка разжал кулак. Там был комочек бумаги. Я расправил его. На листке, вырванном из записной книжки, было крупно, косо написано: «Николай, быстро уходи. Не вернусь, позабочься о Маше. Я у нее один. Это приказ».

Записка была без подписи.

— Ты уходишь? — спросила Агаш.

Я посмотрел на часы. Чуть больше часа прошло с тех пор, как лесник ушел с мужчинами. Я знал, что не послушаюсь его. Я не мог вернуться один.

— Уходи быстро, — настаивала Агаш. — Курдин сын выведет тебя.

— А вы?

Она показала на черную щель позади нар:

— Я спрячусь в яме.

— Мальчик может провести меня к Сергею?

— Нельзя.

— Почему? — Я взял ружье лесника.

— Он не велел. Он знает лучше. Ты чужой.

— Я пойду к Сергею, — сказал я. — Он мой брат.

Старуха молчала.

— Тогда я пойду один.

Мальчик топтался у входа, будто хотел убежать, но не смел.

Старуха повернулась к нему, заговорила. Он ковырял ногтем притолоку.

— Иди к Сергею, — согласилась старуха. — Ты мужчина. Мальчика от леса пришли обратно. Я не хочу, чтобы его убили. Он спрячется со стадом.

— Спасибо, тетя Агаш, — кивнул я.

Мальчишка бежал впереди, иногда оборачивался, чтобы убедиться, что я не отстал. Страшно худые, раздутые

в коленях ноги мелькали в пыли, волосы стегали пастуха по плечам.

Мы выбрались через заднюю стену одной из хижин и сквозь дыру в тыне. Дорога вела вниз, с холма, к пересохшему ручью и снова вверх к голым вершинам скал, торчавшим из далекого леса. Стало жарко. Пот стекал по спине, и ружье казалось тяжелым и горячим. Пыль оседала на мокром от пота лице и попадала в глаза.

Снова донесся звук трубы, утробный и зловещий. Так близко, словно кто-то невидимый стоял прямо за спиной. Мальчишка пригнулся и бросился к лесу, петляя, как заяц. Вторая труба откликнулась слева. Я побежал за пастухом. Лес приближался медленно, мальчишка далеко опередил меня.

Спереди, оттуда, куда бежал пастух, послышался крик. Я приостановился, но шум в ушах и стук сердца мешали слушать. Кто кричал? Свои? Я был здесь от силы три часа, но уже делил этот мир на своих и чужих.

Когда я добрался до леса, мальчишки нигде не было. И тогда мне стало страшно. Страх был рожден одиночеством. Я поймал себя на том, что стараюсь вспомнить путь назад, к раздвоенной сосне, к двери на болоте, к действительности, где ходят автобусы и тетя Алены то и дело выглядывает в окно, беспокоясь, куда я запропастился. Но что может мне грозить? Что я заблужусь в лесу? Опоздаю на автобус? А мне грозила смерть... Но мысль о тете Алене вызвала мысль об Агаш. Вот она, тетя Агаш, прислушивается в пустой хижине к гуду трубы, дожидаясь, когда в деревне раздадутся тяжелые шаги врагов, которых я еще не видел, потом сползает с нар и ощупью ищет ход в душную темную нору...

Я выпрямился и пошел по лесу. Я не здешний. Со мной ничего не должно случиться. Надо найти мальчишку. Ему страшнее.

Стрела свистнула над ухом. Сначала я не понял, что это стрела. В меня еще никогда не стреляли из лука. Стрела вонзилась в ствол дерева, и перо на конце ее задрожало. Я бросился в чащу, и еще одна стрела чиркнула черной ниткой перед глазами.

Кусты стегали по лицу, ружье мешало бежать, кто-то громко топал сзади, ломая сучья. Земля пошла под уклон, и я не успел понять, что уклон этот обрывается вниз.

Я не выпустил из рук ружья и, катясь по висящим над обрывом кустам, ударяясь о торчащие корни, старался ухватиться, удержаться свободной рукой. Больно стукнулся обо что-то лбом и рассек щеку. Мне казалось, что я падаю вечно. Может быть, я на какое-то мгновение потерял сознание.

Потом была боль. Острый сук вонзился в спину, не давая дышать. Я попытался подняться, но сук, прорвав пиджак, держал крепко. Саднило лицо. Я замер. Я понял, что произвожу слишком много шума. Они могут найти меня. Я старался дышать тише, медленней. Я оперся о ружье и резко приподнялся. Сук треснул и отпустил меня. Я довольно далеко откатился от обрыва, и примятая трава и кусты, лениво распрямлявшиеся на глазах, указывали мой скорбный путь. Наверху, близко раздались голоса. Я замер. Преследователи спорили о чем-то. Потом замолчали. Спускаются вниз?

Что-то большое, темное зашевелилось в кустах неподалеку. Кусты начали раскачиваться, будто под ветром.

Резко окликнул кого-то голос сверху.

И я понял, что они не будут спускаться, потому что к шевелящимся кустам подходить нельзя. Темная масса проглядывала сквозь листья кустов, она была совсем рядом, но она не должна была меня тронуть, угрожать мне. Ведь я здесь чужой? Мне все только снится?

Постепенно движение в кустах утихомирилось, словно тот, кто шевелился там, улегся спать.

На случай, если они стоят сверху, слушают, не выдам ли я себя шорохом, я просчитал до тысячи. Потом еще до тысячи. Может быть, местные жители — великие мастера брать измором крупную дичь, но если бы они стали спускаться, я бы услышал.

Я осторожно сел и ощупал ноющую ногу. На икре штанина была разодрана, дотронуться было больно. Я потянул ногу к себе — она повиновалась. Я поднялся. Отсюда был виден обрыв. Он оказался невысоким — высок он только для того, кто с него падает. На обрыве никого не было. Я заглянул в ствол ружья — не набился ли туда песок. Чисто. Пиджак я оставил под кустом — он разорвался на спине и своих функций более исполнять не мог.

Я решил отыскать дорогу. Она должна была идти через

лес, ведь лесник со спутниками отправились туда на повозке. Несколько метров я прошел вниз по оврагу. Там я наткнулся на маленький родник, выбивавшийся из склона и стекавший в бочажок, обложенный галькой. В бочажке кружили мальки. Я напился ледяной воды — заломило зубы. Вспомнил, мне давно надо пойти к зубному, — мысль была естественной, но нелепой. Я промыл, морщась от щипучей боли, ссадины на ноге и на щеке, подхватил ружье и вскарабкался по склону оврага.

Я шел осторожно, прислушиваясь к шорохам и отыскал дорогу неподалеку от того места, где она входила в лес. Дорога была исчерчена следами повозок и человеческих ног. Лес был слишком тих, молчали птицы, и я пошел в глубь леса по кромке дороги так, чтобы при первой опасности нырнуть в кусты. Вскоре от дороги отделилась широкая тропа. Именно туда сворачивали следы — в одном месте колесо повозки раздавило оранжевую шляпку гриба.

Этот мир был жесток и несправедлив к слабым. И жестокость его обнажена, узаконена и привычна. И что удивительного, неправильного в том, что, попав сюда, лесник принял сторону слабых? И враги *его* деревни стали *его* врагами. Не от желания покуряжиться или проявить доблесть, а от базисных, неотъемлемых черт его характера он стал заниматься их делами, доставать таблетки тетрациклина, воевать с какими-то сукрами, убивать злобных некулов и привозить с земли чайные кружки, не говоря уж о множестве дел, о которых я не поставлен в известность.

Но насколько объективно разумна его деятельность? Не схож ли он с человеком, разрушающим муравейник ради спасения гусениц, попавших муравьям в лапы? Что может он сделать здесь, и нужен ли он?.. В заочном споре с Сергеем я старался удержаться от эмоций и оставаться ученым — значит, в первую очередь, наблюдателем, старающимся сначала отыскать цепочки причин и следствий, докопаться до механизма, движущего явления, и лишь затем принимать решения.

Когда впереди обнаружился просвет, я замедлил шаги, потом совсем остановился. На поляне еще недавно был лагерь. Остовы шалашей были ободраны, ветки и сучья разбросаны по траве. В истоптанной траве лежал убитый

крестьянин, босой, в мешке вместо рубахи. Борода торчала к небу. В кулаке был зажат обломок кинжала.

Скрываясь за стволами, я пошел вокруг поляны. В подлеске наткнулся на знакомую повозку. Носороги исчезли, оглобля вонзилась в землю. Небольшая птица пролетела через поляну. Она не видела опасности.

Я подошел к убитому. Несколько стрел валялось на траве. Я поднял одну. Ее наконечник был зазубрен.

Дорога пересекала поляну и шла дальше, через лес.

Вчера я шел по лесу. Сегодня снова иду по лесу. И эти два леса разделены либо невероятным пространством, либо временем, либо и тем, и другим. Путь был долгим, одиноким и нереальным, и я не раз задавал себе вопросы, на которые невозможно ответить: что я здесь делаю? Как попал сюда? Что за сила притянула друг к другу два мира и в той точке, где они соприкоснулись, создала туннель? Попробуем построить мысленную модель этого явления на основе знакомого нам феномена: представим себе СЭП — суммарную энергию планеты... Модель строилась плохо — я не мог пришпилить планету в точке пространства, ибо искривление его должно было быть невероятно сложным, какого не бывает и быть не может. Не может, но существует. А что если обратиться к чисто теоретической, умозрительной модели почти замкнутого мира? Еще Фридман в двадцатые годы исследовал космологические проблемы в свете общей теории относительности. Отсюда придуманный Марковым «фридмон» — частица размером с элементарную, но могущая вместить в себя галактику — только проникни. И для тех, кто находится внутри фридмона, превращается в точку наш мир, вся вселенная, существующая частицей этой земли.

Тут я остановился, потому что услышал позвякивание, голоса, скрип... Еще немного, и я бы налетел на идущих впереди. И хорошо, что я этого не сделал.

Вид разгромленного лагеря привел меня к мысли, что лесник и остальные его друзья либо смогли убежать, либо попали в плен. Хотя я и надеялся на первое, второй вариант казался мне почему-то более вероятным. Правда, огнестрельного оружия здесь не знают, и войны оказываются куда более тихими, чем в наше время. День открытия охоты где-нибудь в костромском лесу даст по части шума десять очков вперед целому феодальному сражению.

Мне были видны лишь те, кто шел сзади. Пришлось поэтому снова углубиться в лес и обогнать их.

Устал я невероятно. Надеяться на второе дыхание не было оснований. Так всю жизнь собираешься — как к зубному врачу: буду вставать на полчаса раньше, делать гимнастику, ходить до института пешком. Но ложишься поздно, утром никак не заставишь себя встать, бежишь за автобусом и снова думаешь: вот с понедельника обязатель но... Я с понятной горечью думал об этом, ковыляя по лесу, нагибаясь, выискивая дорогу между елками. Вот вернусь, тогда уж... Я еще не стар, и мои сверстники играют в футбол и взбираются на Хан-Тенгри. А лето буду проводить в доме Сергея Ивановича... не откажет же он младшему брату...

Я выглянул из леса. Мимо меня в сумерках тянулись телеги. На телегах лежали люди. Кто-то стонал. Перед телегами горсткой брели крестьяне... И тут я впервые увидел вблизи их врагов.

Давно еще, когда мне было лет пятнадцать, я отыскал у нас дома в кладовке кучу фантастических книг — их читал мой отец в молодости. Среди них были фантастические романы о разумных муравьях. Авторы селили их на Марсе и на Луне, увеличивали до человеческого роста, наделяли коварством и жестоким холодным разумом. К муравьям я стал относиться с тех пор погано и побаивался их более, чем они того заслуживали, а оттого награждал разумом и действия их маленьких земных собратьев. А потом, через год, прочел где-то, что насекомые не могут стать разумными. И не могут быть такими большими. Это было доказано мне популярно, и я хотел в это поверить. Да и новых романов о муравьях что-то не попадалось... И вот сейчас, в мире Агаш и Луш, я увидел, как громадные, чуть ниже человеческого роста, муравьи ведут куда-то людей.

Громадные круглые головы насекомых, вытянутые вперед острым концом, круглые тельца и тонкие лапки придавали вечерней картине зловещий оттенок кошмар... И только тогда мне пришло в голову — а не сон ли все это? Должен признаться, что я сильно ушипнул себя и больше к сомнениям не возвращался. Мне показалось, что один из муравьев обернулся в сторону леса, и я подумал, что у них здесь здорово должны быть развиты

слух и обоняние... Я замер. Процессия тянулась мимо. Еще телеги, кучка муравьев с копытами и колчанами за спиной, закрытый возок, снова муравьи... В толпе крестьян, которых гнали перед телегами, лесника не было.

Когда колонна миновала меня, я решил снова обогнать ее и заглянуть вперед. Я не мог поверить, что лесник погиб. А может, он лежит раненый на телеге?

Я снова углубился в чащу. Там, внутри нее, было почти темно. Через несколько шагов я наступил на сучок, который затрещал так, словно в нем была спрятана противопехотная мина, и метнулся глубже в лес: если они за мной погонятся, мне не убежать, я слишком устал. И тут же я понял, что лес кончился.

Я стоял на его краю, глядя, как колонна, полускрытая облаком пыли, втягивается в широкую пустошь. Впереди переливалась сиреневым и оранжевым река, отражая закатные облака. За рекой поднималась невысокая, почти правильной формы, конусообразная гора. Далеко впереди, у самой реки, стояли еще несколько муравьев, и их панцири отблескивали закатным светом. Стражники стали подгонять колонну, носороги потянули быстрее, мне же пришлось остановиться. Мне нельзя было выходить на открытое место.

И пока я так стоял, размышляя, что же делать дальше, встречающие муравьи подошли к колонне, и все шествие остановилось. Муравьи скопились у крытого возка, и, когда дверь в него раскрылась, оттуда вытащили человека. Это был Сергей Иванович. Мне показалось, что я вижу зеленую гимнастерку, седеющий ежик волос. Так и должно было быть. Иначе я зря спешил по лесу и прятался в овраге. В отличие от лесника я не могу устраивать здесь восстания и скрываться в лесу с Кривым. Я не свой, я тут же начну рассуждать о правомочности своих действий и приду к выводу, что решать такие вопросы должен не я, а кто-то другой, кто *отвечает*, кто *подготовлен*. Хотя кто, черт возьми, правомочен или подготовлен? Любое невмешательство — это только новый вид вмешательства, зачастую только более лицемерный, потому что и невмешательство тоже кому-то нужно.

На основе этих моих рассуждений нельзя делать вывод о том, что я в чем-то согласился с лесником, перешел на его сторону. Нет, все сомнения, кипевшие во мне, оста-

лись, но какое-то время они были заглушены необходимостью. Цивилизованному человеку стыдно оставить собрата в беде — я не вступал в отношения с этим миром, я должен был спасти лесника. И только.

Но, увидев Сергея Ивановича, я успокоился. Я не представлял еще, как я выручу его, но не сомневался, что выручу. Хотя бы для этого пришлось на неделю застремть в этом мире. Я даже забыл, что не знаю языка, что каждый встречный отличит меня за версту, что я зверски голоден, что у меня ноги подкашиваются от усталости. Главное — я отыскал лесника.

Я следил за колонной до тех пор, пока она не пересекла реку и не скрылась в горе или где-то рядом с горой — я не разглядел. Над пустошью, расположаясь от реки, поднимался туман, смешанный с пылью; летучая мышь — или что-то вроде нее — промчалась низко, спеша к лесу. За рекой загорелся тусклый огонек. Быстро холодало. Вокруг было пусто, и в лесу, за моей спиной, раздался лай, перешедший в вой. Я вспомнил о некулах.

Я снял с плеча ружье, вышел на пустошь и через несколько минут был у реки.

...Уже почти стемнело, но вышла местная луна. Дорога спускалась к реке, а на мосту стоял муравей с длинным копьем. Как только я увидел его, то свернул с дороги и добрался до реки метрах в двухстах от моста. Низкий берег терялся в осоке, и, когда я попытался выйти к воде, ноги начали вязнуть в иле. Пришлось довольно долго идти, пригибаясь, по берегу, прежде чем я отыскал участок песчаного дна. Там река разливалась широко, посередине ее был островок, и я надеялся, что она неглубока. Как я переплыл ее с ружьем, когда мне его и по сущности тяжело, я не представлял, но и сидеть на берегу дальше было нельзя. Я напился, отчего лишь усилился голод, еле отговорил себя от блаженной мысли полчасика поспать и вступил в теплую мелкую воду.

До островка я добрался довольно быстро, промок по пояс, но ночь не грозила заморозками, так что это можно было перетерпеть. Зато в протоке, отделявшей островок от дальнего берега, меня ждали испытания. Протока была узкой, рукой подать до черного обрывчика, опущенного кустами. Первый шаг погрузил меня по колени, вторым я ушел по бедра. Течение здесь было куда быстрее, чем в

широком русле, меня сносило вбок, и я знал уже, что следующий шаг заставит меня потерять равновесие. И тогда я поднял руку с ружьем и в полном отчаянии оттолкнулся — тут же меня понесло, одной руки не хватало для того, чтобы выгребать, я хлебнул воды, но ружья не выпустил.

В общем, на тот берег я все-таки выбрался, подняв больше шума, чем стадо слонов, переходящее через реку Ганг. Но промок я настолько, что пришлось, засев в кустах, выжимать, дрожа от холода, все, что было на мне. Самое печальное — промокли сигареты, а ведь именно сигарета могла сейчас спасти меня от заячьей дрожи: дрожали не только руки и ноги, но наверняка и селезенка, и прочие внутренние органы.

Все еще дрожа, я натянул разбухшие ботинки на мокрые носки. До отвращения холодные брюки и рубашка сразу прилипли к телу. Я старался отвлечься от физических невзгод мыслями о том, что ждет меня впереди, но мысли получились кургузыми, и менее всего я был похож на полководца перед решающим сражением. Все время вылезал один бесконечно варьирующийся вопрос: «А что я здесь делаю?»

В этом разлившемся через бездну миров и человеческих судеб вечере были затеряны, разобщены и связаны лишь моим эфемерным существованием — словно рождены моим воображением — люди, никогда не видевшие друг друга: Маша, погибшая полвека назад, и Луш, стоящая у плетня за лесным озером и глядящая на дорогу, что выходит из леса. Тетя Алена, листающая семейный альбом, и тетя Агаш, сидящая в черной щели и сдерживающая кашель, чтобы не услышали сукры. И погибший в туче Валя Дмитриев, и мои соученики по университету, которые собирались со следующей недели отправиться по Волге на катере и звали меня с собой... И реальность этих искр в бесконечности превращала вечерние звезды в огни города, и в далекое окошко в доме тети Алены, и в лучину, и в светильник перед дверью в хижину Агаш.

Огненная россыпь оборвалась, очертив чернотой горб горы-муравейника, в котором мне следовало разыскать лесника. Взошедшая луна подсветила черные дыры входов в холм. Они были редко разбросаны по всей стометровой

высоте откоса. Самый большой вход был внизу — прямо передо мной.

Моя миссия была совершенно бессмысленна, и, если бы я не так замерз, я бы догадался вспомнить детство и совершить вычитанные в книгах ритуалы прощания с жизнью. Но, на счастье, я все никак не мог согреться, зверски хотел курить, был голоден, у меня ныл зуб — так что было не до смерти. К тому же я надеялся, что в горе-муравейнике будет теплее, чем снаружи, и потому мысль о проникновении туда была не столь ужасна.

У муравейника должны быть часовые. Не только у моста, но и у входов, и уж наверняка — у главного входа. А это значит, что лучше мне проникнуть туда через второстепенный туннель. Я подошел к горе так, чтобы меня нельзя было увидеть от моста или от главного входа, и на четвереньках полез к черному отверстию метрах в десяти вверх по склону. К счастью, муравейник был сложен из твердой породы, восхождение было несложным. У самого входа я лег наземь и некоторое время прислушивался. Тихо. Тишина эта могла происходить и от того, что никто не подозревает о моем приближении, и от того, что они затаились, поджидая меня, чтобы надежней и вернее схватить в темноте.

Я приподнял голову и подполз поближе. Свет местной луны проникал только на метр вглубь, дальше не было ничего — вернее, могло быть что угодно.

Я долго приглядывался к темноте, и мне начало казаться, что сама по себе темнота начинает шевелиться, дрожать, переливаться, наполняться искорками, которые концентрировались в глубине, выявляя источник света. Вернее всего, моим глазам очень хотелось увидеть там свет.

Ну что ж, сделаем этот шаг? Ведь с тобой, Николай Тихонов, ничего не случится. С тобой вообще ничего не может случиться. Случается с другими. Я утешал себя таким образом до тех пор, пока не разозлился, — такое утешение отказывало леснику в праве на равное со мной существование и в то же время увеличивало опасность для него. Какая у меня была альтернатива? Убежать к двойной сосне, или как ее там? Прийти к Маше и сказать: «Простите, но ваш Сергей Иванович попал в плен к муравьям, и вряд ли они выпустят его живым, потому что

в своем радении поймать его они даже повесили изображающую его куклу на площади вашей деревни. Но не беспокойтесь, Маша, я буду о вас заботиться, причем куда более культурно и интересно, чем лесник, я покажу вам Москву, свожу в Третьяковскую галерею и покатаю в парке на аттракционах...»

Я резко поднялся и, нагнувшись, вошел внутрь. Руку я держал перед собой — если с потолка что-нибудь свисает, по крайней мере не набью шишку. Кислый, затхлый запах густел по мере того, как я продвигался дальше от входа. Иногда сверху гулко падала капля воды или раздавался шорох. Я старался убедить себя, что муравьи должны спать, крепко спать. Свет впереди не становился ярче, но расплывался, ширился, и я понял, что ход, которым я следовал, вливается в другой, освещенный. И когда я наконец добрался до него и увидел за углом неровно светивший факел, воткнутый в щель в стене, то сразу вспомнил, что здесь уже тоже был — в грезах. И даже копоть, нависшая опухолью над факелом за долгие годы горения, была мне знакома. А если так, то впереди должен быть ярко освещенный зал, куда входить нельзя. Раз уж я решил довериться информации грез, лучше было в тот зал не соваться.

Ход, в который я попал, был шире и выше первого. Второй факел виднелся шагах в ста, за ним еще один. На свету мои шансы разыскать лесника несколько увеличивались. Но зато и я был виден издали.

Я положил на пол у начала хода, которым я проник сюда, размокшую пачку сигарет, чтобы не промахнуться, если придется в спешке спасаться. Ружье я взял наперевес — не потому, что оно поможет мне в этих туннелях, — так я чувствовал себя уверенней.

Я увидел глубокую нишу. Там что-то белело. Почему-то я подумал, что в нише хранятся муравьиные яйца, и поспешил прочь — у яиц могли дежурить солдаты. Из следующей ниши донесся глубокий вздох. Кто-то забормотал во сне. Люди? Ну хоть бы спичку, хоть бы огарок свечи! Я заглянул в нишу. Было так тихо, что можно было различить по дыханию — там спят человек пять-шесть.

— Сергей, — позвал я шепотом. Я был уверен, что, если лесник здесь, он не спит. Никто не отзывался.

Нет, его здесь быть не может. Если пленника везли в

крытом возке и охраняли, вряд ли его оставили на ночь в открытой нише, в обществе других пленников. Муравьи должны понимать, что люди могут освободиться.

Я пошел дальше.

Странный мир. Люди и муравьи. Чем могут сгодиться люди разумным муравьям, холодным, организованным и лишенным чувств? Выращивают для них зерно и фрукты? Или, может, служат муравьям живыми консервами?

На перекрестке туннеля пришлось затаиться. Несколько муравьев пробежали неподалеку. Я не мог разглядеть их как следует в неверном свете далекого факела — лишь тяжелые головы отбрасывали блики света да стучали по полу ноги. Значит, спят не все. Я решил пока не пользоваться тем широким туннелем, по которому пробежали солдаты муравейника, могут пробежать и другие.

Я пересек этот туннель и пошел по узкому, хуже освещенному ходу, ниши стали попадаться чаще, порой в них спали люди — может быть, одурманенные ядом (что это — готовая пища?). Ход наклонно пошел вниз. Пожалуй, стоит спуститься. Тюрьмы чаще бывают в подвалах.

И тут я услышал пение. Заунывное, тоскливое, на двух нотах. Пение рабов.

Это была не ниша, а низкий круглый зал, в котором горели факелы, и я впервые смог поглядеть на рабов вблизи.

И тут рухнула гипотеза. Ведь стоит вам построить гипотезу, отвечающую поверхностной связи фактов, домыслить ее, достроить легендой, как она становится всеобъемлющей и отказаться от нее куда труднее, чем принять вначале.

У входа в зал кучей лежали муравьиные головы. Неподалеку, другой кучей — туловища муравьев. Словно кто-то рвал их на части и пожирал, обсасывая хитиновые оболочки.

Посреди зала, в кружок, сидели бледные, худые люди с плохо остриженными спутанными черными волосами, в черной облегающей одежде, подобной старинным цирковым трико. Кто они? Союзники или пожиратели муравьев, мстители за людей?

Это были муравьи-солдаты.

Стащите с солдата громадный, вытянутый рыльцем и перед шлем, снимите кургузый пузатый панцирь и бле-

стящие налогоплательщики — внутри окажется человек. А виной моему заблуждению была несоразмерность их доспехов по сравнению с тонкими их конечностями да мое воображение, готовое к тому, чтобы скорее увидеть громадного разумного муравья, чем тупого, худого и грязного человека.

Солдаты пели песню из двух нот — сначала с минуту тянули одну, то тише, то громче, потом сползали на другую. И такая тоска исходила от этой кучки людей, скрючившихся в темном зальце при свете тусклых факселей, дым которых уходил не сразу, а полз по стенам, попадал в глаза и тек по полу, по сырым, плохо пригнанным плитам, что мне стало даже стыдно за то, что я их считал муравьями.

В сущности, ничего не изменилось. Отпала лишь предвзятость.

Рядом со мной громко прошокали шаги. Кто-то оттолкнул меня и прошел в зал. Это тоже был воин — без шлема, но в пузатой железной кирасе. Из-под кирасы спадала короткая зеленая юбка. На черном трико вышивки зеленые звездочки. Вошедший крикнул что-то солдатам. Солдаты поднимались, подтягивались, и я подумал, что был не прав, полагая, что нет разницы между муравьями и людьми. Никакой муравьиный начальник не оттолкнул бы меня от двери, спутав в темноте со своими солдатами.

Но на всякий случай я отошел подальше от зала. Начальник мог спохватиться, пересчитать свою команду. В зале был шум, позвякивание железа. Я догадался, что солдатам было велено привести себя в боевой порядок. Надюсь, не для того, чтобы искать меня.

Два солдата, уже в муравьиных обличьях — как только я мог спутать? — выскочили из зала и поспешили прочь. Офицер шел сзади, тыча коротким мечом в спину одного из них. Офицер был недоволен.

За несомнением лучшего варианта я хотел было последовать за ними, но чуть было не столкнулся с остальными. Они не стали облачаться в доспехи, а, если я догадался правильно, решили избрать более укромное место для отдыха. Солдаты негромко переговаривались, один хихикнул, но тут же замолчал. Я замер. Но, не доходя до меня нескольких шагов, солдаты нырнули в какую-то дыру. Так

меня никто и не заметил. Два солдата с офицером уже исчезли в глубине коридора, и я отправился в ту же сторону. По дороге я заглянул в зал. Там было пусто. Лишь чадили факелы и грудой лежали невостребованные кирасы и шлемы.

Вблизи не было ни души. Я не мог преодолеть соблазна. Хотя какой уж тут соблазн — маскировка кого только не спасала! Шлем с трудом налез, чуть не содрав уши, снять его будет еще труднее. Кираса же никак не сходилась, я запутался в крючках, и тут мне показалось, что кто-то приближается к залу. Я уронил кирасу на пол и под оглушительный грохот железа выскочил в коридор и побежал от зальца. Щель в шлеме была узкой, и мне приходилось все время наклонять голову, чтобы увидеть, что происходит впереди. Не дай бог, подумал я, появиться в таком виде в институте, — как минимум, будет обеспечено увольнение по собственному желанию. И я решил в таком виде в институте не появляться.

Не знаю, то были те же самые офицер и солдаты или другие, но на освещенном перекрестке офицер молча и осторожнел избивал двух солдат. Нет, это другая компания. Мои бы еще не успели раздобыть огромный котел с каким-то варевом и благополучно разлить его, за что и подвергались наказанию.

Довольно нахально, словно муравьиный шлем был шапкой-невидимкой, я остановился в десятке метров от офицера и ждал, чем все кончится. Кончилось тем, что офицер устал молотить солдат, и те, опустившись на колени, принялись собирать с пола горстями похлебку и бросать непривлекательную пищу обратно в котел. Офицер помогал им, подгребая сапогами коренья и гущу поближе к котлу.

За этим занятием их застал какой-то другой начальник, проходивший, как назло, по коридору. Он прикрикнул на меня, но при виде безобразия на полу забыл, к счастью, о моем существовании. Новый начальник был повыше чином, чем первый офицер. Об этом свидетельствовали не знаки различия — черта с два их разберешь в этой пещере, — но манера обращения. У начальника в руке оказалась плеть, с помощью которой он тут же начал учить офицера получше следить за солдатами. Отношения в этом мире были просты до обнаженности.

Солдат большой начальник не был — солдаты замерли в суповой гуще, ожидая, когда экзекуция окончится, вернее — перейдет на более низкий уровень. Я правильно предположил последствия: как только начальник, поскользнувшись в супе и громко выругавшись, ушел дальше, офицер выместил свое унижение на солдатах, и те покорно пережидали гнев, а затем продолжили сбор похлебки с пола.

А я стоял и не уходил. Вряд ли столь небрежное обращение с похлебкой свидетельствовало о низком гигиеническом образовании. Похлебка предназначалась кому-то, кого следовало кормить, но чем — не имело существенного значения.

Сбор похлебки продолжался недолго. Офицеру надоело наблюдать, и он куда-то послал одного из солдат. Тот вернулся через минуту с жбаном воды, котел долили, и все остались довольны. Кроме меня. Пока я бегал по туннелям, я забыл о том, что устал, промок, голоден и разбит. Но по мере того, как я стоял, я вдруг пришел к странной и противоестественной для цивилизованного старшего научного сотрудника мысли о том, что похлебка, наверное, совсем не так отвратительна, как кажется с первого взгляда: у нее одно важное преимущество перед камнями, окружающими меня, — она съедобна. К счастью, офицер с таким энтузиазмом подгонял несчастных солдат, ташивших котел, что мне пришлось отказаться от мысли задержаться и отведать остатков затоптанной похлебки. Но, спеша за солдатами по коридору, я не без изdevки над самим собой вспомнил, что мне, как легендарной Железной Маске, никогда уже не снять шлема, и, если только меня не станут кормить через соломинку, то придется помереть от голода, что, кстати, может случиться довольно скоро.

В таких радужных мыслях я спустился вслед за солдатами по скользкой узкой лестнице, пересек с десяток туннелей, еще раз спустился вниз: теперь мы были ниже уровня земли, стены стали совсем серыми, а по полу стекал тонкий ручеек нечистой воды.

Впереди послышался шум. Я не мог определить, из чего он слагается. Шум был неровный, глухой, но какой-то однообразный — он исходил из недр горы и словно заполнял какое-то обширное гулкое помещение. Туннель,

по которому мы шли, открылся на широкую площадку, и, когда солдаты свернули в сторону, я смог рассмотреть источник этого ставшего почти оглушительным шума.

Множество факелов освещало огромный зал. От их дыма и мерцания было трудно дышать, и картину, ими освещенную, нельзя было придумать. Даже Данте, специализировавшийся по описанию ада, остановился бы в растерянности перед этим зрелищем.

Не знаю, сколько там было людей, — наверное, больше сотни. Некоторые из них дробили камни, другие подвозили их на тачках, третья отвозили куда-то вдаль, к огням и шуму, измельченную породу — этот зал был частью, говоря современно, технологической цепочки, которая, вернес всего, тянулась от рудников, спрятанных недалеко, в пределах этой же горы, к литейным и кузнецким цехам.

Но самое страшное началось после того, как один из солдат ударили в железяку, висевшую на площадке, и люди увидели котел с пищей.

Грохот молотков и скрип тачек, гулсыпаемой породы оборвался. Возник новый шум, утробный, жалкий, — он слагался из слабых голосов, шуршания босых ног, стонов, ругани, вздохов — далеко не все могли подойти к площадке, некоторые ползли, а кто-то, лежа, молил, чтобы ему тоже дали поесть. Господи, подумал я, сколько раз в истории Земли вот так равнодушные солдаты, часто сами бесправные и забитые, ставили перед узниками котел с пищей, и для тех в кotle плескалась надежда прожить еще день и умереть на день позже, потому что из этой пещеры люди не выходили. И убедиться в том было нетрудно — из лежавших лишь один молил о пище. Остальные, а их было не менее десяти в пределах круга света, валялись неподвижно, будто спали. Здесь еще не додумались до того, что сытый раб работает лучше голодного.

Люди не брались за пищу. Они доставали откуда-то черепки (один подставил ладони) и покорно ждали, пока солдат зачерпнет из котла этой похлебки, сегодня еще более ничтожной, чем всегда, разбавленной, и можно будет отползти в угол, обмануть себя процессом поглощения пищи.

Я был достаточно начитан в истории, чтобы знать, что

в одиночку, даже вдесятером, не изменить морали и судеб этой горы и других таких же гор.

Донкихотствовал мой лесник, сражался с ветряными мельницами. А я? Насколько допустима и простительна позиция благополучного, даже сочувствующего наблюдателя? Успокой себя, сочи дурным сном дохнувших с голоду рабов — где же тогда предел реальности? И когда же начнется противление злу?

Теперь мне втрое нужней было найти лесника.

Я брел по муравейнику, сам схожий с муравьем, в тесном шлеме, который больно жал уши. Пот стекал на глаза, и бешенство брало, оттого что нельзя было его вытереть.

Я думал, что непременно найду Сергея — гора не так уж велика и расположение ходов в ней подчиняется определенной системе, и я уже мог начерно ее себе представить: по разным уровням к центру сходятся радиальные тунNELи, причем освещены только основные. Я заблудиться не могу. Мне угрожает лишь встреча с местным начальником или любознательным сукром, который решит со мной побеседовать либо усомнится, что мои джинсы сшиты в муравьевином ателье. Необходимо лишь последовательно, не пропустив ни одного уровня, обойти все коридоры, даже если на это уйдет вся ночь.

К камерам, в которых были заперты пленники, я вышел потому, что вскоре нагнал солдата с котелком похлебки. Котелок был невелик, на несколько человек. Я знал, что иду правильно.

Камеры охранялись. Стражники сидели на корточках у грубо сколоченной двери, и, когда подошел солдат с похлебкой, один из них поднялся, отодвинул засов. Второй, вооруженный большим топором с двумя асимметричными лезвиями, встал за его спиной. Солдат с котелком не зашел внутрь, а наклонился и поставил котелок на пол камеры и хотел было выйти, но его остановили голоса изнутри. Солдат с топором рассмеялся; видно, то, что там происходило, было в его глазах очень забавно.

И тогда я услышал голос лесника. Обыкновенный голос, словно ничего такого и не случилось.

— Дурачье, — сказал он, — русским же языком говорят: как хлебать будем, если руки связаны?

Лесник будто догадался, что я рядом, будто хотел показать мне, где его искать.

Вот и все. Я пришел. Но не мог пока сказать об этом.

Я не сомневался в том, что мы уйдем. Я не планировал никакой боевой акции, да и любое планирование вряд ли имело смысл. Надо было все сделать как можно скорее, пока обстоятельства мне благоприятствовали. Солдат, который принес котелок, расстегнул кирасу и достал из-за пазухи стопку неглубоких плошек. Его товарищи спорили, стараясь разрешить проблему: как накормить пленников, но держать их при этом связанными.

Наконец они пришли к компромиссному решению. Из камеры выволокли двоих — лесника и Кривого. Руки у них были связаны за спиной. Двое стражников навели на них копья, один — тот, что с топором, — зашел сзади, еще один развязал им руки. При этом солдаты покрикивали на пленных, толкали их, всячески выказывали свою власть и силу, что исходило скорее от неуверенности в ней и от привычки самим подчиняться только толчкам и окрикам.

Лесник с трудом вытащил из-за спины затекшие руки и поднял кисти кверху, медленно шевеля пальцами, чтобы разогнать кровь. Момент был удобным — как раз разливали по мискам. Я был совершенно спокоен, уверен в себе — может, очень устал и какая-то часть мозга продолжала упорствовать, полагая, что все происходящее — не более как сон. А раз так, то со мной ничего не может случиться.

— Ироды железные, фашисты, — без особой злобы ворчал лесник. — Вас бы сюда засадить. Доберусь я еще до ваших господ, ой как доберусь...

Солдат прикрикнул на него, толкнул острием копья в спину.

— Сам поторопись, — ответил лесник. Разговаривал он с ним только по-русски. Будто ему было безразлично, поймут ли его.

— Ну вот, — продолжал он, поднимая с пола плошку, — даже ложку не придумали. Что я, как свинья, хлебать должен?

Вопрос остался без ответа. Солдаты смотрели на него с опаской, как на экзотического зверя.

— Нет, такой мерзости я еще не пробовал, — сказал лесник. — Так бы и плеснул тебе в морду...

И я понял эти слова как сигнал.

— Плескай! — крикнул я. И мой голос показался мне оглушительным. Звук отразился от внутренних стенок моего шлема и ударили в уши.

Лесник услышал. Реакция у него была отменной. Он не потерял ни доли секунды. И лишь когда плошка с похлебкой полетела в незащищенное лицо нагнувшегося к нему солдата, а вторая плошка вылетела из рук Кривого, я понял, что они это сделали бы и без меня. Не рассчитывали они на мою помощь. Больше того, Кривой понимал по-русски, и последние слова лесника относились к нему. Были сигналом.

А дальше, в следующую минуту, было вот что: почему-то я не стрелял — как-то в голову не пришло. Я бросился на стражников сзади, размахивая ружьем, как дубинкой, и моя акция была совершенно неожиданной как для стражников, так и для лесника с Кривым — я-то забыл, что вместо лица у меня железное муравьиное рыло. Ложе ружья грохнуло о шлем солдата, шлем погнулся, солдат отлетел к стене, сбил с ног другого стражника, и мной почему-то овладело желание немедленно заполучить двойной топор, которым размахивал солдат, правда, угрожая более своим, чем чужим. Я вцепился в древко топора и рванул его к себе — ружье мне мешало, но солдат с перепугу отпустил топор, и я оказался обладателем двух видов оружия, а на самом деле выключился из битвы за перевооруженностью. Пока стражники старались понять, что за гроза обрушилась на них с тыла в образе одного из них, Кривой свалил ближайшего к нему противника, еще с одним справился лесник и отнял у него копье. Остальные стражники сочли за лучшее сбежать, впая как резаные.

Я с ружьем и топором бросился к леснику, и заглушенные шлемом мои возгласы испугали Кривого, который встретил меня выставленным навстречу копьем. Но Сергей Иванович соображал быстрее. Я полагаю, что он сначала узнал свое ружье, потом связал с ним страшилище в муравьевином шлеме и разорванных джинсах.

— Спрячь пику! — крикнул он Кривому. — Это моя интеллигенция.

Не могу сказать, что это было самое приятное для меня обращение в темном туннеле горы, — наверное, я слишком закомплексован, но в принципе я был рад возможности сложить с себя ответственность — хватит с меня одиночных путешествий.

— Давай ружье, — сказал Сергей Иванович. — Что, пули берег?

— Не хотел поднимать шума, — ответил я.

Кривой уже был в камере, резал веревки на руках остальных пленников.

— Сейчас они вернутся, — сообщил я леснику. Я не ждал, что он согласно правилам игры бросится мне на шею с криком: «Ты мой спаситель!», но уж очень он был деловит и сух.

— Знаю, — сказал он. — Ружье в порядке? В реке не купал?

— В порядке, — кивнул я.

И все-таки встреча должна была быть иной.

— Ну, где там люди? — крикнул лесник в темноту камеры.

В конце коридора послышались крики и топот.

— Ты никого не прихлопнул? — спросил лесник, срывая со стены факел и придавливая сапогом плошку. Сразу стало темнее.

— Нет.

— И не должен был. Не в характере, — ухмыльнулся лесник. — Шлем так подобрал?

— Так.

Как будто я был мальчишкой, обязанным отчитаться ляде в шалостях, но все-таки не преступившим пределов дозволенного. Хотя неясно было, одобряет ли он мое миролюбие или не согласен с ним.

— Молодец, — сказал лесник. — Кривой тебя даже не признал.

Кривой выгонял своих товарищей из камеры. Делал он это бесцеремонно, не у всех даже были развязаны руки — он на ходу пилил путы, покрикивал на черные шатающиеся тени.

— Пойдешь за ними, у тебя топор — прикроешь. Да и защищен ты больше, чем другие. Я задержусь.

— Я с вами.

— Хватит, неслух, — возразил лесник. — Ведь слу-

чай, что ты нам помог. Скорее всего должен был и сам погибнуть, и нам не помочь. Ясно? Ты хоть теперь слушайся. Я лучше знаю.

И я пошел за толпой узников, которые трусили к выходу из горы. Они успели разобрать оружие, брошенное солдатами.

Кривой обогнал толпу и бежал впереди, вырывая из стены редкие факелы и топча их. Я оглянулся. Маленький силуэт лесника, затянутый дымом, виднелся у стены.

Вдруг гулко, на всю гору, раскатился выстрел. Ему ответил далекий крик. Силуэт лесника сдвинулся с места — он бежал к нам.

Я поспешил за толпой, туда, где впереди коридор пропадал в полной темноте.

Я чуть не проскочил нужного поворота, черного в темноте, и приостановился в нерешительности — и тут меня догнал лесник.

Он чуть было не налетел на меня, но каким-то шестым чувством понял, что я остановился, и крикнул на ходу:

— Сюда, направо, только на цыпочках. Теперь мы должны исчезнуть.

Я бежал шаг в шаг за Сергеем, и вскоре мы догнали остальных.

Лесник шепотом окликнул их, Кривой, тоже шепотом, отозвался. Мы остановились.

Мы отошли от входа в этот второстепенный штrek метров на сто, и я увидел, как в его отверстии промелькнул факел — преследователи бежали мимо по главному туннелю.

— Вы что, здесь были раньше? — спросил я лесника тихо.

— Чего я здесь не видел? — отозвался он.

— А как знали?

— Раньше обсудили, в камере. Кривой здесь бывал. А вообще-то отсюда не возвращаются.

— Знаю, — сказал я.

— Поглядел?

— Поглядел.

— Наверное, даже больше меня видел. Я-то все больше понаслышке.

Мы пошли дальше.

Я не сразу догадался, что мы вышли на склон, — ночь

стала темной, луна зашла, и только по внезапной волне свежего воздуха я понял, что мы покидаем гору.

Я остановился, пока мимо проходили остальные. Поглядел на небо. И подумал, что, может быть, больше никогда не увижу этого звездного неба! Ни одного знакомого созвездия я не нашел.

Мы шли очень медленно, куда медленней, чем если бы оставались вдвоем с лесником. Мне хотелось пропустить вперед — ведь впереди была еще река, потом открытая пустошь. А приходилось идти сзади плетущихся крестьян, и ничего другого не оставалось.

Нам дали передышку — ровно настолько, что мы успели спуститься с горы к реке ниже моста, примерно там, где я через нее перебирался. Но, к сожалению, нас увидели раньше, чем мы смогли затаиться в прибрежных кустах. Стрела на излете воткнулась в землю рядом со мной.

Мне казалось, что я давно, много дней, месяцев, иду по этому миру — и в сущности какая разница, параллельный он или фридмановский, заключенный в электрон. Он живой, в нем убивают, мучают и даже живут. И я в нем живу. И лесник.

В кустах произошла задержка — пленники не решались ступить в воду. Сквозь листву угадывался мост, и по нему уже бежали черные фигурки — нас могли отрезать от леса.

— Тут глубоко, — предупредил я. — За островом мельче.

— Знаю, — сказал лесник. — Многие плавать не умеют. Говорил я Кривому — к мосту надо бежать. Сбыли бы караул. Ты, может, эту банку с головы стянешь? А то перевернет тебя, как корабль в бурю.

— Ее не снимешь.

Кривой, ругаясь, размахивая руками, загонял в воду крестьян. Лесник присоединился к нему. От горы уже подбегали солдаты — стрелы начали ложиться среди нас.

— Топор не бросай! — крикнул мне лесник. — Если тяжело, Кривому отдавай.

— Не тяжело.

— Тогда плыви впереди. Если кто из солдат на тот берег прибежит, круши, не стесняйся.

Я прыгнул в воду, ухнул по пояс, потом по грудь. Но на этот раз мне не надо было беречь ружье и я знал, что

в пяти шагах будст мелко. Когда я выбрался на берег острова, в затылок ударила стрела — я так и клюнул головой вперед. Муравьиный шлем меня на этот раз спас. Я оглянулся. На середине протоки покачивались несколько голов. Я поспешил дальше. В шлеме, с топором, я чувствовал себя увереннее. Но никто меня не встретил. Голоса стражников звучали неподалеку, им ответил крик с того берега. Где же наши?

Первым вышел Кривой, он нес в одной руке копье, другой поддерживал совершенно обессилевшего человека. Человек попытался сесть на траву, но Кривой зашипел на него, сунул в руку копье и снова побежал к воде, чтобы помочь еще одному беглецу.

К тому времени, когда на берег вышел лесник, — а он замыкал наш отряд, — сюда перебрались человек шесть-семь.

Впереди на полпути к лесу стояла стена тумана — белого, густого, спасительного. Но тут нас настигли стражники, бежавшие по берегу.

Не знаю, убил ли я кого-нибудь, ранил ли в той короткой схватке на берегу и потом на пути к пустоши. Я махал топором, бежал, снова махал, был треск металла, крики, но люди в муравьиных шлемах, возникавшие и пропадавшие в ночи, казались фантомами, безликими, бестелесными и неуязвимыми.

Мы скрылись в глубине леса, в густом ельнике. Уже светало. На ходу я несколько раз засыпал, но продолжал идти, в дремоте различая перед собой широкую спину Кривого, даже видя короткие сбивчивые сны, действие которых происходило в лаборатории. В них я доказывал кому-то, что свободная поверхностная энергия планеты, сконцентрированная в точке искривления пространства, способна создать переходный мост между мирами, а на меня показывали пальцами и укоряли в необразованности.

Мы сидели в густом ельнике. Где-то неподалеку кон-трабасами гудели трубы — муравейник переполошился. Кривой вывел нас к зарослям, оттуда лесник знал тропку домой. В деревню возвращаться было нельзя, там наверняка ждут. Кривой и его люди уходили в дальний лес, к тем своим товарищам, что не пришли вчера, когда крестьяне из соседних деревень решили напасть на гору и осво-

бодить своих. Лесник и ездил к ним, чтобы отговорить от нападения малыми силами, обреченного на поражение еще до его начала. На прощание Кривой начал просить ружье. Лесник не дал. Отговорился тем, что нет патронов. Кривой насупился.

— Я скоро вернусь, — пообещал лесник.

— Куда? Некуда тебе возвращаться. В деревне никого нет. Агаш я с собой уведу. В дальний лес.

Мы попрощались.

Я шел за лесником по узкой тропке, он отводил ветки, чтобы не стегали по лицу.

— Дай ему ружье, — ворчал лесник. — У меня одно. Сам как без него обойдусь? А они все равно стрелять не умеют. Да и патронов нет...

Лесник оправдывался перед самим собой. Я молчал.

— А возвращаться мне сюда и в самом деле не к кому. До дальнего леса три дня ходу. Я там и не бывал. А здесь все опустошенное... Неудачный для тебя выход получился.

— Мы вернемся, Сергей Иванович, — сказал я. — Подумаем, как это лучше сделать. Обязательно.

Солнце уже поднялось, в шлеме было жарко, но я его не снимал, а лесник не возражал, сказал, что, если нас увидят, лучше, если я буду в шлеме. Топор оттягивал плечо.

— Долго идти? — спросил я.

— Через час будем. Пить хочется.

— А я уже, знаете, ничего не хочу.

— Дурак, — сказал он незло. Вдруг он обернулся. Он улыбался. Как будто поднатужился, сбросил разочарование, усталость, горечь. И голос его звучал почти весело: — Молодой еще... Мне бы с Кривым уйти, в лес. Организация им нужна. Уж очень отсталые. Так ведь они никогда от горы не отделяются. Может, насовсем вернуться?

— Не спешите, — сказал я.

— Я не спешу. Видишь же, домой иду. Маша там с ума сходит. Вторые сутки... — Он опять обернулся и подмигнул мне. — А ведь меня боялись. Специально охотились. Слухи ходили, что я принц переодетый и с нечистой силой в друзьях... Вернусь. А то ведь как бараны, ну чистое слово, как бараны.

И он пошел быстрее, словно спешил обернуться поскорее и заняться здешними делами — всерьез.

— А Маша? — спросил я.

— Машу тебе оставлю, — сказал лесник. — Не бросишь?

Я не ответил.

Когда мы проходили открытой поляной, увидели слева столб дыма.

— Деревню жгут, — прошептал лесник. — Как бы не нашу. Кривой-то тетку Агаш вывести должен.

Я представил себе, как загораются сухие хижины. Каждая коническая соломенная крыша становится круглым костром.

Далеко, метрах в полустанах, дорогу перебежал некул. Я успел хорошо разглядеть его крепкое мохнатое горбатое тело на длинных, как у борзой, тонких ногах.

— Видели?

— Стрелять не хочу без нужды, — сказал лесник. — Могут услышать. Я так думаю, он не за нами охотится. У них теперь жратвы будет достаточно — спешит туда, к горе.

— Вы думаете, что они могут нас здесь подстерегать?

— Вряд ли. Но чем черт не шутит? Последнее дело других дураками считать. Они же знают, откуда я в деревню приходил.

Эта мысль казалась мне почти нелепой, принадлежащей к другому слою сна — кочной части кошмара. Здесь не должно быть стражников, они исчезают утром.

Мы попали в засаду у самой двери в наш мир.

Стражники не осмелились к нам приблизиться, только окликнули издали: не были уверены, кто я такой. Мы побежали. До раздвоенной сосны было метров триста, но лесник вел не прямо к ней, а кустами, немного в сторону. Даже успел крикнуть:

— К нам не выведи, путай их!

Стражники стреляли из луков. Стрела вонзилась в спину лесника у меня на глазах. Он продолжал бежать, плутая между стволами, а черное оперенье стрелы, как украшение, покачивалось за спиной. Когда Сергей Иванович упал, стражники уже потеряли нас из виду, в чащу они не пошли.

Другая стрела прошила мне рукав, оцарапала локоть,

повисла, запутавшись, в ткани рубахи. Я остановился, чтобы выдернуть ее. Вот в этот момент лесник и упал.

— Что с вами?

Не в силах поднять голову с выгоревшей желтой травы, он шепнул мне:

— Тихо.

Я дотронулся до стрелы, хотел выдернуть ее, но вспомнил, какие у стрел зазубренные, словно гарпуны, наконечники.

— Глубоко сидит, — прохрипел лесник. — Глубоко, до самого сердца. — В углу рта показалась капелька крови. — Не тяни... обломай...

Кто-то вышел на полянку. Я обернулся, шаря рукой по земле, где обронил топор, но не успел. Тяжелый удар пришелся по шлему и плечу. Я не потерял сознания, но упал, и боль была такой, что мне почудилось, я никогда уже не смогу вдохнуть воздух... Мне показалось, что я все-таки поднимаясь, чтобы защитить лесника, потому что нельзя нам погибать здесь, в шаге от дома...

И тут я увидел, что над лесником склонилась Маша. Она гладила его по щеке, шептала что-то не по-русски, и, еще не сообразив, что это она ударила меня, приняв за стражника, я понял, что Сергей умер, — столько горя было в ее узких дрожащих плечах.

Почему-то, прежде чем подняться, подойти к ней, я принялся стаскивать муравьиный шлем, чуть не оторвал себе ухо, но все это было неважно, и неважно было, что не слушается рука и кружится голова, — я поднялся на колени и подполз к Маше. Она только мельком взглянула на меня.

— Скорей, — сказал я. — Они могут найти нас... Скорей.

Я не хотел думать, что лесник умер, — понимание этого отступало перед необходимостью как можно скорей перенести его обратно, домой. Если мы это сделаем, то все обойдется...

Я обломал стрелу у самой гимнастерки, мокрой от крови. Мы тащили Сергея лицом книзу, ни у меня, ни у Маши не оставалось сил, чтобы поднять его. Нам пришлось раза два останавливаться, чтобы отыскать дверь, и у меня тряслись руки от страха, что мы ничего не сможем сделать.

И когда мы, выбившись из сил, упали у самого шалаша, лесник сказал тихо, но четко:

— Ружье не оставляй.

— Господи! — ахнула Маша. — Какое ружье... какое еще ружье...

А я заставил себя подняться, пробежать по смятой траве к тому месту, где упал лесник, нашел ружье, взял почему-то и топор с двумя лезвиями, а когда вернулся, Маша уже наполовину втащила Сергея в шалаш, и я неловко, стараясь не упасть, помог ей протолкнуть его и самой втиснуться в черную завесу, бесконечную и краткую, и возвратить Сергея к себе, к болоту, соснам. Я знал, что если все это не сон, то там, у себя, я уже не смогу сделать ни шага, что Маше одной придется бежать по лесу, потом к дороге, в больницу, к врачу, и она может не успеть.

1975 г.

ЦАРИЦЫН КЛЮЧ

1

Некогда, при царе Алексее Михайловиче, Нижнесотвинск чуть было не стал настоящим городом. Но постепенно другие уральские города отобрали у него население и славу. Рудознатцы не отыскали там железа и самоцветов, а железная дорога прошла на сто верст южнее. Так, в обидах и небрежении, Нижнесотвинск дожил до наших дней, едва выслужившись до районного центра. И то лишь потому, что район был слишком отдаленным: в нем не нашлось больше ни одного города.

Когда Элла Степановна сошла с запыленного автобуса на центральную площадь, она прониклась к Нижнесотвинску состраданием. Он показался ей похожим на старую деву, потерявшую надежду на личное счастье.

Элла Степановна поправила непокорные рыжеватые волосы и обернулась к автобусу, опасаясь, что Андрюша и Вениамин обязательно что-нибудь забудут. В экспедиции кто-то должен следить за порядком, а кто-то должен все терять. К сожалению, за порядком приходилось следить Элле, а все теряли остальные.

На размякшую от жары, штопаную асфальтовую мостовую легко спрыгнул Андрюша с двумя чемоданами и гитарой через плечо. Элла Степановна подумала, что, будь она его матерью, обязательно заставила бы постричься. Выгоревшие, до плеч патлы в сочетании со слишком потертными джинсами вызывают к юноше недоверие.

Андрюша поставил чемоданы на асфальт, глубоко вздохнул, обвел ленивым синим взглядом площадь, окруженную разного возраста и сохранности двухэтажными домами.

— Помоги Вениамину, — сказала Элла Степановна.
Вениамин как раз застрял в двери автобуса, заклинив-

вшись рюкзаком, и старался освободиться, не потеряв чувства собственного достоинства. Он был крайне самолюбив и легкораним, как и положено аспиранту, который отлично играет в шахматы, но всю жизнь мечтал стать боксером.

Андрюша вместо того, чтобы помочь старшему товарищу, глупо захохотал. Спасибо, старушка, которая ждала очереди выйти из автобуса, сильно толкнула Вениамина в спину, и тот вылетел прямо в руки Андрюше. Тут же резко вырвался и намеревался обидеться, но Элла Степановна мудро пресекла эту попытку, спросив:

— Где синяя сумка?

— Я так и знал, — сказал Андрюша и полез в автобус.

Через полчаса фольклорная экспедиция сидела в столовой № 1 Нижнесотвинского райпищеторга, ела пельмени, запивала компотом и размышляла, что делать дальше.

Последние восемьдесят километров до Полуехтовых Ручьев оказались самым трудным участком тысячекилометрового пути. Автобус туда не ходил, попутных машин не нашлось.

Рядом усился местный доброхот Гриша Пантелеев в белой фуражке. Пантелеев был пессимистом.

— Нет, — говорил он, прихлебывая теплое пиво, — до Ручьев вам не доехать. И не надейтесь. Это я точно говорю. Легче обратно в Свердловск. Я как-то в Ручьи собрался за малиной, малина там как яблоки, три дня попутки ждал, плюнул. И вам советую.

— Разве туда машины не ходят? — спросила Элла Степановна, которая была убеждена, что машины ходят всюду.

— Ходят, — согласился Гриша. — Прямо отвечу — ходят. Молоко оттуда возят, в кружевную артель машина ходит. Ревизия в том месяце ездила тоже на машине.

— Почему ревизия? — спросил Андрюша. — Воруют?

Пантелеев удрученно поглядел на Андрюшины патлы и ответил Элле Степановне:

— Темный они там народ. Уже третий раз скандал. Молоко привезут, а вытрясти не могут.

— Простокваша? — спросил Андрей.

— Масло, — ответил Пантелеев Элле Степановне. — Чистое масло. Наверное, вредители.

— Дорога плохая, — сказал Вениамин. — Происходит сепарация жиров.

— Дорога разная, — возразил Пантелейев. — Но вернее всего, воруют. Клюкву видали? Клюква как помидор. Зачем это клюкве?

— А сегодня больше машин туда не будет? — спросил Вениамин.

Вениамину Пантелейев отвечал. Вениамин был в очках.

— Не надо вам туда, — сказал он. — Раз вы песни и сказки собираете, оставайтесь здесь. Лучше места нету. Посидим, поговорим, я вам такие песни спою — ахнете! Я узбекские знаю и итальянские. Композитора Пахмутову пою. Хотите, исполню? Магнитофон с собой?

— Спасибо, не надо, — сказала Элла Степановна терпеливо. — Нижнесотвинск уже охвачен. Нас интересует именно фольклор Полусехтовых Ручьев.

— Это последнее «белое пятно» на фольклорной карте Урала, — добавил Вениамин.

— Понимаю, — сказал Пантелейев, — как не понять. Пускай остаются «белым пятном». Чего их жалеть? Вы лучше послушайте...

И Пантелейев запел бодрую молодежную песню, размахивая не в такт пивной кружкой. Девушка за буфетной стойкой крикнула:

— Пантелейч, уймись!

— Мы фольклор собираем, — возразил Пантелейев. — Сейчас все вместе споем, а экспедиция на магнитофон запишет. Ты, Вера, слова знаешь?

Он поднялся, отошел к стойке и стал напоминать буфетчице слова.

Вениамин пожал плечами, Андрюша сказал:

— Может, сбежим? Я с шофером на площади потолкую. А то пешком пойдем. Восемьдесят километров не расстояние для энтузиастов.

— Убежим, — согласилась Элла Степановна.

Но тут дверь в столовую распахнулась и вошли два человека.

Первый, с толстым портфелем в руке, был высок ростом, немного сутул и предупредителен в движениях. Даже в такую жару он оставался в темном костюме, сиреневой сорочке и вишневом галстуке. У него было длинное очень белое лицо, ровно расчерченное попереч-

ными полосками — полоской рта, полоской усиков, полоской темных глаз и полоской тонких, сросшихся над переносицей бровей.

Вслед за ним вошел богатырь в мятых просторных брюках и серой рубашке с закатанными рукавами. У богатыря было розовое младенческое лицо, голубые глаза навыкате и мокрые губы. Пшеничные кудри прилипали ко лбу.

Они подошли к стойке и остановились перед ней, как нью-йоркские миллионеры перед витриной ювелирного магазина — небрежно, лениво, все по карману, все достаточно.

— Рыбки не привезли? — ласково спросила буфетчица.
— Рыбки нету, Вера, — печально ответил высокий.
— Гурген спрашивал, — сказала Вера, глядя на богатыря.

Богатырь оттесnil локтем Пантелейева и приказал:
— Печенья «Юбилейного» три пачки, полкило лимонных, бутылку шампанского. Гургену скажешь, что в четверг. — Потом обернулся к высокому и спросил: — Эдик, шампанское будешь брат?

И тут в разговор вмешался Пантелейев.
— Слушай! — закричал он взволнованно. — Все правильно! Я же предупреждал!

Богатырь, не обращая на него внимания, раскрыл бумажник и стал считать деньги.

— Ты не отворачивайся, не отворачивайся, — обиделся Пантелейев. — Люди из Свердловска к тебе ехали, с трудом разыскали.

— Вы к Васе? — спросил высокий Эллу Степановну.
— Я им так и говорю, — сказал Пантелейев. — До Ручьев вам в жизни не доехать. Нет такой сказки. Если только, говорю, Эдуард с Васей захватят.
— Вы из Полуехтовых Ручьев? — догадалась наконец Элла Степановна. — И у вас есть машина?

Губы Эдуарда натянулись в улыбке.
— В гости? — спросил он. — Или по делу?
Богатырь Вася приоткрыл рот, думал и показывал выражением лица, что экспедиция ему не нравится.
— Мы фольклорная экспедиция, — сказала Элла.
— Нет, — сказал Вася, — наша машина вам не подойдет.

— Ты что! Ты что! — возмутился Пантслеев. — Они песни собирают. Я тут им одну пел.

— Нам все равно! — вмешался Андрюша. — Хоть на танке.

— Танков у нас нет! — Высокий Эдуард направился к Элле, протягивая узкую руку. — Но чем можем, готовы помочь. Всегда готовы. Винокуров Эдуард Олегович, временно проживаю в деревне Полуехтовы Ручьи. Можно сказать, местная интеллигенция. Значит, за песнями?

— За песнями тоже. — И Элла представила ему спутников.

— Это изумительно, превосходно! — обрадовался Эдуард. — У нас в деревне чудесные песни. Старухи помнят. И молодежь тоже. Надолго к нам?

— На месяц, если все пойдет как надо.

— Спасибо, — сказал Эдуард, — нашей науке, что не забывает об отдаленных поселениях. У нас и сказки бытуют. Или вы сказками не интересуетесь?

— Груз у нас в кузове, — сказал богатырь Вася. — Тесно.

— В тесноте, — назидательно обернулся к нему Эдуард, — но не в обиде. Элле Степановне уступим место в каюте. Товарищи, вы закончили питание?

— В любой момент готовы в море, — не выдержал Андрюша.

Элла Степановна окатила его холодным взглядом, Вениамин толкнул острым локтем, а Эдуард положил на плечо руку и сказал:

— Замечательно. Отличная у нас растет молодежь, смелая, решительная! Ты в какой класс перешел?

— На второй курс, — сказал Андрюша и осторожно двинул плечом. Эдуард руку убрал и посмотрел на электронные часы.

— Сбор на площади, — сказал он. — В семнадцать сорок пять. Успеете, коллеги? Где ваше оборудование? Приборы? Багаж?

— Все здесь, — нежно ответила Элла Степановна. — Только вы без нас не уезжайте, пожалуйста.

Брови Эдуарда поползли вверх, остановились, сломались пополам, лицо стало скорбной, трагической маской.

— Не смейте так думать! — сказал он тихо. — Попшли, Вася.

Богатырь Вася прижал к груди пачки с печеньем и шампанским и повернул к фольклористам неодобрительную спину.

Элла гусыней увела своих юношей обратно к столу, а Пантелеев покинул стойку и, высоко неся пивную кружку, приблизился к ним:

— За здоровье присутствующих здесь дам! И... что бы вы без меня делали?

Тогда Андрюша достал из кармана значок с изображением Карлсона, который живет на крыше, и торжественно приколол к груди Пантелеева. Тот не обиделся, выпятил грудь, чтобы Андрюше было сподручнее прикалывать, и косил глазом, забыв о кружке, из которой лилось на пол пиво.

2

Грузовик из Полуехтовых Ручьев стоял у приземистого коричневого собора, над которым кружились галки. Из-за зеленого борта кузова торчали крышки молочных бидонов. Вениамин подавал снизу вещи, Андрюша забрался внутрь и принимал их, а Элла Степановна вслух считала, чтобы ничего не забыть. В голове Вениамина зрело элегантное решение известной задачи Шлеппентоха с жертвой двух коней, но он отгонял решение и старался дышать редко и глубоко по рецепту йога Рамакришнадэвы.

Подошли Эдуард с Васей. Они тащили за рукоятки еще один бидон. Эдуард издали помахал свободной рукой, радуясь встрече. Вася глядел вдаль. Поставив бидон на асфальт, они перевели дух, и Эдуард спросил:

— Мы вас не заставили ждать?

— Что вы! — возразила Элла Степановна. — Не о чем говорить.

— Замечательно! Через двенадцать минут в путь. Элла Степановна в каюте, а я с молодыми людьми на верхней палубе. Возражений нет?

— Я пошел, — сказал Вася.

— Замечательно. Иди. И возвращайся. Даю тебе четыре минуты.

Эдуард обернулся к Элле и разъяснил:

— Обязательные закупки. Жизнь в отдаленной дерев-

не обрекает нас на выполнение отдельных поручений наших земляков.

— Разумеется, — согласилась Элла Степановна.

— А теперь, — Эдуард потер ладони, — наша насущная задача — поставить бидон в кузов так, чтобы его не опрокинуть. Могу ли я рассчитывать на помошь моих молодых коллег?

Андрюша ринулся к бидону, но Вениамин отстранил его.

— Я сам, — сказал он. Сказал сухово, просто, по-мужски.

Андрюша не стал спорить, он вспомнил, что забыл купить сигареты, и помчался через площадь к магазину — патлы веером, а Эдуард крикнул весело вслед:

— Имеешь три минуты! Море не любит опоздавших!

— Есть, капитан! — ответил на бегу Андрюша.

Эдуард поднял тяжелый бидон, протянул к небу, будто посвящая его в жертву Солнцу, а Вениамин, перегнувшись из кузова, принял груз. При этом он сильно рванул на себя, подошвы скользнули, Вениамин сел в кузов, крышка бидона отлетела, сам бидон ухнул по мягкому, придавив аспиранта, и на несколько секунд грянуло тяжелое безмолвие неизвестности.

Тишину нарушил стук капель. Темная жидкость, проникнув между досок кузова, выбивала дробь по асфальту, расплываясь в зловещую чернильную лужу.

— Кровь, — прошептала Элла Степановна, — человеческая кровь.

Шепот ее был громок и страшен. Кричали галки.

— Нет, — ответил тоже шепотом Эдуард, — это, наверное, не кровь...

Из кузова донесся удар, потом слабый голос Вениамина:

— Почти ничего не пролилось.

— Ты поврежден? — спросила Элла Степановна, поднявшись на цыпочки, чтобы заглянуть через борт. Эдуард обнял женщину и приподнял.

— Спасибо, — сказала Элла, не оборачиваясь. Все ее внимание было устремлено внутрь кузова.

— Я цел, — сказал Вениамин, закрывая бидон.

Он поднялся. Элла в ужасе запрокинула голову.

Лицо Вениамина было разделено пополам широкой черной вертикальной полосой, которая продолжалась на

рубашке и, раздваиваясь, нисходила по брюкам. Руки были черными по локоть.

— Что с тобой, мой мальчик? — Элла Степановна отпрянула, и Эдуард, который продолжал держать ее на весу, был вынужден отступить на два шага.

— Это вытекло из бидона, — сказал Вениамин. — Во всем виноват только я один.

— Вы должны были предупредить, — сказала скорбно Элла Степановна и поняла, что находится в воздухе. — Отпустите меня!

Эдуард подчинился и перевел дух.

— Я хотел вам помочь, — сказал он.

— Надеюсь, — сказала Элла Степановна. — Вениамину надо умыться.

Эдуард хмыкнул.

— Ничего смешного, — сказал Вениамин.

— Я не смеюсь. Но придется потерпеть до реки, — сказал Эдуард. — Километра через два. Это спиртовая тушь. Отмывается, простите, с трудом. Василий весь запас в канцелярском магазине купил.

— Спиртовая тушь? Это еще зачем? — спросила Элла Степановна.

— Пузырьками покупали, — сказал Эдуард. — Целое состояние. Вася будет переживать. Он полы красить хотел.

Вениамин смотрел на свои ладони и страдал. Он был сам себе противен. Разве нормальный человек обливает себя спиртовой тушью из молочных бидонов?

В этот момент с разных концов пустынной раскаленной площади, увязая в асфальте, показались Василий и Андрюша. Андрюша нес блок сигарет, Вася — детскую эмалированную ванночку. Вслед за Васей семенил маленький человек в большой кепке. Увидев полосатого Вениамина, человек присел и бросился назад. Василий сбежал с шага и на секунду прикрыл ванночкой лицо. Но Андрюша узнал Вениамина почти сразу.

— Не пижонь, Веня! — крикнул он. — Не надо!

Испуганные галки вились над колокольней кирпично-го собора.

Вдали показался милиционер и, приставив ладонь козырьком к фуражке, всматривался в фигуру на грузовике.

— Придется, простите, спрятаться, — сказал Эду-

ард. — Будешь на полу сидеть. Тебе уже все равно, а люди пугаются.

Василий остановился, не доходя до машины, и мрачно спросил:

— Все вышли?

— Самую малость, — сказал Эдуард. — Пузырьков десять.

— На что только мы не идем ради красоты, — сказал Андрюша. — Это сливки?

— Замолчи, — сказала Элла Степановна. — И посмотри, не облил ли Вениамин вещи. Он сейчас в таком состоянии...

Василий, передав Андрюше ванночку, взобрался на подножку, заглянул в кузов и сказал:

— Рублей на пять как минимум.

— Мы заплатим, не беспокойтесь, — сказала Элла Степановна.

— Не надо, — сказал Вениамин, — плачу я.

— Вот и превосходно, замечательно! — веселым голосом воскликнул Эдуард. — Свистать всех наверх! Через минуту отдаем концы!

3

У моста через реку Сотью простояли полчаса. Эдуард Олегович оказался прав. Тушь была спиртовой, качественной, стойкой. Ни мыло, ни песок ее не взяли. Полосы и пятна на Вениамине лишь слегка потускнели.

На дне кузова тушь засохла и блестела. Солнце отражалось в ней, как в бездонном омуте.

Наконец поехали дальше. Андрюша и Эдуард стояли, держась за кабину. Вениамин сидел в углу и делал вид, что читает в оригинале роман Агаты Кристи.

После сельца Красное дорога сузилась. По сторонам потянулись вековые ели, которые закрывали дорогу от опускавшегося солнца. Иногда стена елей прерывалась голубым озером, подправившим стену скал. Впереди показался каменный мост через ручей. Мост был стар и удивителен. Его ограждали перила на точенных столбиках, а на въезде, охраняя мост, щерились каменные львы ростом с дворнягу.

— Остановитесь! — завопил Андрюша. — Немедленно остановитесь!

Машина судорожно дернулась, тормозя. Дверца кабины распахнулась, оттуда высунулось розовой луной злое лицо Васи.

— Чего еще? — спросил он.

— Наш юный друг, — разъяснил Эдуард, — увидел достопримечательность.

Андрюша, прижимая к животу камеру, перемахнул через борт грузовика.

— Ехать надо, — сказал Василий. — Темно будет.

— Ничего, — возразил Эдуард Олегович. — Объявляем пятиминутный привал на свежем воздухе. Вениамин, рекомендую провести повторную очистку лица в этом изумительном ручье.

Вениамин покорно спустился к ручью. Эдуард подал руку Элле, помогая выйти из кабины. Василий сидел за рулем и глядел вперед. Андрюша кружил по мосту, под мостом, вокруг моста, выискивая точки для съемки.

— Откуда это могло произойти? — крикнул Андрюша.

— С дореволюционных времен, — сказал Эдуард. — В литературе об этом сведений мне не удалось отыскать.

— Очень похоже на восемнадцатый век, — сказала Элла Степановна, поглаживая льва по озлобленной морде. — Наивно и провинциально.

— Здесь и была провинция, — согласился Эдуард. — Может быть, сам Полуехтов поставил.

— Кстати, кто такой этот Полуехтов? Почему деревня ваша так странно называется?

— Местный помещик, майор, — сказал Эдуард. — О нем ходит множество сказок.

Вениамин вернулся от ручья.

— Великолепно, замечательно, — обрадовался Эдуард. — Лучше, намного лучше.

— Еще сорок ручьев, — сообщил Андрюша, перематывая пленку, — и можно выпускать в свет.

Когда поехали дальше, Василий, который раньше упрямо молчал и даже не глядел на Эллу Степановну, вдруг обернулся к ней и сказал:

— Он не просто майор, а секунд-майор.

— Вы о ком? — спросила Элла.

— О Полуехтове, о ком же еще? У нас полдеревни Полуехтова.

— А давно он жил?

— До революции.

— У вас сохранились старожилы? — спросила Элла, которая любила работать со старожилами.

— Есть один, который помнит, — сказал Василий. — Только не станет он с вами говорить.

— Переубедим, — возразила Элла Степановна. — У меня достаточный опыт. Как его зовут?

— Григорием.

— А фамилия?

— Не знаю. Не говорил он мне своей фамилии.

И хоть Василий не улыбался, смотрел вперед, в голосе его Элла Степановна интуитивно почувствовала издевку, замкнулась и прекратила расспросы.

Машина выехала на каменное покрытие. Торцы были уложены полукружиями, ровно, словно на площади немецкого города. Грузовик сразу прибавил скорость, пока-тил веселее.

Андрюша вытянул вперед голову и сказал:

— Одна тайна набегает на другую. Кто мог ожидать?

— А что там? — спросил из угла кузова Вениамин.

— Торцовая мостовая. Это тоже майор-помещик бало-вался?

— В этих местах помещики не жили, — сообщил Вениамин. — Слабое развитие сельского хозяйства.

Солнце скрылось за синим длинным облаком. Встречный ветер стал зыбким, резким, словно впереди открыли дверь в холодильник. Грузовик дребежал, ревел, одолевая подъемы.

— А эта дорога только до Ручьев? — спросил Андрюша.

— Дальше пути нет. Тайга, болото, горы, — сказал Эдуард. — Край света. Так и живем.

Вениамин стал кашлять. Надрывно и скучно. Ему было стыдно, но остановиться он не мог. Эдуард достал из верхнего кармана пиджака пачку таблеток и спросил:

— Без воды сможешь проглотить?

— Смогу, — сказал Веня.

— Глотай. К утру пройдет. У меня здесь дисквалифи-

кация наступает. Воздух чистый, никто не болеет. И я, фельдшер, по совместительству руковожу культурой.

Василий включил фары. Темнота сразу поглотила тайгу.

Через несколько минут машина выкатила на вершину холма, и впереди в распадке показались уютные теплые огоньки. Грузовик замер, словно Василий хотел, чтобы его пассажиры ощутили бесконечную благостную тишину этого вечера.

И вдруг в эту тишину вплелся, не нарушая, а лишь подчеркивая ее совершенство, далекий ясный девичий голос, который пел нечто сказочно печальное, трогательное и нежное.

Голос был лесным, он принадлежал вечеру и небу, луне и первым звездам, шуршанию листвы вековых берез у дороги.

— Что это? — прошептала Элла Степановна.

Василий не ответил. Достал папиросы и закурил, стараясь не шуметь.

— Наяда, — сказал Андрюша, поднимаясь в кузове и всматриваясь вперед. Он был не чужд сентиментальности.

— Шуберт, — сказал Вениамин. — Си минор.

— Наша, — улыбнулся Эдуард Олегович, и его зубы блеснули голубым. — Ангелина. Занимается у меня в самодеятельности. Должен отметить, что она отлично закончила сельскохозяйственный техникум и недавно вернулась в родные края. Изумительная у нас молодежь.

Этой фразой и резким голосом Эдуарду удалось нарушить очарование сказки. Грузовик скатился с холма, вызвав негодование собак, миновал крайние дома, потом Эдуард постучал в кабину, веля Василию остановиться перед высоким, серебряным от старости бревенчатым домом.

— Здесь мы вас и разместим, — сказал Эдуард Олегович. — Школа у нас начальная, — добавил он, спускаясь на землю. — Небольшая, в данный момент находится в состоянии ремонта. Клуб активно используется молодежью, сам я размещаюсь в здании клуба, в одной комнате. А этот дом доступен. Семья невелика, а от скромной мзды никто не откажется... Вам гостиницу оплачивают?

Эдуард выразительно посмотрел на Эллу Степановну.

Ему вообще нравилось глядеть на нее под различными предлогами.

— Мы, разумеется, заплатим, — сказала Элла.

— Лучше к деду Артему, — сказал Василий.

— Нет, мой друг, у Артемия Никандровича антисанитарные условия. Утверждаю как медик. Здесь же... Ты не будешь спорить, если я скажу, что этот дом скрупулезно чист?

Из темноты послышался дребезжащий голос:

— Журнал «Вопросы истории» привез?

Небольшого роста человек стоял неподалеку. Андрюша разглядел острую, клинышком седую бороду из-под кепки.

— Привез, Артем Никандрыч, — сказал Эдуард. — Познакомься, это гости к нам, экспедиция.

— Экспедиция нам не помешает, — сказал старичик, — хоть пользы от нее мало.

— Артемий Никандрыч — наш краевед, хранитель природы, — сказал Эдуард Олегович.

Старичок поклонился. Об этом можно было догадаться по тому, как бородка совершила резкое движение вниз, закрытая кепкой, и возникла вновь.

— Эколог, — поправил старичик. — Балуемся экологией. Это точ-на. Давай журнал.

Эдуард отыскал журнал в портфеле, а старику вместо благодарности проворчал:

— Ты с Василием меньше общайся. Ты интеллигенция, а он жулик. Точ-на! Взятки детям дает.

— Заткнись, дед, — сказал Василий.

— Не заткнешь. Правду не заткнешь.

— А какие взятки? — вмешался нетактичный Андрюша.

— Шутка это, — сказал Эдуард. — Вася рыбкой ба-луется. Уху любит. Самому некогда, так он детям подарки за рыбку привозит. Рыбка у нас славная.

— Ушицу все любят, — донесся из темноты голос. — Это точ-на. Только смотря в каких количествах. Доберусь я до тебя, Василий.

— Иди ты! — озлился Вася.

— Уже ушел, — сказал дед издали.

И снова воцарилась тишина. Где-то далеко хлопнула дверь, выпустив человеческий голос и звук краковяка.

Взбрехнула собака, другая быстро, словно спросонья, ответила ей...

Вдруг тишину разодрал, смыл и отбросил страшный нечеловеческий крик:

— Омниамеемекумпоррто!

Этот пронзительный крик прокатился над деревней, погрузив ее в оторопь, заставив притаяться все живое, загнав в конуры собак, прозвенев стеклами окон... Некоторое время он еще дрожал в воздухе, затем, с сожалением выпустив из своих тисков деревню, нехотя откатился к горам.

— Что это?! — ахнула Элла Степановна.

— Не волнуйтесь... Не надо... — Эдуард обернулся к застывшему у грузовика Василию: — Он вернулся. Понимаешь?

— Да, — ответил Василий. — Побегу, — добавил он и тяжело затопал в темноту.

— Что же это? — спросил Андрюша, которому казалось, что он совсем не испугался.

— Не обращай внимания, — сказал Эдуард. — Это местный фольклор.

— Нет, — сказал Вениамин. — Это было живое существо, находившееся в состоянии душевного стресса. И мне показалась знакомой эта фраза... Я ее где-то слышал.

Эдуард бросил на аспиранта быстрый взгляд:

— Где, не припомнишь?

Постепенно мирные звуки вечера возвращались в деревню. Собаки негромко обменивались впечатлениями, вновь заиграло радио. Деревня делала вид, что ничего не произошло.

И тут со стороны леса, подходившего к самой оконице, в воздухе материализовалась тонкая белая фигура, которая плыла над сырым выгоном.

Первым эту бесплотную фигуру увидел Вениамин, тихо ахнул и быстро отступил за машину. Он, разумеется, не верил в привидения, хотя в тот момент был склонен поверить во что угодно. Но даже и поверив, Веня никогда бы не спрятался за машину, не будь на нем безобразных следов черной туши.

Движение Вениамина и даже побудительные причины его не укрылись от Эдуарда, который пригляделся к белому призраку и с видимым облегчением воскликнул:

— Ангелина! Гелечка! Мы ждем тебя. Глафира еще не возвращалась?

— Добрый вечер, Эдуард Олегович, — сказало привидение. — Мамы нету. А что?

— Гости приехали из Свердловска. Я подумал, подумал и решил, у вас в доме свободно...

— Пускай живут, — сразу сказала Ангелина.

Она остановилась совсем рядом с Андрюшой, и тот, хоть было и совсем темно, смог разглядеть девушку. Она была высока ростом и крепка в кости. Светлые волосы падали на плечи, а тело загорело настолько, что почти скрывалось в темноте, сливаясь с воздухом, лишь сарафан, белки глаз и зубы были видны отчетливо и, казалось, фосфоресцировали.

— Вы заходите, — сказала девушка.

— Это вы пели? — спросил Андрюша.

— Она, она, — сказал Эдуард. — Чудесный голос. У меня в ансамбле участвует. В институт готовится.

— Ну что вы, — сказала девушка, — зачем?

— Это был Шуберт, — раздался голос из-за грузовика.

— Кто там? — спросила Ангелина.

— Это наш сотрудник, — сказал Андрюша. — Он сегодня замаскирован под зебру и не хочет пугать местное население.

Вениамин громко скрипнул зубами.

Эдуард запустил руку в кабину.

— Это от Васи, — сказал он. — Гостицы. Печенье и шампанское.

— Не надо, — сказала Ангелина.

— Не хочешь? Ну и превосходно, изумительно, — обрадовался Эдуард. — Причаливайте, друзья мои. Завтра нам предстоит большой день.

Элла Степановна с Андрюшой приняли от Вениамина, который забрался в грузовик, вещи и понесли их в дом. Два последних чемодана достались Вене.

— Идите, — сказал Вениамин. — Я потом.

Ангелина прошла в дом первой: Она сразу принялась за хозяйство — делала все быстро, споро, но без спешки, сама ничего не говорила, только отвечала на вежливые вопросы Эллы Степановны. Андрюша тем временем до-

стал колбасу, консервы и вызвался помочь Геле накрывать на стол, но помощь была отвергнута.

Девушка Андрюше понравилась. И тем, что была высокой, одного роста с ним, и легкостью движений, и чистотой спокойного лица, и скромностью. Пока закипал чайник, Андрюша отнес на холодную половину белье и часть вещей — там на двух кроватях будут спать они с Вениамином. Элле Степановне постелили за тонкой перегородкой рядом с большой комнатой.

Только когда Геля собрала на стол, Элла спохватилась:

— Андрюша, где Вениамин? Неужели опять что-то случилось?

— Кует себе железную маску, — сказал Андрюша и пошел искать аспиранта.

Вениамин сидел на крыльце, рядом стояли чемоданы. Он смотрел на звезды и переживал.

— Слушай, здесь ночевать бессмысленно, — сказал Андрюша. — Я ее подготовил, сказал, что ты принадлежишь к особому племени.

— Ах, оставь, — сказал Вениамин. — Ты не понимаешь, она так поет Шуберта, я просто не могу. Побуду здесь. А когда свет погашат, пройду.

— Да ты хоть сейчас можешь пройти. Из сеней налево, не надо в дом входить. Я тебе уже и простыни положил. А чаю попьешь?

— Нет, не хочется, — ответил Веня так, словно отказывался от счастья.

— Ясно, — сказал Андрюша и вернулся в дом.

Веня проскользнул вслед за ним и укрылся в холодной горнице, не зажигая света.

Он был искренне растроган, когда через полчаса Андрюша принес чашку с горячим чаем, бутерброд с колбасой, но главное — таз и чайник с кипятком. Веня скреб лицо и руки мочалкой, и в темноте ему казалось, что краска поддается, покидает лицо и вода в тазике темнеет.

Вернулся Андрюша, зажег свет и сказал, что с тушью наблюдался прогресс. Он улегся и долго не засыпал, рассказывал Вениамину, что будет готовить Ангелину к институту, что ее мать Глафира — здешний бригадир. Вениамин ревновал. Так и не увидев Ангелину, он уже влюбился в ее чистый голос и склонность к романтике —

иной человек не будет гулять в одиночку по околице и петь Шуберта. А вдруг она ждала Василия?

— Я теперь понимаю, почему Василий не хотел, чтобы мы в этом доме остановились, — сказал, засыпая, Андрюша. Будто угадал мысли Вениамина.

4

Утром Вениамин проснулся первым. Солнце только встало и было в маленьком оконце. На соседней кровати, такой же, как у Вениамина, с блестящими шарами на спинке, на высокой перине безмятежно спал Андрюша. Было очень тихо, лишь опоздавший улететь на покой комар жужжал под темным дощатым потолком.

Вениамин поглядел на часы. Половина шестого. Неладно, подумал он. Слишком тихо. Должны кричать петухи, лаять собаки, мычать коровы... Странная деревня. Что означал вчерашний вопль? Он как будто нес в себе послание, смысл которого мог открыться лишь Вениамину. Но почему Вениамину?

Додумать Вениамин не успел. Раздался глухой короткий удар, словно выстрелила пушка.

Андрюша, не поняв, что его разбудило, вскинулся, сел в постели и растерянно спросил:

— Что? Где?

Вениамин не ответил. Он слышал другое: удар оказался сигналом, открывшим дверь утренним звукам — заорал петух, откликнулся другой. Отчаянно забрехала собака, замычали коровы и запели птихи.

Андрюша замотал головой и нырнул под одеяло.

Вениамина уже не хотелось спать.

Он поднялся, нашел свое полотенце, зубную щетку и пошел искать, где бы умыться. Все житейские удобства он отыскал в нежилой половине дома, откуда вела лестница вниз, к хлеву, в котором зашевелились, увидев его, овцы. Кто-то открыл загородку, выпуская овец, и Вениамин спрятался за углом, потому что был в майке и стеснялся своих тонких бледных рук. А когда он уже в рубашке и брюках, причесанный и цивилизованный, вышел на двор, там было пусто.

Калитка громко скрипнула, выпуская Вениамина на улицу.

Улица была широкой, зеленой, и посреди нее, будто ручей, струилась пыльная дорога. Дома стояли вольно, обнесенные высокими заборами. Но чтобы никто не подумал, что здесь живут замкнутые и скучные люди, наличники окон, коньки крыши и даже столбы ворот и калиток были резными, а косынки раскрашенными.

Улица сбегала к реке и на полпути пересекалась с другой. На перекрестке темнела купа лип, и Вениамин подумал, что такая купа для деревни нетипична. Туда он и направился.

Но остановился на полдороге.

Из купы деревьев не спеша вышел бурый медведь, огляделся, наклонил морду, отгоняя собачонку, выскочившую из-под забора, потом медленно затрусила в сторону, вскидывая задом.

Вениамин замер. Дальше идти нельзя. Медведь мог подстерегать его за углом. Но что-то надо было делать, ведь в деревне женщины и дети, не подозревающие о страшном звере...

Вид узкой спины Вениамина, которая неуверенно покачивалась в проеме калитки, насторожил проснувшегося и также вышедшего на разведку Андрюшу.

— Эй, — сказал он, дотрагиваясь до плеча аспиранта, — ты что?

Вениамин странным образом подпрыгнул и обратил к Андрюше дикий взор.

— Там ходят медведи.

— Где ходят медведи? — удивился Андрюша.

— По улице. Я сам видел.

— Надо принимать меры, — сказал Андрюша и побежал к дому.

Он еще вечером обратил внимание на ружье, висевшее над диваном в горнице, и теперь сорвал его со стены, подхватил патронташ, сломал ружье о колено, вогнал в оба ствола по патрону. Элла Степановна заворочалась за занавеской, и Андрюша на цыпочках выбежал из комнаты.

Вениамин все так же покачивался в калитке, не зная, что делать. Он отступил в сторону, пропуская Андрюшу, и побежал следом, говоря на бегу:

— Это же чужое ружье! Разве можно брать без разрешения?

— Некогда размышлять, — отвечал Андрюша. — Медведи и волки покоряются только грубой силе!

Из калитки дома поновее других, покрашенного желтой краской, с голубыми наличниками и красной крышей выбежали двое мальчишек лет по семи. Они замерли, увидев, как по улице несется приезжий человек в голубых золотанных штанах и майке с изображением гитары, длинные его патлы развеваются по ветру, а в руках ружье. А вслед за ним второй приезжий, поменьшеростом, в городском костюме, с очками на кончике острого носа. Мальчишки присоединились к бегущим.

— Опасность! Все по домам! — крикнул им Вениамин.

Мальчишки по домам прятаться не стали, но крик Вениамина встревожил деревню, и к окнам вдоль всей улицы тут же прилипли женские и старушечьи лица.

Андрюша выбежал на перекресток, и в этот момент из углового дома с надписью «Магазин» вышел бурый медведь. Он зловеще облизывался, и Андрюша с отчетливым замиранием сердца понял, что опоздал — зверь уже успел кем-то полакомиться.

Поднявшись на задние лапы, словно пританцовывая, медведь надвигался на него. Андрюша нашупал курки и нажал на них. Ружье сильно отдало.

Медведь схватился лапами за грудь и, заметавшись, повалился назад, уселся в пыль. Он заревел тревожно и глухо.

Андрюша старался вспомнить, куда он засунул запасные патроны. Тщетно! Тогда он перехватил ружье за дуло, чтобы действовать им как дубиной. Тем временем медведь снова поднялся, шерсть на груди была опалена выстрелом. Он грозно надвигался на студента. Андрюша понял, что надо бежать, но не успел.

Тяжелые когтистые лапы обхватили его.

Короткая и в целом счастливая жизнь промелькнула перед его глазами, начиная с первых детских воспоминаний о купании в ванночке и кончая последним, не очень удачным экзаменом по латинскому языку... Андрюша потерял сознание. Медведь, заграбастав охотника, прижал его к широкой бурой груди и, подывая, понес через площадь.

Увидев его спину, Вениамин понял, что не может оставить товарища в смертельной опасности. Он бросился за медведем и, догнав его, ударил кулаком в спину. Топ-

тыгин даже не обернулся. Он тащил Андрюшу к старому покосившемуся дому с шестью колоннами, сделанными из вековых бревен и когда-то покрашенными в белый цвет. На ступеньки этого дома медведь и бросил свою жертву.

Вениамин оглянулся, чтобы призвать на помощь людей или отыскать какое-то оружие, но в этот момент со стороны леса послышался громкий треск, и к дому подкатил мотоцикл с коляской, которым управлял мальчик лет двенадцати в больших темных очках, закрывавших ему пол-лица. В коляске сидела грузная пожилая женщина в черной шали.

Медведь, услышав, как тормозит мотоцикл, обратил к нему оскаленную морду и заревел оглушительно и обиженно.

Грузная женщина выбралась из коляски, обвела взглядом собравшуюся толпу, к которой присоединился уже встрепанный, в пижаме Эдуард, затем остановилась перед медведем.

— Ну! — сказала она. — Нельзя уехать на день! Чего натворил?

Медведь продолжал стонать, завозил лапами у груди, показывая женщине на рану.

— Погоди, — сказала женщина. — Не кричи на всю деревню. Не маленький.

Медведь замолчал, лишь его частое дыхание разносилось над площадью.

— Кто тут нахулиганил? — спросила женщина и перевела взгляд с распостертого Андрюши на Вениамина, сделавшего шаг вперед.

Мальчишка, которого аспирант недавно прогонял, спасая от зверя, вынес ружье и протянул грузной женщине.

— Вот, тетя Глафира. Они с ним бегали, — он показал на Вениамина, — и стреляли.

— Мос ружье, — сказала женщина. — Где взяли?

Андрюша шевельнулся, приоткрыл глаза, медведь покосился на него, и он поспешно смыкнул веки.

— Все ясно, — сказал Эдуард Олегович. — Это даже изумительно. Это просто великолепно. Я несу полную ответственность. Разрешите представить, Глафира Сергеевна, экспедиция из Свердловска. Приехали собирать народные песни. Интеллигентные, милые люди, фольклористы... Остановились у вас.

— Милые, говоришь? — удивилась грузная женщина.

на. — Утащили ружье, стреляют на улицах. Фольклористы! Ни минуты больше я их здесь не потерплю!

— Простите, — сказал Вениамин, стараясь обойти медведя так, чтобы приблизиться к Андрюше, о котором все забыли. — Это недоразумение. Мы увидели хищника и бросились спасать. Вокруг женщины и дети, как же вы не понимаете?

Объявленный хищником медведь заревел так, что Вениамин отступил снова, а Андрюша сжался в комок.

— Отойди, — сказала Глафира медведю. — Думать нужно, чужие люди, фольклористы, и пристрелить могут. — Медведь отходить не стал, но замолчал. — Эдик, у тебя мазь от ожогов есть? Займись зверем.

— Я не ветеринар, — ответил Эдуард. — На это Ангелина есть. Миша, заходи в дом, фельдшер тебе рану промоет.

— Боишься? — спросила Глафира Сергеевна.

Медведь глубоко вздохнул и, переступив через Андрюшу, пошел в дом.

— Я подчиняюсь силе, — сказал Эдуард.

— Подчиняйся, — сказала Глафира Сергеевна. — И учти, что Миша пострадал на работе.

— Бюллетень выписывать не буду, — буркнул Эдуард, запахнув пижаму и пошел вслед за медведем.

Андрюша, поняв, что опасность миновала, сел и схватился за голову. Голова гудела.

— Что? — холодно спросила Глафира Сергеевна. — Ранен? Тоже помочь нужна? Погоди, сначала Мишу починят, потом тебя.

— Нет, — сказал Андрюша, — спасибо.

Он встал. Его майка с гитарой была разорвана.

— Поймите, — сказал Вениамин, — мы действовали из лучших побуждений. Мы совершили естественный благородный поступок.

— Ладно, — сказала Глафира Сергеевна, — дома разберемся.

дительница деревни Полуухтова Ручьи, ее внук Коля, тот, что приехал с нею на мотоцикле, и члены фольклорной экспедиции.

— Ну как, — повторял Вениамин, — как мы могли догадаться, что медведь ручной?

— Не ручной, — возразила Глафира Сергеевна. — Он на работе.

Она налила чаю в блюдце, шумно потянула.

— На нем не написано. — Андрюша уже оправился от потрясения, но аппетит к нему еще не вернулся, потому он сидел на диване и штопал джинсы. — Кем же он работает?

— Из пушки стреляет. Больше некому, — сказала Глафира Сергеевна. — Мужиков в деревне недобор, все на работе, а традиции, сами понимаете, надо поддерживать.

— Вы хотите сказать, что у вас есть пушка? — Элла Степановна почему-то не так удивилась необычной работе медведя, как действующей пушке в далекой деревне. — Настоящая? Это же опасно.

— Без пушки мы, простите, не можем, — сказала Глафира, с наслаждением хрустя рафинадом. — Пушка у нас уже двести лет стреляет.

— А если вы в кого-нибудь попадете?

— Холостыми стреляем, — возразила Глафира Сергеевна. — Нам общество охотников выделяет черный порох. По безналичному расчету.

— А почему медведь? — спросил Вениамин. — В других деревнях тоже все заняты...

— В других деревнях с пушками плохо, — сказал Андрюша, перекусывая нитку. — Очень мало пушек в других деревнях. — Он обернулся к Глафире Сергеевне. — А пушка старая?

— Пушка старая, — сказала Глафира Сергеевна. Андрюша сей не нравился. Неопрятен, не пострижен, болтает по деревне с чужим ружьем. — Из пушки за двести лет ни в кого не попали, а ты, голубчик, в первый же день медведя покалечил.

Элла Степановна достала блокнот.

— Глафира Сергеевна, — сказала она, — пожертвуйте еще пять минут. Вы утверждаете, что традиция уходит корнями в глубокое прошлое. В легендарное прошлое...

— Не в легендарное, а в историю. Майор Полусктов

постановил сигнал давать, вот и тянетесь... Вы уж простите меня, в правление пора, звонка ожидаю из района. Совещание по льноводству в области, на кого хозяйство оставлю?

Глафира выпрямилась, развела широкие плечи, свела к переносице соболиные брови.

— Я пошла, а вы уж больше не самоуправничайте, мало ли чего натворите, фольклористы.

— Простите, — сказала Элла. — Мальчики хотели творить добро.

Глафира Сергеевна надела сапоги, старый мужнин китель и ушла в правление. В доме остался Коля, смуглый, синеглазый, белобрысый.

— Хотите, про пушку расскажу? — сказал он.

— Нам бы лучше услышать это от твоей бабушки, — сказала Элла Степановна. — Ближе к источнику.

Коля прошелся по комнате, остановился у лавки, на которой лежал фотоаппарат Андрюши.

— Светосила вас устраивает? У этих «Юпитеров» она маловата.

— Чего? — спросил Андрюша. — Ты откуда знаешь?

— Я «Канон» предпочитаю японский, — сказал мальчик. — С «Никконом» резковато получается.

— Ага, — согласился Андрюша. — Резковато, значит? И откуда у тебя «Канон» и «Никкон»?

— Ясное дело, из Японии, — сказал Коля. — Легенду-то о пушке будете записывать? А то мне идти пора.

— Запишем, — сказал Андрюша. Мальчик ему понравился. Живой ребенок, не стесняется, водит мотоцикл...

Андрюша включил магнитофон. Коля покосился на кассету, откашлялся и медленно заговорил, придавая голосу басовитость...

— Дело было еще до революции. Здесь стояла крепость, которая охраняла Россию от викингов и французов.

Вениамин отложил учебник португальского языка, протор очки.

— Как же сюда викинги добрались? — спросил Андрюша.

— Не перебивай, пленку зря тратишь, — сказал Коля. — С моря добрались, через тундру, тайгу, рвались к Свердловску. Во главе крепости стоял майор Полусехтов, мы тут полдеревни Полусехтовы в его честь. Это был отважный офицер, гвардеец, птенец гнезда Петрова, и он

сюда попал за то, что был участником героического восстания декабристов.

Голос Коли окреп, он ходил по комнате и махал руками.

— И вот однажды, когда весь гарнизон спал, утомленный борьбой со стихией, в разгар бури к крепости подкрались фашисты. Примерно полк фашистов из дивизии «Мертвая голова».

— С танками? — спросил Андрюша.

— Еще одна перебивка, и я кончу рассказ, — пригрозил Коля. — И вам никогда не узнать, чем все кончилось.

— Молчу, — сказал Андрюша.

— Так вот... Фашисты тихо подкрались к крепости, только поляна отделяла их от гарнизона. Еще один бросок — и путь на Свердловск открыт. Но в этот момент раздался залп пушки! Майор Полуехтов вскочил с походной раскладушки и бросился во двор. Солдаты за ним. И что же они видят? В воротах еще дымится пушка, а подле нее бурый медведь. Сотни фашистов валяются замертво. Тогда Полуехтов закричал: «Эскадрон, сабли наружу! За мной!» И бросился в атаку. Бой был неравным, и все защитники крепости пали смертью храбрых. Только и фашисты все погибли. Вся дивизия «Мертвая голова». Вот и все.

— Как все? — удивился Андрюша. — А как же пушка и медведь?

— Пушку оставили как память о Полуехтове. Можстс поглядеть, она в деревьях стоит на площади. И постановили, чтобы медведь с тех пор каждое утро приходил и стрелял в честь подвига майора. Но это не сказка, а уж в самом деле.

— Как слабо здесь поставлено преподавание истории, — сказала Элла.

— Мифотворчество, — сказал Вениамин. — Современное мифотворчество. Майоры, фашисты...

— Что жс я, не понимаю, что мифотворчество? — обиделся вдруг мальчик. — Я не хуже вас знаю, что фашистов здесь не было. Разве это что-нибудь значит?

— К сожалению, ничего не значит, Коля, — согласилась Элла Степановна. — Спасибо тебе за интересный рассказ.

— Пожалуйста, — успокоился Коля. — Я пойду. У меня дел много.

Он достал из-под лавки большую спортивную сумку с надписью «Олимпиада-80», перекинул ее через плечо, от дверей сказал:

— Обедать если будете, то к двенадцати тридцати как штык.

Андрюша сменил кассету.

— Чепуха, — сказал он. — Ребенок нас разыграл.

— Это не так и важно, — сказал Вениамин. — Зато мы присутствуем при рождении фольклора.

— Меня волнует другое, — сказал Андрюша. — Пушка существует, а медведь из нее стреляет. И это не легенда.

— Нет, не легенда, — согласился Веня. — Помочь тебе джинсы зашивать?

— Зачем? Лишняя дырка им не помешает.

Дверь скрипнула, возник Эдуард.

— Доброе утро, — сказал он радостно. — Должен вам сообщить, что Мишка в полной безопасности. Я промыл ему раны. С риском для жизни. Вы слышали, Элла Степановна, о событиях сегодняшнего утра?

— Слышала, — сказала Элла. — Простите нас.

— Я тому Мишке не доверяю, — сказал Эдуард. — Это зверь большой хитрости и коварства. У него взгляд преступника.

— Но все-таки из пушки стреляет, — сказал Андрюша.

— Элементарная, простите, дрессировка. Я сам видел, как зайцы в цирке стреляют. Там шнур висит, а Мишка за него и дергает. Вот и вся тайна.

— Нет, Эдуард Олегович, — сказала Элла, — я не согласна с вашим отношением к этому животному. Это красивая и древняя традиция. А традиции надо беречь.

— Да какая там древняя! Приблудился медведь, может, из зоопарка сбежал. А если бы он, простите, задрал вашего молодого сотрудника? Что бы вы сказали в Академии наук?

— Она бы промолчала, — ответил за Эллу Андрюша. — Потому что иной участи я не заслуживаю.

— А я в вашем поступке усмотрел благородство, — не согласился Эдуард Олегович. — Так вы не забыли, что

нам пора с деревней познакомиться? Как, Элла Степановна, не возражаете?

— Я не пойду, — сказал Андрюша.
— Это еще почему? — удивилась Элла Степановна.
— Мне пленки разобрать надо.
— Молодому человеку стыдно выходить на улицу. И я его понимаю, ох как понимаю, — закручинился Эдуард, и Андрюше стоило больших усилий не ответить.

6

Элла Степановна шла посередине. Справа Эдуард, слева Вениамин. Андрюша поглядел им вслед в окно и подумал о том, что Элла, к сожалению, в присутствии Эдуарда расцветает, хотя фельдшер явно того не стоит. При внешних и душевных качествах начальницы экспедиции можно отыскать себе поклонников интереснее.

Андрюшин недобрый взгляд не смог пронзить оконное стекло, и потому Эдуард ничего не почувствовал. Он описывал местные достопримечательности, элегантно подводя руками и стараясь показаться более осведомленным, чем был на самом деле. Эдуард попал в Полуехтовы Ручьи всего полтора года назад в поисках тихого места, где можно передохнуть от приключений бурной и не всегда счастливой жизни. И хоть он устроился здесь надолго, даже собирался откупить дом у тех Полуехтовых, от которых в деревне осталась только бабка Федора, хоть хор, которым он руководил не без энтузиазма, выезжал уже на районный смотр самодеятельности и получил там диплом, все же он оставался в Ручьях чужим не только потому, что местные жители считали его таковым, но и потому, что в жизнь деревни он не особо вглядывался, истории ее не знал и ею не гордился. Однако перед приезжими Эдуард показывал себя старожилом и единственным в деревне интеллигентом.

— Дома у нас вековые, — говорил он. — Бревна с возрастом только крепче становятся, а резьбу, обратите внимание, давно собираюсь переснять и зарисовать — специалисты будут взволнованы. Не правда ли, изумительные узоры, восхитительные!

— Резьба требует сравнительного анализа, — сказал Вениамин.

— Правильно. Вот и центральная площадь. Условно. Возникла от пересечения двух улиц деревни.

— А сколько их всего? — спросил Вениамин.

— Две. Тридцать два двора. Магазин, правление бригады, тут же клуб, тут же медпункт.

Остановившись на углу, Эдуард Олегович показал на давешний дом с колоннами. Видимо, строитель хотел создать нечто фундаментальное и обязательно белокаменное; и колонны, и ступени — все было деревянным, беленым. Лишь два небольших льва по сторонам лестницы были из камня, точно такие же, как на лесной дороге. Только там они сидели, а здесь мирно легли, хоть и продолжали скалиться.

К колоннам были прибиты жестяные таблички с неровными официальными надписями: «Бригада Полуехты Ручьи», «Медпункт», «Клуб», «Ансамбль народного танца «Ручьи», «Кинотеатр».

— Центр культурной жизни, — сообщил Эдуард Олегович. — Здесь я иногда ночую, а уж дни провожу постоянно. Справа начальная школа, на этом краю магазин. Вот и все.

— А пушка там? — Вениамин показал на купу деревьев, из которой выходил медведь.

— Пушка там, — сказал Эдуард Олегович. — Давно пора на металлом сдать. Когда-нибудь крупно кто-нибудь пострадает. От взрыва. Или от медведя...

Под вековыми деревьями было полутемно и прохладно. Стволы расступились, и внутри, почти невидимая постороннему глазу, обнаружилась небольшая площадка, на которой, вросши до половины колес в землю, стояла старинная бронзовая пушка.

Пахло порохом. Из пушки недавно стреляли.

— А как же медведь время узнает? — спросил Вениамин.

— Бог его знает. Наверное, по солнцу, — сказал Эдуард Олегович. — Хотя этому медведю я не доверяю.

Вениамин раздвинул кусты за пушкой. Там обнаружился каменный столб, скошенный кверху как обелиск. На сторонах его были вырублены двуглавые орлы, над ними надписи: «До Москвы 1386 верст», «До Санкт-Петербурга 1938 верст».

Ногами раздвинув крапиву, Вениамин обошел столб и

прочел еще две надписи: «До Екатеринбурга 746 верст», «До Царицыного ключа 9 верст».

Вениамин потер руку, обожженную крапивой, выбрался снова на полянку. Эдуард, нежно схватив Эллу за руку, делал вид, что переживает, но говорил трезво:

— Сегодня же вечером продемонстрируем вам в клубе успехи деревенской самодеятельности. Должен сказать, что наличие целеустремленного человека, душой прикипевшего к народным талантам, является определяющим в их развитии. Вы меня понимаете?

— Эдуард Олегович, — сказал Вениамин, — а что такое Царицын ключ?

— Не знаю, — ответил Эдуард Олегович. — Таким образом, мы с вами, Элла, трудимся на одном, так сказать, поприще.

— Это где-то недалеко, — сказал Вениамин.

На мягкой траве возле пушки были видны продолговатые когтистые медвежьи следы.

— Населенного пункта под таким названием мне не приходилось встречать, — сказал Эдуард. Элла легким движением отобрала у него руку, и Эдуард кинул укоризненный взгляд на Вениамина.

Вениамин пошел вокруг пушки и больно ударился носком о вросшее в землю чугунное ядро. Из пушки когда-то стреляли всерьез, подумал он. В каждом народном предании есть доля правды — может, и в самом деле здесь стояла крепостца и в ней сидел с солдатами майор Полуехтов? Землепроходец? Надо будет поговорить со стариками, а еще вернее — заглянуть в архивы в Свердловске. Людская память куда менее надежна, чем документы...

— Гамияэстомниздивизайнпарртистрррес! — раздался страшный переливающийся гортанный вопль.

От неожиданности все замерли.

— Это мне знакомо! — вскричал Вениамин. — Я близок к решению!

Черная тень пронеслась между ветвей, посыпались на землю листья. Показалось, что стало темнее.

Эдуард Олегович сделал хватательное движение руками, надеясь достать эту тень, но движение было незавершенным, словно на самом деле в мыслях фельдшера и не

было реального желания схватить страшно кричащее существо.

— Опять? — спросила Элла.

— Тррес, — сказал Вениамин. — Я это расшифрую.

— Просто дикий крик, — сказал Эдуард Олегович. — Пошли, покажу вам нашу сцену и красный уголок. Мы получаем все основные центральные издания, включая журнал «Эстрада и цирк».

Вениамин провел рукой по стволу пушки. Луч солнца упал на темный металл. Божья коровка размером с грецкий орех поползла к солнечному пятну. Было тихо.

7

Андрюша зарядил камеру, положил в сумку телевик и запасные пленки. Не сидеть же весь день дома из-за того, что совершаешь не совсем удачный героический поступок.

Он перекинул сумку с камерой через плечо и только спустился с крыльца, как в калитку вбежала Ангелина с крынкой в руке. При дневном свете она казалась иной, более обычновенной.

— Вы уже встали? — удивилась Ангелина.

— Скоро девять, — сказал Андрюша. — Все ушли, я один задержался. Миновало множество событий. Утро было бурным.

— Жалко. Я с фермы бежала, хотела вас парным молоком угостить. Городские поздно встают. Я знаю, сама в городе поздно вставала. А вы спешите?

— Нет, — сказал Андрюша, — я с удовольствием.

Ангелина вдруг покраснела, видно, взгляд Андрюши показался ей слишком восхищенным. Уловив ее смущение, Андрюша смутился и сам и потому первым, не оглядываясь, пошел в дом.

— Я тоже с вами молока выпью, — сказала Ангелина. — Садитесь. А они куда ушли?

— Эдуард Олегович им деревню показывает.

— Чего у нас показывать? — сказала Ангелина, доставая из буфета чашки, а с полки пустую литровую банку. — Он и не знает. Чужой. Лучше бы Колю позвали.

— Коля нам легенду рассказал, а потом убежал. — Андрюша с интересом смотрел, как Ангелина налила пол-

банки молока, потом зачерпнула ковшом холодной воды и разбавила молоко. — Зачем так? — спросил он.

— А вы из крынки не станете, — сказала Ангелина и улыбнулась. — Вы подумали, я жадницаю?

— Разумеется, — сказал Андрюша. — Я подозрителен.

— Попробуйте, если не верите.

Глаза у нее стали веселые, синие, в голубизну. Молоко лилось в стаканы густым киселем.

— Так и сказали бы, что сливки.

— Это молоко, — сказала Ангелина. — Такое正宗. — Она фыркнула, нос дернулся кверху, жемчужные зубы сверкнули на солнце. Андрюша сидел, разинув рот, и такое восхищение было на его лице, что Ангелина отмахнулась, сказав сквозь смех: — Чего уставился? У меня жених.

— Василий?

— Нет, Василий только претендент. Безнадежный. Жених у меня в Норильске. Мы в училище по переписке солдат выбирали, фотографиями менялись. Он в меня влюбился, а я нет. Но человек надеется.

— Значит, и не видела?

— Может, увижу. А ваш товарищ музыкальный. Шуберта знает. Я его в темноте не разглядела, а голос приятный.

Ангелина подлила в стакан воды, получилось молоко, жирное, густое.

В окно постучали. На подоконнике с той стороны сидел громадный черный ворон.

Ангелина отворила окно, ворон перелетел на стол, сурохо посмотрел на замершего Андрюшу, кивнул ему, потом повернулся к Ангелине, кивнул и ей.

— Сейчас, — сказала Ангелина, доставая с полки кусок хлеба. Ворон схватил ломоть большим массивным клювом, как плоскогубцами, перепрыгнул на подоконник.

— Это еще что за явление народу? — спросил Андрюша.

— Григорий, — сказала Ангелина. — Что-то он в последнее время осторожный стал, опасается. А раньше совсем ручной был.

— У вас не деревня, а зоопарк какой-то, — сказал Андрюша.

Ворон шумно хлопнул крыльями и улетел.

— Ты медведя имеешь в виду? Он в лесу живет.
— Приходящий, значит? А почему он из пушки стреляет?

— Ой, это тебе лучше мама расскажет! Сколько себя помню, стреляет. Круглый год. Без этого нам нельзя — даже коровы без пушки в стадо не пойдут. Раньше, когда я девчонкой была, у нас медведица служила, потом подохла. Она этого Мишку с малолетства сюда водила, приучала. Пошли, что ли? А то мне обратно на ферму пора.

— Спасибо за молоко, — сказал Андрюша.

Они вышли. Громадный черный ворон сидел на крыше и клевал ломоть хлеба.

8

Хоть Ангелина и утешила Андрюшу, что смеяться не будут, все-таки он через деревню не пошел, а свернул в другую сторону, к околице. За льяным полем виднелась речка, узкая и чистая. Солнце поднялось высоко и припекало, но от голубых гор, поднимавшихся над близким темным лесом, тянул ветерок.

С дороги открылся умиротворенный вид на деревню. Андрюша достал камеру. И тут услышал за спиной голоса.

Голоса стихли. Босые пятки, отбивавшие дробь по дорожке, стихли тоже. Разумеется, они остановились и наблюдают.

— «Зоркий-Эм» у него. С «Юпитером». Я знаю.

— Какой «Зоркий»! Я что, «Зоркого» не узнаю?

Ребята углубились в спор, уходить не собирались, видно, ждали, когда фотограф обернется и разъяснит. Андрюша понял, что пора общаться, спустил свою «Практику» и обернулся.

— Ого! — сказал он.

— Ого! — сказали два мальчика лет по десяти.

Мальчики узнали в фотографе героя, которого утром медведь таскал по площади, а Андрюша увидел, что мальчики волокут привязанную к длинной палке рыбину размером побольше метра. Даже удивительно, что такая поместилась в речке.

Рыбина чуть шевелила хвостом.

— А вы за мельницей приехали? — спросил один из ребят.

— Нет, — сказал Андрюша, — песни записывать будем и сказки.

— Дед Артем говорил, что мельница представляет исторический интерес. Ее обязательно увезут. Древняя она, понимаешь?

— Водяная?

— Не, ветряк...

— Покажете?

— А пофотографировать дашь? А то у Кольки Полухтова «Канон» японский, а у нас только «Смена».

— Договорились, — сказал Андрюша. — Когда?

— Завтра с утра зайдем. Сейчас, видишь, дело есть.

— А рыба-то какая? Сом?

— Ну ты, видно, городской. Разве у сома лицо такое?

Да мы на сома и не пойдем. Он в омуте живет, с дом ростом. И его нельзя трогать, у него золотое кольцо на жабре. Его специально выпустили. Для учета. А это селедка...

Мальчишки потащили рыбину дальше.

Андрюша постоял немного, подождал, пока они скрылись за крайним домом, и пошел дальше к реке. У тропинки по краю льна росли васильки. Он, правда, не сразу догадался, что это васильки — они были похожи на махровые гвоздики голубого цвета. Андрюша нарывал небольшой букет для Эллы Степановны.

— Спасите! — раздался крик от реки. — На помощь! Грабят!

Андрюша относился к тому разряду людей, для которых любой крик о помощи — приказ действовать. Забыв об утренней истории и медведе Мише, он кинулся по откосу вниз и влетел, ломая ветки, в заросли у речки, крича:

— Держитесь! Я иду!

Жертвой нападения оказался вчерашний старичок с седой эспаньолькой, мирно сидевший на пеньке.

— Что случилось? — крикнул Андрюша. — Кто напал?

— Кто напал, тот сбежал, — сказал старичок, поднимаясь на ноги и еле доставая Андрюшу до груди своей блестящей потной лысинкой. — Спасибо тебе. Ой, поясница болит! Это же надо, так толкать пожилого человека! Пойди корзинку мою подбери — в кустах она.

Андрюша пошел в кусты. Там на боку валялась корзина, из нее высыпались красные яблоки. Старичок подошел сзади.

— Ты их подбери, — сказал он, — будь любезный. Мне наклоняться больно.

Андрюша стал подбирать яблоки. Это оказались не яблоки.

— Что это? — спросил он. — Ананасы?

— Малины, что ли, не видел?

— Такой не видал, — сказал Андрюша. — Малина обычно мельче.

— Это обычно, а у нас крупнее.

— Кому, — спросил Андрюша, — ваша малина понадобилась?

— Не догадываешься? — изумился дед, прищурившись. — Да ты дипломат! Из-за тебя же я пострадал. Это точ-на! Попал я в лапы мстителю!

Старичок погрозил в кусты кулаком, и издали донесся обиженный рев. Андрюша вздрогнул. Ему не хотелось снова встречаться с медведем. К счастью, старичок разделял опасения Андрюши.

— Побежали, — сказал он. — А то Мишка опомнится, сообразит, кто мне на помощь подоспел. Он же тебя за взвод пехоты принял. Это точ-на.

Старичок подхватил корзину и засеменил наверх, к тропинке. Андрюша поспешил за ним, очень стараясь не обогнать старичка.

9

У клуба-медпункта на длинной лавочке под бревенчатыми колоннами сидели десять старух в высоких кружевных кокошниках, разноцветных до земли платьях и с выражением торжественного достоинства на лицах.

— Вот, — сказал Эдуард с некоторым облегчением, — а я боялся, что не придут в разгар трудового дня. Но пришли. И даже облачились. Это великолепно. Здравствуйте, товарищи пенсионерки!

Старухи наклонили головы, здороваясь, и Элле показалось, что своим коллективным взором они пронзили ее насквозь, знают, где родилась, как училась в школе и почему у нее не сложилась личная жизнь.

— Замечательно, — сказал Эдуард. — Вот наш народный хор. А перед вами, товарищи пенсионерки, специальная экспедиция Академии наук, приехали записывать и изучать. Большое внимание уделяют сохранению и утверждению народного творчества. Прошу взаимно знакомиться! — Эдуард Олегович отступил на шаг и сделал широкое движение рукой, как сеятель. Затем добавил: — Пошли внутрь помещения. Там поговорим, а то дождик собирается...

Вениамин в клуб не пошел. Эта мирная на вид деревня скрывала в себе тайны, ускользающие, но ощущимые, невыдуманные. Тайна утреннего выстрела из пушки вроде бы разрешилась. Но факт стрельбы из пушки не открывает причин этой стрельбы. Есть дрессированный медведь. Но зачем он?

Вениамин огляделся, раздумывая, куда направить свой путь. Он казался самому себе витязем на распутье. И потому решил подождать, как распорядится судьба, — должен же быть знак, который направит его в нужную сторону.

Намек материализовался через две минуты и принял форму знакомого грузовика, который медленно выехал из улицы на площадь. Вениамин сначала решил, что в деревне есть особые ограничения для единственной машины: может, охраняют медведей. Но тут же выявилась причина столь медленного движения: Василий, сидя за рулем, разговаривал с какой-то девушкой, чьи ноги были видны по ту сторону грузовика.

— В кино вечером пойдешь? — спросил Василий, глядя из кабины в сторону и вниз, так что Вениамину был виден только его крепкий коротко остриженный затылок.

— Мне заниматься надо, — ответил почти заглушенный мотором девичий голос, который Веня узнал бы из тысячи.

— Я вот и без образования зарабатываю. Главное — уметь использовать обстоятельства.

— Кого цитируешь? — спросила Ангелина.

— Я не цитирую, я сам придумываю, — сказал Василий. — Ты не думай, для меня авторитетов нету.

— Поезжай в город, — сказала Ангелина, — молоко скиснет.

— Наше не скиснет, — сказал Василий. — Я его водой из ключа разведу.

— Ты не шути! — сказала Ангелина, прибавила шагу, и Вениамину было видно, как загорелые ноги переместились вперед, но Василий чуть прибавил скорость и догнал девушку.

— А в кино пойдешь? — спросил он.

— Не пойду.

— Ученые приехали? Я им покажу, где раки зимуют.

— Брось ты свои угрозы, — сказала Ангелина.

Дальше разговора Вениамин не слышал, потому что грузовик и Ангелина отошли далеко.

Вениамин побрел по дороге, любуясь резьбой на наличниках и столбах, грязясь под северным нежарким, но уютным солнцем, глядя с нежностью на жеребенка, который выскоцил на улицу, оглянулся, взмыкнул и погнался за курами, а те лениво разбегались, уступая ему дорогу. У крайнего дома, от которого дорога спускалась в низину, Вениамин остановился. Столбы ворот, седые от старости, представляли собой солдат в высоких гренадерских шапках. Носы у солдат уже откололись, как и дула ружей, но глаза гневно глядели вперед из-под насупленных бровей. Сюжет резьбы показался Вениамину необычным — ни в одной из специальных статей, несмотря на свою любознательность и осведомленность в народном творчестве, он о таком не читал. Надо сказать Андрюше, чтобы сфотографировал, подумал Вениамин и в этот момент услышал над головой стройное многоголосое пение, ровное и негромкое.

В окне высокого этажа показалась девичья головка, будто там догадались, что с улицы подслушивают. Брови удивленно взлетели при виде худого молодого человека в очках, при галстуке, со следами полосатости на лице. Девушка пропала, песня оборвалась, и тут же во всех четырех окнах возникли девичьи, женские и старушечьи головы, глядевшие на Вениамина с веселым интересом.

— Здравствуйте, — сказал Вениамин.

— Здравствуйте, — ответили во всех окнах. — Вы из экспедиции?

— Он за Мишкой бегал, — сообщила первая девушка.

— Они за мельницей приехали, — сказала женщина во втором окне.

— Нет, — сказали в третьем, — они песни собирают.

— Идите сюда, — сказали в четвертом, — мы вам споем.

— С удовольствием, — сказал Вениамин, забыв на минуту о своей раскраске.

На пороге большой, в два света комнаты Вениамина встретила статная старуха с гладко зачесанными волосами. Девушки и женщины, пока Веня поднимался в дом, успели рассесться за валики, схожие с диванными, на которых были натянуты кружева, разобрать вересковые коклюшки.

— Добро пожаловать, — сказала торжественно старуха, — в ручьевскую кружевную артель.

Назвавшись директоршей артели, она повела аспиранта вдоль валиков, говоря солидно, медленно, но без перерыва, как профессиональный экскурсовод.

— Наши кружева некогда славились даже за пределами области и в 1897 году на выставке в Брюсселе получили серебряную медаль.

— Большую серебряную медаль, — уточнила толстуха в сильных очках.

— Это неважно, мы не спесивые, — сказала директорша. — Однако промысел наш захирел и почти иссох. Только в последние годы начала возрождаться слава ручьевских кружев. Но вот беда — в области наш узор не берут, говорят, что не народный, приходится ширпотребом заниматься.

— Ширпотребом! — раздались возмущенные голоса.

— А вы только поглядите, что мы умеем делать! Ведь этого больше никто не может.

Кружевницы повскакивали с мест и сгрудились за спинами директорши и Вениамина около большого стола, на котором лежал громадный альбом в дряхлом сафьяновом переплете. В нем были наклеены образцы кружев — некоторые пожелтели от старости, другие новые.

Вениамин и в самом деле удивился, увидев эти кружева. Тонкие нити сплетались в охотничью сцену — мужчина в камзоле и треуголке охотился на уток; на следующей странице дамы в пышных платьях играли в жмурки с изысканными кавалерами на фоне изящных павильонов. Замок соседствовал с русской церквушкой, и вокруг ходили хороводом девицы в кокошниках...

— Невероятно, — сказал Веня.

— Вот то же самое они нам и сказали, — подтвердила статная директорша. — Сказали, что это не входит в рамки и, значит, это не искусство. Вы знакомы с такой узкой психологией?

— К сожалению, знаком, — сказал Вениамин.

— Они говорят, не народное, — вмешалась девушка в очках, — а у нас в деревне так плетут третий век подряд.

— Третий век, — прошептала древняя голубая бабушка из угла.

Вениамин взглянул в ту сторону и увидел над ее головой два потемневших от времени портрета в потертых золоченых рамках. Художник, который писал их, видно, не обучался в академии, пришел из иконописцев, но был талантлив и наблюдателен. В портретах чувствовалась крепкая рука и уверенность в себе.

Справа висел портрет мужчины в зеленом мундире с красными отворотами и обшлагами, с золотыми пуговицами и в треуголке, обшитой золотым галуном. Лицо мужчины было сурово, подбородок крепкий, а глаза светлы, голубые, как у всех кружевниц.

— Кто это? — спросил Вениамин.

— Майор Полуехтов, — сказала древняя бабушка, — ясное дело.

Но Вениамин уже не слышал. Он смотрел на второй портрет. На нем была изображена молодая женщина, тоже голубоглазая, с полными чуть загнутыми в углах губами, доверчивая и добрая. Платье было открытое и обнажало округлые плечи и высокую грудь, закрытую кружевом.

— А это государыня императрица, — прошамкала бабушка. — Елизавета Петровна в бытность свою цессаревной.

— Это не более как сомнительная версия, — сказала директорша. — Мы думаем, что это жена Полуехтова.

— Нет, — сказала бабушка, — императрица любила нашего майора невестиной любовью, потому он сюда и попал.

Вениамин уже не слышал спора, горевшего, видно, не первый год. Он смотрел на портрет и страдал, ощущая бездну времени, отделявшую его от молодости той, что была изображена на портрете. И неважно было — принцесса, императрица, невеста, жена... ее нет, Вениамин опоздал, трагически опоздал родиться...

Он не помнил, как оказался на улице, хотя вроде бы его проводила до калитки директорша артели, а он вроде бы обещал ей поговорить со специалистами в Свердловске и постоять за ручьевские кружева. Он слышал лишь стук собственного сердца и знал, что полюбил безнадежно и навсегда.

10

Дальше дед с Андрюшой шли не спеша. Андрюша остановился там, где оставил фотоаппарат. Там же лежал букет голубых махровых цветов.

— Погоди, — сказал вдруг дед строго. — Ты зачем эти цветы погубил?

— Красивые, — сказал Андрюша. — Пускай в банке постоят.

— А ты чего в своей жизни посадил, молодой человек? Ты чего создал? Рвать научился? Рвать все умеют! Это точ-на.

— Это же васильки. Сорняки.

— Дурак, — сказал старик. — Рожь здесь растет обыкновенная, семена из района получили. А васильки уникальные, только в наших местах произрастают. Так что подорвешь экологию, и не будет больше такого сорняка.

— Ну и хорошо, — упрямился Андрюша, — урожай увеличивается.

— Опять дурак, — сказал старик. — Уничтожишь ты этот так называемый сорняк невиданной красоты, а на нем, может, особый вид бабочек обитал, он тоже вымрет. Тебе их не жалко?

Дед протянул вперед коричневую ладонь, и сверху, из голубой небесной синевы, послушно опустилась ему на ладонь оранжевая бабочка с синими пятнами на крыльях.

— Ты с этим видом знаком? — спросил дед.

— Я бабочек не изучал, — сказал Андрюша, — может, она на соснах живет.

— Эндемик, — сказал дед. — Понимаешь? Все в природе уравновешено и взаимосвязано, как говорил Дарвин.

— Кто?

— Дарвин-младший, внук, я с ним состоял в переписке.

Очевидно, старик не врал. Бабочка вспорхнула с ла-

дона, сделала круг над букетом васильков, огорченная экологическим бедствием, пришедшим с Андрюшой, и пропала в жаркой душистой синеве.

— Что же мне теперь делать? — спросил Андрюша.

— Дари уж кому хотел. Только на будущее осторожней, береги природу. Пора нам здесь заповедник устраивать. Ты мальчишеч двух не встречал, Сеньку и Семена?

— Видел.

— Из-за них, стервецов, я Мишке малину уступил, за ними погнался. Опять браконьерствовали.

— Вы рыбу имеете в виду?

— Ее самую. — Видно, от малого роста дед говорил громко, уверенно, с нажимом на некоторые слова. — А ты что, в поп-группе выступаешь?

— Не понял, — сказал Андрюша.

— Волосы у тебя дикие. И характер буйный. На медведей бросаешься. Я решил было, что ты на саксофоне играешь. В ансамбле. Я, понимаешь, больше классический джаз уважаю. На уровне диксиленда. Ты как к диксиленду относишься?

— Положительно, — сказал Андрюша. — А почему медведь из пушки стреляет?

— Традиция, — сказал дедушка. — Хочешь поглядеть, как он это делает?

— Конечно, хочу. Только он меня не узнает?

— На работе смиренный. Понимает, что может зарплаты лишиться. Он за место держится. Сам-то он бескорыстный, но семья у него, медведица строгая. Да ты не бойся, в случае чего я ему объясню. Ведь это я шефство над пушкой осуществляю. Это точ-на.

— Так чего же он у вас малину отнял?

— Ты бы молчал — сам изранил, довел зверя до крайности. Он же в принципе дикий зверь. — Дед рассердился. Даже остановился, топнул ногой и строго спросил: — За мельницей приехали?

— Почему все про мельницу спрашивают? Мы же фольклористы.

— Понимаю, — сказал старичок. — Я все равно к мельнице бы дорогу не указал. Мельница у нас со странностями.

— Любопытно посмотреть, — сказал Андрюша.

Они дошли до крайней избы, остановились. Старичок сказал:

— Вон на той стороне второй дом мой. Запомнил? Жду к себе.

Старичок быстро пошел через улицу к своему дому.

Андрюше не хотелось возвращаться домой. Он уже понял, что в деревне все знают о его утреннем подвиге, но относятся к нему без особой издевки. Может, поискать Эллу? Все-таки он член экспедиции, и его фотографическое мастерство может пригодиться.

Тут он увидел знакомых ребятишек, которые натягивали веревку между могучими липами. Андрюша присел на траву, было тихо, мирно, деревня ему нравилась, утренние приключения уже ушли в прошлое. Он глядел на Сеню и Семена и думал, что они чем-то — разрезом глаз или длинными белесыми ресницами — похожи на Ангелину.

— Прыгать будешь? — спросил Семен. — У нас тренировка по прыжкам в высоту. Скоро тренер придет.

— Вы тренируйтесь, я погляжу.

— Гляди, — сказал Сеня. — За погляд денег не берем. Только если какой-нибудь новый стиль знаешь, не скрывай. А то мы все фолсбери-флопом прыгаем, а он имеет пределы.

Семен разбежался и прыгнул через веревку. Не фолсбери-флопом, а перекидным да притом зацепился за веревку на высоте метра с небольшим, грохнулся, хорошо — земля мягкая, трава.

— Разминка, — сказал он, — неудачное приземление.

Теперь разбежался Сеня, веревку он преодолел и сказал Семену:

— Поднимай выше.

— Правильно, — сказал подошедший невесть откуда Вениамин, снимая очки и передавая их Андрюше. — Я принимаю участие. Вы не возражаете?

— Прыгайте, — сказал Семен. — Этую высоту будете брать или поднимем?

— Поднимем, — сказал Вениамин. — Во мне подъем чувств.

Он затрусил к веревке, затормозил перед нею и подпрыгнул. Веревка ударила его по коленям, и Вениамин перевалился, шлепнулся на живот и замер. Подниматься

было лень — жаркая истома завладела воздухом. Веня отполз в сторону, в тень, перевернулся на спину и закрыл глаза.

Сеня с Семеном подняли веревку повыше, до полутора метров. Сеня преодолел ее с первой попытки, Семен со второй стилем фолсбери-флоп. Андрюша поглядел на редкие кучевые облака и сказал:

— Надо мне честь города защищать. Разойдись, братва!

Он хорошо разбежался, перепрыгнул с запасом и сказал:

— Разрешаю поднять планку еще на три сантиметра.

На следующей высоте сошел Сеня, но Семен остался, Андрюша его обошел только по числу попыток.

— Наша взяла, — сказал Андрюша, — а вы говорили.

Он запыхался, устал. И как-то вылетело из головы, что его противникам лет по восемь, не больше.

— Сегодня ваша, завтра наша, — сказал Семен. — Мы еще в длину не прыгали. Смотри, тренер пришел.

Коля Полуехтов с сумкой «Олимпиада-80» через плечо остановился поодаль.

— Как успехи, малыши? — спросил он.

— Скромные, — сказал Сеня.

— Стаемся, — сказал Семен. — Без тебя трудно.

Коля подошел к веревке, ладонью проверил высоту — получилось до его носа.

— Солидно, — сказал он. — Метр пятьдесят три. С какой попытки брали?

— Андрей взял со второй, — сказал Семен. — Я с третьей.

— Нет, — Коля поглядел на Андрюшу снизу вверх, — для тебя это не достижение. В тебе живого росту, наверное, метр восемьдесят.

— Метр семьдесят шесть, — сказал Андрюша.

— Свой рост надо брать без усилий. Это твой предел?

Мальчишки смотрели на Колю с уважением, верили каждому слову.

— Не знаю, — сказал Андрюша. — У меня другие цели в жизни.

— Цели прыжкам не помеха. — Коля говорил поучающим голосом. Андрюшу это разозлило.

— А ты свой рост можешь взять?

— Не проблема, — сказал Коля и, не снимая сумки и

не раздеваясь, даже без разбега присел, оттолкнулся и перемахнул через веревку. Потом обернулся к Андрюше. — Ты на меня не обижайся. Я к зиме буду два метра брать. Такая у меня цель. Ну ладно, вы тут отдыхайте, а у меня дела.

Коля пошел через дорогу к дому, а Сеня сказал вслед:

— Редкого упорства он у нас.

— Энциклопедию читает, — вздохнул Семен. — Уже третий том.

Из калитки вышел пес, поглядел по сторонам, затрусили к околице. Вид у пса был деловой, задумчивый.

— За коровой пошел, — сказал Сеня.

По улице не спеша шли Элла Степановна и Эдик. У калитки они остановились. До молодых людей донесся вопрос Эдуарда:

— Вы удовлетворены встречей?

— Спасибо, Эдик, — сказала Элла Степановна. — Ваша помощь совершенно неоценима.

— Ну что ж, и нам надо идти, — сказал Андрюша, подождав, пока Эдуард откланяется.

11

Глафира задержалась в правлении, вела телефонные переговоры с районом. Ангелина осталась на ферме, там заболел теленок. Обед готовила Элла, а Коля истопил баню, и экспедиция как следует вымылась. Баня оказалась настолько эффективной, что лицо Вениамина приобрело естественный бело-голубой цвет. Правда, он сам этого не заметил, так как его неожиданная влюбленность в портрет возвигла между ним и действительностью стечку. Элла Степановна, узнав о произошедшем, искренне расстроилась.

— Придется мне сходить и поглядеть, что там за портрет, — решила она.

Коля убрал со стола посуду и достал с полки четвертый том энциклопедии Брокгауза и Ефона.

— Почитаю немного, — сказал он. — До вечерней тренировки время есть.

— Андрюша, — спросила Элла, — у тебя магнитофон в порядке? С завтрашнего дня начинаем запись.

— Техника у меня готова... — ответил Андрюша. — Только я завтра утром на мельницу сходить хотел.

— На какую мельницу? — возмутилась Элла. — Мы приехали...

— Знаю, за песнями, — согласился Андрюша. — Но наш долг не проходить равнодушно мимо исчезающих памятников старины. К тому же она какая-то странная.

— Ничего странного, — заметил Коля, отрываясь от энциклопедии.

— На колесах? — спросил Андрюша.

— Нет. Просто бродячая. В прошлом году на холме стояла, за рекой. Потом пропала. Говорят, в Волчьем логу объявились.

— И ты в это веришь! — воскликнула Элла. — Ты же пионер!

— А чего же не верить?

— И как ты это объясняешь? — спросил Андрюша.

— А чего объяснять? Это все проделки секунд-майора, — сказал Коля. — Он на мельнице ходит и шалит. Все знают.

— Ну, это никуда не годится! — сказала Элла. — Я с твоей бабушкой поговорю.

— Поговорите, — сказал Коля и продолжал чтение энциклопедии.

— Местный фольклор, — сказал Вениамин. — Обычный местный фольклор. Рождается на глазах. Мельницы, может, и нет... Вот пройдет несколько месяцев, и будут обо мне рассказывать, как я влюбился в портрет, а он ожил и стал человеком. У Гоголя...

— В тебе живет Пигмалион, — сказал Андрюша.

— Но портреты не ожидают, Вень, — сказала Элла. — Выкинь это из головы.

— Я пойду, — сказал тогда Вениамин, — в артель. Погляжу на портрет.

Коля вздохнул и снова отложил энциклопедию.

— Ну дети, прямо дети, — сказал он. — Что, у вас фольклористы все такие психованные?

— Меня это смущает, — серьезно ответила Элла. — Хотя и твой, Коля, рассказ о мельнице меня не утешил.

— Я все-таки пойду, — сказал Вениамин. — У меня предчувствие...

Он направился к двери, но в этот момент дверь открылась и вошла Ангелина.

— Вы уже пообедали? — спросила она с порога. — А я спешила...

Тут раздался глухой стук.

Вениамин со всего размаха грохнулся на пол.

Он лишился чувств.

12

— Эх, — сказал Коля, окончательно закрывая энциклопедию.

— Я что-нибудь не то сказала? — испугалась Ангелина.

— Он переутомился... Андрюша, воды, — сказала Элла, наклоняясь над Веней.

— История загадочная, — сказал Андрюша. — Вы знакомы?

Ангелина отрицательно покачала головой, зачерпнула из ведра кружку воды, дала Элле. Элла поднесла к губам Вениамина, но тот не прореагировал на это. Элла вцепилась аспиранту в пульс, а Андрюша перехватил кружку и вылил ее на голову своему коллеге.

Вениамин захлебнулся, чихнул, закашлялся, вскочил, увидел Ангелину и попытался тут же снова грохнуться в обморок, но этого не допустил Андрюша:

— Стой! Сначала объяснись!

— Это она... — промолвил Вениамин. — Я так и знал.

— Кто она?

— Портрет, — сказал Веня. — Я не зря надеялся.

После этого падать в обморок было уже не нужно, да и неудобно. Веня смертельно смущился, оттолкнул заботливые руки Эллы, резко поднялся и, пошатываясь, отошел к окну.

— Все ясно, — сказал Андрюша смущенной Ангелине. — Наш учений сегодня побывал у ваших кружевниц и увидел там женский портрет. Он влюбился в него с первого взгляда. И тут ты входишь...

— Это ваш портрет, — сказал Вениамин, не оборачиваясь. — Это вы.

— А если это был портрет императрицы Елизаветы Петровны? — спросил Андрюша. — Понимаешь, с кем ты теперь имеешь дело?

— Мне все равно, — глухо сказал Вениамин, глядя в окно. — Я потрясен. Я не знаю, что мне теперь делать.

— Сходить к колодцу, — сказал Андрюша. — Чай будем пить.

— Не надо, — сказал голос от двери. — Чай погодит.

В дверях стоял вошедший незамеченный шофер Василий, который держал в кулаке два билета в кино.

— Добрый вечер, — сказала Элла Степановна. — Как приятно, что вы нас навестили.

Василий даже не взглянул на нее.

— Ты в кино идешь или не идешь? — спросил он суворо Ангелину. И сам ответил: — Не идешь.

— Если ты ревнуешь, — сказал Коля, — то зря. Веня в портрет влюбился.

— Камуфляж, — сказал Василий. — Ты мне мозги не пудри.

— Клянусь вам! — резко обернулся от окна Вениамин. — Клянусь, что я не видел Ангелину раньше. И мое отношение к ней вторично!

— Почему вторично? — удивилась Ангелина.

— А вы садитесь, посидите с нами, — сказала Элла. — Хотите, кто-нибудь из нас в кино с вами пойдет?

— Чего? — Василий только сейчас вспомнил про билеты. Он разжал кулак. Билеты закружились и упали на пол, а Василий подошел к Вениамину и сказал с угрозой: — Иди к своему портрету, понял? На Ангелину ни взгляда, ни вздоха, понял?

— Я не могу дать вам такого обещания, — сказал Вениамин. — Простите меня, пожалуйста. Это выше меня.

— Мое дело предупредить, — сказал Василий. Он смотрел на аспиранта с презрением и не уходил, не сказав последнего слова, но тут за окном мелькнула черная тень и раздался крик:

— Меакульпа!

Лицо Василия исказилось.

— Проклятие! — закричал он страшным голосом и выбежал из дома. Взревел за окном грузовик.

— Кто же это? — спросила Элла.

— Я думаю, что птица, — сказал Андрюша. — Та самая, да?

— Гришка, — сказала Ангелина. — Это Гришка. Вася за ним вторую неделю гоняется.

— Не догонит, — сказал Коля. — Хочешь, посмот-
рим?

Андрюша вслед за Колей выбежал на улицу.

Солнце клонилось к закату. Тени от домов и деревьев
стали длинными и лиловыми, и трава казалась еще свет-
лее и зеленее.

Далеко над улицей медленно летела громадная черная
птица, за нею гнался грузовик.

— Не догонит, — повторил Коля, — ты не беспокойся.

Андрюша хотел сказать, что и не беспокоится, но
сзади раздался голос Эдуарда Олеговича:

— Удивительно! Взрослый человек, а такая страсть!

— Страсть? — удивился Андрюша. — К Ангелине?

— О нет! К таксидермии.

— Не понял, — сказал Андрюша. Он не знал такого
слова.

— Вася мечтает сделать чучело из этого редкого эк-
земпляра и послать в Академию наук.

— Это не чучело! — возмутился Коля. — Гришка
триста лет жил и еще проживет.

Неподалеку возникли Сеня с Семеном.

— Я пошел, — сказал Эдуард Олегович. — В клубе
дела. Если захочешь, Андрюша, приходи. Гитару бери,
послушаем.

— Спасибо, — сказал Андрюша. — Я вот о мельнице
думаю.

— О мельнице? — улыбнулся Эдуард Олегович. — Старухи уверяют, что там вроде бы привидение проживает.

— Живет, — подтвердил Сеня. — Все знают, что живет.

— А кто-нибудь видел? — спросил Андрюша.

— Пойдешь, сам увидишь, — сказал Коля.

— Пойдем, — сказал Андрюша.

— Сейчас? — Коля посмотрел на небо. — Стемнеет
скоро.

От реки донесся натужный вой двигателя. Все огляну-
лись туда.

В облаке пыли появился грузовик. Набирая скорость,
он промчался по улице. Мелькнуло лицо Василия, при-
гнувшегося к рулю.

Грузовик выскоцил на дорогу, пронесся по аллее берез,
свернул за холм и исчез.

— Нет, — сказал Эдуард Олегович. — Пойду на репетицию. Совершенно недопустимо ездить по улицам с такой скоростью. А вам... — он печально поглядел на Андрюшу, — идти на мельницу не рекомендую. Вечером в лесу опасно, мало ли что почудится. К тому же мельницы, по моим сведениям, давно уже не существует...

— Не существует? — сказал Сеня обиженно. — А я что, слепой, что ли? Что я, школу-интернат в Волчьем логу видел?

— Все ясно, — сказал тогда Андрюша, оглядев молодежь. — Я иду за фотоаппаратом, через минуту выступаем.

13

Андрюша схватил сумку с камерой и тут же выскочил из дома.

Малолетняя гвардия переминалась с ноги на ногу. Здоровый народ, подумал Андрюша, не болеют, сливки вместо молока пьют, занимаются спортом, телевизор смотрят, а вот верят в привидение секунд-майора. Стыдно.

— Далеко идти? — спросил он.

На лицах гвардии наметилось некоторое разочарование. Видно, надеялись в глубине души, что городской ученый пошутит.

— Нет, — сказал Сеня. — Если, конечно, не заблудимся.

Не заблудились. Правда, добирались до Волчьего лога больше часа. Шли напрямик через сосновый бор, затем по пологому склону, поросшему можжевельником, через небольшое болото, по лугу, где стояли стожки сена, потом попали в глухой бурелом, что остался от давнишнего лесного пожара.

В лесу было много грибов, крепкие боровики — шляпки с тарелку — умоляли собрать их, но собирать было некуда. Через полчаса Сеня с Семой устали, пришлось передохнуть на полянке, усыпанной черникой. Пока сидели, не сходя с места, наелись черники до синевы на языке, горстями стаскивая ягоды со стеблей.

Потом лес стал гуще, будто никто никогда по нему не ходил, но вдруг впереди обнаружился просвет. Солнце только село, и в лесу сразу стало неуютно. Путешественники поспешили к свету.

Оказалось, это заросшая по грудь дорога, угадать которую позволяли лишь канавы по сторонам. Правда, посреди нее трава была примята, видно, кто-то по этой дороге ездил.

— Тут когда-то скит был, — сказал Сеня. — Дикие отшельники прятались. Только их скит в озеро провалился.

— Сказки, — возразил Семен. — Лесоразработки тут были.

Дорога заросла крапивой, ее приминаешь, она поднимается лениво, с раскачкой, норовит хлестнуть по лицу смертельной болью. Из леса тянуло вечерним холодом, а на дороге еще было светло, и жужжали, спешили добрать дневную норму пчелы, стрекозы парили над головами.

Справа открылась низина.

— Вот он, Волчий лог, — сказал Сеня. — Тут мельница стоит.

Он поспешил через лужайку, остановился, огляделся.

— Вот. Здесь она стояла.

Трава в середине поляны была примята большим квадратом, особенно глубоко в землю уходили следы двух параллельных бревен. Внутри квадрата трава была низкой, жухлой и белесой.

Коля пошел кругами все шире, наконец крикнул:

— Она в эту сторону ушла!

Андрюша отмахнулся. Мистики он не любил. Мистика не входила в круг привычных для него понятий, а раз так, ее существовать не могло. Но похоже было, что они пришли именно в Волчий лог, а здесь недавно еще стояла мельница. Только мельница ушла.

— Я серьезно говорю, — сказал Коля. — Она следы оставила.

Мельница, видно, ползла по траве, кое-где вырывая ее целыми пластами. Борозды вели к дороге.

— Зачем? — спросил Андрюша. — Кому это нужно?

— Кому? — переспросил Семен. — Ясно кому. Секунд-майору. — Он протянул Андрюше что-то блестящее. — Смотри.

Это была старая медная пуговица, гладкая, выпуклая, размером с трехкопеечную монету.

— Он в мундире ходит, — сообщил Сеня. — Мундир у него военный тех времен. Пуговицы такие. Это все знают.

— Чепуха, — сказал Андрюша. — Если он привидение, то он нереальный. Откуда у миража медные пуговицы?

— Не знаю, — сказал Семен. — Значит, так нужно.

Следы мельницы доходили до лесной дороги, потом сливались с колеями.

— Когда же она ушла? — спросил Андрюша задумчиво. — Сегодня?

— Нет, что ты, — сказал Коля, — с тех пор дождь был. Все следы залило. А то бы мы лучше разобрались.

Не сговариваясь, пошли дальше. Солнце село, звенели комары. В глубине под большими деревьями посинело, краски размылись, тени стали непрозрачными. Но на дороге все еще было светло.

— Может, вернемся? — спросил Сеня. — Скоро стемнеет.

— Нет, — сказал Коля. — Мы до протоки дойдем. Не могла мельница далеко уйти. Она бы в реке утонула.

Андрюше, хоть он и был виновником похода, стало не по себе — не приходилось раньше встречаться с бродячими мельницами, секунд-майорами и прочей ерундой, которой, разумеется, нет, потому что не может быть, но которая все-таки существует, а возвращаться придется по темному лесу, с ним трое мальчишек, еще потерянется кто-нибудь, а лес здесь бесконечный и он, Андрюша, с ним незнаком. Еще сто шагов, сказал он себе, и повернем...

14

Мельница обнаружилась через двести шагов, на другой поляне, у тихой, заросшей рогозом протоки. Стояла она неподалеку от дороги и так хорошо спряталась в ивняке, что, если бы не следы в том месте, где она сползла с дороги, ее бы и не заметить.

Она оказалась куда меньше, чем представлял себе Андрюша: если бы Дон Кихот захотел с ней сразиться, не надо было бы садиться на коня. Да к тому же она где-то потеряла крылья. Просто избушка с высокой четырехскатной крышей. Маленькая дверца, даже Коле пришлось бы согнуться, входя туда, да узкое окошко.

В синеющем воздухе было видно, что в мельнице горит свет — прямоугольник окна казался оранжевым.

— Это мельница? — спросил Андрюша тихо.

— Она, кому же еще здесь быть, — ответил шепотом Сеня. — Я ее в Волчьем логу и видел.

— В ней кто-то живет?

Дети поглядели на Андрюшу как на сумасшедшего. Они не сомневались, что там обитает именно секунд-майор, который теряет медные пуговицы.

Желтизна окошка должна была бы внушить мысли об уютной комнатке, о самоваре, шипящем на столе, о кренделях и задушевной беседе, но и в самом деле Андрюше почему-то представилась там, внутри, злобная баба-яга, которая орудует лопатой, стараясь засадить в печь очередного дурака.

— Я все-таки схожу, — сказал Андрюша не потому, что действительно желал этого, а потому, что не мог так просто сдаться и повернуть.

— Мы здесь постоим, — ответил Сеня.

Андрюша оставил мальчишкам сумку и сам пошел к мельнице, но не напрямик через поляну, а ближе к кустам, так, чтобы привидение, вздумай оно выглянуть оттуда, его не заметило бы. Хотя, конечно, привидений не бывает.

Под ногой хрустнула ветка, Андрюша отпрянул в сторону, угодил в неглубокую яму и застыл в неудобной позе. Ему показалось, что шум раскатился на весь лес. С минуту он стоял на одной ноге и, только убедившись, что никто, кроме комаров, не обращает на него внимания, двинулся дальше.

Окошко оказалось высоко, чтобы заглянуть в него, пришлось подняться на цыпочки, опервшись о стену. Бревна были холодными и чуть влажными, между ними вылезала серая пакля. Стараясь унять стук сердца, Андрюша заглянул внутрь, но увидеть ничего не успел, потому что его внимание было отвлечено дыханием за спиной. Он нервно обернулся. Сзади стоял Коля.

— Ты чего? — прошептал Андрюша.

— Они убежали; — прошептал в ответ Коля. — Сеня-ка с Семеном. Чего мне одному стоять. Страшно. А что там?

— Тише. Сейчас! — Андрюша снова приподнялся и наконец смог разглядеть, что происходит внутри.

Мельница представляла собой небольшую тесную ком-

нату, заставленную какими-то ящиками и бочками. Она была скруто освещена железнодорожным фонарем. При его неверном свете Андрюша увидел стоящего спиной к нему человека со знакомым борцовским затылком. В руке его поблескивал стальной прут. Человек разговаривал с кем-то, загораживая собеседника широкой спиной.

— Отвечай, — говорил он. — Отвечай, или хуже будет.

Собеседник молчал. Сверкнул стальной прут, рука резко опустилась, раздался гортанный крик боли.

— Что? Что? — шептал сзади Коля.

— Там убивают, — обернулся к нему Андрюша. — Или допрашивают. Но это не привидение.

— Подсади, — попросил Коля.

Андрюша поднял Колю на руки, и в этот момент обладатель широкой спины повысил голос:

— Я тебе голову оторву, и никто не узнает. Понял, сволочь?

— Доннервэттер! — послышался гортанный голос.

— Ругаться, да? — Снова удар.

— Это Васька, — обернулся к Андрею Коля. — Васька-шофер.

Андрюша, не отпуская Колю, заглянул в окошко. Спина Василия сдвинулась, и глазам открылась невероятная картина: на крюках, вбитых в стену мельницы, был распят громадный черный ворон Гришка. Василий мотолил его железным прутом, а ворон упрямо отклонял в сторону голову и норовил при этом ударить мучителя клювом.

— Гришка! — ахнул Коля.

Возглас Коли донесся до Василия, тот резко обернулся.

— Убью! — закричал он страшным голосом и, не выпуская из рук прут, бросился к двери.

Коля рванулся из рук Андрюши, оба упали на землю. Страх заставил их ползти, потом подняться на четвереньки и понестись к кустам. Им казалось, что разъяренный Василий уже настигает их...

Но этого не случилось. Сзади раздался короткий вопль ужаса. Топот преследователя оборвался, и Андрюша, кинув взгляд назад, увидел, что Василий замер, словно натолкнулся на стену.

— Смотри! — крикнул Коля, вскакивая на ноги.

По тонкому ватному слою вечернего тумана, укрывшему поляну, медленно, невесомо, зловеще надвигалась человеческая фигура, одетая странно и изысканно: в длинный зеленый камзол с красным воротником и обшлагами рукавов, в белые в обтяжку штаны, белые чулки и башмаки с пряжками. Лицо этой фигуры прикрывала зеленая треуголка, в руке был старинный пистолет.

Затрещали кусты — туда бросился Василий.

А Андрюша, хоть и не верил в привидения, ощутил такой ледяной и глубокий страх, что ноги сами повлекли его куда-то в сторону. Перед глазами мелькала спина удирающего Коли, потом надвинулась стена темных деревьев. Что-то ударило по ногам, Андрюша полетел в кусты и упал рядом с Колей.

Полежав какое-то время, Андрюша осторожно поднял голову и выглянул в просвет между кустами. Невесомо в синих сумерках привидение подходило к мельнице.

— Бежим, пока привидение далеко, — прошептал Коля.

— Погоди, — сказал Андрюша, к которому возвращались присутствие духа и обычный скепсис.

— Это его мельница, — сказал Коля. — Васька туда забрался, и ему теперь не поздоровится. Секунд-майор его за такое преступление из-под земли достанет.

Андрюша приподнялся на локтях, глядываясь в даль. И увидел, как черная тень выскользнула из двери мельницы и взмыла к небу.

— Он его выпустил, — сказал Андрюша. — Подождем еще?

— Ты как хочешь, — сказал Коля, — а с меня хватит.

— Ладно, — сказал Андрюша, который вдруг почувствовал, что очень устал и хочет домой.

Они не успели подняться — неподалеку хрустнула ветка. Кто-то шел осторожно и медленно.

— Васька! — шепнул Коля.

Но это был не Васька. Из кустов на поляну, почти растаявшую в сумерках, — туман, полосами поднимавшийся от протоки, уже заполнял ее, — беззвучно выплыла еще одна фигура. Еще одно военное привидение. Мундир его был синим с красным воротником и обшлагами, штаны в отличие от первого привидения были красными и заправ-

лены были в высокие узкие сапоги с раструбами. Синяя треуголка была обшита позументом, блестевшим под светом только что вышедшей луны.

— Снова секунд-майор, — прошептал Коля. — Это перебор.

— Наверное, он из другого полка, — сказал Андрюша.

Привидение оглянулось, словно вынюхивая живых, потом двинулось к мельнице. Шло оно по колено в тумане, и зрелище было загадочным и потусторонним.

В этот момент дверь в мельнице растворилась вновь и оттуда, поправляя треуголку, вышел первый секунд-майор. Он сделал несколько шагов, прежде чем увидел своего двойника. В тот же момент и двойник увидел его.

Привидения остановились, приглядываясь друг к другу.

— Дубли, — прошептал Коля.

Привидения будто приросли к месту. Секунды тянулись медленно, страшное бесконечное безмолвие зависло над поляной. Андрюша слышал, как часто и неровно бьется его сердце.

И вдруг оба призрака повернулись и, убирая шаги, пошли в разные стороны: первый — к оврагу, второй — к дороге. Они шли все быстрее, летели над туманом... и растаяли в нем, словно их и не было.

Андрюша с Колей, не сговариваясь, вскочили и молча побежали по темному лесу.

Было совсем темно, когда они в километре от деревни выбрались на дорогу. Почти перед окопицей сзади послышался гул мотора, и, отпрыгнув в кювет, они проследили, как по шоссе, дребезжа, промчался грузовик. Они переглянулись и прибавили шагу — деревня была рядом.

В домах уже зажглись огни, слышно было, как по камням бормочет ручеек. От крайнего дома поднялись две тени — Сеня и Семен, подбежали к дороге.

— Мы вас ждем, — сообщил Сеня, — даже замерзли.

— Сбежали, — сказал презрительно Коля.

— А мы привидение видели, — сказал Семен. — Так бежали, что чуть ноги не поломали.

— Мы их пачками видели, — сказал Андрюша. —

Они у вас в лесу, как грибы. Василий проезжал?

— Только что проехал. А что?

— Ничего, — сказал Коля, — спокойной ночи, малыши.

— Ты где пропадал? — спросила Элла, увидев Андрюшу.

— Я уже готова была поднимать на ноги всю деревню.

— Мы с Колей в лесу гуляли, — сказал Андрей. — А где наша молодежь?

— Веня с Ангелиной в клуб пошли. Там репетиция хора. Ангелина поет, а Веня хотел послушать, нет ли там интересных мелодий.

— Ясно, — сказал Андрюша. — Веню вела бескорыстная любовь к фольклору.

— Если ему нравится Ангелина, в этом нет ничего страшного, — сказала Элла. — Тебе это чувство пока незнакомо.

— К счастью, — сказал Андрюша. В тот момент подобные чувства были от него и в самом деле далеко.

Коля разжигал печку, поглядывая на Андрюшу. Он не понимал, чего Андрюша таится, не рассказывает о привидениях начальнице, но сам был человеком сдержаным и в чужие дела не вмешивался. Тем более тут же пришла Глафира, тяжело опустилась на стул.

— Уморилась до смерти, — сказала она, — рабочих рук не хватает. Хоть детей поднимай. Артель закрывать будем.

— Тетя Агафья не согласится, — сказал Коля, раздувая огонь в печи. — У нее план.

— Не знаю, что и делать. А тут еще совещание полны. А у вас как день прошел?

— Эдуард Олегович познакомил нас с женщинами. Они мне обещали помочь. Вениамин сейчас в клубе на репетиции.

— Он в Гельку влюбился, — сказал Коля.

— Чего? Уже успел? Ах она мерзавка, — рассердилась Глафира. — Человек ученый, на работе, а она ему голову крутит!

— Нет, — сказал Андрюша, — она не виновата. Веня у кружевниц портрет увидел и восхитился. А Ангелина оказалась копией портрета... Тут его сердце не выдержало.

— Ох, не смейся, Андрюша, — сказала Элла. — Ох, не смейся. Когда-нибудь и сам попадешь в ситуацию похуже этой.

— Понятное дело. Девка в городе пожила, теперь

тоскует, — сказала Глафира. — А тут образованный человек, в очках. Но меня больше Василий беспокоит.

— Мы Васю сегодня в лесу видели, — сказал Коля. — На мельнице. Мы Андрею мельницу показывали.

— В Волчьем логу?

— Нет, она дальше ушла, — сказал Коля серьезно. — Мы ее у Максимовой протоки нашли. Василий там Гришу пытал!

— Не может быть! — ахнула Элла. — Какого Гришу? Почему не остановили? Почему мне ничего не рассказали?

— Погодите, — сказала Глафира, тяжело поднимаясь из-за стола. — Ты, Николай, рассказывай по порядку. Меня давно этот Васька смущает. Чего пытал, чего узнать хотел?

— А мы не видели, — сказал Андрюша. — Понимаете, он стоял к нам спиной, а там плохое освещение...

— А потом он нас услышал и погнался. А тут привидение...

— Привидение? — спросила Элла.

— Секунд-майор, — сказала Глафира. — Я, правда, его не видела, но некоторые встречали.

— Но ведь этого быть не может, — сказала Элла.

— Правильно, — согласилась Глафира. — Рассказывай дальше, Николай.

— Нечего рассказывать. Привидение пришло в мундире и с пистолетом, Васька бежать, мы тоже.

— И все?

Коля поглядел на Андрюшу. И Андрей понял, почему. Пока речь шла об одном привидении, вроде бы можно было в это верить.

— Не все, — сказал Андрюша. — Привидений было два.

— Чего меня морочить вздумали? — нахмурилась Глафира.

— Ей-богу, два, — сказал Коля. — Только один в зеленом мундире, а другой в синем. Первый в мельницу пошел, Гришу выпустил...

— Значит, беспокоится, ход бережет, — сказала Глафира.

— Гриша не скажет, — заметил Коля.

Андрюше вдруг стало грустно. Он здесь чужой. Вроде

бы видит, что и другие, вроде бы с ним разговаривают, за столом сидят, в лес ходят, а от этого лишь накапливаются недоразумения и тайны. То нападаешь на медведя, а оказывается, что нападать не положено, то ищешь в лесу мельницу, и никого не удивляет, что мельница бродячая, а в ней допрашивают Гришу, тебе уже все кажется загадкой, а может, все просто объясняется, да некому объяснить?

Наступила пауза, которую ни Элла, ни Андрей не посмели нарушить. Элла накручивала на палец рыжий локон и старалась убедить себя, что хозяева шутят. Глафира снова уселась за стол, задумалась, потом надела массивные модные очки и начала просматривать газету — передовицу про сенокос.

— Гляди-ка, — сказала она, — «Путь революции» шестьдесят два процента скосил. Вы такое видели? Да они не начинали за Сотвой косить!

— Вчера косили, — возразил Коля. — Известное дело, у них студентов тридцать человек.

— Студенты в лесу ягоды собирают, — сказала Глафира. — Поверь уж мне, поспешил Кондратий с отчетом. Ой, поспешил.

— Значит, вы наблюдали фигуры в офицерских одеждах? — тихо спросила Андрюшу Элла. — А что если здесь дислоцирована воинская часть? Они же имеют право в свободное время гулять по лесу.

— Если и была дислоцирована, — вздохнул Андрюша, — то лет двести назад, как в Конотоп перевели. Жаль, темно было, не сфотографируешь.

— Милиция по Ваське плачет, — сказала Глафира, откладывая газету. — Сколько лет мельница на месте стояла. Кому это нужно, не пойму. А ну-ка, Николай, добеги до Артемия, позови. Надо мне с ним поговорить.

Старик Артемий вошел в комнату несмело, задержался в дверях. В руке обвязанный веревкой старый чемоданчик, с такими ходят водопроводчики.

— Вечер добрый, — сказал он, поглаживая седую бороденку. — Не побеспокоил?

— Заходи, дед, — сказала Глафира, снимая очки, кладя на стол и припечатывая тяжелой ладонью, словно муху. — Садись.

Дед присел на стул.

— Чего приглашала? — спросил он.
— Претензии у меня к тебе. А какие, знаешь?
— Знать, конечно, не знаю. Не имею возможности. Но догадываюсь. На работу я сегодня не вышел. Это точ-на!
— Занемог снова? А косить кто будет?
— Правильно! Но не занемог. А волновался. За здоровье Михаила, сама понимаешь. Испугали они его. — Дед вежливо наклонил голову к Андрюше. — Без злого умысла, но подстрелили. А он у нас нервный стал, очень нервный. Малину у меня отобрал. Но завтра с утра, Глафира, это точ-на! С косой на поляну! Без обману, это точ-на!

— А то смотри, что пишут. «Путь революции» уже шестьдесят два процента скосил.

Дед вытащил из кармана серого пиджака старинный лорнет в золотой оправе, растворил его и наклонился над передовицей. Все молчали, пока дед, шевеля губами, читал сообщение о ходе косовицы.

— Да, — сказал он наконец. — Кондратий, можно сказать, преувеличил. Это точ-на!

Коля достал горшок с картошкой. Элла помогла ему, поставила рядом сковородку с рыбой, а Андрюша резал хлеб.

— Ты мне скажи, где Гриша? — спросила Глафира. — С ним чего не случилось?

Дед откашлялся, но промолчал.

— Чего молчишь? Люди это приезжие, все равно не поймут.

— Видел сегодня Гришку, — сказал дед. — Видел. Прилетел он. Крыло у него поврежденное, двух перьев на хвосте нет. Дал я ему политическое убежище.

— Василий? — спросила Глафира.

Дед удивился. Сильно удивился, вцепился себе в бороденку, дернул ее книзу, глаза остекленели.

— Василий? Чего Василий? — спросил он.

— Ну не хочешь, как хочешь, — сказала Глафира. — Только учти, старый, вот эти ребята в лесу были, мельницу нашли. Василия там видели. И Гришу.

— Мельницу? В Волчьем логу? — спросил дед.

— Не, — сказал Коля, — дальше, у Максимовой пропорции.

— Ага, — согласился дед, — дальше.

- А Гришка к тебе когда прилетел?
- Да полчаса не будет, как прилетел.
- А что сказал?
- А что он скажет, птица глупая.

Элла с Андрюшой слушали этот разговор, и смысл его был близок, почти раскрыт, но догадаться самим невозможно.

- Значит, ты ничего не знаешь? — спросила Глафира.
- Знать не знаю, это точ-на. Но обязательно догадаюсь, ты меня, Глаша, знаешь.
- Садись тогда, поешь с нами.
- Мне ни к чему, благодарствую. Я ужинал.
- А ты поешь. Не отказывайся. И люди с тобой поговорят. Ты ведь им тоже не без пользы... Странно мне. Вроде бы людей знаю и места, всю жизнь здесь прожила, а вот теперь чего-то не понимаю. Словно злой дух какой вмешался. Ну просто не понимаю!
- Я так тоже думаю, — сказал дед. Достал щеточку, принял чесать бородку. — Тоже думаю, что есть какой-то злой дух, только не пойму еще, как его фамилия.
- Значит, не веришь?
- В кого не верю?
- В секунд-майора.
- Нет, — сказал дед скорбно, — верю. Не хотел бы, да верю. Сам видел. В лесу. Сегодня. Ходит, шастает. А чего ему надо, спрашивается?
- Вот поедим, — сказала Глафира, — и принимайся, дед Артем, за рассказ.
- О чем рассказывать-то?
- Не притворяйся, чемодан-то чего притащил? Кто не знает, что ты в нем свои бумаги хранишь.
- Берегу, — согласился дед, — от дурных людей.

16

Дед достал длинный костяной мундштук, потом из другого кармана расшитый бисером кисет с табаком, закурил самокрутку, вставил ее в мундштук.

Элла с Колей убрали со стола. Дед поставил на стол чемоданчик, развязал веревки — и тот сразу распахнулся, из него ворохом полетели листы бумаги.

- Деревня наша, — сказал дед, раскладывая бумаги

по столу, — имеет историю долгую и необыкновенную. А известна она узкому кругу людей, потому что другие не интересовались. Ты посмотри на своих гостей, Глафира. Они по специальности все волчьи углы облазили, а вот до нас только к концу двадцатого века добрались. Вот ты, рыжая, — это относилось к Элле, и та не обиделась, — скажи, почему Ручьи Полуехтовы?

— Помещик был Полуехтов, — сказала Элла. — Нам Эдуард Олегович рассказывал.

— Эдуарда Олеговича меньше слушай. Он человек пришлый, гордый, а без любопытства. Как приехал, так и уедет.

— Эдуард Олегович много делает для самодеятельности, — сказала Глафира.

— Когда по делу говоришь, Глафира, я к тебе всегда прислушиваюсь. Но когда о самодеятельности или, допустим, об американском джазе, то лучше помолчи. Ясно?

Глафира улыбнулась. За окном стало совсем темно, луна повисла над занавеской.

Дед Артем хитро прищурился, отложил лорнет, выставил бороденку, потом закачался медленно и ритмично, руки его поднялись над коленями, словно на коленях лежали гусли и дед собирался себе аккомпанировать.

— В некотором царстве, — начал он нараспев, — в некотором государстве...

— Послушай, Артемий, — перебила его Глафира, — а нельзя ли попроще?

— Попроще нельзя, — сказал Артемий. — Ты забыла, кого принимаем? Принимаем мы специалистов по фольклору — для них то, что начинается с трезвых дат и фактических сведений, в уши не пролезает. Продолжаю. Значит, в некотором царстве, в некотором государстве жили-поживали добрые крестьяне, землю пахали, горя не знали, подати платили, лен молотили...

Андрюша включил магнитофон, и дед наклонился к нему поближе, чтобы магнитофон чего не пропустил, а сам поглядывал на зеленый дрожащий огонек индикатора, следил за качеством записи.

— Тебе ли фольклор придумывать? — усомнилась Глафира.

— Кто-то должен это делать, — сказал дед. — Не

оставлять же на откуп неграмотным бабкам. А ты чего «телефункен» не купишь?

— Чего? — не понял Андрюша.

— Качество невысокое, — сказал дед.

— Не отвлекайся, — сказала Глафира. — Думаешь, если новая аудитория, на тебя управы нету? Вот велю Кольке рассказывать...

— Нет, Кольке нельзя, — не согласился дед, — он романтик. Он обязательно приврет. Про крепость и индейцев.

— Тогда я сама расскажу.

— Давай, чего мне, я разве возражаю? Ты бригадир, ты здесь исполнительная власть. Давай рассказывай.

— Дело в том, — сказала Глафира, — что дед наш краевед. Он три отпуска в Ленинграде провел в архивах, в музеях. Все наши легенды и сказки научно объяснил, но, разумеется, личная скромность его подводит, да и недостаток образования... — Глафира говорила, ухмыляясь, поглядывала на деда, тот вертелся на стуле: и приятно было слушать, и самому поговорить хотелось.

— Ладно, — сказал дед, — я сам продолжу.

Он обеими руками подвинул к себе кипу бумаг. Бумаги оказались различными — старыми мятymi записками, машинописными страницами, фотокопиями документов, исписанных писарской вязью...

Дед порылся в бумагах, окинул строгим взором притихшую аудиторию и сказал:

— Начнем тем не менее с фольклора.

— Начнем, — сказал Андрюша и вытащил фотокамеру. Вид деда, лорнирующего фольклорную экспедицию, был экзотичен.

— Выдержку побольше сделай, — сказал дед строго. — Тут света маловато. А начнем с чистой сказки. Как звучала она в народе и как ее записал от моей бабушки Пелагеи случайный человек приват-доцент Миллер, добравшийся до наших мест из любознательности, свойственной положительному российскому немцу.

Дед извлек фотокопию журнальной страницы.

— Напечатано в журнале «Любитель Российской старины», номер шесть, декабрь 1887 года, на этом номере журнал прекратил свое существование. Найден мною в библиотеке Пермского института культуры. «Быль то или

небылица» — так моя бабушка начала свой рассказ, типичный запев в наших краях.

— Типичный, — согласилась Элла, — вы совершенно правы.

— «Быль то или небылица, летела птица, несла яйцы». Последнее слово отношу на совесть Миллера, бабушка моя никогда так не рифмовала, — сказал дед.

— Это невозможно, — снова согласилась Элла. — Сказительницы всегда берегли русский язык.

— Будем думать, что бабушка здесь обошлась без рифмы, — сказал дед. — Суть в следующем. Вначале идет обычный текст об Иване-дураке, который намерен отыскать лекарство для царевны. Встречает Иван старца. Теперь слушайте текстуально. «И сказал ему старец: за лесами, за морями, за высокими горами есть в лесу ключ, а вода в нем живая. Если дашь мертвому испить, встанет мертвец, коли дашь болезному испить, исцелится болезный, коли дашь калеке испить, плясать пойдет».

— Так и написано?

— Повторяю, в записи немца Миллера. Продолжаю: «И сказал тогда Иван-дурак: пошли, царь-батюшка, за живой водой, вылечим мы твою царевну. Сильно разгневался царь-батюшка. Как, говорит, смеешь ты, крестьянский сын, мне указания делать? Возьми, говорит, роту солдат и следуй к ключу, найди его, принеси воды и вылечи царевну. Вылечишь, будет тебе царевна в жены и еще полцарства в придачу».

Дед отложил листок, пролорнировал фольклористов и спросил:

— А часто ли Ивану-дураку придают роту солдат?

— Ну, это совершенно нетипично, — сказала Элла Степановна. — Герой в сказке всегда действует один.

— Вот видишь, — сказал дед Артем, — я тоже так рассудил. А ведь должен тебе сказать, что историю эту я слыхал от бабушки хоть и после того, как немец Миллер здесь побывал, но еще когда бабушка была в твердом уме и памяти. Я тогда, конечно, про Миллера не знал, но мне-то бабушка говорила, что ключ живой воды находился в лесу за нашей деревней. Понимаешь, за нашей! Точ-на!

— А он там есть? — спросил Андрюша. — Или бродячий какой, как мельница?

— Вот это я и решил проверить. Тем более что с водой в нашей деревне необычно.

— В каком смысле? — спросила Элла Степановна, инстинктивно отстранив чашку с чаем, чего никто, кроме Андрюши, не заметил.

— А в том смысле, что она у нас особенная. Чистая, добрая.

— Волосы отмываются, как в шампуне, — сказал Коля.

— Не в этом дело! От нашей воды здоровье улучшается, силы прибывают. Лучше боржоми.

— Ну уж скажешь, — возразила Глафира. — Патриот он у нас, даже писал в Кисловодск, чтобы прислали специалиста.

— И пришлют, — сказал дед. — Спохватятся, пришлют.

— Нет смысла, — сказал Андрюша. — Сюда добираться трудно. Кто поедет? Моря нет, пейзажей мало.

— А вот и дурак, — сказал дед убежденно. — Потому что, оказывается, раньше люди были поумнее, чем ты, студент. Что имел в виду народный эпос под видом Ивана-дурака и его роты солдат? Нет ли здесь исторического объяснения?

— Правильно, — сказал Андрюша. — Пушка на площади, верстовой столб, фамилия «Полуехтовы».

Дед повертел стопку бумаг, подвинул к себе некоторые, не спеша проглядел, хотя, видно, знал их наизусть.

— В середине восемнадцатого века царствовала на престоле злая баба, царица Анна Иоанновна, слышали о такой?

Элла кивнула.

— И под конец своего царствования занемогла она от дурости и невероятного обжорства. И каким-то неясным пока для нас путем узнала, что есть на Урале целебный источник. Полагаю, слух шел от промышленников, что за мягкой рухлядью сюда ходили. Ведь цари — они как обыкновенные люди: заболеют, всему готовы поверить. Царица велела обязательно этот источник найти и сделать здесь курорт для своего величества. — Дед достал большой ветхий лист, свернутый в трубку, развернул. — «Мы, божьей милостью, Анна Иоанновна», — прочел он. — Без лупы не поймешь, а я два месяца сидел, пока понял... «Посыпаем нашего войска секунд-майора Ивана Полуех-

това...» А дальше уж совсем ничего не разобрать. И знаете, где я эту бумагу нашел?

Дед сделал паузу, подождал, пока все откачают отрицательно головами, сказал тихо и торжественно:

— В сундуке моей бабушки. Ясно? Это оригинал. Может, где в архивах и есть копия, но это оригинал. И из него ясно, что царица послала в наши края одного секунд-майора. Тут уже сказка не сказка, ничего не поделаешь. А вот, гляди, я из журнала «Русский архив» переписал. «Об одной забытой экспедиции XVIII века». Пишет некто Федоров-Гаврилов. Цель, сообщает он, экспедиции, которая в большой тайне была направлена из Петербурга на восток в декабре 1738 года, так и осталась невыясненной. Известно, что во главе стоял секунд-майор Полуехтов, отличившийся в Крымском походе с фельдмаршалом Минихом, — здесь все прописано, как и что. И полагал Федоров-Гаврилов, что экспедиция была направлена для достижения берега Ледовитого океана или за золотом, и рассуждает на эту тему, и говорит, что экспедиция так и не вернулась.

— Вот это здорово! — не удержался Андрюша. — А они, значит, сюда добрались?

— Больше того, без дорог, по тропе они и пушку сюда дотащили на одной армейской дисциплине. Дом построили, пушку поставили...

— Значит, они нашли источник? — спросила Элла.

— Полагаю, нашли наш ручей, — сказал дед. — Вода в нем хорошая.

— Хорошая, — сказала Глафира, — но обыкновенная.

— А царице все хуже, — продолжал дед. — И спрашивает она своих биронов и остermanов: как там дела с моим срочным исцелением? А они отвечают: не имеем сведений, кроме как знаем, что добрался Полуехтов и дорогу кладет. А вода какая? — спрашивает царица. А про воду не можем знать, отвечают бироны. А ну-ка срочно узнать! — велит царица. Самого-то главного не выяснили! Засуетились здесь бироны и послали срочно лейб-медика Блюменквиста, чтобы проверил марциальные воды. И приехал сюда лейб-медик Блюменквист, который уж давно лечил царицу, да безуспешно. Я нашел его отчет о том, как он воду пробовал. Отчет по-немецки, но мне его добрые люди в Ленинграде перевели. Там

заодно я и стереосистему купил для прослушивания джаза... Так этот лейб-медик вот что сообщил: «По прибытии на место я обнаружил, что климат здесь дохлив и негоден для дыхания высоких персон, а вода, кроме чистоты, иных достоинств не имеет».

— Что же он так категорически? — спросила Элла.

— Интриги, — ответил дед. — Зачитываю отрывок из личного дневника канцлера Остермана: «Помимо прочего отъезд императрицы из Санкт-Петербурга крайне нежелателен, ибо может привести к возмущению гвардии, особенно ежели императрица скончается или сугубо занеможет в трудном пути. Имел беседу с прибывшим с Урала лейб-медиком Блюменквистом, доклад которого о посещении марциальных вод должен быть благоприятен для наших планов и судеб России». Ясно?

— Ясно, — сказал Андрюша. — А дальше что было?

— Здесь и начинается самое интересное. Майору вели строительство курорта пресечь и вернуться домой. А секунд-майор не отозвался. Слушайте, как сказка кончается. И говорит тут Иван-дурак: хоть казни меня, царь, хоть милуй, только обратно в столичный город мне пути нету. Будем мы с царевной здесь проживать и детей наживать. Избушку срубим, огород разобьем. Пошумел царь, позлился, да что делать — слово держать надо. Отдал он царевну Ивану. И остались они в лесу, избушку построили, детей народили, так наша деревня и на свет появилась. И до сих пор они живут, куда им помирать, живая вода рядом, хоть ведром черпай.

— То есть он остался здесь жить? — спросила Элла.

— Дорогая начальница, — сказал Андрюша, — ясное дело, секунд-майор живет здесь до сих пор, только на одной воде не растолстеешь, вот и превратился он в привидение.

— А в самом деле? — спросила Элла, проникшись доверием к детективному таланту старика.

— Точ-на! — Старик торжествовал. — Имеем в деле документ номер девяносто три, датированный восьмым сентября от рождества Христова лета тысяча семьсот сорок второго! — Он потряс в воздухе исписанным листом. — Это последний штрих в моем научном поиске! Донесение сибирского губернатора о розыске пропавшего без вести секунд-майора Полуехтова с командой. Точ-на!

— Не томи гостей, — сказала Глафира. — Мы все знаем, что поговорить ты мастер.

— Все путем, — сказал дед, — подготовка нужна. Оказывается, велели губернатору отыскать Полуехтова и вернуть в столицу. Да еще вернуть с кассой. Почему так произошло? А вы на дату поглядите. Прошло-то два года, пока спохватились. Представьте себе — Анна померла, Остерман из фаворы выпал, пришла к власти молодая царица Елизавета, которую собственное здоровье пока не беспокоило. И забыли в суматохе о нашем секунд-майоре. А он живет. Инструкций не имеет, ждет. И не знает, что живая вода объявлена обыкновенной.

— Моя бабушка, — вмешалась Глафира, — полагала, что приказ возвращаться был, только Иван его разорвал.

— Заваруха была, понимаешь, заваруха! — сказал дед. — Может, никому и дела не было до Полуехтова? А сам он на Елене женился.

— На ком? — спросила Элла Степановна.

— А вы в кружевную артель загляните, там два портрета висят. Один портрет — секунд-майора, а второй — Елены, ясно?

— Так она же возлюбленная Вени! — догадался Андрюша. — Точная копия Ангелины!

— Ничего удивительного, — сказал дед. — От ихней любви каждый второй в нашей деревне произошел.

— Кто она была? — спросила Элла.

— Местная, полагаю, — сказал дед. — И в зaimке люди жили, а из Сотвинска мужики приехали, дорогу строили, дом царицы. Я так полагаю, что и некоторые солдаты семьями обзавелись.

— Они очень друг друга любили, — сказала Глафира. — Про это у нас в деревне даже песни поют. И детей у них трое родилось: Петя, Константин и Елизавета.

— Но! — Дед сделал паузу. — Такой союз неизбежно должен был обернуться трагедией. Это точ-на! Почему? Из-за зверских социальных условий, которые царили в те времена. Кем был секунд-майор? Он был дворянин. А Елена? Крестьянская дочь, низшее сословие. Нельзя было им обвенчаться. И предполагаю я, что жили они здесь в счастье, но в тревоге, что это счастье кончится.

— Чего предполагать, все знают, — сказала Глафира.

ра. — Про это песни сложены. И дети их были незаконными, и разлука их ждала...

— Неминуемая, — подхватил дед. — Не исключено, что у секунд-майора и другая семья была... Так вот, из отчета губернатора следует, что он получил в сорок втором году предписание отыскать секунд-майора с командой, вернуть его, а если он, случаем, преставился...

— То есть помер... — пояснил Коля.

— Тогда... Коля, не перебивай, уши оторву... Тогда доставить в Петербург кассу, тринадцать тысяч рублей золотом и серебром, выделенные секунд-майору на приготовление к царицыному приезду.

— Так много? — удивилась Элла.

— Еще бы. Дорогу построить, дом, удобства... Ладно, что губернатор делает? Как и все губернаторы — отдает приказания. Шлет запрос из Тобольска в Екатеринбург, откуда едет человек в Нижнесосьвинск. Что за майор у вас, что за касса? Почему ничего не знаю? Губернатор-то новый был, а Ручи от Тобольска ой как далеко! Из Нижнесосьвинска ему сообщают — есть такой секунд-майор, живет с крестьянской девкой в деревне, детей прижил, хулиган с точки зрения дворянской морали, а деньги, наверное, все растратил.

— А он не растратил, — сказал Коля, — он их в пещере спрятал.

— Что за чепуха! — возмутился дед. — Секунд-майор на них дом построил, дорогу проложил, четыре года солдат содержал — откуда деньгам быть? Не смей клеветать на своего предка!

— Он их спрятал, это все знают, только найти нельзя. Их привидение охраняет.

— Мне тоже говорили, — сказала Глафира.

— Глафира, окстись! — Дед кипел негодованием. — Не уподобляйся корыстному и наивному Василию!

— А ваша теория? — спросила Элла.

— Не теория, а уверенность. Эти деньги в Нижнесосьвинске подрядчики растащили. Майор-то человек военный, прямой, в тонкостях финансовых совершенно не разбирается. Но кто ему поверит, если даже вы, можно сказать, родные люди, не доверяете!

— Дальше, дальше! — воскликнула Элла.

— Все по порядку. Шлет тогда губернатор майору

приказ прибыть немедля для отчета с кассой и солдатами. А майор не отвечает. Тогда губернатор направляет в Ручьи военную команду с поручиком во главе. Как узнал секунд-майор о приближении команды...

— Об этом песни сложены, — сообщила Глафира и вдруг запела со слезой, с чувством:

И собирается ясный сокол во лесную чащу,
И молвит ясный сокол молодой жене...

— Да не плачь, молодая жена, да не лей понапрасну слез! — подхватил дед. И тут же оборвал себя, заговорил строго, деловито, прозой: — Воинская команда секунд-майора в деревне не застала. Ушел он в лес и не вернулся. Сгинул.

— Может, убежал? — предположил Андрюша.

— Нет, погиб он, это точ-на. Ворон Гришка прилетел, у Елены дома жил. Ворона этого он птенцом подобрал, выходил, всему научил, ну словно собака Гришка у него был. Никогда с ним не расставался... Солдат повязали, в колодки забивали, деньги искали, всю землю перерыли. Губернатор отчет послал в Петербург — нет майора, нет кассы.

— Он к своему кладу пошел, — сказал Коля. — Его в пещере задавило. Вот он теперь и ходит привидением. Место знает, да не хочет показывать.

— Есть такое суеверие, — сказал дед. — Верят некоторые в привидение секунд-майора.

— А вы? — спросил Андрюша.

— Я тоже верю, почему не верить? Может, электрическое объяснение есть?.. Вот и сказка вся, — заключил дед Артем.

— Не вся. Сказка так кончается, что Елена, майорова жена, — заговорила нараспев Глафира, — выплакала все очи, его дожидаючись, а потом пошла через горы и реки, через лес и дубраву. И увидела она, неживой лежит, неживой лежит возле озера...

— Неживой лежит, от тоски иссох, — подхватил, не удержался на почве исторических фактов дед.

— От тоски иссох, без любви погиб, — запел Коля.

— И пошла она к ключу Царицыну. Как к тому ключу за живой водой... — пели Полуехтovy хором.

Дед прервал пение взмахом руки — как отрубил.

— В общем, считается, что она его оживила и они стали жить в лесу. А это чепуха. Елена Полуехтова и все ее потомство благополучно проживали в деревне Ручьи в последующие годы, о чем есть церковные записи в храме села Красное.

— Жалко, если клада нет, — сказал Андрюша. — А Василий знает об этой легенде?

— Все знают, еще говорить не научатся, а уже знают. У нас бабки вместо сказок эту историю рассказывают.

— И вы думаете, что он для этого Гришку ловил?

— Уверен, — сказал дед Артем. — Только Гришка тайну не открывает.

— Какая наивность! — сказала Элла. — Вороны неразумны. Птица не может хранить тайны.

— Куда ей, птице, — неискренне согласился дед.

— И вообще мне Василий последнее время не нравится, — сказала Глафира. — Замкнутый стал, в городе пропадает...

— Василий только проводник чужих идей, — сказал дед Артем.

— Чьих? — спросила Глафира.

— Вот разберусь, скажу.

— С чем разберетесь, простите? — раздался голос от двери.

— Вечер добрый, — сказала Глафира, узнав Эдуарда, остановившего на пороге. — Заходи, чаю попью.

17

Андрюша проснулся от пушечного выстрела.

Вениамин тоже вскочил, сонно захлопал глазами. Некоторое время его лицо продолжало хранить испуганное выражение, но вдруг внутренний свет озарил его, и улыбка расплылась по впалым щекам. Со двора донеслось звяканье ведра. Вениамин метнулся к окошку и прилип к нему.

— Она прошла с ведром в руках? — спросил Андрюша с некоторой завистью, потому что просто влюбленный смешон, а влюбленный, который пользуется взаимностью, почти не смешон.

— Доброе утро, — прошептал Вениамин в окно так громко, что, наверно, было слышно на площади.

— Доброе утро, Веня, — послышался в ответ девичий голос.

— Мы с ней будем к сочинению готовиться, — сообщил Веня.

— Элла тебе голову оторвет, если ты совсем забудешь о работе, — возразил Андрюша. — И будет права. Впрочем, я тебе завидую хорошей белой завистью.

— Нет, — почему-то не согласился Веня. — Хорошей белой зависти не бывает. Зависть — это желание получить то, что есть у другого, но отсутствует у тебя. Поэтому зависть — чувство отрицательное.

— Не претендую я на твою Ангелину, — сказал Андрюша. — Я твой верный друг и пособник, если надо.

— Спасибо, — прочноувствено ответил Веня.

Он никак не мог справиться со шнурками от ботинок. Андрюша с сочувствием наблюдал за его действиями. Бабочка-капустница с крыльями в ладонь влетела в оконко, и Андрюша сказал задумчиво:

— В детстве я отдал бы все сокровища за такой экземпляр.

— Ага, — сказал Вениамин, — бабочка.

— Тебе не кажется, что здесь все преувеличено?

— Конечно, — сказал Веня. — А у нее на щеке ровдника.

— Все ясно, — сказал Андрюша. — Иди, только не забудь поменять местами ботинки. Ты перепутал ноги. Будет жать.

— Чего же ты раньше молчал? — возмутился Вениамин. — А еще пособник!

Ковыляя в полунаштых ботинках, он выбежал в сени. Там загремел, налетев на какой-то тяжелый металлический предмет. Андрюша хотел пойти к нему на помощь, но в этот момент в оконко влетел комок бумаги. Андрюша развернул ее. «Андрей, — было написано там, — зайди ко мне. Быстро. Есть разговор. А.».

— Кто такой «А»? — спросил вслух Андрюша.

— Это дед Артем, — ответил детский голос.

На дворе под окном стояли Сеня и Семен, вымытые, бодрые, еще не успевшие перепачкаться.

Сеня с Семеном убежали. Ангелина вышла из сарай с подойником, у дверей ее ждал Вениамин. Он начал шарить по карманам, ища очки. Андрюша подхватил их со

столика, выскочил на крыльцо и, подойдя сзади, надел на нос Вениамина. Тот ничего не сказал, только поправил очки, видно, решил, что так и надо, чтобы они сами надевались на нос. Андрюша окинул взглядом зеленый двор, крупных, гусиного размера кур, задумчиво глядевших на утреннюю встречу влюбленных, и тут его взгляд встретился с чужим глазом, вжавшимся в щель между досками забора. Кто-то подглядывал с улицы. Сеня? Семен?

Андрюша прошел к рукомойнику, наклонился, только тогда ему стало не по себе. Он понял, почему. Глаз принадлежал взрослому человеку немалого роста. Андрюша выпрямился, обернулся. Ангелина и Вениамин все так же глазели друг на друга, но глаз в щели пропал. И тут Андрюша увидел, как нечто большое и блестящее по крутой дуге летит в небе, сопровождаемое черным хвостом. Когда это большое уже подлетало к земле, он понял, что летит молочный бидон.

Бидон глухо бухнулся о землю, и вверх, разлетаясь, ударили черный фонтан спиртовой туши. Девушка и аспирант, стоявшие у крыльца, там, куда грохнулся бидон, превратились в черные сверкающие под утренним солнцем статуи, стоящие на блестящей подставке — на черной сверкающей траве.

— Василий! — закричал Андрюша, выскочил на улицу и увидел, что у ворот стоит грузовик, на котором сооружена грубая, но эффективная катапульта, а сам Василий уже лезет в кабину.

— Ну нет! — крикнул Андрюша. — Ты от меня не уйдешь!

Он побежал за грузовиком, который набирал скорость, бидоны с молоком в нем звякали и дребезжали. Из-за угла вышел медведь, с аппетитом уминая буханку белого хлеба, еле успел отскочить в сторону, замахнулся буханкой, но кидать не стал, пожалел хлеб.

Грузовик мелькнул вокруг рощицы с пушкой, а медведь побежал туда, видно, решил выстрелить вдогонку.

— Ну, это уже переходит все возможные границы, — сказал Эдуард Олегович, возникший неподалеку. — Куда он помчался? Я полагаю, что пора поставить знаки ограничения скорости в нашей деревне. А вы, Андрюша, как думаете?

— Я думаю, что пора его в тюрьму посадить, — сказал Андрюша. — Пускай он только мне попадется!

— Что-нибудь произошло? — испугался Эдуард Олегович.

Андрюша ничего не ответил, повернул обратно к дому. Эдуард Олегович за ним. В калитке они остановились. Эдуард Олегович окинул взглядом ужасающую картину и сказал мрачно:

— Я заблуждался, выгораживая этого прохвоста.

18

Андрюша поднялся на крыльце, постучал. Его как будто ждали — дверь сразу отворилась. Дед Артем появился в проеме, борода закинута.

— Входи, заждался.

— Там Василий хулиганил, — сказал Андрюша. — Закинул катапультой бидон с тушью, Ангелину и Веню облил.

— Ревнует, — сказал дед. — Понятное чувство. Ангелина никакой склонности не выказывает.

Он распахнул дверь в горницу, и Андрюше по ушам грохнул голос Луи Армстронга. Большая стереосистема расползлась по стенам, динамики дрожали от могучего голоса. На полированной крышке проигрывателя сидел, склонив голову, громадный ворон Гришка.

— Он тоже музыку обожает! — крикнул дед Артем. — Ты садись, садись.

— Может, потише сделать? — тоже крикнул Андрюша. Он посмотрел на башмаки с медными пряжками, стоявшие у двери.

— Потише можно, — согласился старик и убавил звук.

Ворон приоткрыл клюв, приглушенно каркнул.

— Недоволен, — сказал дед Артем. — Нервничает. Ему вчера всю нервную систему этот мерзавец расшатал. Кофе хочешь?

— Нет, спасибо, — сказал Андрюша, осматриваясь. Ящик с гайками, гвоздями, сопротивлениями и проводниками на столе, покрытом вытертой плюшевой скатертью с тигриными мордами на углах, разобранная кровать, шатучая этажерка с книгами, обычные деревенские фотографии на стенах, обклеенных обоями в цветочек,

большой поясной портрет Чарлза Дарвина между окон, гипсовый бюст певицы Эллы Фицджеральд, стопки газет в углу, перевязанные веревками, сундук, окованный железными полосами, цветной телевизор...

— Я тебя позвал из-за твоей образованности, — сказал дед. — Мне моей не хватает. Языки знаешь?

— Английский, — сказал Андрюша, — и древнеславянский.

— Вот английский нам и нужен.

Ворон расправил крылья, в комнате стало темнее, потряс ими, сложил снова и прикрыл глаза белыми пленками.

— Старый он, — сказал дед. — Трудно ему, да и забывает многое.

— Вы зачем привидением одевались? — спросил Андрюша.

— Я Ваську уже вторую неделю выслеживаю. Мне представляется, что в деревне у нас завелась шайка, чего раньше не было. Они на мельнице гнездо свили. А мельница ушла, и я ее искал, а Гришка мне помогал. Нашли, только Гришка, когда летел ко мне с сообщением, в сеть попался. Вот и пришлось мне бежать туда.

— А почему под видом секунд-майора?

Андрюша бросил взгляд на ноги старика, они были в сношенных валенках. А башмаки стояли у двери. Солнечный луч упал на позолоченную пряжку, отразился зайчиком на портрете Дарвина.

— Я рассудил, что в моем естественном виде шайка меня не испугается. Еще пришибить могут. А привидений они боятся... И правильно рассудил.

Дед подошел к сундуку, с трудом отвалил тяжелую крышку. Сундук был полон одежды — старик вываливал оттуда на пол женские длинные платья, кафтаны, сермяги, уходил все глубже в недра сундука, одежда становилась все старше модой и возрастом, высокие сапоги со шпорами ударились о пол, ворон вздрогнул, спрыгнул с проигрывателя и клюнул шпору.

— Узнал... А где же камзол? — Дед хлопнул себя по лбу смуглой ладонью. — Маразм старческий! Ведь в другое место положил!.. — Он откинулся на подушку. Под подушкой лежали зеленый камзол и треуголка. Дед натя-

нул на голову старый капроновый чулок с прорезями для глаз, поверх нахлобучил треуголку. — Страшно?

— Я поверил, что привидение.

— Все было бы по-моему, если бы не настоящий секунд-майор.

— Вы второе привидение имеете в виду?

— Его самого, — сказал дед. — Пришлось отступить. Но я тебя чего позвал? Я тебя позвал, чтобы ты с Гришкой поговорил. Он по старости лет все больше на английском разговаривает. А может, и на немецком. Образованная птица, волнуется.

— Ну, он пока вообще не разговаривает, — сказал Андрюша.

— Он к тебе присматривается. Ты поговори с ним, поговори, что-то существенное он сказать хочет.

— Каrr! — сказал ворон.

— Это не по-английски, — сказал Андрюша.

— А мне в лес идти надо, — дед стащил с головы треуголку и чулок, — там на мельнице ихние секреты. Я их разгадать должен.

— А если привидение?

— Оно днем не ходит, солнечного света не выносит. Так что поговори с Гришкой, может, поймешь.

— Гамияэстомнисидвизайнпартистрррес! — вдруг заорвал ворон, широко открыв клюв и обнаружив белесую пасть размером с собачью.

— Видишь, — сказал дед, надевая камзол, — беседует.

— Это не английский. Вениамин, наверное, знает, — ответил Андрюша. — Он аспирант.

— Зови Вениамина, только скорей. — Камзол болтался на плечах деда, некоторых медных пуговиц не хватало.

— Как же его позовешь? Он же сейчас моется. Он же черный.

— Вот незадача, — сказал дед. — А времени ни минуты. Мне бежать пора. Давай вот что сделаем. Я вас до дому провожу, точ-на! А сам в лес.

Они перешли улицу. Впереди шел дед в дождевике, из-под которого поблескивали пряжками башмаки, потом Андрюша. Над ними тяжело летел ворон, держа в клюве шпору, прихваченную в доме деда Артема.

Андрюша с вороном нашли Вениамина в предбаннике. Он сидел черный, страшный, но веселый. За дверью мылась Ангелина, и он ждал своей очереди.

— Ты куда пропал? — спросил Веня Андрюшу, когда тот приоткрыл дверь. — Тут на нас нападение было.

— Я знаю, — сказал Андрюша. — Я за этим типом гонялся.

В предбаннике было тепло, пар пробивался из-под двери.

— Мне не везет, — сказал Вениамин. — Я его на дуэль вызову.

— И не мечтай, — отозвался из-за двери голос Ангелины. — Без тебя справимся.

— А я все равно вызову. — Вениамин засмеялся, и зубы его показались ослепительно белыми на черном блестящем лице. — Ох, до чего же кожу стягивает! Ты с вороном подружился?

Веня ничему не удивился и ничего не боялся. Его переродила любовь. Приди Андрюша с тигром, он бы и тигра принял как должное.

— Веня, ворон хочет сообщить нам нечто важное, но делает это на непонятном языке. Дед Артем просит твоей помощи.

— Говорите, — сказал Вениамин, — я давно подозреваю.

Гришка надул грудь, положил на пол шпору и сказал оглушительно, в одно слово:

— Переспераадасстрра!

— Близко, близко! — закричал Вениамин. — Я слышал эти слова!

— Тем более, — сказал Андрюша, — расшифруй, будь другом, может, мы наконец разгадаем эту проклятую тайну.

— Продолжайте, — сказал Вениамин, соскребая тушь с очков.

— Меакульпа, — тихо произнес ворон.

— Что?

— Омниапреклааррраррраррра!

— Ага, — согласился Вениамин, — я с тобой совершенно согласен. Геля, ты слышала, что он о тебе говорит?

— Почему обо мне? — спросила из-за двери Ангелина. — Он кричит на тарабарском языке.

— Нет, — сказал Вениамин. — Он говорит, что все прекрасное редко. И это касается тебя, я убежден.

— Погоди, — сказал Андрюша, — время не ждет. Что тебе сказал ворон и почему ты это понял?

— Он говорит по-латыни. Странно, что ты не догадался.

— Эгзегимонументэрреперрениус! — завопил ворон, найдя благодарного слушателя.

Властным движением руки Вениамин остановил ворона и продолжал с выражением:

— Регаликве ситу пирамидальциус, нон кво имбер идекс, нонаквили потенс!

Ворон склонил голову и сказал:

— Славно, славно! Вижу родственную душу.

— Ты о чем с ним разговаривал? — спросил Андрюша.

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный, — ответил Вениамин. — К нему не зарастет народная тропа, понимаешь?

— Это что, из Пушкина?

— Нет, первоисточник. Ворон читает Горация в поэдлиннике.

— Жаль, — сказал Андрюша. — А мы с дедом думали, что он раскрывает тайну секунд-майора.

— Этого я не вынесу, — сказала заспанная Элла, возникшая в дверях. — Почему никого нет дома?

— Простите, — сказал Вениамин, и Элла узнала его не сразу.

— Опять? — узнав, возмутилась она. — Сколько можно совершать необдуманные поступки?

— Ничего подобного, — сказал Вениамин, — это было покушение.

— Он прав, — сказал Андрюша. — Покусители скрылись. Но прохожие узнали, что это был известный гангстер Василий Полуехтов.

— Он опять приходил? — спросила Элла. — И зачем?

— Ревнивец, — сказал Андрюша. — Мститель из-за угла. Экстремист.

— Надежды не оправдались, — говорил Андрюша, собирая сумку. — Деда придется разочаровать. Ничего ворон не знает, кроме латыни.

— Ты куда так спешно собираешься? — спросила Элла. — Сегодня мы работаем и твой магнитофон нужен.

— Я отработаю потом, — сказал Андрюша. — Возникла возможность вскрыть гнездо местных гангстеров. Я не могу упустить такую возможность. Песни подождут.

— Ох, Андрюша, если бы я была твоей матерью...

Ворон слетел на край стола, поглядел на Эллу и сказал:

— Кррасавица.

— Ну что вы, — ответила машинально Элла и смутилась, что на равных разговаривает со старым вороном. А Гришка подхватил с пола шпору, с достоинством взлетел на подоконник и исчез.

За окном послышался скорбный рев. Ангелина кинулась к двери. За нею, естественно, Вениамин и Андрюша.

— Что-то случилось с дедом Артемом! — закричал Андрюша.

Медведь Мишка стоял возле ворот, покачивая когтистыми лапами, и изображал всем своим видом скорбь и волнение. Он узнал Андрюшу, попятился, будто не ожидал увидеть здесь своего врага.

— Дед Артем в лесу? — спросил Андрюша. — С ним плохо?

Медведь подумал, доверять ли студенту, потом опустился на передние лапы и трусцой, покачивая толстым задом, побежал к околице. За ним бросились Ангелина, Андрюша и, конечно, Вениамин. Следом припустились оказавшиеся поблизости Сеня и Семен.

Бежать пришлось долго. Медведь не понимал, что люди бегают куда медленней, и умерил прыть, лишь когда Веня, совсем запыхавшись, остановился, привалившись спиной к сосне, а ворон Гришка, сделав круг над людьми, крикнул что-то неразборчиво по-латыни.

Выбрались на лесную дорогу. По ней бежать было чуть легче, только крапива стегала по рукам и ногам. Веня преисполнился жалостью к Ангелине, которая подпрыги-

вала, когда крапива стрекала ее по икрам, и крикнул, задыхаясь:

— Давай я понесу тебя!

Но Ангелина не отзывалась, лишь Андрюша засмеялся на бегу.

Дорога пересекала низину, до мельницы оставалось бежать еще минут пять, но бежать не пришлось — они встретили деда Артема раньше. И не одного.

Через прогалину, путаясь в высокой траве, мешая друг дружке, медведица и два медвежонка, семья Михаила, толкали большую бочку, ревели, стонали, изображали волнение и беспокойство.

При виде людей медведи отпустили бочку, она медленно покатилась назад, и из нее послышался тихий стон.

Андрюша первым соскочил с тропы, догнал бочку, остановил:

— Есть кто живой?

— Я живой, — отзвался из бочки голос. — Это точ-на.

Бочка была заколочена, и никакого инструмента под рукой! Андрюша отломил сук, постарался поддеть им крышку, сук обломился. Остальные стояли вокруг, сочувствовали, но помочь не могли.

— Как вас угораздило? — спросил Андрюша.

— И не говори, — отвечал дед. — Ты скоро там? Задохнусь, ей-богу, задохнусь.

— Может, его до деревни докатить? — спросил Сеня.

— Если вместе с медведями навалимся...

— С ума сошел! — сказал голос старика из бочки. — Еще двести метров, и от меня только фарш останется. Ты что, думаешь, медведи гладко бочки катают?

Медведи взревели, обиделись за неблагодарность.

— Нет, это безнадежно, — сказал Андрюша в отчаянии, когда сломал второй сук. — Придется вам, ребята, до деревни бежать.

— Не дотерплю, помру, — сообщил дед из бочки. — Возраст у меня не тот.

В этот момент с высоты грозно каркнул ворон, нечто золотое пронеслось перед носом Андрюши и упало в траву. У ног его лежала шпора — идеальное орудие для откупоривания бочек.

Когда доски, одна за другой, со скрипом отлетели, из бочки, провонявшей тоскливыми гнилым рыбным запахом,

вывалился дед. Чешуя пристала к камзолу привидения. Медведи, зажимая носы лапищами, шаражнулись в стороны.

— Что же произошло? — спросил Андрюша.

— Разве я знаю? — сказал дед печально. — Обошли меня опять. Я до мельницы добрался — стоит она пустая, дверь притворена. Я внутрь. Вижу, бочки, ящики, всякое добро. Ну, думаю, сейчас я все исследую, акт составлю на ихнее логово. Вдруг слышу голоса снаружи. И, надо сказать, оробел. Решил, спрячусь и подслушаю их разговор, планы выведаю. Смотрю, пустая бочка стоит, как раз мне по росту. Только спрятался — входят. Один говорит: ты, говорит, мерзавец нерасторопный, ревнивец глупый, ничего, говорит, тебе нельзя доверить, я, говорит, тебя в милицию бы сдал, если бы ты не был нужен. А второй отвечает: я тебе нужен, без меня ты как без рук.

— Это Василий был, — сказал Вениамин. — Он и есть ревнивец.

— Не сомневаюсь. Но тут меня любопытство взяло — кто же второй? Главный кто же? Я из бочки вылез немножко, по глаза, а они увидели.

— Так кто же это был?

— Привидение было, вот кто, — сказал дед. — Очень меня это огорчило. Зачем, думаю, привидению с Василием в союз входить?

— А вы его не узнали?

— Как узнаешь? У него на лице что-то надето было. Он как увидел меня, подпрыгнул, крышкой придавил, а Васька, чертов сын, гвоздями прибил. Выкатил из мельницы и говорит: своим ходом добирайся. Если бы не Мишка...

— Они там еще? — спросил Андрюша.

— Наверное, куда им деваться.

— Давайте к мельнице! — сказал Андрюша. — Мы их прихватим с поличным.

Поляна открылась почти сразу. Она была зеленою и светлой. Мельницы на ней не было.

— Опять двадцать пять, — сказал Сеня. — И в Волчьем логу ее нет, и в распадке ее нету!

— Чудеса, — подтвердил Семен, — в газету надо написать.

— Только что я тут был, — сообщил дед. — Если мельницы не было, значит, я в бочку сам себя заточил?

Трава, где стояла мельница, была измята, следы от нее не успели заполниться водой. Они вели к дороге.

— Прямо по лесу она не ходит, — сказал Андрюша, — предпочитает передвигаться по дорогам.

— А это что? — спросила Ангелина. — Глядите!

— А это следы грузовика, — сказал Вениамин.

— А грузовик в деревне один, — сказал дед Артем.

21

— Я устал от шуток Василия, — сказал Андрюша. — А Веня буквально почернел.

— Не шути, — сказал Вениамин, шагая по следам мельницы и грузовика. — Это уже не шутки.

— Какие там шутки! — От деда Артема все еще исходил тухлый запах. — Хватит. Это точ-на.

— Куда мы бежим? — спросила Ангелина. — Может, нам в деревне его подождать?

— Вот этого мы не знаем, — сказал дед. — Они мельницу так перепрячут, что с миноискателем не найдешь. А это, не забывайте, культурный монумент. Она еще до Полуехтова стояла.

— Не верю я в нечистую силу, — сказал Андрюша. — А машина с мельницей на прицепе далеко не уйдет. Да еще по такой дороге.

Григорий взмыл высоко в небо, распугивая коршунов, которые робели перед черной птицей таких размеров. Затем он несколько снизился и пошел кругами впереди.

Не прошло и пяти минут, как дорога поднялась на холмик, у подножия которого было небольшое круглое озеро. Именно туда и направлялась мельница на буксире у отчаянно хрюкающего грузовика. Мельница вздрогивала, пронираясь сквозь кусты и крапиву, по кочкам, рытвинам и лужам. Троса издали не было видно, и потому казалось, что мельница, спотыкаясь, гонится за грузовиком.

Андрюша догадался, что хочет сделать коварный Василий: подогнать мельницу к крутыму обрыву и свалить в озеро — утопить.

Видно, та же мысль пришла в голову и старику Артему, потому что сзади до Андрюши донесся его крик:

— Концы в воду? Концы в воду? Не посмеешь!

И вот тогда на пути Андрюши встало привидение секунд-майора, самое настоящее, второе. Оно широко простило руки и глухим, проникающим в сердце голосом возопило:

— Остановитесь, несчастные! Ваша гибель близка!

Появясь привидение ночью или хотя бы в сумерках, эффект был бы более драматическим. Но сейчас светило солнце, и видно было, насколько потрепан и ветх мундир секунд-майора, а голос его заглушала тряпка, намотанная на лицо, чего привидения обычно не делают.

Андрюша, ловко уклонившись от угрожающих рук привидения, не замедляя хода, понесся дальше. Желтые бабочки с ладонь размером крутились над его головой, ворон Григорий ободряюще кричал из поднебесья, кусты старались отклониться с дороги, целая семья ужей ползла спереди, приминая траву, кроты взрыхляли кочки и холмики, чтобы Андрюша не споткнулся, сзади мягко, но настойчиво подталкивали в спину малиновки и соловьи.

Казалось, все обитатели леса встали на защиту мельницы. Стрекозы и мухи роем вились перед ветровым стеклом, застилая Василию зрение, осы рвались в боковые окна, чтобы искусить его до полусмерти, бобры тащили палки и сучья, чтобы перегородить дорогу, а стая дятлов, не жалея усилий и клювов, пыталась перебить стальной трос...

Когда Андрюша, обессилев, готов был свалиться на землю, из леса выбежал могучий лось, который упал перед ним на колени, зайцы подтолкнули Андрюшу, и последние метры пути он скакал на лосе.

Василий не сдавался, он выжимал последние силы из грузовика, и тот уже начал скатываться вниз, к обрывчику. Оставалось лишь несколько метров, когда Василий, не обращая внимания на укусы, высунулся из кабины, прикидывая, как развернуть машину, чтобы мельница завалилась в озеро. В этот момент рой насекомых раздался, и Василий увидел, что к кабине приближается могучий лось, а лежащий на его спине Андрюша делает руками угрожающее движение, намереваясь перескочить на подножку автомобиля.

Василий в панике нажал на газ, забыв, как близок он к обрыву, и грузовик медленно начал клониться

вниз — его удерживал только трос, связывающий с мельницей. Бок машины задрался к небу, из кабину, лихорадочно размахивая руками, полез распухший от осиных укусов невменяемый Василий, прыгнул в сторону, покатился по траве. Грузовик еще несколько секунд висел над обрывом, и тут трос, расклеванный дятлами, не выдержал, с оглушительным звуком лопнул, машина подпрыгнула и нырнула в озеро, подняв столб воды. Мельница тоже повалилась было набок, но в последний момент бобры с риском для жизни успели подкатить под нее валун.

Василий на четвереньках шустро, словно всю жизнь так бегал, бросился к лесу. Андрюша понимал, что Василий уходит от ответственности и надо бы бежать за ним, но сил больше не было. Он присел на порожек мельницы и стал ждать остальных, глядя, как уменьшается, тает в траве звериная фигура Василия, как он приближается к деревьям, вот-вот скроется среди них, но нет, не скроется — навстречу ему выходит бурый медведь. Василий пятится, прыгает к стволу, лезет наверх, а медведь садится у дерева и, склонив голову, любуется тем, как висит на суху, качается фигура шофера.

Из двери мельницы несло гнилой рыбой. «Что они там делали?» — подумал Андрюша. Прерывистое мелкое дыхание подсказало ему, что прибежал дед Артем.

— Ах, стервец! — сказал дед. — Ну хорошо, что ты успел!

Треуголка в кулаке казалась тряпкой с золотым галуном, один башмак где-то потерялся. Дед все-таки не лишился силы духа, сразу кинулся внутрь мельницы.

— Ну вот, — кричал он изнутри, — так я и думал!

Но у Андрюши не было сил глядеть.

Подбежали Сеня с Семеном.

— А привидение твоего очкарика забило! — закричали они.

— Что? — вскинулся Андрюша.

— Со страха, наверно, — сказал Сеня. — Он как увидел, что на него Веня твой бежит, морда черная, глаза в очках, да как дрыном по нему долбанет, а сам в кусты!

— Где Веня? — Андрюша вскочил на ноги. — Серезно?

— Кровь идет, жутко! Ангелина убивается.

— Андрей! — раздалось из мельницы. — Ты чего не идешь?

— Привидение на Веню напало.

— Погоди... Ты смотри! — Из дверей мельницы показался дед Артем. Он протянул вперед сложенные горстю ладони, полные черной зернистой икры. Икра медленно проливалась между пальцами и шлепалась на порог. — Там две бочки икры, понимаешь? Так я и знал, так я и знал! Какая уж тут экология! Я их под суд!..

— Веня ранен! — повторил Андрюша. — А вы об икре!

И он помчался к другу, который лежал на траве, лоб рассечен, алая кровь на черной коже, глаза закрыты, над ним рыдающая Ангелина. Веня приоткрыл глаза:

— Ты победил? Ну и хорошо. Обо мне не беспокойтесь.

Подбежал дед Артем, руки измазаны икрой, сказал:

— Обопрись о нас с Андреем. Как-нибудь доберемся.

22

Веню привели в дом к Глафире и положили в горнице. Глафира с Колей еще не вернулись из района.

— С одной стороны, — сказал Эдуард Олегович Ангелине, которая взяла в свои руки уход за Вениамином, — требуется полный покой и тишина. С другой — его лучше отвезти в район. Вызовем вертолет, а?

Эдуард Олегович был сконфужен событиями в деревне и время от времени, когда окружающие не слышали, говорил Элле:

— Ах, как неприятно, что экспедиция столкнулась с объективными трудностями! Моя вина, должен был предугадать.

— Ну при чем тут вы? — отвечала Элла. — Кто мог предположить?

— Я увидел неблагоприятные тенденции и не принял их во внимание... Это ужасно, это невыносимо...

— Погодите, — слабо произнес Веня. — Ну, упал я, ушибся, при чем тут вертолет? — В голосе его была такая внутренняя сила, что Эдуард смешался и сказал:

— Может быть, пролома и нет и даже трещины нет,

но ушиб существует. Все равно в Красное ехать надо. Милиционер там. И трактор, чтобы грузовик вытащить.

— Зачем милиционер? — спросил Вениамин. — Акт составлять?

— Принять меры по отношению к этому мерзавцу, опозорившему всю нашу деревню. К Василию Полухто-ву, воплотившему в себе худшие черты дворянского прошлого.

— Дворянское прошлое ни при чем, — сказала Ангелина. — Вы знаете, что дед Артем на мельнице отыскал?

— Нет. Я даже не знаю, что он мельницу отыскал, — сказал Эдуард. — В порядке ли этот памятник народной архитектуры?

— Покосился, но в порядке. Дед Артем там нашел две бочки черной икры. Вот куда рыба шла! — сказала Ангелина.

— Какая рыба? — удивился Эдуард Олегович. — Прости, Гелечка, я здесь не первый день живу и уху обожаю, но ни осетров, ни белуги в нашей речке испокон веку не было.

— Не было, а икра есть. Да вот дед идет, у него и спросите!

Вошли Андрюша с дедом Артемом. Андрюша устал, волосы слиплись, но вид у него был победоносный. Дед ковылял сзади в одном башмаке, вместо второго — найденный где-то валенок.

— Как его здоровье? — спросил Андрюша у Ангелины.

— Завтра встану, — ответил сам Вениамин. — Попадись мне это привидение! Я сам виноват — испугал его.

— Привидение? — спросил Эдуард Олегович. И взгляд его уперся в порванный зеленый камзол деда Артема.

— Не я, — сказал дед, — другой призрак. Истинный. Если не притворяется. — Он кинул на стол связку ключей. — Сходи в погреб. Знаешь, за клубом? Мы этого преступника и спекулянта там заперли с Андрюшей.

— Мне сказали, что он грузовик утопил, — сказал Эдуард. — Вы не представляете, какое чувство стыда я испытываю из-за его грязных поступков.

— Якшался с ним, — сказал дед Артем, — а теперь осуждаешь.

— Я искренне надеялся его перевоспитать, — сказал с чувством Эдуард Олегович. — Нет безнадежных людей.

— Тогда бери ключи, осмотри его, раз уж ты фельдшер.

— Как войдете, не пугайтесь, — добавил Андрюша. — По дороге домой его Мишка раза два корябнул. Да и осы искусили. Глаза не открываются.

— Его немедленно надо вывести из подвала, — сказала строго Элла. — Как можно больного человека держать в сырости и холода?

— Ничего, — сказал дед Артем, — под замком ему полезно посидеть. И охладиться.

— Дед Артем совершенно прав, — сказал Эдуард. — Совершенно, абсолютно. Василий может представлять опасность для общества. И эти две бочки с икрой меня очень насторожили. Я из правления позвоню в милицию.

— Это точ-на, — сказал дед Артем. — Погодя надо будет сходить в мельницу снова, опечатать помещение. А ты, — обратился он к Эдуарду, — бери йод, или зеленку, или какой там пластырь и отправляйся в тюрьму подпольного типа. Если боишься, возьми с собой Андрея. А в милицию не дозвонишься. Кто-то в правлении телефон разбил. Вдребезги.

Андрюша вздохнул — он уже час мечтал, как ляжет и вытянет ноги... такая усталость владела им. Но он понимал, что заменить его некем. Веня — инвалид, остальные мужики на сенокосе.

— Пойдем, — сказал он и подобрал ключи со стола.

23

Дед Артем поглядел им вслед, присел у кровати.

— Скажи мне, дорогой, — попросил он, — никакой надежды на узнавание?

— Какое узнавание? — не понял Вениамин.

— Привидения.

— Нет. Все так быстро произошло.

— Уж лучше бы я ему попался, — вздохнул дед Артем. Помолчав, добавил: — Надо на мельницу снова идти. А то привидение все следы заметет.

— Я пойду с вами, — сказал Вениамин слабым голосом.

— Молчи, — сказала Ангелина, — тебе говорить вредно.

— Нет, пойми, деду одному идти нельзя. Мы не знаем, чего привидению хочется.

— Хулиганить ему хочется, вот что, — сказал дед. — Я пока Мишку оставил у мельницы. Пускай побережет.

— Скоро должен Колька вернуться, — вспомнила Ангелина. — Он тебя на мотоцикле подвезет. Или хоть Андрюшу подожди.

— Это, конечно, правильно, — сказал дед Артем. — Я бы и подождал, если бы не тайна, которая в голове вертится, а не укушу.

— Что еще? — спросил Веня. — Если филологическая, могу быть полезен.

— Нет, гастрономическая, — сказал дед. — Я все о двух бочках с черной икрой. В наших краях никогда осетров не водилось.

— Вы думаете, они ее откуда-то привезли? — спросила Элла. — Ведь в магазине ее не бывает?

— У нас в магазине крупа бывает, — сказал дед.

— Это, наверно, контрабандисты, — сказал Вениамин. — Они ее переправляют дальше. Ниточка, понимаете, от Каспийского моря к Ледовитому океану.

— Через горы без дороги икру волочить? Нет, тайна не в этом. А в том, что икра черная бывает, красная, а вот желтой не бывает. А я в мельнице и бочку с желтой видал.

— Бывает, — раздался голос от дверей. Там стоял Сеня. — Вы не рыбаки, не знаете. Это селедочная икра.

— Селедочная? — Старик задумался. — Конечно, глупая моя голова! Конечно, как я сразу не понял!

— Это Васька ловил, — сказал Сеня. — И мы ему иногда ловили. Все ребята. А Васька в озерах глушил и в речке.

— Селедка у нас крупная, — раздумывал дед, — больше метра, весьма крупная, другой такой нигде нет, эндемик. Я Джеральду Даррелу на остров Джерси об этом уже сообщал. Но чтобы селедочную икру собирать...

— И красить, — сказал мрачно Вениамин. — Вот зачем ему черная тушь в таких количествах.

— Точ-на! — возрадовался дед. — Селедочную икру красить и за осетровую выдавать. Вот это преступники! Их производство в мельнице тысячи рублей дохода дает! Недаром привидение там ошивалось, особенно если ему кассу компенсировать хочется.

Вернулся Андрюша, распаренный и усталый настолько, что провалились глаза. Бросил куртку на стул, напился воды.

— Ну как там? — спросила Элла. — Как Василий?

— Обойдется, — сказал Андрюша. — Травма у него в основном психическая. Он Эдуарда даже не узнал сначала. И говорить не может. Рычит и прячется под подушку.

— Андрюша, свет мой, — сказал дед жалобно, — устал ты небось ужасно?

— Есть немножко, — ответил Андрюша, усаживаясь на скамью и вытягивая ноги.

— А вот надо снова на мельницу сходить. Надо.

— Нет, — сказал Андрюша, — не надо.

— Надо, Андрюша, — поддержал деда Вениамин.

— Может, не стоит? — вмешалась Элла. — Подождем милицию. Там преступники и медведи.

— Милицию не дождешься, — сказал дед, — потому что ее еще и не вызывали. Да и медведя сменить надо, неблагородно животное держать так долго на посту.

— Может, вы Эдуарда позовете?

— Какой из него помощник, — сказал дед, — он чужой.

— А Андрюша?

— Андрей — человек военный, — сказал дед, — строевой.

Андрей не был военным человеком, но доверие деда, выраженное в столь странной форме, почему-то польстило. Он молча поднялся.

24

Еще за километр до мельницы они увидели столб черного дыма.

— Ах ты, — крикнул дед, — там же медведь! Как бы чего не вышло!

Они в молчании добежали до края поляны.

Мельница горела, как аккуратно сложенная поленница дров, ровным свечным пламенем. Видно, за столетия древесина просохла и прокалилась — таких дров нарочно не сышешь.

Они подбежали ближе — пламя отражалось в озере и на крыше кабины утонувшего грузовика. Неподалеку

в траве, оскалившись, но не зло, а удивленно, лежал убитый Миша.

Дед не смотрел на мельницу, присел на корточки рядом со зверем.

— Как часовой, — сказал он, — до последней капли крови.

— Опоздали, — вздохнул Андрюша.

— Я виноват, — сказал дед. — Мне думать надо. Это липовая икра больших денег стоит.

— Но Василий сидит в погребе, я сам видел, мы с Эдуардом Олеговичем недавно там были...

— Разве это так важно?

— Важно, — сказал Андрюша. — Настоящие привидения не стреляют. Никогда не поверю.

— Поверишь в привидение, в остальное уж легче, — сказал дед. — Закопать его надо. А то кто-нибудь захочет шкуру снять...

Пламя от мельницы смешивалось с солнечным светом, накладывалось на него, и было неправильно, что пожар происходит в середине дня, а над Мишкой выются мухи.

— Надо бы кому-нибудь здесь остьаться, — сказал Андрюша.

— И пулю в лоб? Да, пулю в лоб? — спросил дед, поглядел на медведя и добавил: — Может, и лучше бы мне, дураку, эту пулю.

Вдали, на краю леса, зло ревела медведица. Но не подходила.

25

Вениамина вроде бы полегчало. Ангелина прибежала с фермы, пыталась уговорить его поесть, но Веню тошнило, от еды он отказался. Дед Артем, когда они с Андрюшей, закопав медведя, без сил приплелись из леса, спрятался у себя дома, сказав, что больше ничего не хочет и лучше помрет. Зато прилетел Гришка, сидел на окне, смотрел на Веню и говорил ему латинские фразы. Веня переводил их слабым голосом, и ворон кивал, одобряя правильность перевода. Элла сказала:

— Гриша, может, хватит отвлекать Вениамина? Ему нужен покой.

— Он мне не мешает, — возразил Вениамин.

— Никогда, — сказал ворон.

Андрюша, еще в запале и на нервном взводе, вдруг вскочил, бросился к погребу, присел на корточки перед маленьким окошком.

— Василий, ты знаешь, что мельницу сожгли?

— Ууу, — сказал Василий в ответ. Он был в нервном шоке.

— Кто это сделал? — спросил Андрюша. — Лучше ответить сразу. Шуточки кончились. В деревне находится маньяк с ружьем.

Василий внимательно слушал, не перебивал, а потом вдруг ответил грубым словом и завыл снова. Больше Андрюше ничего добиться не удалось, но, когда он уходил домой, показалось, что вслед из погреба донесся смешок. Может быть, показалось.

А еще через час вернулся Эдуард Олегович, который на велосипеде укатил было в Красное, чтобы вызвать вертолет и милицию. Его встретили у околицы мальчишки и принесли за ним велосипед. Ему не повезло. Километрах в десяти от деревни, у моста со львами, он на повороте не удержался и упал в кювет. Переднее колесо отлетело — спицы наружу. Вот и тащил три часа обратно велосипед на себе.

— Понимаете, — сказал он, — велосипед не мой. Я не мог оставить его на дороге, где каждый может его похитить.

Эдуард Олегович был пропылен, волосы слиплись, косо приклеились к черепу. Он сидел у постели Вениамина, страшно расстроенный неудачей. Элле было жалко его.

— Вы поступили как настоящий медик.

— Я давал клятву Гиппократа. Другого морального пути у меня нету.

Эдуард Олегович поднялся, поманил Андрюшу на крыльце. Там, понизив голос, сказал:

— Лично я, — усики его чуть шевелились под носом, как живые, — лично я не верю в местный фольклор. Но иногда начинаю сомневаться. Вороны говорят, медведи стреляют...

— О медведе не беспокойтесь, — горько сказал Андрюша. — Медведь погиб. Его застрелили.

— Как это случилось?

— Он мельницу защищал, а мы с дедом опоздали.

— Прискорбно. Они заметали следы. Преступники. Но кто они — вот главный вопрос. Завтра здесь будет милиция, и тогда Василий во всем сознается. Вы ведь тоже думаете, что он был не один?

— Думаю, — сказал Андрюша.

Над деревней опускался мирный вечер, коровы расходились по дворам, пастух оттянул кнутом, и хлопок показался Андрюше новым выстрелом. Солнце садилось в сизое с оранжевой оторочкой облако.

— Погода портится, — сказал Эдуард, проследив за взглядом Андрюши. — Кстати, где ключи от погреба? Мой долг осмотреть его.

— У деда ключи, — сказал Андрюша. — Но я думаю, дед спит.

— Ну тогда я попозже, хотя меня не прельщает возможность вновь встретиться с этим бугаем.

Вернулись в дом. У Вени оказалась повышенная температура — тридцать семь и пять. Не очень большая, но все-таки... Эдуард решил сходить за аспирином, а Элла вызвалась его сопровождать — ей хотелось на свежий воздух. Облако, в которое село солнце, постепенно закрыло половину неба, поднялся ветер. Ангелина вдруг расплакалась и ушла из комнаты. Ей было жалко медведя.

— Здесь больше странностей, чем положено деревне, — заметил Вениамин. — Весь день думаю об этом.

— Ноги гудят, — отозвался Андрюша. — Я слишком часто бегаю по лесу. По крайней мере двумя странностями с сегодняшнего дня меньше.

— Элла не зря говорит, что ты цинник, — сказал Веня, морщась от боли. — Ты имеешь в виду мельницу и медведя?

— Да, прогресс цивилизации сильно бьет по сказкам. Сказку, как видно, можно эксплуатировать. В хороших ли, плохих целях, но эксплуатировать. Медведь стреляет из пушки, а из селедки делают осетровую икру. Главное, чтобы никто не удивлялся. Был бы дракон, сторожил бы колхозный амбар.

В комнате разливались голубые сумерки. Далеко-далеко раскатился гром, потом на мгновение комнату высвело зарницей.

— Свет зажечь? — спросил Андрюша.

— Не надо. А если это не сказка? — сказал Вениамин. — Если ей есть физическое объяснение?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Андрюша.

Ему хотелось спать и не нравилось, как блестят глаза Вениамина. Ангелина звенела посудой — мыла ее на кухне.

— Марциальные воды, — сказал Вениамин. — Эти загадочные марциальные воды для императрицы.

— Которые были развенчаны коварным медиком Блюменквистом.

— Но если в восемнадцатом веке до Петербурга докатился слух, он должен был на чем-то основываться!

— Кто-то хотел выслужиться и сыграл на царицыном суеверии, — сказал Андрюша и задремал. Слова Вени достигали его сознания, но путались с дремой, с началом сна.

— А если этот источник существует? На верстовом столбе у пушки есть надпись: «До Царицыного ключа 9 верст». Подумай, какие здесь бабочки, рыбы, ягоды, Гришка наконец! Разве бывают такие крупные вороны?

— И молоко, — отклинулась Ангелина из кухни, голос ее был далеким-далеким: Андрюша вновь бежал за грузовиком... — Есть ключ, — приближался девичий голос. — В горах, в лесу. Никто туда не ходит: ход завалило, секунд-майор как сгинул, так и завалило. Откуда у нас в реке такая вода хорошая? Дед Артем говорит: санаторий надо ставить. Она же откуда-то течет? Живая вода, живая вода — в этом есть смысл?

Живая вода текла и текла перед глазами Андрея, сияя на солнце и переворачивая маленькие камушки.

— Елена туда ходила, — сказал кто-то, — майора водой поливала, а царице не досталось. Смешно, правда? Царские сатрапы остались с носом.

Андрюша так и заснул, облокотясь о стол, и спал, пока рука не ушла в сторону и голова не ткнулась носом в скатерть. Показалось, что секунд-майор ударил палкой по лбу его, а не Веню... В комнате горел свет. Эдуард Олегович с тревожным, смущенным лицом склонился над кроватью. В одной руке он держал чайную ложку с таблеткой аспирина, в другой — стакан воды.

— Выпей, — говорил он Вениамину, — это проверенное средство. Поможет обязательно.

— Ему бы укол сделать, — сказал со сна Андрей.

— Зачем? — Глаза Вениамина агрессивно горели. У него начинался жар. — Мне лучше.

Таблетку он все-таки проглотил.

— Я тоже устал за сегодняшний день, — сказал Эдуард. — Испытания, выпавшие на мою долю, когда я не жалея сил мчался в село Красное за помощью! Нет, я не набиваю себе цену...

— Мы так не думаем, — сказала Элла, глядя на него с сочувствием, которое раздражало Андрюшу. Он подошел к окну. Гром гремел чаще, а ветер уже наскакивал на дом так, словно хотел помериться силой со стенами. Андрюша прикрыл окно, и Веня сказал:

— Не надо, Андрюша, душно.

Элла положила ладонь на лоб Вене.

— Ну-ка, — сказала она, — давай еще разок поставим градусник.

Веня не сопротивлялся, глаза его горели, он что-то шептал.

— Что такое? — спросила Ангелина.

— Шучу, — прошептал Веня, — шучу, не обращайте внимания. — Он улыбнулся, но глаза смотрели отрешенно.

Дверь приоткрылась. Вошел дед Артем.

— Большая непогода, — сообщил он, оглядев сидевших в комнате. — А вы лекарство ему давали? Нужны антибиотики.

— Виноват, — сказал Эдуард. — Но ведь это первый случай в нашей деревне за два года. Я лекарства давно не выписывал.

— Он ездил на велосипеде в Красное, — сказала Элла.

— Небось не доехал, — усомнился дед.

— Велосипед сломался, — сказал Эдуард. — Можете посмотреть, колесо пополам. Чуть живой остался. Была бы еще одна жертва.

— Хватит жертв, — сказал дед, все еще стоя над Вениаминым. — Ему бы живой воды.

— Неплохо бы, — сказал Эдуард Олегович. — Но лучше вертолет.

— Я поеду в Красное, — сказал Андрюша.

— Ты не дойдешь до утра, — сказал Эдуард. — Тридцать пять километров под ливнем и в бурю.

— Я не могу позволить, — сказала Элла.

Три старухи из тех, что сидели вчера перед клубом, а

потом пели для Эллы, вошли рядом, сели, поклонившись, на скамью у двери, отказались от чаю.

— Ты не пришла, — сказала одна из них Элле. — Вот мы и пришли.

— Спасибо, — ответила Элла. — У нас несчастье.

— Знаем, — сказали старухи. Они были разные, но схожи с Ангелиной глазами, чистотой кожи и статью.

— Спасибо, — сказал и Веня, окинув их лихорадочным взором. — Вы пришли петь? Пойте, вы мне не мешаете.

— Плох, — сказала одна из старух. — Жар повышается.

— А у Эдуарда, конечно, антибиотиков нету, — сказала вторая.

— Мне они были не нужны. Здесь все здоровы. Я даже их не заказывал.

— За живой водой надо, — сказала первая старуха.

— Я пойду в Красное, — сказал Андрюша, — вызову вертолет.

— Вертолет — это хорошо, но лучше бы его не трогать, — сказала вторая старуха. — Живая вода лучше.

— Живая вода, жилая вода, пожилая вода, — мелодично и тихо запел Вениамин.

— Чувствует, — сказала первая старуха.

— Нуждается, — подтвердила третья, а вторая напомнила:

— Девица должна идти. Любящее сердце. — И все обернулись к Ангелине. Та покраснела, сказала серьезно:

— Я бы пошла, но пути не знаю.

— И никто не знает, — сказала первая старуха, — но ходили.

— Туда же ход потерян, завален обвалом, — сказал Эдуард.

— Ход потерян, — согласился дед Артем, — я проверял.

— Проверка — это, конечно, современно, — сказала первая старуха, — а моя бабка старика своего выходила, когда его волки задрали. Помирал ведь...

— А как она туда ходила? — спросил Эдуард.

— Незнамо, — ответили старухи. Потом третья сказала:

— Верно, Гришка дорогу знает к Царицыну ключу.

— Нет дороги, — сказал дед Артем. — Останемся, бабы, на почве исторической правды.

— А ты, баламут, молчи. Тоже мне, привидение! Не твоя колготня, стояла бы мельница, — сказала первая старуха.

— Стояла бы? А вы знаете, что там селедочную икру в черную красили?

— Красили, — согласились старухи. — На той неделе милиционер обещался приехать. Без шуму.

— Все-то вы знаете, бабы, — сказал дед с отвращением.

— Знаем, — согласилась вторая старуха и кивнула Элле на деда Артема. — Шебутной он, выдержки маловато. За архивным документом человека не видит. — Старухи захихикали.

— Хорошо, — вдруг сказала Ангелина, — я пойду. Пойду!

— Добро, — сказала первая старуха.

— Постыдись, — возразил Эдуард. — Ты же комсомолка, кончала училище, готовившись в вуз.

Резкий порыв ветра распахнул окно, молнии сверкали совсем близко. На подоконник уселся Гришка, скосил глазом в комнату.

— Сведешь девку к живой воде? — спросила вторая старуха.

— Омнианпрекларррапара! — воскликнул ворон.

— Закрой окно, — сказала строго Элла, — у Вени жар.

— Рук нету, — ответил ворон, захлопал крыльями, взмыл, смешался с синевой вечера, молниями и черными облаками.

Элла бросилась закрывать окно.

— На рассвете пойдешь, — сказала первая старуха, — он покажет. Не отказался.

— Старый стал, — сказала, поднимаясь, вторая.

Скрипели ступеньки, старухи спускались с крыльца.

Ангелина проводила их, вернулась. Было тихо. Потом Андрюша глупо улыбнулся:

— Геля, если пойдешь, возьми меня, заодно кассу захватим.

— Глупец, — сказал дед Артем, — кассы не существует.

Эдуард Олегович молчал, поглядывал на всех, был бледен.

— Ничего страшного, — сказал серьезно Вениамин. — Стакан живой воды поставит меня на ноги. Разве не так?

— Спать, спать. — Эдуард Олегович поднялся. — Мне, к сожалению, еще одного пациента навестить надо. Долг прежде всего.

— Может, его на ночь выпустить из погреба? — сказала Элла. — Он же простудится.

— Нет, — сказал дед Артем, — и не подумаю. Делайте со мной что хотите. После того как мельница сгорела и Мишка погиб, нет ему пощады — это же банда, которая сама никого не жалеет!

— Я с вами полностью согласен, совершенно, абсолютно, — сказал Эдуард. — Но я гуманист и ничего не могу с собой поделать...

— Пошли вместе, — сказал дед. — Я послежу. Переайдай-ка мне ружье, Андрюша.

— Это лишнее, — сказал Эдуард Олегович, — вы устали, вы пожилой человек. Я с ним справлюсь.

— Не знаю, как уж и справишься, а вдвоем лучше. Пошли, пока дождь не хлынул.

— Идите, — согласился Веня.

Температура у него была тридцать девять и шесть.

Когда дверь за ушедшими закрылась, засобирался и Андрюша.

— Пойду в Красное, ничего со мной не случится.

— Куда ты пойдешь? — возмутилась Элла. — На тебе же лица нет!

— Хорошо, — сдался Андрюша. — Тогда я иду отдохнуть. Через час прошу меня разбудить. К тому времени, надеюсь, и гроза пройдет. Дайте слово, что меня разбудите. — И он твердым шагом, хоть ноги и ныли от дневных хождений, прошел в холодную горницу, рухнул на постель и тут же заснул.

Андрюша не слышал, как бушевала гроза. Он проснулся от тишины, слагавшейся из ровного и густого шума дождя, который был постоянен и потому неслышен.

Андрюша вскинулся, вскочил в полной темноте с кро-

вати, выбежал в сени. Ему показалось, что дом опустел, что все покинули его.

Но в щель под дверью в теплую половину пробивался свет.

Андрюша распахнул дверь, щурясь заспанными глазами. На ходиках была половина второго. Вениамин спал. Он был пятнист — черное с красным. Дышал часто, ворочался, сучил во сне руками. Возле кровати на стуле дремала Элла.

— Что случилось? — прошептал отчаянно Андрюша, злы на весь свет, оскорбленный предательством близких, а еще более предательством собственного тела, которое потратило на сон четыре часа. — Почему никто не думает о Вениамине?

— Ах, — вздрогнула Элла, — ты проснулся?

— Каждая минута на счету, — сказал Андрюша.

— Причесись, — сказала Элла, — ты дико выглядишь. Мы тебя не будили, ждали, что пройдет дождь.

Вениамин забормотал во сне. Вошла Ангелина со сложенным мокрым полотенцем, положила на лоб Вене.

— Какая температура? — спросил шепотом Андрюша.

— Сорок, — сказала Элла.

— Эдуард приходил? Что говорит?

— Нет, пропал куда-то, — сказала Элла. — Он тоже устал.

— У вас есть сапоги? — спросил Андрюша.

— Погоди... — Ангелина принесла резиновые сапоги и презентовый плащ. — Впору будет? — спросила она.

— Впору, — сказал Андрюша, переобуваясь. — Ну я пошел.

— Иди, — сказала Элла, — только будь осторожен.

Андрюша пересек двор, скрипнула калитка. Почему-то ему показалось, что ливень на улице сильней, чем во дворе. Струи дождя сразу нашли путь за ворот, и плащ отяжелел. «Как я дойду до Красного? — подумал Андрюша. — Тридцать пять километров лесом. Пять километров в час... Семь часов. Главное, не терять темпа».

Он огляделся. Было темно так, что глаза с трудом, лишь по тусклому блеску луж находили дорогу. Небо было затянуто тучами. Силуэты домов и заборов угадывались лишь потому, что были темнее окружающей темно-

ты. Дождь сыпал мельче, но густо и занудно. Собаки молчали, все в деревне молчало.

И сквозь этот бесконечный молчаливый шорох дождя до Андрюши донесся крик, приглушенный, еле слышный, и были в этом крике отчаяние, одиночество и безнадежность. Андрюша побежал, скользя по лужам, к площади. Крик заглох. Андрюша остановился, и ему стало страшно, страшно посреди деревни, и сознание этого заставило его содрогнуться от мысли, как он будет идти по тайге.

Крик возник вновь и вновь оборвался.

Андрюша упал, но он уже так промок, что это не имело значения. Плащ налился свинцовой тяжестью, и все было как в кошмаре, и хотелось открыть глаза, чтобы увидеть хоть какой-нибудь свет.

— Помогите! — донеслось сквозь дождь и оборвалось вновь.

— Иду, — сказал Андрюша, и голос его оказался тих, сорвался, не хватило воздуха.

И вдруг крик раздался снова совсем рядом.

Глаза ли привыкли или в тучах был просвет, но Андрюша вдруг догадался, что стоит возле погреба, куда заточили Василия. И его взяла злость — оказывается, бежал на помощь негодяю.

— Помогите! — Голос был тонким. Василий притворился немощным, чтобы вызвать жалость у прохожего. Но какой здесь прохожий?

— Молчи, — сказал в сердцах Андрюша, намереваясь повернуть обратно. Сколько времени потерял...

— Андрюша! — Голос был близко. — Андрюша, счастье ты мое!

— Дед Артем? Почему вы здесь?

— Прелестно, великолепно, — раздался второй знакомый голос. — Мы никак не рассчитывали на вашу помощь. Это замечательно!

— И вы, Эдуард Олегович?

— Наша вина, наша вина, — сказал Эдуард. — И эта гроза, все за заборами, адский шум, ничего не слышно. — Пленники говорили сквозь маленькое окошко, голоса их доносились глухо.

— Обманул он нас, — объяснил дед Артем. — Притворился спящим, а потом ключи схватил и бежать. И замкнул.

— Мы виноваты, ах как мы виноваты! — сказал Эдуард. — Теперь он уже в лесу, в безопасности.

— Найдем, — твердо сказал дед Артем. — Отмыкай. Андрюша нашупал замок, амбарный замок, крепкий.

— А где ключ? — спросил он.

— Ключа нету, — сказал дед Артем, — унес он.

Андрюша попытался сбить замок кирпичом, найденным рядом. Кирпич раскололся пополам.

— Не открывается, — сообщил он.

Все было мокрым. Весь мир был мокрым и холодным.

— Иди домой, — сказал дед Артем, — топор возьми, ничего не поделаешь.

— Глупо, — сказал Андрюша. Он хотел было добавить, что каждая минута на счету, а тут два... гм... человека дали запереть себя в подвале. Но сдержался, понимая, что все равно надо их спасать. — Иду, — сказал он и вдруг увидел, что из темноты на него глядит яркий тигриный глаз. Он сжался, колени стали мягкими... Но нет, это не глаза хищника, это фара. Кто-то ехал по дороге.

— Эй! — закричал Андрюша, как кричат моряки, зайдя парус после года, проведенного на необитаемом острове. — Эй, стойте!

Мотоцикл ослепил Андрюшу. Голос Глафиры спросил:

— Что вы тут делаете?

— Это ничего, — донесся голос из погреба, — это хорошо. Не плачь, Эдуард, спасение пришло.

28

Элла сопротивлялась, утверждая, что мальчику Коле одному ехать в Красное после трудного дня в такую темень совершенно невозможно, но Коля был как кремень. Поедет, и все тут, только заправится — в сарае есть запасные канистры. Расстроен Коля был смертельно: такой день, столько событий, а его не было. Он был глубоко убежден, что, будь он в деревне, и мельница не сгорела бы, и медведь бы не погиб, и Веня не пострадал бы. Но дело прошлое, теперь же спасение зависело от Коли, и тут все препятствия были несущественны.

Веня проснулся, он был в сознании, но сильно страдал.

Элла с Глафирай хлопотали возле него, а Коля с Андрюшой пошли в сарай.

— Василию не завидую, — сказал Коля. — Мы с милиционером его с утра возьмем. За ним еще дела найдутся.

— Может, с тобой поехать, чтоб не скучно было?

— Только машину перегрузишь, — сказал Коля. — Лучше за женщинами присмотри. Ты один тут мужик остался.

От похвалы стало приятно, хоть исходила она от мальчика.

— Как же этот Васька их скрутил? — рассуждал Коля. — Достань-ка мне масло с полки, ты повыше будешь, акселерат.

— Он на Эдуарда кинулся, зарычал, Эдуард струхнул, споткнулся о ящик, деда свалил. Остальное — дело техники.

— Это так, — согласился Коля. — Ну я поехал.

Андрюша помог выкатить мотоцикл за ворота, закрыл их, привычно ежась от дождя, глядя, как тает в струях воды красный огонек.

Напротив горел свет у деда Артема. Дед переживал. Был унижен. Может, навестить его?

Переходя улицу, Андрюша вдруг понял, что видит уже и дорогу, и темный забор деда. Три часа — начинает светать. Здесь рано светает. А спать не хочется. Дождь вроде бы стал потише, хотя за лесом все еще вспыхивали зарницы и перекатывался гром.

Короткий звук догнал Андрюшу: во дворе хлопнула дверь. Кто-то вышел. Звуки разносились далеко и гулко.

Снова тишина. Потом осторожные шаги по доскам, скрипнула калитка. Андрюша замер у дедова забора.

В калитке образовалась тень. Ангелина стояла, словно не зная, что делать дальше, куда идти.

— Эй, — тихо сказала она, — ты где?

Андрюша не откликнулся. Человек обычно чувствует, что зовут не его. И горькое подозрение мелькнуло в голове юноши — она зовет Василия, переживает за него, ждет, а все разговоры о живой воде, все сказки, ключи и компрессы — так, развлеченье. Все равно мы здесь чужие, подумал Андрюша. Вот приехали, уедем, а деревня будет жить дальше по своим странным законам... до тех пор, пока не построят здесь санаторий, не понаедут отдыхающие, ко-

торые обволокут своими, новыми и неинтересными легендами пушку на площади и странное название «Царицын ключ».

Черная тень пронеслась по светлеющему небу, захлопали крылья. Ворон опустился на забор рядом с Ангелиной, четкий силуэт его громоздился над девушкой.

— Гришка! — обрадовалась Ангелина. — А я боялась, что ты не прилетишь! Нам спешить надо.

Ворон взмахнул крыльями, как будто стряхивал с них капли дождя.

— Подожди здесь, я сапоги надену, банку возьму.

Стукнула калитка. Андрюше стало стыдно, что он подглядывает. В это время тонкий длинный скрип раздался сзади. Андрюша оглянулся. Приоткрылось окошко, и он угадал голову деда Артема. Вдруг стало темно — у деда погас свет.

— Ты чего здесь стоишь? — Дед разглядел Андрюшу.

— Я Колю провожал. Потом хотел к вам зайти, а тут Гришка прилетел.

— Ты не мешай, — сказал дед, — нельзя мешать. И за ней не ходи. Все испортить можешь.

— Вы же не верили, — сказал Андрюша.

— Я и сейчас не верю. Но мешать нельзя, понимаешь?

Снова стукнула калитка. Ангелина в тонком плаще и высоких резиновых сапогах, с бидончиком в руке вышла на улицу.

— Пошли, — позвала она.

Ворон тяжело поднялся с забора и полетел к площади. Ангелина двинулась за ним — захлюпали по лужам сапоги. И все стихло.

— Ну вот, — прошептал дед, — нам и спать можно. Иди домой.

В голосе деда был приказ. И Андрюша подчинился приказу.

Перейдя улицу, он оглянулся. Белая бородка деда вновь возникла в загоревшемся окошке. Андрюша вошел во двор, притворил калитку. И остановился. Он представил себе, как Ангелина одна идет сейчас к холодному мокрому лесу... А Василий или его сообщник? Ее могут выследить. Разве ворон — защита?

Дед не велит. Но дед относится к этому как к сказке, а если вспомнить, что сейчас конец двадцатого века, что

сказок не бывает, а случаются необъяснимые, вернее, объяснимые, но еще не разгаданные физические явления? Почему Ангелине будет хуже, если кто-то поможет ей, если кто-то будет ее охранять?

Андрюша рассуждал так и думал, как бы выбраться из двора, чтобы дед не заметил. Ведь можно идти поодаль, только охранять ее, не приближаться... На улице блеснула лужа. Прижав глаза к щели в воротах, Андрюша увидел, что дед в ватнике, в высоких сапогах и мятой треуголке стоит у своего дома, прислушивается. «Ах ты хитрец, — подумал Андрюша, — а сам-то решил идти за Ангелиной...»

Дед вышел, прикрыл осторожно калитку и засеменил по лужам к площади. «Все ясно, это снимает с меня моральные обязательства, — подумал Андрюша. — Где резиновые сапоги? Больше ничего не брать — только сапоги».

Он перебежал во двор, ворвался в сени, стал шарить в темноте.

Дверь из комнаты приоткрылась, выглянула Элла.

— Кто там? — прошептала она. — Это ты, Андрюша? Тише, Веня заснул. А Коля уехал?

— Все нормально. Я к деду Артему схожу.

— Три часа ночи, что за хождения? — сказала Элла скорбно. — И куда пропал Эдуард? Андрюша, если ты собираешься выходить на улицу, добеги до его дома. Может, он не спит... он обещал что-нибудь найти. Как ты думаешь, этично его разбудить?

— Этично, — сказал Андрюша. — Совершенно этично.

Он выбежал на улицу и, не скрываясь, не таясь, поспешил к площади. Да, надо заглянуть к Эдуарду. А может, не заглядывать? Пользы от него никакой, фельдшер он липовый, только переживает. Но, с другой стороны, Элле спокойней, если он рядом... Ладно, постучу ему в оконко, сказал себе Андрюша. Передам и пойду дальше.

Он миновал деревья, скрывавшие пушку. Кто же из нее будет утром стрелять? Если старики не вернутся, то впервые за много лет пушка не выстрелит. Так гибнут традиции. Не выстрелит раз, два, потом забудут и научатся вставать под будильник. Или вообще не станут завтра утром? И птицы не будут петь, и коровы не дадут молока?

Андрюша внутренне улыбнулся, но тут же вспомнил, как лежал, раскинув лапы, медведь возле мельницы...

У клуба он остановился. В окне Эдуарда горел свет. Андрюша приподнялся на цыпочки, заглянул — там никого не было. Из-под застеленной кровати выглядывало что-то синее. Андрюша постучал по стеклу. То ли подождать — может, Эдуард вышел по нужде, то ли бежать дальше, пока дед с девушки не затерялись в лесах? И тут он услышал тихие голоса, доносиившиеся из-за угла дома.

— Чего, — спросил знакомый высокий голос, — тебе чего не сидится?

— Она пошла, — ответил низкий бас. Василий? О чем он разговаривает с Эдуардом? Неужели они уже помирились? — И старик поперся. Треуголку надел и поперся.

— Старика мы пугнем. Старик нам не страшен. Так что иди быстро, не выпускай ее из виду и не догоняй. Понятно?

— Понятно, да неприятно. В лесу медведи ходят.

— Нет своего медведя, пришил я его.

— Все равно лес... — басил Василий.

— Девчонке в лесу не страшно, а ему страшно? И кру по твоей трусости потеряли, теперь и золото прозеваем. Оставайся, жди милицию, она по тебе плачет.

— Ты меня не пугай. Если так дело пойдет, я скажу, кто был моим инициатором.

— Слово выучил! А доказательства? Я в лесу не был, я не хулиганил, у меня все в порядке, комар носу не подточит.

— Римма в магазине скажет.

— Не скажет. Это ты ей икру привозил, ты ей лекарства передавал и рыбу — все ты.

— Все равно посадят.

— Да иди ты скорей! Надоел, зануда.

— Я тебя подожду.

Эдуард грязно выругался и бросился в дом. В окно Андрюша видел, как он скинул пиджак, вытащил из-под кровати синий мундир, натянул его, схватил треуголку из ящика стола — и на голову. Андрюша стоял не дыша, не двигаясь — совсем рядом, за углом, слышалось тяжелое дыхание Василия.

Вот тебе и тихий фельдшер, интеллигентный человек. Значит, это он убил медведя и сжег мельницу...

Эдуард-привидение метнулся по комнате, вытащил из шкафа складной зонтик. Все, к Вениамину он не пойдет, больные его не интересуют... Андрюша переступил с ноги на ногу и чуть не попался: дыхание Василия прервалось, но тут скрипнула дверь, свет в комнате погас. Эдуард был на улице. Андрюша вжался в стену.

— Пошли, — сказал Эдуард. — А куда идти, знаешь?
— Знаю, к Волчьему логу. Куда же еще?

Две темные фигуры отделились от угла здания и поспешили к лесу.

Андрюша понял, что выхода у него нет, только за ними! И не выдавать себя, пока возможно. На его стороне внезапность...

29

Сначала Андрюша шел быстро — ему показалось, что, если все те, кто идет впереди него, свернут на какую-нибудь тропинку, то он проскочит мимо и придется тогда плутать по незнакомому лесу... Он спешил, боясь отпустить от себя Эдуарда и Василия.

Они уже вошли в лес, где под деревьями было совсем темно, и Андрюша чуть не налетел на них, выскочив из-за толстого ствола. Совсем рядом скользнул луч фонарика, он шастал по листве и стволам, потом метнулся вбок, осветил позумент на камзоле и погас. Эдуард и Василий решали, видимо, по какой тропе идти. Андрюша зажмурился и услышал, как, перекрывая неровный стук капель, срывающихся с листьев, запела первая птица. Услышав ее, принялась выводить несложную мелодию вторая, третья. Начиналось утро.

Андрюша старался держаться сзади, а на ровных участках дороги отставал настолько, что силуэты преследуемых сливались с сеткой дождя. Эдуард с Василием тоже шли осторожно, приостанавливались на поворотах.

Так прошло более часа. К пяти в лесу рассвело, дождь почти перестал. Вот-вот должно было взойти солнце, приближение его ощущалось в растущем буйстве птичих голосов.

Лесная дорожка, кое-где заросшая, кое-где протоптанная плотно и широко, вывела к узкой и длинной долине, по которой протекал ручей. В зарослях тростника просве-

чивала вода, взрябленная дождем. Дорожка выбежала на берег и шла по опушке, но Андрюша не решился выйти на открытое место и потому пробирался кустами по краю леса, где с каждой ветки за шиворот сыпались ледяные капли.

Что-то тяжело вздохнуло в тростниках, взлетели утки, и сверху Андрюша увидел скользкую черную спину какого-то чудовища, которое медленно пробиралось к полосе открытой воды. Эдуард с Василием тоже заметили чудище и остановились. В тишине до Андрюши донесся высокий голос Эдуарда:

— Крокодил!

— Не, — ответил Василий, — крокодилы у нас не водятся. Сом это, о нем давно известно, что здесь обитает. Только ничем его не взять. Даже пулей.

— И не нужно, — сказал Эдуард. — Мясо у него несъедобное.

— И мясо паршивое, — согласился Василий.

Сом на секунду выставил из воды тупое рыло с маленькими тусклыми глазками, пошевелил усами в метр длиной и ушел в глубину, взбаламутив воду. Тростники долго еще покачивались, а утки летали над водой, не решаясь опуститься.

Дорожка подвела к самой воде. Здесь, в узкой горловине, ручей бурлил горным потоком, и переходить пришлось по скользкому бревну. Затем тропинка ушла в сторону от ручья, вверх, в светлую и прозрачную березовую рощу. Андрюша перебегал от ствола к стволу, солнце неожиданно выскоило из-за горизонта, разорвав облака, его лучи ворвались в рощу, прорезав ее насквозь.

Эдуард и Василий остановились перед громадным серым валуном. Фельдшер наклонился и пошел вокруг камня. Василий закурил, потом зашагал дальше. Эдуард догнал его.

Когда Андрюша достиг того же места, он увидел на валуне слова «Царицын ключ», выбитые глубоко, резко.

У камня дорожка кончалась, и Андрюша понял, почему Эдуард бродил вокруг — он искал следы.

Эдуард с Василием почти скрылись за деревьями. Высокая мокрая трава доставала до коленей, и Андрюша шел по узкой тропинке, протоптанной недавно. Тропинка вновь привела к ручью, к тому же, что впадал в тростниковое

озеро. За ручьем к берегу, отороченному полосой камней и песка, подходили строем мрачные ели. Там и скрылись Эдуард с Василием.

Черный еловый лес не хотел пропускать, словно стоял на страже заколдованный страну. Стволы стояли тесно, сухие ветки, тонкие, колючие, хлесткие, с оттяжкой били по рукам и по лицу, и уже через несколько шагов Андрюша показалось, что он заблудился навсегда и безнадежно. Он остановился и услышал, как впереди трещат сучьями, продираются вперед, ругаются преступники. Вскоре он не только догнал их, но чуть не налетел на Василия. Шофер был взволнован, дергался на небольшой прогалине, и Андрюша не сразу сообразил, что же произошло. Потом понял — Василий угодил во владения лесного паука, затянувшего седой, сверкающей каплями дождя сетью- занавесом ход между елями. Василий плясал, дергался, матерился, вытирая руки из клейких цепей. Паук размером с блюдце сидел на краю паутины и ждал, когда же его жертва успокоится.

— Эдик! — кричал Василий. — Кончай гоготать! Он же ядовитый!

Эдик не гоготал, просто от страха у него изо рта вырывались странные кудахтающие звуки.

— Я, — выговорил он наконец, — я пауков боюсь.

— Режь! — закричал Василий. — Режь, говорю!

Эдуард поднял зонт, как шпагу, сделал несмелый выпад.

— Коли! — вопил Василий. — Он же меня гипнотизирует!

Паук и в самом деле рассматривал свою жертву. Может быть, ему давно не попадались люди.

Эдуард, зажмурившись, принялся молотить зонтом по паутине, и в конце концов она покачнулась, нити обвисли.

— Да ты меня-то не бей! — кричал Василий.

Паук, поняв, что завтрак упущен, исчез за темным стволом. Василий начал отрывать от себя прилипшие нити, а Эдуард сказал:

— Пошли дальше, а то упустим.

— Ты первый иди, — сказал Василий. — Не знаю, сколько их тут понавешено.

Поспорив, они пошли рядом, плечо к плечу. Фельдшер

не выпускал из рук зонта, размахивал им, обламывал сучья.

Андрюша двинулся следом. Нагнулся, проходя под рваным занавесом паутины, миновав его, оглянулся. Паук выполз на ветку и начал чинить сеть. Он взглянул вслед Андрюше, и тому показалось, что паук подмигнул ему, чего, конечно, быть не могло.

Темный еловый лес внезапно поредел, и Андрюша вновь увидел Эдуарда и Василия. Они стояли у сгнившего некогда полосатого шлагбаума, упавшего на камни неширокой, мощенной булыжником дороги возле покосившейся маленькой будки, покрашенной в черную с белым елочку. Дорога начиналась от елей внезапно, будто выскочила из-под земли. А на холмике у самой дороги на солнышке сидели рядом дед Артем и Ангелина. Перед ними был расстелен на траве белый платок, лежало полбуханки хлеба, несколько яиц и огурец. Поодаль на суку, нависшем над дорогой, сидел ворон. Из клюва торчал кусок хлеба.

Андрюша присел за кустом и пожалел, что ему не пришло в голову взять с собой съестного.

Видно, та же мысль посетила и Эдуарда.

— Проголодался я, — тихо сказал он Василию. — А у меня дома еще банка икры осталась... Выкинуть надо бы, а жаль, я в отпуск хотел съездить к бывшей теще в Ялту. Взял бы с собой.

— Дай поесть, — сказал Василий. — Я в подвале сидел.

— Потерпи, — прошептал Эдуард, — прошу, потерпи.

— И выпить бы. Надоело. Всю жизнь терплю. Всех убью!

— Возьмем клад, будет полная свобода.

— А вдруг денег мало? — спросил Василий, и у него громко заурчало в животе. Он сердито стукнул по животу кулаком, ворон Гришка заглотнул хлеб и взлетел с ветви.

— Ты куда? — спросил дед Артем.

— Сейчас, — ответил ворон и полетел назад, осматривая дорогу. Василий с Эдуардом нырнули в кусты, замерли. Андрей сжался. Ворон сделал круг над кустами и вернулся обратно.

— Там есть кто? — спросил дед.

Ворон щелкнул клювом, Ангелина кинула ему кусок хлеба.

— Идти бы надо, — сказал она, — солнце уже поднялось. Парит.

— Сейчас, — сказал дед. — Он насытится и полетит.

— Только ты, дедушка, снаружи подожди. Может, и в самом деле надо, чтобы я одна пошла?

— Подожду, подожду, хоть и не верю я в это.

— А чего пошел тогда?

— Тебя одну оставлять не хотел. А вдруг Васька тут ходит?

Ворон поднялся и медленно полетел вперед. Артем и Ангелина собрали остатки еды в платок, дед сунул узелок в заплечный мешок.

— Не доели, — сказал Василий с ненавистью, — захрались...

Преступники крались по кустам, а дед с Гелей шли неравномерно: то быстро, если ворон припускал вперед, то медленно, если он поднимался выше и кружил, припоминая дорогу. Иногда до Андрюши доносились обрывки их разговора.

— Это его дорога, — сказал дед Артем. — Ее мой отец видел...

— А почему не достроил? — спросила Ангелина.

— Может, указание получил, что не приедет императрица, а может, деньги кончились...

Перебивая слова деда, до Андрюши донесся злой шепот Василия:

— Слышишь, кончились деньги! А мне за что в тюрьму садиться?

— Врет все дед, — успокоил его Эдуард. — Потому и не достроил майор, что деньги спрятал. Дураку ясно.

Дорога пошла вверх между крутыми каменистыми холмами, снова вышла к ручью, он стал теперь узким, тек круто, звенел хрусталем по камням. В бочажке лениво кружились хариусы метровой длины. Андрюше пришлось выйти на дорогу, потому что она шла вокруг большой скалы: слева отвесный склон, справа обрыв.

На скале на большой высоте были выписаны белой краской метровые буквы: «Сандро Шейнкманишвили. Одесса, 1973».

— Смотри, — долетел возглас деда, — и сюда турист добрался!

— Они везде проникают, — сказала Ангелина. — Помню, проходили через деревню, пели про дикий Север, про моржей, иконы спрашивали.

— Экологическая угроза. Обязательно лес спалят!

Дед с Ангелиной исчезли за поворотом, и больше ничего не было слышно, кроме пения птиц да журчания ручья внизу.

30

Перевалив через горб горы, дорога покатилась вниз, в тесную долину, окруженную зубцами темных скал. Ручей исчезал в яркой зелени трав и появлялся вновь уже по выходе из долины. Попасть туда было нелегко. Сверху Андрюша видел, что дорогу, прорезавшую полукруг скальной стены, перегородил обвал. Перед баррикадой глыб, как перед закрытой дверью, остановились Ангелина с дедом. А где же бандиты? Ага, вот они, присели за скалой метрах в двадцати от завала.

Дед и Ангелина глядели на Гришку, который поднялся высоко вверх и кружил, будто забыв, куда двигаться дальше. Андрюше видно было, как старик первым полез вверх, положив на дорогу мешок с едой, чтобы не мешал. Ангелина взбралась следом, вот они уже смотрят сверху на зеленый стакан долины. В небе появились черные точки, они росли, приближаясь к Гришке, и тот нырнул вниз, видно, испугавшись, — к нему приближалась целая стая громадных летучих мышей. Они окружили Гришку, закрутили, потом от стаи отделилось черное пятно — распростерши крылья, ворон планировал, рывками приближаясь к земле. Он исчез за завалом, а стая, сделав круг, повернула обратно... Дед и Ангелина, спотыкаясь, бросились к нему. И тут же из-за камня поднялась неуклюжая фигура Василия, он кинулся к завалу, схватил мешок с едой, потащил к себе. Эдуард, поднявшись, шипел на него, махал руками:

— Брось, тебе говорят, брось, увидят!

Мешок был, видно, плохо завязан, раскрылся, из него посыпались на дорогу куски хлеба, покатились яйца и огурцы. Василий кинулся подбирать добро. Он заталкивал

в рот яйца и огурцы, чавкал и рычал так шумно, что, видно, дед услышал — его голова вновь показалась над завалом. Эдуард нырнул за камень, а Василий продолжал ползать по дороге. Голова деда тут же исчезла. Эдуард кусал ногти и топал ногой.

— Все пропало! Увидел он тебя, понимаешь, увидел!

— А они и сами не найдут, — невнятно сказал Василий. — Гришку-то пришили. Нельзя туда ходить, понял?

Андрюше сверху было видно скрытое от Эдуарда: там, за завалом, по узким остаткам дороги, прижимаясь к скале, спешили прочь дед и Ангелина. Ангелина прижимала к себе Гришку, дед нес пустой бидон. Они осторожно спустились с обрыва и начали пробираться по краю зеленой поляны, перепрыгивая с камня на камень. Однажды дед оступился, и нога его ухнула в зелень. Андрюша понял, что зелень эта — трясина.

Ангелина с дедом обогнули половину зеленои топи и приближались к дальней стене долины, где из трясины торчали пальцами деревянные столбы — остатки моста. Эдуард уговорил Василия проползти вперед, забраться на завал. Увидев, что старик с девушкой ушли далеко, Василий вскочил на ноги и крикнул:

— Стойте! Вы куда?

Его крик настиг беглецов, но не остановил. Они огляднулись и исчезли в узкой расщелине среди скал. Василий скатился вниз, к зеленому полю.

— Стой! — крикнул ему Эдуард. — Меня подожди!

— Еще чего! — огрызнулся Василий. — Без тебя доберусь!

Он влетел в зелень большим прыжком и не сразу сообразил, что почва не держит его — жидккая грязь брызнула из-под ног, пачкая салатную траву. По инерции он пронесся еще два шага, завяз по колено, вырвал с трудом ногу, рванулся дальше... Уйдя в трясину по бедро, Василий повернулся назад и только тут обнаружил, что до берега уже метров шесть.

— Эй! — крикнул он Эдуарду. — Дай руку!

— Как же я дам? — Эдуард понял, в чем дело, и замедлил спуск к болоту. — Сам выбирайся. Убежать от меня хотел! — Василий рванулся к нему и погрузился по пояс. — Ты чего?! — вдруг испугался Эдуард, увидев тоску в глазах шофера. — Погоди!

Андрюша побежал со своей горы вниз, к завалу и через несколько шагов потерял людей из виду. Когда он снова увидел их, Эдуард метался по берегу, протягивая Василию зонтик. Андрюша оглянулся — нужна какая-нибудь палка, шест, но вокруг не было ни единого деревца. Лес остался далеко позади.

Василий погрузился по шею, глаза его вылезли из орбит.

— Не могу! — крикнул ему Эдуард. — Прощай!

— Эдик, — хрипел Вася, — спаси, я тебе все деньги отдам, и клад себе бери, только спаси меня!

— Я бы рад... — расстраивался Эдуард. — Я бы рад...

— Вылезу, убью! — закричал Василий.

— Прощай, — развел руками Эдик. — Ты не мучайся, сразу ныряй.

— Нет, сволочь! — отказался от совета Василий. — Я на твердом стою! — Жиза подобралась ему к подбородку.

— Стоишь? — переспросил Эдуард. — Ну и ладушки. Это изумительно. Это восхитительно. Замечательно. Стой.

— Эдик! — закричал Василий. — Я тебя под суд подведу!

— Не надо. — Эдуард концом зонта стряхнул с майорского сапога грязь. — Ничего это тебе не даст. Стоишь ведь, не тонешь? Я за ними сбегаю, клад отберу — и к тебе. А ты подожди. — И Эдуард пошел по краю трясины с камня на камень вдоль стенки, как недавно шли дед с Ангелиной.

— Эдик! — неслось ему вслед. — Эдик, погибну! Вернись! А то скажу, как лекарствами торговал! И где иконы лежат!

— Молчи, подонок! — Эдик подобрал ком земли и кинул так, что он упал в воду рядом с Василием, колыхнул топь и обрызгал шофера до затылка — голова стала бурой от грязи и без слов хрипела с иенавистью вслед фельдшеру. — Терпи, — сказал Эдик, — твой вид отвратителен. — И легко с камня на камень поспешил к расщелине.

Андрюша подождал, пока он скроется, и перебрался через завал. При виде его Василий заморгал глазами, всхлипнул с надеждой:

— Студент... Студент, спаси, я все скажу!

— Стой! — сказал Андрюша без жалости. — Чего мне

тебя жалеть! Грязь для тебя оптимальная окружающая среда.

— Студент! — шипела голова. — Интеллигентный человек!

— Я тебя буду спасать, а Эдуард в это время на Ангелину нападет? Он же бессовестный.

— Студент! — упрямился Василий. — Я с тобой поделюсь. У меня облигации есть... Не хочешь? Убью!

Из трясины возникла лягушка, большая, зеленая, с белым гладким пузом. Приняв голову Василия за камень, вспрыгнула на нее и удобно уселась. Как шляпа. И пялила бессмысленные глаза на Андрюшу. Под тяжестью лягушки Василий ушел в воду еще глубже, даже подбородок скрылся в трясине. И он замолчал, чтобы не наглотаться.

— Я вернусь за тобой. Если он обманет, я вернусь, — сказал Андрюша и направился к глубокой темной расщелине.

31

Шаги в расщелине раздавались гулко, по стенам стекала вода, вливаясь в ручеек, что журчал по дну. Воздух был удивительно чист, пахло озоном, словно тут недавно ударила молния.

Скалы над головой сомкнулись, стало совсем темно, но через несколько шагов впереди забрезжило пятнышко света. Свет исходил от фонаря Эдуарда. Тот стоял перед новым завалом из рухнувших сверху глыб и шарил по нему лучом, разыскивая щель.

— Не может быть, — бормотал Эдуард дрожащим голосом. — Они завалить ее не успели бы... — Свободной рукой он раскачивал камни, ища тот, слабый, которым был закрыт путь. Раздался грохот, посыпались новые глыбы. Фельдшер отпрыгнул назад. — Ногу! — взвыл он. — Ногу зашибли, сволочи!

Андрюша вдруг понял, что не хватает привычного звука — пропало журчание ручейка, под ногами было сухо. И повернулся обратно.

Услышав впереди журчание, Андрюша провел рукой по стене и обнаружил у самой земли дыру меньше метра диаметром, из нее и изливалась вода. Было страшно. А вдруг отверстие сузится? А вдруг и в самом деле обвал

случился только что?.. В отдалении снова раздался грохот — Эдуард продолжал ворочать камни.

Андрюша сунул руку в низкую щель, и пальцы нашупали что-то мягкое. Птичье перо. Большое птичье перо.

Сомнения исчезли. Нагнувшись, Андрюша втиснулся под низкий свод. Пришлось передвигаться ползком, перебирая руками в ледяной воде. Острый край сталактита полоснул по ладони... Ход шел вверх, но не сужался. Андрюша уже не боялся, что он сузится. Но путешествиеказалось бесконечным, саднила рука...

Наконец в лицо ударил ослепительный солнечный свет. Андрюша зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что свет пробивается сквозь зелень листвы. Здесь уже можно было встать на четвереньки, еще немного, и он поднялся и раздвинул мягкие ветки.

Он стоял на краю небольшой зеленой долины, заросшей деревьями и кустами, замкнутой с дальней стороны отрогами высокой горы.

Здесь было тепло и сухо. Только звенели комары, принявшие его за долгожданный обед. Андрюша отмахнулся от них и увидел свою ладонь — она была расположена, из открытой раны текла кровь. Чтобы смыть ее, Андрюша опустил руку в ручеек, который исчезал в черной пасти скалы. Кровь розовым облачком унеслась с водой, края царапины побледнели. Он вытащил из ледяной воды руку и увидел, что кровь уже не течет, а рана затягивается на глазах.

Андрюша вымыл в ручье лицо и снова взглянул на свою рану. Рана окончательно затянулась, лишь светлый шрам напоминал о ней.

— Сказка, — произнес Андрюша и пошел дальше, вверх по ручью, не глядя еще по сторонам, потому что не мог оторвать взгляда от собственной руки. — Нет, — сказал он, остановившись через несколько шагов, — этого не может быть.

— Что делать, — отозвался знакомый голос. — Я тоже не допускал такой мысли, а ведь являюсь коренным уроженцем!

Андрюша раздвинул кусты и оказался на прогалине, где стояла белая мраморная скамья, а на скамье сидели дед Артем и ворон Гришка, живой, здоровый, но насупленный.

- Я, понимаете, руку раскроил, — сообщил Андрюша.
— А Гришка успел подохнуть, — сказал дед, — то есть находился в состоянии клинической смерти.
— Винивидовичи, — хрипло сказал ворон.

32

- Где Геля? — спросил Андрюша.
— За водой пошла к ключу. Там она в чистом виде.
— Зачем вы ее одну отпустили?
— Ей захотелось. Хоть и суеверия, зачем портить картину?
— А Василий в болото попал, — сказал Андрюша.
— Потонул? — спросил дед спокойно.
— Нет, по шею сидит. Надо будет на обратном пути захватить. На Эдуарда надежды мало.
— На кого? — удивился дед.
— Эдуард Олегович, фельдшер ваш. Разве непонятно? Они с Василием заодно, он и есть второе привидение. Это он все организовал, и с икрой тоже, и лекарствами торговал, и молоко они разбавляли. У него даже икра дома осталась, целая банка, теще хочет отвезти в Ялту.
— Улика, значит, — сказал дед. — Это ужасно. А они что, выследили нас?
— Я потому и пошел, что испугался — их двое.
— Ага, их двое, а нас четверо. — Дед шлепнул Гришку по крылу. — Ах мерзавец, ах хитрец, даже в погребе со мной остался! Ваську выпустил, а сам остался! Все рассчитал, мерзавец...
— Дедушка! — послышался крик Гели. — Иди сюда. Я воды набрала.
— Идем, — откликнулся дед. Гришка хотел было возразить, но потом махнул головой, соскочил со скамьи и пошел впереди пешком, поглядывая на небо. — Опасается, — пояснил дед. — Летучие мыши здесь вместо сторожей. А Гришка, с их позиции, предатель.
— Филландрроп, — откликнулся ворон.
— Ну как знаешь. Я же тебя не осуждаю. А где Эдик-то?
— Он в пещере заблудился. У завала застрял.
— Это точ-на, — сказал дед. — Мы тоже сначала чуть

не промахнулись. Дорога хитрая, видно, завал еще майор устроил.

Трава раздалась, открыв дорожку, выложенную плитами аккуратно, одна к другой. Дорожка раздвоилась, уткнувшись в прудик, окруженный мраморным бордюром. Камень кое-где раздался, осел, между плитами тянулась трава.

По ту сторону пруда виднелась каменная ротонда, которую берегли львы, мирно положившие морды на лапы. Внутри стоял мраморный медведь в натуральную величину, из его пасти был небольшой фонтан воды. Что это живая вода, Андрюша догадался сразу, потому что увидел, как к источнику направляется крупный заяц, держа на весу пораненную лапу. Кося глазом на Ангелину, стоявшую поодаль с бидоном в руке, заяц подскочил под фонтан и замер. Вода смыла с лапы кровь, заяц промок, Ангелина засмеялась. Гришка гаркнул, отгоняя зайца, и тот громадным прыжком сиганул через резные каменные перила между колоннами. Ангелина увидела Андрюшу.

— За нами шел? Ах ты, любопытный!

— Он охранял тебя, — сказал дед серьезно. — Там не только Васька, там и его дружок Эдуард.

— Этот тоже? А раков вы видели?

Раки сидели в прудике, их было три. Зеленые, метровые, глупые, они таращили глаза на пришельцев сквозь прозрачную воду. Вокруг раков медленно плавали золотые рыбки.

Андрюша увидел за деревьями темную крышу. Бревна, из которых был сложен маленький домик, давно уже проросли, и он стал похож на купу деревьев. Ржавая крытая железом крыша чудом удержалась в буйном переплетении ветвей.

— Я пойду, — сказала Ангелина, — мне надо спешить.

— Идите, — согласился Андрюша. — Я вас догоню. — Он пожалел, что не взял с собой фотокамеру. Едва ли он вновь попадет сюда. Не потому, что путь труден или далек: может, дорога все-таки тупиковая? Открылась по сказочному велению и закроется вновь, пока через сто или двести лет не понадобится еще одной Ангелине спасать своего возлюбленного...

— Санаторий здесь построим, — сказал дед Артем. — Корпуса, травматологическую лечебницу, ванны...

Ангелина поглядела на поляну, на ротонду, на глупые морды раков и сказала:

— Жалко.

— Жалко, — сразу согласился дед и пошел вслед за Ангелиной. — Значит, так, — продолжал он, — устроим здесь заповедник союзного значения и проведем отсюда трубопровод... — Голос старика глохнул в зарослях, треуголка его мелькнула еще раз над листвой...

Андрюша заглянул в домик. Там было сумрачно и пусто, застарело, извечно пусто... Когда-то здесь жили люди да давно ушли. На скамейке валялся медный ковш, две плоские бутылки забыты на полуразвалившейся печке. И еще одна треуголка... Андрюша протянул руку, и треуголка рассыпалась, а он подумал: вот здесь, наверное, и скрывался секунд-майор от царских посланцев, здесь и умер, забытый всеми. Может, где-то возле дома лежит его скелет, если не погиб он в лесу... Ржавая шпага без ножен торчала рядом с широкой лавкой. Шпагу Андрюша решил взять с собой, отдать деду. Пускай лежит она в корпусе санатория или в правлении заповедника под стеклом.

Андрюша наклонился, чтобы достать шпагу, и увидел под лавкой сундучок. Потащил сундучок на себя. Тот был окован железными полосами и закрыт.

— А вот и клад, — подумал Андрюша вслух и понес сундучок наружу. — Тоже передам деду, — решил он.

Так он и выбрался из домика-дерева — судук прижал к животу, за ремень заткнута шпага с позолоченной гардой. Но далеко не отошел, потому что услышал знакомый и неприятный слуху голос.

— Руки! — повторял этот голос занудно. — Руки!

Андрюша увидел, как по дорожке к ротонде пятятся Ангелина и дед. Дед держит обе руки кверху, Ангелина — одну, во второй драгоценный бидон. Под ногами у них путается, тоже отступает ворон, а шагах в десяти надвигается невероятная фигура со сложенным зонтом в руке, оборванная до удивления, в клочьях камзола, без треуголки, страшная, одичавшая, задыхающаяся.

— Где клад? Где клад, я спрашиваю?

Дед и Ангелина молчали.

— Клад где? Убью, мне терять нечего! Ставь бидон на

землю! — Ангелина опустила бидон на дорожку. — Назад! Еще назад!

Эдуард достал ногой до бидона, толкнул его, вода хлынула по дорожке, растеклась по камням, и тут же в щелях между ними полезли вверх тонкие зеленые ростки.

— Где клад?

— Эдик, — сказал дед, — не нужен нам твой клад. Оставайся здесь и ищи сколько твоему сердцу угодно. Отпусти нас. Нам нужно живую воду отнести. А ты ее разлил.

— Хватит, — сказала вдруг Ангелина, — надоело мне! Она спокойно шагнула вперед, подобрала бидон.

— Не смей! — крикнул Эдуард.

Андрюша все эти долгие секунды никак не мог распуститься в сундуке и шпаге — сундук он не догадался поставить, и тот, тяжелый и неудобный, мешал вытянуть шпагу из-за пояса.

— Стой, подлец! — сказал Андрюша. Ему показалось, что говорит он значительно и веско, но голос сорвался на высокой ноте.

Эдуард оглянулся и увидел сундук. Он не увидел ни шпаги, ни Андрюши — он видел только сундук.

— Мой! — крикнул он и кинулся к нему.

Он налетел на Андрюшу, как бешеный бык, схватил сундук, рванул на себя, не удержал, тот упал, щелкнул, раскрылся, и из него стаей голубей разлетелись листы бумаги. Эдуард прыгнул вперед и накрыл собою сундук. Ожесточившись, Андрюша сделал выпад шпагой и с размаху воткнул ее в зад фельдшера. Тот взвизгнул, но добычу не выпустил. Андрюша уже понял, что сундук пуст — серебряная монета выкатилась из него, побежала, сверкая на солнце, по дорожке к круглому прудику и улеглась на бордюре.

— Так я и думал! — сказал дед, подобрав один из листов. — Это отчет.. Об израсходовании государственных средств.

— Значит, денег нет? — спросил Андрюша.

— Откуда же им быть? Наш предок реабилитирован! Посмертно!

— Я пошла, — сказала Ангелина. — Веня ждет. — Дед собирал листы отчета. — Ты справишься? — спросила Геля Андрюшу.

— Справлюсь, — ответил тот, отбрасывая ногой в сторону зонтик. — Идите. И вы вставайте, Эдуард!

Эдуард не отвечал. Одной рукой он держал себя за уколотое место, второй шарил внутри сундутика, все еще не веря, что тот пуст.

— Подлец, — сказала Ангелина, проходя мимо. — Еще Ваську простить можно, а вас никогда.

— Где деньги? — кричал Эдуард, не видя никого вокруг.

Монета, сверкающая на краю пруда, попалась его отчаянному взору. Эдуард пополз к ней по дорожке. Зеленые раки удивленно глядели на него — думали, свой. Неловко дернувшись, Эдик свалил монету в воду и тут же рухнул вслед за нею и сам, а раки подняли клешни, словно желая защитить сверкающее сокровище.

— Я за Ангелиной побежал, — сказал дед. — Вдруг там Васька?

— Не бойтесь, — сказал Андрюша, — он теперь тихий.

Эдуард баражался в прудике живой воды, сражаясь с раками, и победить в этой схватке никто не мог. Любая рана, любая травма затягивалась тут же, оторванная лапа на глазах отрастала у рака, наверное, если бы кто из врагов откусил Эдуарду голову, и она отросла бы заново. Но голову раки фельдшеру не откусили, и тот вырвался из их объятий, вылез на берег, голый, белый, в свежих шрамах, и пополз обратно к сундуку, сжимая в кулаке серебряный рубль.

Андрюше надоело смотреть на фельдшера. Он сунул шпагу за ремень и огляделся. Увидел заросшую подорожником тропинку. Пройду по ней немного, решил он. Пять минут ничего не меняют.

Раздвигая ветви розовых кустов и лопухов, схожих с бананами, увернувшись от здоровенного шмеля, Андрюша миновал домик.

Заросший мхом склон холма не пружинил, был твердым, но твердым иначе, чем камень, — эту разницу нельзя было выразить в словах или даже в мыслях, но она была. Андрюша опустился на корточки, оторвал пальцами слой мха и увидел неровную, шершавую поверхность металла. Железная гора, подумал он и взобрался на вершину этого небольшого крутого холма. Буйная зелень

долинки вокруг источника осталась внизу, здесь дул ветерок и было прохладней. Отсюда была видна крыша домика секунд-майора, скрытая зеленою шапкой листвы, белый купол ротонды и темный изумруд прудика... Андрюша огляделся. Долина Царицына ключа была кругла и ровным дном похожа на большой кратер, а металлический холм горбился как раз в центре этого кратера. И Андрюша понял, что, вернее всего, сюда в незапамятные времена упал огромный метеорит. Принесенные из глубины космоса странные соединения тамошних неведомых веществ пропитали родник, бьющий из земли, сказочной силой, и вода здесь приобрела свойства, которых нет больше нигде на свете.

А может, и не это? Может быть, эта металлическая глыба рождена в недрах земли и выдавлена оттуда сжатием или вулканическим взрывом? И сила ее в сочетании элементов, родивших живую силу воды?

Дальше, за откосом, что-то светлело. Спустившись туда, Андрюша увидел на холмике, поросшем короткой травой, покосившийся крест. Трава там знала, что нельзя подниматься высоко, нельзя скрывать в буйстве своем память о том, кто здесь похоронен.

Рядом скамеечка, словно кто-то приходил сюда.

На кресте прибита табличка. Надпись почти выцвела, но под ярким солнцем Андрюша смог прочесть:

«Ее Императорского Величества Преображенского полка секунд-майор Иван Полуехтов скончался декабря 8 дня 1762 года.

Мир праху твоему, отец и муж».

Андрюша присел на скамейку. Значит, он жил здесь, и сказка лгала, потому что сказки придумывают люди, которые не все знают. Никому в деревне не открыла Елена, что майор не погиб, а остался у своего ключа и жил тут еще долгие годы...

И вдруг Андрюша понял, что он — это не он, не Андрей Семенов, студент из Свердловска, а секунд-майор Иван Полуехтов, изгнаник и отшельник. Осенний ветер дует над этим холмом, майор думает о том, что то ли когда-то этот железный холм упал с неба, подобно огненным камням, и принес на землю тайну и живительную силу со звезд, то ли вылез из земли, а эта живая вода — само естество нашего подлунного мира... Тоска и одино-

чество владели им — тешила лишь надежда, что придет Лена, придет и останется здесь на неделю, скажет в деревне, что поехала к родным в Пензу. Обещала любезная пожить с ним, малыша возьмет, младшего, других нельзя, проговорятся...

Майор сунул руку в карман камзола, вытащил серебряный рубль — нужны ли кому эти деньги, оставшиеся от царской казны? Ясное дело, никто не поверит, что он все истратил на работу, не крал, не обманывал, не утаявал. Не докажешь... Секунд-майор поглядел на рубль с профилем императрицы, кинул вдаль, в траву, а сверху спустился камнем верный Гриша, подхватил монету и унес. Может, подняться сейчас, вернуться в Петербург, там жизнь, там балы и маневры, разговоры о политике и дворцы на набережных. Но нужно ли тебе это, Иван Полуектов, ты же сидишь, годы проходят в забвении и ничтожестве, ждешь одного — как послышатся шаги у порога своего домика. Придет твоя Елена, уже немолодая, растолстела, руки огрубели от работы, одна свой позор несет — мужиков нету, а она от кого — от духа святого третье дитя в люльке качает? А верна, через лес по дыре черной ходит и ходит к своему Ванечке, а Ванечка хоть и не хворый — как тут захвораешь, если вода живая, только от тоски пропадешь, — но стареет Ванечка, сварливый стал.

Елена говорила: убежим, уйдем на юг, на Волгу, на Кубань. Но не тянет уже к людям, да и не может бывший секунд-майор заниматься разбойниччьим делом или крестьянским трудом. Лучше останется он до смерти, как часовой на посту, у живой воды.

Порой станет совсем невмоготу, выходит тогда секунд-майор к людям в парадном мундире, при шпаге, идет лесом, близко к домам не подходит, но на дымы глядит, на ребятишек играющих — на своих в особенности. Ребята крепкие — еще бы, вода живая в речке подмешана, немного, а для здоровья хватает.

Иногда в лесу кого встретит... И люди уж знают, но считают его за неживой призрак, опасаются, бегут. Иногда встречает знакомого медведя, его еще в бытность в деревне учил из пушки стрелять. Медведь все ходит к пушке и, видно, медвежат научил.

«Помру я, — подумал спокойно майор, — куда де-

нешься? Помру. Пускай Елена здесь меня похоронит, отсюда вид хороший, далеко на горы смотришь, на холодные вершины, на облака бегущие, на птиц перелетных. Птицы опускаются у родника, раны лечат. И пройдет много лет, и попадет сюда какая душа, увидит мой крест и поймет мою печаль, и поймет, что эти годы жил я одной любовью, и без нее давно бы помер без следа и без могилы...»

Крест стоял на зеленом косогоре, покосившийся крест, одинокий, как тот майор. Впрочем, давший начало целой деревне — и Кольке, и Глафире, и Ангелине...

Надо идти обратно. Фельдшера оставлять нельзя, напакостит чего-нибудь, будет деньги искать, ротонду разрушит.

33

«Может быть, — думал Андрюша, подгоняя сквозь черную пещеру присмиревшего Эдуарда, — назовут санаторий или заповедник именем майора Полухтова. Да вряд ли — он фигура как бы внеисторическая, не боец, не мститель. А жалко...» Эдуард постанывал. В одной руке он нес крышку сундука, в другой сжимал серебряный рубль с портретом толстой востроносой бабы с грудями, как жернова.

— Украли, — повторял он и вздыхал. — Мошенники, грабители. Я же хотел для народа.

Когда они вышли из расщелины и впереди показалась трясина, Эдуард заволновался и сказал:

— Надо оказать помощь Василию. Мы гуманисты или нет?

— Гуманисты, — сказал Андрюша. — Сейчас принесете палку и вытащите.

Но палка не понадобилась. Они увидели, что Василий все так же стоит по горло в трясине, а на бережку сидит на корточках дед Артем с бумагой на коленях, рядом длинный шест. И пока они шли вокруг топи, Василий монотонно перечислял свои и Эдуардовы грехи, а дед в паузах приободрял его:

— Давай, давай, преступная твоя физиономия, все выкладывай, а то не видать тебе берега! — И Василий продолжал исповедь.

Он увидел Эдуарда, только когда они подошли к деду.

— Вот он! — забулькал Василий. — Он мной руководил. А я по глупости слушался. Где клад? Где деньги?

— Это легенда, только легенда, — сказал Эдуард. — И я спешил сообщить тебе об этом. И помочь выбраться из болота. Прости, что не смог сделать этого раньше — помогал Ангелине.

— Ну и подлец ты, Эдик, — сказал дед Артем.

— Это что у тебя? — спросил Василий, показывая глазами на крышку сундучка.— Клад?

— Сувенир, — быстро сказал фельдшер. Он был почти гол и прикрывал живот этой крышкой. — На память об историческом прошлом нашего края. Артемий Никандрович, не верьте ни единому слову этого мерзавца и подонка. Он хочет меня оклеветать...

— Ничего, — сказал дед Артем, — разберемся.

Василия вытащили с трудом, пять потов сошло, пока трясина отпустила его. Эдуард бегал вокруг и давал советы, когда же Василий вышел на берег и бросился в неудержимом гневе на своего учителя, тот так припустил по дороге, что догнали его только в лесу.

А еще шагов через сто увидели и Ангелину. Она уморилась, и Андрюша взял у нее бидон.

34

Вертолет стоял сразу за окопицей, шагах в ста от дома. Рядом пустые носилки. Вертолет медленно крутил лопастями.

— Улетят! — закричала Ангелина, бросаясь к нему. — Скорей, Андрюша!

Они побежали по улице.

— Эй! — крикнул Андрюша, увидя в кабине пилота. — Остановитесь! Мы живую воду принесли!

Ангелина приподняла бидон, чтобы пилот увидел.

Тот понял не сразу, потом выключил мотор, и лопасти отвисли, замедляя кружение.

— Чего? — спросил пилот. — Чего принесли?

— Живую воду, — сказала Ангелина.

— Прости! — сказал пилот. — Намек понял. За рулем не пью.

— Мы не вам, — сказал Андрюша, — мы больному.

— Так и несите ему.
— Так он не на борту?
— Нету его.

Ангелина чуть не выронила живую воду. Из бидона плеснуло, и в том месте начала бурно расти трава, зацвели большие синие колокольчики, и пилот уставился в полном изумлении на это зрелище.

— Нету в каком смысле? — спросил Андрюша, чувствуя, как у него холдеют руки.

— Видите носилки? Как его донесли сюда, он с них и в кусты. В его состоянии это верная смерть. Ищут по кустам. А он в бреду.

В кустах возникло шевеление, и оттуда вытащили сопротивляющегося Вениамина. Повязка сползла набок, пропиталась кровью. А рядом бежал врач и норовил наполнить шприц, чтобы сделать больному успокаивающий укол.

— Веня! — закричал Андрюша. — Не суетись. Все в порядке!

— Веня! — Ангелина бежала к нему, прижимая бидон к груди.

— Вернулись? — Веня говорил быстро, глаза его лихорадочно блестели, но он был в полном сознании. — Прости, Геля, я не мог улететь без тебя. Ты ради меня пошла ночью в лес, я же понимаю, и я не могу улететь как дезертир... Поймите меня, — он обратился к врачу, — и простите, что заставил вас волноваться.

— Все хорошо, — сказал врач. Он воспользовался тем, что больной успокоился, и быстро всадил ему в руку шприц.

— Вот это лишнее, — заметил Вениамин, — я уже покорился. — Он сам улегся на носилки.

— Вы можете умереть, — сказал врач. — Это безобразие.

— Ты пришла, Геля, спасибо тебе. Вода — это сказка, я понимаю, но ты пошла в ночь...

— Вода здесь, — сказала Геля. — Все в порядке. Она действует.

— Она действует, — подтвердил Андрюша. — Проверено.

— Товарищи, не задерживайте нас, — попросил врач. — Каждая минута — дополнительный риск.

— Доктор, — крикнул пилот, — вода действует, я видел!

— Ну какая еще вода!

Глаза Вени смешились, он засыпал со счастливой улыбкой, держа за руку Геля.

— Дайте платок, — сказала Геля.

Она сказала это таким голосом, что Глафира без слов сняла с головы белый платок. Геля окунула его в бидон.

— Этих фальшивомонетчиков не видел? — спросил Андрюшу милиционер.

— Вон идут, — сказал Андрюша.

По улице поднимались парой Эдик и Василий — руки за спиной связаны, чтобы не передрались, дед веревку в мешке нашел, — и лаяли друг на друга. Сзади кучером шагал дед Артем, держа их как на вожжах.

Ворон Гришка поднялся в воздух, сделал круг над вертолетом, который, видно, принял за соперника, вторгнувшегося на его территорию. Спикировал на вертолет, больно клюнул в стекло кабинны. Потом поднял гордо голову и сказал:

— Омниапрекларраара!

Из леса вышла медведица. Она вела медвежонка учиться стрелять из пушки.

1979 г.

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

1

Дом понравился Анне еще издали. Она устало шла пыльной тропинкой вдоль заборов, сквозь дырявую тень коренастых лип, мимо серебристого от старости колодезного сруба — от сильного порыва ветра цепь звякнула по мятому боку ведра, — куры суетливо уступали дорогу, сетуя на человеческую наглость, петух же отошел строевым шагом, сохраняя достоинство. Бабушки, сидевшие в ряд на завалинке, одинаково поздоровались с Анной и долго смотрели вслед. Улица была широкой, разъезженная грузовиками дорога вилась посреди нее, как речка по долине, поросшей подорожником и мягкой короткой травой.

Дом был крепким, под железной, когда-то красной крышей. Он стоял отдельно от деревни, по ту сторону почти пересохшего ручья.

Анна остановилась на мостице через ручей — два бревна, на них набиты поперек доски. Рядом был брод — широкая мелкая лужа. Дорога пересекала лужу и упиралась в распахнутые двери серого бревенчатого пустого сарая. От мостика тянулась тропа, пробегала мимо дома и петляла по зеленому склону холма, к плоской вершине, укрытой плотной шапкой темных деревьев.

Тетя Магда описала дорогу точно, да и сама Анна шаг за шагом узнавала деревню, где пятилетней девочкой двадцать лет назад провела лето. К ней возвращалось забытое ощущение покоя, гармонирующее со ржаным полем, лопухами и пышным облаком над рощей, звоном цепи в колодце и силуэтом лошади на зеленом откосе.

Забор покосился, несколько планок выпало, сквозь щели проросла крапива. Смородиновые кусты перед фасадом в три окна, обрамленных некогда голубыми налични-

ками и прикрытых ставнями, разрослись и одичали. Дом был одинок, он скучал без людей.

Анна отодвинула ржавый засов калитки и поднялась на крыльцо. Потом оглянулась на деревню. Деревня тянулась вдоль реки, и лес, отделявший ее от железнодорожного разъезда, отступал от реки широкой дугой, освобождая место полям. Оттуда тянуло прохладным ветром. И видно было, как он перебегает Вятлу, тысячью крошечных лапок взрывая зеркало реки и раскачивая широкую полосу прибрежного тростника. Рев мотора вырвался из-за угла дома, и низко сидящая кормой лодка распилила хвостом пены буколические следы ветра. В лодке сидел белобородый дед в дождевике и синей шляпе. Словно почувствовав взгляд Анны, он обернулся, и, хотя лицо его с такого расстояния казалось лишь бурым пятном, Анне показалось, будто старик осуждает ее появление в пустом доме, которому положено одиноко доживать свой век.

Пустое человеческое жилище всегда печально. Бочка для воды у порога рассохлась, из нее почему-то торчали забытые грабли, у собачьей конуры с провалившейся крышей лежал на ржавой цепочке полуистлевший ошейник.

Анна долго возилась с ключом, и, когда дужка сердито выскочила из пузатого тела замка, входная дверь поддалась тухо, словно кто-то придерживал ее изнутри. В сенях царила нежилая затхлость, луч солнца, проникнув в окошко под потолком, пронзил темный воздух, и в луче замельтешили вспугнутые пылинки.

Анна отворила дверь в теплую половину. Дверь была обита рыжей kleenкой, внизу было прикрытое фанерой отверстие, чтобы кошка могла выйти, когда ей вздумается. Анна вспомнила, как сидела на корточках, завидуя черной теткиной кошке, которой разрешалось гулять даже ночью. Воспоминание звякнуло, как колокольчик, быстро прижатый ладонью. На подоконнике в молочной бутылке стоял букет бумажных цветов. Из-под продавленного дивана выскочила мышь-полевка.

Отогнув гвозди, Анна растворила в комнате окна, распахнула ставни, потом перешла на кухню, отделенную от жилой комнаты перегородкой, не доходившей до потолка, и раскрыла окно там. При свете запустение стало более очевидным и грустным. В черной пасти русской печи Анна

нашла таз, в углу под темными образами — тряпку. Для начала следовало вымыть полы.

Натаскав из речки воды — одичавшие яблони в саду разрослись так, что приходилось проридаться сквозь ветки, — и вымыв полы, Анна поставила в бутылку букет ромашек, а бумажные цветы отнесла к божнице. Она совсем не устала — эта простая работа несла в себе приятное удовлетворение, а свежий запах мокрых полов сразу изгнал из дома сладковатый запах пыли.

Одну из привезенных с собой простынь Анна постелила на стол в большой комнате и разложила там книги, бумагу и туалетные принадлежности.

Теперь можно было и отдохнуть. То есть сходить за молоком в деревню, заодно навестить деда Геннадия и его жену Дарью.

Анна нашла на кухне целую кринку, вышла из дома, заперла по городской привычке дверь, постояла у калитки и пошла не вниз, к деревне, а к роще на вершине, потому что с тем местом была связана какая-то жуткая детская тайна, забытая двадцать лет назад.

Тропинка вилась среди редких кустов, у которых розовела земляника, и неожиданно Анна оказалась на вершине холма, в тени деревьев, разросшихся на старом, заброшенном кладбище. Серые плиты и каменные кресты утонули в земле, заросли орешником, и в углублениях между ними буйно цвели ландыши. Одна из плит почему-то стояла торчком, и Анна предположила, что здесь был похоронен колдун, который потом ожил и выкарабкался наружу.

Вдруг Анне показалось, что за ней кто-то следит. Внутри рощи было очень тихо — ветер не смел хозяйничать здесь, и древний кладбищенский страх вдруг овладел Анной и заставил, не оборачиваясь, быстро пойти вперед...

2

— Ты, конечно, прости, Аннушка, — сказал белобородый дед в дождевике и синей шляпе, — если я тебя испугал.

— Здравствуйте, дедушка Геннадий, — сказала Анна. Вряд ли кто-нибудь еще в деревне мог сразу признать ее.

Они стояли у каменной церкви с обвалившимся купо-

лом. Большая стрекоза спланировала на край кринки, которую Анна прижимала к груди, и заглянула внутрь.

— За молоком собралась? — спросил дед Геннадий.

— К вам.

— Молочка дадим. А я за лошадью пришел, сюда забрела. Откуда-то у нее стремление к покою. Клеопатрой ее зовут, городская, с ипподрома выбракованная.

— Тетя Магда вам писала?

— Она мне пишет. Ко всем праздникам. Я в Прудники ездил, возвращаюсь, а ты на крыльце стоишь. Выросла... В аспирантуру, значит, собираешься?

— Тетя и об этом написала?

Гнедая кобыла стояла по другую сторону церкви, грелась на солнце. Она вежливо коснулась зубами прятанутой ладони. Ее блестящая шкура пахла потом и солнцем.

— Обрати внимание, — сказал дед Геннадий, — храм семнадцатого века, воздвигнутый при Алексее Михайловиче, а фундамент значительно старше. Понимаешь? Сюда реставратор из Ленинграда приезжал. Васильев, Терентий Иванович, не знакома?

— Нет.

— Может, будут реставрировать. Или раскопки начнут. Тут на холме город стоял в средневековые времена. Земля буквально полна исторических тайн.

Дед торжественно вздохнул. Надвинул шляпу на глаза, хлопнул Клепу по шее, и та сразу пошла вперед. Анна поняла, что реставратор Васильев внес в душу Геннадия благородное смятение, открыв перед ним маниящие глубины веков.

Впереди шла Клеопатра, затем, жестикулируя, дед — дождевик его колыхался, как покрывало привидения. Он говорил, не оборачиваясь, иногда его голос пропадал, заглохнув в кустах. Речь шла об опустении рек и лесов, о том, что некий купец еще до революции возил с холма камень в Полоцк, чем обкрадывал культурное наследие, о том, что население этих мест смешанное, потому что сюда все кому не лень ходили, о том, что каждой деревне нужен музей... Темы были многочисленны и неожиданны.

Они спустились с пологой, противоположной от реки стороны холма и пошли вдоль ржаного поля, по краю которого росли васильки. Анна отставала, собирая цветы, потом догоняла деда и улавливала новую тему — о том,

что над Миорами летающая тарелка два дня висела, а на Луне возможна жизнь в подлунных вулканах... У ручья дед обернулся.

— Может, у нас поживешь? Чего одной в доме? Мы с Дарьей одни, беседовать будем.

— Мне и дома хорошо. Спасибо.

— Я и не надеялся, — легко согласился дед.

В доме деда Геннадия пришлось задержаться. Бабушка Дарья вскипятила чай, достала конфеты, а дед вынул из сапожной коробки и разложил на столе свой «музей», который он начал собирать после встречи с реставратором Васильевым. В «музее» были: фотографии деда двадцатых годов, банка из-под чая с черепками разной формы и возраста, несколько открыток с видом Полоцка и курорта Монте-Карло, покрытая патиной львиная голова с кольцом в носу — ручка от двери, подкова, кремневый наконечник копья, бутылочка от старинных духов и что-то еще. Коллекция была случайная, сорочья, бабушка Дарья отозвала Анну на кухню поговорить о родственниках, потом шепнула: «Ты не смейся, пускай балуется. А то пить начнет». Бабушка Дарья прожила с Геннадием полвека и все боялась, что он запьет.

3

Сумерки были наполнены звуками, возникающими от тишины и прозрачности воздуха. Голоса от колодца, женский смех, воркование телевизора, далеский гудок грузовика и даже перестук колес поезда в неимоверной залесной дали — все это было нужно для того, чтобы Анна могла как можно глубже осознать необъятность небес, блеск отражения луны в черной реке, непроницаемое молчание леса, всплеск вечерней рыбы и комариный звон.

Анна поднялась к дому и не спеша, улыбаясь при воспоминании о дедушкиной болтовне, открыла на этот раз покоренный замок. Держа его в одной руке, а кринку с парным молоком в другой, она вошла в темные сени, сделала шаг и неожиданно налетела на что-то твердое и тяжелое. Кринка выпала и грохнулась о пол, замок больно ударил по ноге. Анна вскрикнула, обхватила руками ло-

дыжку, и тут же из-за перегородки, отделявшей сени от холодной горницы, резкий мужской голос спросил:

— Ты что, Кин?

С чердака откликнулся другой, низкий:

— Я наверху.

Несмотря на жуткую боль, Анна замерла. Ее на мгновение посетила дикая мысль — она ошиблась домом. Но по эту сторону ручья только один дом. И она сама только что отперла его.

Часто заскрипели ступеньки узкой лестницы, ведущей на чердак. Скрипнула дверь.

Два фонаря вспыхнули одновременно. Анна зажмурилась.

Когда она открыла глаза, щурясь, увидела в сенях двух мужчин, посередине — большой желтый чемодан, облитый молоком. Молочная лужа растекалась по полу, в ней рыжими корабликами покачивались черепки кринки.

Один был молод, едва ли старше Анны, в строгом синем костюме, галстуке-бабочке, с выющиеся черными волосами и гусарским наглым взглядом. Второй, спустившийся с чердака, был постарше, массивней, плотней, лицо его было скуластым, темнокожим, на нем светлыми точками горели небольшие глаза. Одет он был в черный свитер и потертые джинсы.

Морщась от боли, Анна выпрямилась и спросила первой:

— Вы через окно влезли?

Мужчины держали в руках небольшие яркие фонарики.

— Что вы здесь делаете? — спросил скуластый бандит.

— Я живу здесь. Временно. — И, как бы желая сразить их наповал, Анна добавила: — Вот видите, я и пол вымыла.

— Пол? — спросил скуластый и посмотрел на лужу молока.

Анна была так зла, да и нога болела, что забыла об испуге.

— Если вам негде переночевать, — сказала она, — перейдите через ручей, в крайний дом. Там комната пустая.

— Почему это мы должны уходить? — спросил молодой.

— Вы что, хотите, чтобы я ушла?

— Разумеется. Вам здесь нечего делать.

— Но ведь это дом моей тетки, Магды Иванович.

— Это черт знает что, — сказал молодой. — Никакой тетки здесь быть не должно.

— Правильно! — воскликнула Анна, все более преисполняясь праведным гневом. — Тетки быть здесь не должно. Вас тоже.

— Мне кажется, — заявил скуластый бандит, — что нам надо поговорить. Не соблаговолите ли пройти в комнату?

Анна обратила внимание, что речь его была чуть старомодной, точно он получил образование в дореволюционной гимназии.

Не дожидаясь ответа, бандит толкнул дверь в горницу. Там было уютно. Диван был застелен, на столе лежали книги, частично английские, что сразу убеждало: в комнате обитает интеллигентный человек — то есть Анна Иванович.

Видно, эта мысль пришла в голову и бандиту, потому что его следующие слова относились не к Анне, а к спутнику.

— Жюль, — сказал он, — кто-то прошляпил.

Жюль подошел к столу, поднял английскую книжку, пошевелил губами, разбирая название, и заметил:

— Не читал.

Видно, хотел показать свою образованность. Возможно, он торговал иконами с иностранцами, занимался контрабандой и не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от свидетеля.

— Хорошо, — сказал скуластый бандит. — Не будем ссориться. Вы полагали, что дом пуст, и решили в нем пожить. Так?

— Совершенно верно. Я знала, что он пуст.

— Но вы не знали, что хозяйка этого дома сдала нам сюда на две недели. И получилось недоразумение.

— Недоразумение, — подтвердила Анна. — Я и есть хозяйка.

Гусар уселся на диван и принялся быстро листать книжку.

Вдали забрехала собака. В полуоткрытое окно влетел крупный мотылек и полетел к фонарику. Анна, хромая, подошла к столу и зажгла керосиновую лампу.

— Магда Федоровна Иванович, — сказал скуластый

бандит учительским голосом, — сдала нам этот дом на две недели.

— Когда вы видели тетю? — спросила Анна.

— Вчера, — ответил молодой человек, не отрываясь от книги. — В Минске.

Вранье, поняла Анна. Вчера утром она проводила тетку в Крым. Полжизни прожив в деревне, тетка полагала, что деревня — не место для отдыха. Экзотическая толкотня на ялтинской набережной куда более по душе ее романтической белорусской натуре... Они здесь не случайно. Их привела сюда продуманная цель. Но что им делать в этом доме? Чем серьезнее намерения у бандитов, тем безжалостнее они к своим жертвам — цель оправдывает средства. Как бы вырваться отсюда и добежать до деда?

— Пожалуй, — сказал задумчиво большой бандит, дотронувшись пальцем до кончика носа, — вы нам не поверили.

— Поверила, — сказала Анна, сжимаясь под его холодным взглядом. Чем себя и выдала окончательно. И теперь ей оставалось только бежать. Тем более что молодой человек отложил книгу, легко поднялся с дивана и оказался у нее за спиной. Или сейчас, или никогда. И Анна быстро сказала:

— Мне надо выйти. На улицу.

— Зачем? — спросил большой бандит.

Анна бросилась к полуоткрытыму окну, нырнула в него головой вперед, навстречу ночной прохладе, душистому аромату лугов и запаху горького дыма от лесного костра. Правда, эту симфонию она не успела оценить, потому что гусар втащил ее за ноги обратно в комнату. Анна стукнулась подбородком о подоконник, чуть не вышибла зубы и повисла — руками за подоконник, ноги на весу.

— Отпусти, — простонала Анна. Ей было очень больно.

В ее голосе был такой заряд ненависти и унижения, что скуластый бандит сказал:

— Отпусти ее, Жюль.

Выпрямившись, Анна сказала гусару:

— Этого я вам никогда не прошу.

— Вы рисковали. Там под окном крапива.

— Смородина, — сказала Анна.

— Вы чего не кричали? — деловито спросил скуластый бандит. — Тут далеко слышно.

— Я еще закричу, — сказала Анна, стараясь не заплакать.

— Сударыня, — сказал большой бандит, — успокойтесь. Мы не причиним вам зла.

— Тогда убирайтесь! — крикнула Анна визгливым голосом. — Убирайтесь немедленно из моего дома! — Она схватилась за челюсть и добавила сквозь зубы: — Теперь у меня рот не будет открываться.

Громоздкий бандит поглядел поверх ее головы и сказал:

— Жюль, погляди, нельзя ли снять боль?

Анна поняла, что убивать ее не будут, а Жюль осторожно и твердо взял ее за подбородок сухими тонкими пальцами и сказал, глядя ей в глаза своими синими гусарскими глазами:

— Неужели мы производим такое впечатление?

— Производите, — сказала Анна упрямо. — И вам придется вытереть пол в сенях.

— Это мы сделаем, — сказал Кин, старший бандит, подходя к окну. — И наверное, придется перенести решение на завтра. Сегодня все взволнованы и даже раздражены. Встанем пораньше...

— Вы все-таки намерены здесь ночевать? — сказала Анна.

— А куда же мы денемся?

Деваться в такое время было некуда.

— Тогда будете спать в холодной комнате. Только простынь у меня для вас нет.

— Обойдемся, — сказал Жюль. — Я возьму книжку с собой. Очень интересно. Завтра верну.

— Где половая тряпка? — спросил Кин.

— Я сейчас дам, — сказала Анна и прошла на кухню. Кин следом. Принимая тряпку, он спросил:

— Может, вас устроит денежная компенсация?

— Чтобы я уехала из своего дома?

— Скажем, тысяча рублей?

— Ого, я столько получаю за полгода работы.

— Значит, согласны?

— Послушайте, в деревне есть другие дома. В них живут одинокие бабушки. Это вам обойдется дешевле.

— К сожалению, — сказал Кин, — нас устраивает этот дом.

— Неужели под ним клад?

- Клад? Вряд ли. А две тысячи?
- За эти деньги вы можете купить здесь три дома. Не швыряйтесь деньгами. Или они государственные?
- Ирония неуместна, — строго сказал Кин, словно Анна училась у него в классе. — Деньги государственные.
- Слушайте, — сказала Анна, — мойте пол и идите спать.

4

Анне не спалось. За стеной тихо переговаривались незванные гости. В конце концов Анна не выдержала и выглянула в сени. Один из фонариков лежал на полке — матовый шарик свечей на сто. Импортная вещь, подумала Анна. Очень удобно в туристских походах. Чемоданов прибавилось. Их было уже три. Может, бандиты уже вселили подруг?

И в этот момент посреди прихожей с легким стуком возник блестящий металлический ящик примерно метр на метр. Тут же послышался голос гусара:

— Приехали.

Дверь в холодную комнату дрогнула и стала открываться. Анна мгновенно нырнула к себе.

Это было похоже на мистику, и ей, естественно, не нравилось. Вещи так просто из ничего не возникают, разве что в фантастических романах, которые Анна не терпела. Но читала, потому что они дефицитны.

Бандиты еще долго передвигали что-то в прихожей, бормотали и угомонились только часа в три. Тогда и Анна заснула.

Проснулась она не так, как мечтала в последние недели. То есть: слышны отдаленные крики петухов, мычание стада, бредущего мимо окон, птицы гомонят в ветвях деревьев, солнечные зайчики скачут по занавеске. Анна представила, как сбежит к речке и окунется в холодную прозрачную воду. Сосны взмахивают ветвями, глядя, как она плывет, распугивая серебряных мальков.

За стенкой зазвучали голоса, и сразу вспомнилась глупая вчерашняя история, из-за которой Анна расстроилась раньше, чем услышала пение петухов, мычание стада и веселый шорох листвы. Для того чтобы сбежать к речке и окунуться в весело бегущую воду, Анне нужно было прой-

ти через сени, где обосновались непрошеные соседи. И купаться расхотелось. Следовало поступить иначе — распахнуть дверь и хозяйствским голосом спросить: «Вы еще здесь? Сколько это будет продолжаться? Я пошла за милицией!» Но ничего подобного Анна не сделала, потому что была не причесана и не умыта. Тихо, стесняясь, что ее услышат, Анна пробралась на кухню, налила холодной воды из ведра в таз и совершила скромный туалет. Причесываясь, она поглядела в кухонное окно. Убежать? Глупо. А они будут бежать за мной по улице? Лучше подожду, пока зайдет дед Геннадий.

Находиться на кухне до бесконечности Анна не могла. Поэтому она разожгла плиту, поставила чайник и, подтянутая, строгая, вышла в сени.

Там стояло шесть ящиков и чемоданов, один из них был открыт, и гусар Жюль в нем копался. При скрипке двери он захлопнул чемодан и буркнулся:

— Доброе утро.

Его реакция подсказала Анне, что неприязнь взаимна, и это ее даже обрадовало.

— Доброе утро, — согласилась Анна. — Вы еще здесь?

Кин вошел с улицы. Мокрые волосы приклеились к лбу.

— Отличная вода, — сообщил он. — Давно так хорошо не купался. Вы намерены купаться?

С чего это у него хорошее настроение? — встревожилась Анна.

— Нет, — сказала она. — Лучше я за молоком схожу.

— Сходите, Аня, — сказал Кин миролюбиво.

Такого Анна не ожидала.

— Вы собрались уезжать? — спросила она недоверчиво.

— Нет, — сказал Кин. — Мы остаемся.

— Вы не боитесь, что я позову на помощь?

— Вы этого не сделаете, — улыбнулся Кин.

— Еще как сделаю! — возмутилась Анна. И пошла к выходу.

— Посуду возьмите, — сказал ей вслед гусар. — У вас деньги есть?

— Не нужны мне деньги.

Анна хлопнула дверью, вышла на крыльцо. Посуда ей была не нужна. Она шла не за молоком.

По реке вспыхивали блестки солнца, в низине у ручья зацепился клок тумана.

Дверь сзади хлопнула, вышел Кин с кастрюлей и письмом.

— Аня, — сказал он отеческим голосом, — письмо вам.

— От кого? — спросила Анна, покорно принимая кастрюлю.

— От вашей тети, — сказал Кин. — Она просила передать...

— Почему вы не показали его вчера?

— Мы его получили сегодня, — сказал Кин.

— Сегодня? Где же ваш вертолет?

— Ваша тетушка, — не обратил внимания на иронию Кин, — отдыхающая в Крыму, просила передать вам большой привет.

Анна прижала кастрюлю к боку и развернула записку.

«Аннушка! — было написано там. — Кин Владимирович и Жюль обо всем со мной договорились. Ты их не обижай. Я им очень обязана. Пускай поживут в доме. А ты, если хочешь, у деда Геннадия. Он не откажется. Мы с Миленой доехали хорошо. Прутиков встретил. Погода теплая. Магда».

Кин стоял, чуть склонив голову, и наблюдал за Анной.

— Чепуха, — сказала она. — Это вы сами написали.

— И про Миленку мы написали? И про Прутикова?

— Сколько вы ей заплатили?

— Сколько она попросила.

Тетя была корыстолюбива, а если они перед ее носом помахали тысячью рублей... тогда держись! Но как же они это сделали?

— Сегодня утром? — переспросила Анна.

— Да. Мы телеграфировали нашему другу в Крым вчера ночью. На рассвете оно прибыло сюда самолетом.

Письмо было настоящим, но Анна, конечно, не поверила, что все было сделано именно так.

— У вас и рация своя есть? — спросила Анна.

— Вам помочь перенести вещи? — спросил Кин.

— Не надейтесь, — сказала она. — Я не сдамся. Мне плевать, сколько еще писем вы притащите от моей тетушки. Если вы попробуете меня убить или вытащить силой, я буду сопротивляться.

— Ну зачем так, — скорбно сказал Кин. — Наша

работа, к сожалению, не терпит отлагательства. Мы просим вас освободить этот дом, а вы ведете себя как ребенок.

— Потому что я оскорблена, — сказала Анна. — И упрямая.

— Никто не хотел вас оскорблять. Для нас встреча с вами была неприятной неожиданностью. Специфика нашей работы такова, что нам нежелательно привлекать к себе внимание, — сказал Кин. Глаза у него были печальными.

— Вы уже привлекли, — сказала Анна, — мое внимание. Вам ничего не остается, как рассказать мне, чем вы намерены заниматься.

— Но может, вы уедете? Поверьте, так всем будет лучше.

— Нет, — сказала Анна. — Подумайте, а я пошла купаться. И не вздумайте выкидывать мои вещи или запирать дверь.

Вода оказалась в меру прохладной, и, если бы не постоянно кипевшее в Анне раздражение, она бы наслаждалась. Доплы whole до середины реки, она увидела, как далеко отнесло ее вниз по течению, повернула обратно и потратила минут пятнадцать, чтобы выплыть к тому месту, где оставила полотенце и книгу.

Выбравшись на траву, сбегавшую прямо к воде, Анна улеглась на полотенце, чтобы позагорать. Как назло, ничего хорошего из этого не вышло — несколько нахальных слепней налетели как истребители, и Анна расстроилась еще более.

— Простите, — сказал Кин, присаживаясь рядом на траву.

— Я вас не звала, — буркнула Анна.

— Мы посоветовались, — сказал Кин, — и решили вам кое-что рассказать.

— Только не врать, — сказала Анна.

— Нет смысла. Вы все равно не поверите. — Кин с размаху шлепнул себя по шее.

— Слепни, — сказала Анна. — Здесь, видно, коровы пасутся.

Она села и накрыла плечи полотенцем.

— Мы должны начать сегодня, — сказал Кин. — Каждая минута стоит бешеных средств.

— Так не тратьте их понапрасну.

— Меня утешает лишь то, что вы неглупы. И отзывы о вас в институте положительные. Правда, вы строптивы...

— Вы и в институте успели?

— А что делать? Вы — неучтенный фактор. Наша вина. Так вот, мы живем не здесь.

— Можно догадаться. На Марсе? В Америке?

— Мы живем в будущем.

— Как трогательно! А в чемоданах — машина времени?

— Не иронизируйте. Это — ретрансляционный пункт. Нас сейчас интересует не двадцатый век, а тринадцатый. Но, чтобы попасть туда, мы должны сделать остановку здесь.

— Я всегда думала, что путешественники во времени — народ скрытный.

— Попробуйте поделиться тайной с друзьями. Кто вам поверит?

Кин отмахнулся от слепня. Пышное облако наползло на солнце, и сразу стало прохладно.

— А почему я должна вам верить? — спросила Анна.

— Я скажу, что нам нужно в тринадцатом веке. Это, конечно, невероятно, но заставит вас задуматься...

Анне вдруг захотелось поверить. Порой в невероятное верить легче, чем в обыкновенные объяснения.

— И в каком вы живете веке?

— Логичный вопрос. В двадцать седьмом. Я продолжу?

В тринадцатом веке на этом холме стоял небольшой город Замошье. Лоскуток в пестром одеяле России. К востоку лежали земли Полоцкого княжества, с запада и юга жили литовцы, летты, самогиты, ятвяги и другие племена и народы. Некоторые существуют и поныне, другие давно исчезли. А еще дальше, к западу, начинались владения немецкого ордена меченосцев.

— Вы археологи?

— Нет. Мы должны спасти человека. А вы нам мешаете.

— Неправда. Спасайте. И учтите, что я вам пока не верю. И зачем забираться в средневековье? Кого спасать? Он тоже путешественник?

— Нет, он гений.

— А вы откуда знаете?

— Наша специальность — искать гениев.

— А как его звали?

- Его имя — Роман. Боярин Роман.
- Никогда не слышала.
- Он рано погиб. Так говорят летописи.
- Может, летописцы все придумали?
- Летописцы многоного не понимали. И не могли придумать.
- Что, например?
- Например, то, что он использовал порох при защите города. Что у него была типография... Это был универсальный гений, который обогнал свое время.
- Если он погиб, как вы его спасете?
- Мы возьмем его к себе.
- И вы хотите, чтобы он не погиб, а продолжал работать и изобрел еще и микроскоп? А разве можно вмешиваться в прошлое?
- Мы не будем вмешиваться. И не будем менять его судьбу.
- Так что же?
- Мы возьмем его к себе в момент смерти. Это не окажет влияния на ход исторических событий.
- Не могу поверить. Да и зачем это вам?
- Самое ценное на свете — мозг человека. Гении так редки, моя дорогая Анна...
- Но он же жил тысячу лет назад! Сегодня любой первоклассник может изобрести порох.
- Заблуждение. Человеческий мозг развит одинаково уже тридцать тысяч лет. Меняется лишь уровень образования. Сегодня изобретение пороха не может быть уделом гения. Сегодняшний гений должен изобрести...
- Машину времени?
- Скажем, машину времени... Но это не значит, что его мозг совершенней, чем мозг изобретателя колеса или пороха.
- А зачем вам изобретатель пороха?
- Чтобы он изобрел что-то новое.

5

Облака, высокие, темные с изнанки, освободили солнце, и оно снова осветило берег. Но цвет его изменился — стал тревожным и белым. И тут же хлынул дождь, хлестнул по тростнику, по траве. Анна подхватила книгу и,

закрывая голову полотенцем, бросилась к яблоням. Кин в два прыжка догнал ее, и они прижались спинами к корявшему стволу. Капли щелкали по листьям.

— А если он не захочет? — спросила Анна.

Кин вдруг засмеялся.

— Вы мне почти поверили, — сказал он.

— А не надо было верить? — Ее треугольное, сходящееся к ямке на крепком остром подбородке лицо покраснело, отчего волосы казались еще светлее.

— Это замечательно, что вы поверили. Мало кто может похвастаться таким непредвзятым восприятием.

— Такая я, видно, дура.

— Наоборот.

— Ладно, спасибо. Вы все-таки лучше скажите, зачем вам лезть за гением в тринадцатый век? Что, поближе не оказалось?

— Во-первых, гениев мало. Очень мало. Во-вторых, не каждого мы можем взять к себе. Он должен быть не стар, потому что с возрастом усложняется проблема адаптации, и, главное, он должен погибнуть случайно или трагически... без следа. На похоронах Леонардо да Винчи присутствовало много людей.

— И все-таки — тринадцатый век!

Дождь иссякал, капли все реже били по листьям.

— Вы не представляете, что такое перемещение во времени...

— Совершенно не представляю.

— Я постараюсь примитивно объяснить. Время — объективная физическая реальность, оно находится в постоянном поступательном движении. Движение это, как и движение некоторых иных физических процессов, осуществляется по спирали.

Кин опустился на корточки, подобрал сухой сучок и нарисовал на влажной земле спираль времени

В БУДУЩЕЕ

ИЗ ПРОШЛОГО

— Мы с вами — частички, плывущие в спиральном потоке, и ничто в мире не в силах замедлить или ускорить это

движение. Но существует другая возможность — двигаться прямо, вне потока, как бы пересекая виток за витком.

Кин, не вставая, нарисовал стрелку рядом со спиралью.

В БУДУЩЕЕ

ИЗ ПРОШЛОГО

Затем он поднял голову, взглянул на Анну, чтобы убедиться, поняла ли она. Анна кивнула.

Кин выпрямился и задел ветку яблони — на него посыпались брызги. Он тряхнул головой и продолжал:

— Трудность в том, что из любого конкретного момента в потоке времени вы можете попасть только в соответствующий момент предыдущего временного витка. А продолжительность витка более семисот лет. Очутившись в предыдущем или последующем витке, мы тут же вновь попадаем в поток времени и начинаем двигаться вместе с ним. Допустим, что приблизительно двадцатому июля 2745 года соответствует двадцатое июля 1980 года. Или берем следующий виток, двадцатое июля 1215 года, или следующий виток, двадцатое июля 540 года. Поглядите. — Кин дополнил рисунок датами:

2745
1980
1215

В БУДУЩЕЕ

ИЗ ПРОШЛОГО

— Теперь вы понимаете, почему мы не можем откладывать нашу работу? — спросил он.

Анна не ответила.

— Мы несколько лет готовились к переходу в 1215 год, давно ждали, когда момент смерти боярина Романа совпадет с моментом на нашем витке времени. Город Замошье падет через три дня в 1215 году. И через три дня погибнет неизвестный гений тринадцатого века. Если мы не сделаем все в три дня, обо всей операции надо будет забыть. Навсегда. А тут вы...

— Я же не знала, что вам помешаю.

- Никто вас не винит.
- А почему нельзя прямо в тринадцатый век?
- К сожалению, нельзя пересечь сразу два витка времени. На это не хватит всей энергии Земли. Мы должны остановиться и сделать промежуточный пункт здесь, в двадцатом веке.
- Пошли домой, — сказала Анна. — Дождь кончился. Она посмотрела на спираль времени, нарисованную на влажной бурой земле. Рисунок был прост и обыден. Но он был нарисован человеком, который еще не родился.
- Они пошли к дому. Облака уползли за лес. Парило.
- Значит, нас разделяет семьсот лет, — сказала Анна.
- Примерно. — Кин отвел ветку яблони, чтобы Анне не надо было наклоняться. — Это хорошо, потому что такая пропасть времени делает нашу с вами связь эфемерной. Даже если бы вы захотели узнать, когда умрете, а это естественный вопрос, я бы ответить на него не смог. Слишком давно.
- Вам задавали такие вопросы?
- Мы не должны говорить об этом. Но такие случаи уже были и не нарушили эксперимента. Временная система стабильна и инерционна. Это же море, поглощающее смерчи...
- Я жила давно... — подумала Анна вслух. — Для вас я ископаемое. Ископаемое, которое жило давно. Мамонт.
- В определенной степени, да. — Кин не хотел шадить ее чувств. — Для меня вы умерли семьсот лет назад.
- Вы в этом уверены?
- Уверен. Хоть и не видел вашей могилы.
- Спасибо за прямоту... Я была вчера на кладбище. Там, на холме. Я могу оценить величину этой пропасти.
- Мы хотим пересечь ее.
- И забрать оттуда человека? А если он будет несчастен?
- Он гениален. Гений адаптабелен. У нас есть опыт.
- Вы категоричны.
- К сожалению, я всегда сомневаюсь. Категоричен Жюль. Может, потому что молод. И не историк, а в первую очередь физик-временщик.
- Вы историк?
- У нас нет строгого деления на специальности. Мы умеем многое.

— Хотя в общем вы не изменились.

— Антропологический тип человека остался прежним. Мы далеко не все красивы и не все умны.

— Во мне просыпаются вопросы, — сказала Анна, остановившись у крыльца.

Кин вынул грабли из бочки и приставил к стене.

— Разумеется, — сказал он. — Об обитаемости миров, о социальном устройстве, о войнах и мире... Я не отвечу вам, Анна. Я ничего не могу вам ответить. Хотя, надеюсь, сам факт моего прилета сюда уже оптимистичен. И то, что мы можем заниматься таким странным делом, как поиски древних мудрецов...

— Это ничего не доказывает. Может, вы занимаетесь поисками мозгов не от хорошей жизни.

— При плохой жизни не хватает энергии и времени для таких занятий. А что касается нехватки гениев...

В калитке возник дед Геннадий с кринкой в руке.

— Здравствуй, — сказал он, будто не замечая Кина, который стоял к нему спиной. — Ты что за молоком не пришла?

— Познакомьтесь, — сказала Анна. — Это мои знакомые приехали.

Кин медленно обернулся.

6

Лицо Кина удивительным образом изменилось. Оно вытянулось, обвисло, собралось в морщины и сразу постарело лет на двадцать.

— Геннадий... простите, запамятовал.

— Просто Геннадий, дед Геннадий. Какими судьбами? А я вот вчера еще Анне говорил: реставратор Васильев, человек известный, обещал мне, что не оставит без внимания наши места по причине исторического интереса. Но не ожидал, что так скоро.

— Ага, — тихо сказала Анна. — Разумеется. Васильев. Известный реставратор из Ленинграда.

И в этом, если вдуматься, не было ничего странного: конечно, они бывали здесь раньше, вынюхивали, искали место для своей машины. Серьезные люди, большие ставки. А вот недооценили дедушкиной страсти к истории.

— И надолго? — спросил дед Геннадий. — Сейчас ко

мне пойдем, чаю попьем, а? Как семья, как сотрудники? А я ведь небольшой музей уже собрал, некоторые предметы, имеющие научный интерес.

— Обязательно, — улыбнулся Кин очаровательной гримасой уставшего от постоянной реставрации, от поисков и находок великого человека. — Но мы ненадолго, проездом Аню навестили.

— Навестили, — эхом откликнулась Анна.

— Правильно, — согласился дед, влюбленно глядя на своего кумира, — я сейчас мой музей сюда принесу. Вместе посмотрим и выслушаем ваши советы.

Кин вдруг обратил на Анну умоляющий взгляд: спасайте!

— Не бесплатно, — сказала Анна одними губами, отвернувшись от зоркого деда. — Мы погодя зайдем, — сказала она. — Вместе зайдем, не надо сюда музей нести, можно помять что-нибудь, сломать...

— Я осторожно, — сказал дед. — Вы, конечно, понимаете, что мой музей пока не очень велик. Я некоторые кандидатуры на местах оставляю. Отмечаю и оставляю. Мы с вами должны на холм сходить, там я удивительной формы крест нашел, весь буквально кружевной резьбы, принадлежал купцу второй гильдии Сумарокову, супруга и чада его сильно скорбели в стихах.

Анна поняла, что и она бессильна перед напористым дедом. Спасение пришло неожиданно. В сенях скрипнуло, дверь отворилась. Обнаружился Жюль в кожанке. Лицо изуродовано половоцкими усами.

— Терентий Иванович, — сказал он шоферским голосом, — через пятнадцать минут едем. Нас ждать не будут. — Он снисходительно кивнул деду Геннадию, и дед оробел, потому что от Жюля исходила уверенность и небрежность занятого человека.

— Да, конечно, — согласился Кин. — Пятнадцать минут.

— Успеем, — сказал дед быстро. — Успеем. Поглядим. А машина пускай ко мне подъедет. Где она?

— Там, — туманно взмахнул рукой Жюль.

— Ясно. Значит, ждем. — И дед с отчаянным вдохновением потащил к калитке реставратора Васильева, сомнительного человека, которому Анна имела неосторожность почти поверить.

«Интересно, как вы теперь выпутаетесь!» Анна смотрела им вслед. Две фигурки — маленькая, в шляпе, до-ждевике, и высокая, в джинсах и черном свитере, — спешили под откос. Дед размахивал руками, и Анна представила, с какой страстью он излагает исторические сведения, коими начинен сверх меры.

Она обернулась к крыльцу. Жюль держал в руке длинные усы.

— Я убежден, что все провалится, — сообщил он. — Вторая накладка за два дня. Я разнесу группу подготовки. По нашим сведениям, дед Геннадий должен был на две недели уехать к сыну.

— Могли у меня спросить.

— Кин вел себя как мальчишка. Не заметить старика. Не успеть принять мер! Теряет хватку. Он вам рассказал?

— Частично, мой отдаленный потомок.

— Исключено, — сказал Жюль. — Я тщательно подбирал предков.

— Что же будет дальше?

— Будем выручать, — сказал Жюль и нырнул в дверь.

Анна присела на порог, отпила из кринки — молоко было парное, душистое. Появился Жюль.

— Не забудьте приkleить усы, — сказала Анна.

— Останетесь здесь, — сказал Жюль. — Никого не пускать.

— Слушаюсь, мой генерал. Молока хотите?

— Некогда, — сказал Жюль.

Анне было видно, как он остановился перед калиткой, раскрыл ладонь — на ней лежал крошечный компьютер — и пальцем левой руки начал нажимать на кнопки.

Склон холма и лес, на фоне которых стоял Жюль, заколебались и начали расплываться, их словно заволакивало дымом. Дым сгущался, принимая форму куба. Вдруг Анна увидела, что перед калиткой на улице возникло объемное изображение газика. Анна отставила кринку. Газик казался настоящим, бока его поблескивали, а к радиатору приклеился березовый листок.

— Убедительно, — сказала Анна, направляясь к калитке. — А зачем вам эта голограмма? Деда этим не проведешь.

Жюль отворил дверцу и влез в кабину.

— Так это не голограмма? — тупо спросила Анна.

— И не гипноз, — сказал Жюль.

Вспомнив о чем-то, он высунулся из машины, провел рукой вдоль борта. Появились белые буквы: «Экспедиционная».

— Вот так, — сказал Жюль и достал ключи из кармана. Включил зажигание. Машина заурчала и заглохла.

— А, чтоб тебя! — проворчал шофер. — Придется толкать.

— Я вам не помощница, — сказала Анна. — У вас колеса земли не касаются.

— А я что говорил, — согласился Жюль.

Машина чуть осела, покачнулась и на этот раз зависла. Набирая скорость, газик покатился по зеленому откосу к броду.

Анна вышла из калитки. На земле были видны рубчатые следы шин.

— Очевидно, они из будущего, — сказала Анна сама себе. — Пойду приготовлю обед.

Лжереставраторы вернулись только через час. Пришли пешком с реки. Анна уже сварила лапшу с мясными консервами.

Она услышала их голоса в прихожей. Через минуту Кин заглянул на кухню, потянул носом и сказал:

— Прекрасно, что сообразила. Я смертельно проголодался.

— Кстати, — сказала Анна. — Моих продуктов на долго не хватит. Или привозите из будущего, или доставайте где хотите.

— Жюль, — сказал Кин, — будь любезен, занеси сюда продукты.

Явился мрачный Жюль, водрузил на стол объемистую сумку.

— Мы их приобрели на станции, — сказал Кин. — Дед полагает, что мы уехали.

— А если он придет ко мне в гости?

— Будем готовы и к этому. К сожалению, он преклоняется перед эрудицией реставратора Васильева.

— Ты сам виноват, — сказал Жюль.

— Ничего, когда Аня уйдет, она запрет дом снаружи. И никто не догадается, что мы остались здесь.

— Не уйду, — сказала Анна. — Жюль, вымой тарелки, они на полке. Я в состоянии вас шантажировать.

— Вы на это не способны, — сказал Кин отнюдь не убежденно.

— Любой человек способен. Если соблазн велик. Вы меня поманили приключением. Может, именно об этом я мечтала всю жизнь. Если вам нужно посоветоваться со старшими товарищами, валяйте. Вы и так мне слишком много рассказали.

— Это немыслимо, — возмутился Кин.

— Вы плохой психолог.

— Я предупреждал, — сказал Жюль.

Обед прошел в молчании. Все трое мрачно ели лапшу, запивали молоком и не смотрели друг на друга, словно перессорившиеся наследники в доме богатой бабушки.

Анна мучилась раскаянием. Она понимала, что и в самом деле ведет себя глупо. Сама ведь не выносишь, когда невежды суют нос в твою работу, и, если в тебе есть хоть капля благородства, ты сейчас встанешь и уйдешь... Впрочем, нет, не сейчас. Чуть позже, часов в шесть, ближе к поезду. Надо незаметно ускользнуть из дома, не признавая открыто своего поражения... И всю жизнь мучиться, что отказалась от уникального шанса?

Кин отложил ложку, молча поднялся из-за стола, вышел в сени, что-то там уронил. Жюль поморщился. Наступила пауза.

Кин вернулся со стопкой желтоватых листков. Положил их на стол возле Анны. Потом взял тарелку и отправился на кухню за новой порцией лапши.

— Что это? — спросила Анна.

— Кое-какие документы. Вы ничего в них не поймете.

— Зачем тогда они мне?

— Чем черт не шутит! Раз уж вы остаетесь...

Анна чуть было не созналась, что уже решила уехать. Но нечаянно ее взгляд встретился со злыми глазами гусара. Жюль не скрывал своей неприязни.

— Спасибо, — сказала Анна небрежно. — Я почитаю.

Гости занимались своими железками. Было душно. Собиралась гроза. Анна расположилась на диване, поджала ноги. Желтые листочки были невелики, и текст напечатан убористо, четко, чуть выпуклыми буквами.

Сначала латинское название.

Bertholdi Chronicon Lyvoniae, pag. 29,
Monumenta Lyvoniae, VIII, Rigae, 1292.

...Рыцарь Фридрих и пробст Иоганн подали мнение: необходимо, сказали они, сделать приступ и, взявши город Замош, жестоко наказать жителей для примера другим. Ранее при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого у остальных нет должного страха. Порешим же: кто из наших первым взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника. Вероломного князя, врага христианской церкви, мы вознесем выше всех на самом высоком дереве. И казним жестоко его слугу, исчадие ада, породителя огня.

И русы выкатили из ворот раскаленные колеса, которые разбрасывали по сторонам обжигающий огонь, чтобы зажечь осадную башню от пламени. Между тем ландмейстер Готфрид фон Гольм, неся стяг в руке, первым взобрался на вал, а за ним последовал Вильгельм Оге, и, увидев это, остальные ратники и братья спешили взойти на стену первыми, одни поднимали друг друга на руки, а другие бились у ворот...

Рядом с этим текстом Анна прочла небрежно, наискось от руки приписанное: «Перевод с первой публикации. Рукопись Бертольда Рижского найдена в отрывках, в конволюте XIV в., в Мадридской биб-ке. Запись отн. к лету 1215. Горский ошибочно идентифицировал Замошье с Изборском. См. В. И. 12.1990, стр. 36. Без сомнения, единственное упоминание о Замошье в орденских источниках. Генрих Латв. молчит. Псковский летописец под 1215 краток: «Того же лета убиша многих немцы в Литве и Замошье, а город взяша». Татищев, за ним Соловьев сочли Замошье литовской волостью. Янин выражал сомнение в 80-х гг.».

На другом листке было что-то непонятное:

Дорога дорог

Abmajorem Deum gloriam. Во имя Гермия Трижды Величайшего. Если хочешь добывать Меркурий из Луны, сделай наперед крепкую воду из купороса и селитры, взявши их поровну, сольвируй Луну обыкновенным способом, дай осесть в простой воде, вымой известь в чистых водах, высуши, опусти в сосуд плоскодонный, поставь в печь кальцинироваться в умеренную теплоту, какая потребна для Сатурна, чтобы расплавиться, и по прошествии трех недель Луна взойдет, и Меркурий будет разлучен с Землею.

Тем же быстрым почерком сбоку было написано: «За полвека до Альберта и Бэкона». Что же сделали через полвека Альберт и Бэкон, Анне осталось неведомо.

Зря она тратит время. Наугад Анна вытянула из пачки еще один листок.

Из отчета западнодвинского отряда

Городище под названием Замошье расположено в 0,4 км к северо-западу от дер. Полуденки (Мирский р-н) на высоком крутом (до 20 м) холме на левом берегу р. Вятла (левый приток Западной Двины). Площадка в плане неправильной овальной формы, ориентирована по линии север — юг с небольшим отклонением к востоку. Длина площадки 136 м, ширина в северной половине 90 м, в южной — 85 м. Раскопом в 340 кв. м вскрыт культурный слой черного, местами темно-серого цвета мощностью 3,2 м ближе к центру и 0,3 м у края. Насыщенность культурного слоя находками довольно значительная. Обнаружено много фрагментов лепных сосудов: около 90% слабопрофилированных и баночных форм, характерных для днепродвинской культуры, и штрихованная керамика (около 10%), а также несколько обломков керамики XII в. Предварительно выявлены три нижних горизонта: ранний этап днепродвинской культуры, поздний этап той же культуры и горизонт третьей четверти I

тысячелетия нашей эры (культура типа верхнего слоя башмачковского городища).

В конце XII — начале XIII в. здесь возводится каменный одностолпный храм и ряд жилых сооружений, которые погибли в результате пожара. Исследования фундамента храма, на котором в XVIII в. была построена кладбищенская церковь, будут продолжены в следующем сезоне. Раскопки затруднены вследствие нарушения верхних слоев кладбищем XVI-XVIII вв.

(«Археологические открытия 1989 г.», стр. 221)

Отчет был понятен. Копали — то есть будут копать — на холме. Анна положила листки на стол. Ей захотелось снова подняться на холм. В сенях был один Жюль.

— Хотите взглянуть на машину времени? — спросил он.

— Вы на ней приехали?

— Нет, установка нужна только на вводе. Она бы здесь не поместилась.

Жюль провел Анну в холодную комнату. Рядом с кроватью стоял металлический ящик. Над ним висел черный шар. Еще там было два пульта. Один стоял на стуле, второй — на кровати. В углу — тонкая высокая рама.

— И это все? — спросила Анна.

— Почти. — Жюль был доволен эффектом. — Вам хочется, чтобы установка была на что-то похожа? Люди не изобретательны. Во всех демонах и ведьмах угадывается все тот же человек. А вот кенгуру европейская фантазия придумать не смогла.

— А спать вы здесь будете? — спросила Анна.

— Да, — ответил невинно Жюль. — Чтобы вы не забрались сюда ночью и не отправились в прошлое или будущее. А то ищи вас потом в татарском гареме.

— Придется разыскивать, — сказала Анна. — Хуже будет, если увлекусь своим прадедушкой.

— Банальный парадокс, — сказал Жюль. — Витки времени так велики, что эффект нивелируется.

— А где Кин?

— На холме.

— Не боится деда?

— Больше он не попадется.

— Я тоже пойду погляжу. Заодно спрошу кое о чем.

Анна поднималась по тропинке, стараясь понять, где стояла крепостная стена. Вершина холма почти плоская, к лесу и ручью идут пологие склоны, лишь над рекой берег обрывается круто. Значит, стена пройдет по обрыву над рекой, а потом примерно на той же высоте вокруг холма.

Еще вчера город был абстракцией, потонувшей в бездне времени. А теперь? Если я, размышляя Анна, давно умершая для Кина с Жюлем, все-таки весьма жива, даже малость вспотела от липкой предгрозовой жары, то, значит, и гениальный Роман тоже сейчас жив. Он умрет через два дня и об этом пока не подозревает.

Анна увидела неглубокую лощину, огибавшую холм. Настолько неглубокую, что, если бы Анна не искала следов города, то и не догадалась бы, что это остатки рва. Анна нашла во рву рваный валенок и консервную банку, увернулась от осы и решила подняться на кладбище, в тень, потому что через полчаса из этого пекла должна созреть настоящая гроза.

В редкой тени крайних деревьев было лишь чуть прохладней, чем в поле. Стоило Анне остановиться, как из кустов вылетели отряды комариных камикадзе. В кустах зашуршало.

— Это вы, Кин?

Кин вылез из чащи. На груди у него висела фотокамера, недорогая, современная.

— Ах, какие вы осторожные! — сказала Анна, глядя на камеру.

— Стараемся. Прочли документы?

— Не все. Кто такой Гермий Трижды Величайший?

— Покровитель алхимии. Этот отчет об опыте — липа. Его написал наш Роман.

— А чего там интересного?

— Этого метода выделения ртути тогда еще не знали. Он описывает довольно сложную химическую реакцию.

Налетел порыв ветра. Гроза предупреждала о своем приближении.

— С чего начнем? — спросила Анна.

— Поглядим на город. Просто поглядим.

— Вы знаете Романа в лицо?

— Конечно, нет. Но он строил машины и делал порох.

Кин вошел в полумрак церкви. Анна за ним. В куполе была дыра, и сквозь нее Анна увидела клок лиловой тучи.

В церкви пахло пыльным подвалом, на стене сохранились фрески. Святые старцы равнодушно смотрели на людей. Ниже колен фрески были стерты. Казалось, будто старцы стоят в облаках.

Первые капли ударили по крыше. Они падали сквозь отверстие в куполе и выбивали на полу фонтанчики пыли. Анна выглянула наружу. Листва и камни казались неестественно светлыми.

— Справа, где двойной дуб, были княжеские хоромы. От них ничего не сохранилось, — сказал Кин.

Дождь рухнул с яростью, словно злился оттого, что люди не попались ему в чистом поле.

— Это были необычные княжества, — сказал Кин. — Форпосты России, управлявшиеся демографическими излишками княжеских семей. Народ-то здесь был большей частью не русский. Вот и приходилось лавировать, искать союзников, избегать врагов. И главного врага — немецкий орден меченосцев. Их центр был в Риге, а замки — по всей Прибалтике.

Из зарослей вышла Клеопатра и уверенно зашагала к церкви, видно, надеясь укрыться. Увидев людей, она покрутилась.

— Отойдем, — сказала Анна. — У нас целая церковь на двоих.

— Правильно, — согласился Кин. — Она догадается?

Лошадь догадалась. Кин и Анна сели на камень в дальнем углу, а Клепа вежливо остановилась у входа, подрагивая кожей, чтобы стряхнуть воду. Посреди церкви, куда теперь лился из дырявого купола неширокий водопад, темное пятно воды превратилось в лужу, которая, как чернильная клякса, выпускала щупальца. Один ручеек добрался до ног Анны.

— А вам не страшно? — спросила она. — Разговаривать с ископаемой женщиной?

— Опять? Впрочем, нет, не страшно. Я привык.

— А кто из гениев живет у вас?

— Вы их не знаете. Это неизвестные гении.

— Мертвые души?

— Милая моя, подумайте трезво. Гений — понятие статистическое. В истории человечества они появляются регулярно, хотя и редко. Но еще двести лет назад средняя продолжительность жизни была не более тридцати лет

даже в самых развитых странах. Большинство детей умирали в младенчестве. Умирали и будущие гении. Эпидемии опустошали целые континенты — умирали и гении. Общественный строй обрекал людей, имевших несчастье родиться с рабским ошейником, на такое существование, что гений не мог проявить себя... В войнах, в эпидемиях, в массовых казнях, в темницах гении погибали чаще, чем обыкновенные люди. Они отличались от обыкновенных людей, а это было опасно. Гении становились еретиками, бунтовщиками... Гений — очень хрупкое создание природы. Его надо беречь и лелеять. Но никто этим не занимался. Даже признанный гений не был застрахован от ранней смерти. Привычно говорить о гениальности Пушкина. На поведение Дантеса это соображение никоим образом не влияло.

— Я знаю, — сказала Анна. — Даже друзья Пушкина Карамзины осуждали его. Многие считали, что Дантес был прав.

Клепа подошла поближе, потому что подул ветер и стрелы дождя полетели в раскрытую дверь. Клепа нервно шевелила ноздрями. Громыхнул гром, потом еще. Анна увидела, как проем купола высутился молнией. Кин тоже посмотрел наверх.

— Но почему вы тогда не выкрадываете гениев в младенчестве?

— А как догадаться, что младенец гениален? Он ведь должен проявить себя. И проявить так, чтобы мы могли отважиться на экспедицию в прошлое, а такая экспедиция требует столько энергии, сколько сегодня вырабатывают все электростанции Земли за год. А это не так уж мало. Даже для нас.

Лошадь, прядая ушами, переступала с ноги на ногу. Молнии врезались в траву прямо у входа. Церковь была надежна и тверда.

— Нет, — пробормотал Кин, — мы многое не можем.

— Значит, получается заколдованный круг. Гений должен быть безвестен. И в то же время уже успеть что-то сделать.

— Бывали сомнительные случаи. Когда мы почти уверены, что в прошлом жил великий ум и можно бы его достать, но... есть сомнения. А иногда мы знаем наверняка, но виток не соответствует. И ничего не поделаешь.

- Тогда вы обращаетесь в будущее?
- Нет. У нас нет связи со следующим витком.
- Там что-нибудь случится?
- Не знаю. Там барьер. Искусственный барьер.
- Наверное, кто-то что-то натворил.
- Может быть. Не знаю.

8

Анна вдруг расстроилась. Кажется, какое тебе дело до того, что случится через тысячу лет? И ведь ей никогда не узнать, что там произошло...

Ветер стих, дождь утихомирился, лил спокойно, выполняя свой долг, помогая сельскому хозяйству.

— А в наше время, — спросила Анна, — есть кандидатуры?

— Разумеется, — сказал Кин. Видно, не подумав, что делает, он провел в воздухе рукой, и ручеек, совсем было добравшийся до ног Анны, остановился, словно натолкнувшись на стеклянную запруду. — Двадцатый век, милая Аня, такой же убийца, как и прочие века. Если хотите, я вам зачитаю несколько коротких справок. По некоторым из них мы не решились принимать мер...

«А по некоторым?» — хотела спросить Анна. Но промолчала. Вернее всего, он не ответит. И будет прав.

— Это только сухие справки. Разумеется, в переводе на ваш язык...

— По-моему, вы изъясняетесь на языке двадцатого века. А... большая разница?

— Нет, не настолько, чтобы совсем не понять. Но много новых слов. И язык лаконичнее. Мы живем быстрее. Но, когда попадаем в прошлое, мы свой язык забываем. Так удобнее. Хотите услышать о гениях, которых нет?

— Хочу.

Кин коротко вздохнул и заговорил, глядя себе под ноги. Голос его изменился, стал суще. Кин читал текст, невидимый его слушательнице. Дождь моросил в тон голосу.

— «Дело 12-а-56. Маун Маун Ко. Родился 18 мая 1889 года в деревне Швезандаун севернее города Пегу в Бирме. В возрасте 6 лет поступил в монастырскую школу, где удивлял монахов умением заучивать главы из Типитаки. К десяти годам знал наизусть весь закон Хинаяны,

и его как ребенка, отмеченного кармой, возили в Мандалай, где с ним разговаривал сам татанабайн и подарил ему зонт и горшок для подаяний. В Мандалае ему попалась книга о христианстве, и путем сравнения религиозных систем, а также разговоров с учеными-мусульманами мальчик создал философскую систему, в которой применил начала диалектики, близкой к гегелевской. Был наказан заточением в келье. В 1901 году бежал из монастыря и добрался до Рангугна, надеясь убедить в своей правоте английского епископа Эндрю Джонсона. К епископу мальчика не пустили, но несколько дней он прожил в доме миссионера Г. Стоунуэлла, который был удивлен тем, что подошедший к нему на улице бирманский оборвый читает наизусть Евангелие на английском языке. Миссионер демонстрировал мальчика своим друзьям и оставил в дневнике запись о том, что Маун Маун Ко свободно излагает свои мысли на нескольких языках. Попытки Маун Маун Ко изложить миссионеру свою теорию не увенчались успехом, миссионер решил, что мальчик пересказывает крамольную книгу. На четвертый день, несмотря на то что мальчика в доме миссионера кормили, Маун Маун Ко убежал. Его труп, в крайней степени истощения, с колотыми ранами в груди, был найден портовым полицейским А. Банерджи 6 января 1902 года у склада № 16. Причина смерти неизвестна».

Кин замолчал. Словно его выключили. Потом посмотрел на Анну. Дождь все накрапывал. Лошадь стояла у двери.

— Тут мы были уверены, — сказал Кин. — Но опоздали.

— Почему же никто его не понял?

— Удивительно, как он добрался до того миссионера, — сказал Кин. — Прочесть еще?

— Да.

— «Дело 23-Ов-76. Кособурд Мордко Лейбович. Родился 23 октября 1900 года в г. Липовец Киевской губернии. Научился говорить и петь в 8 месяцев. 4 января 1904 года тетя Шейна подарила ему скрипку, оставшуюся от мужа. К этому времени в памяти ребенка жили все мелодии, услышанные дома и в Киеве, куда его два раза возили родители. Один раз мальчик выступал с концертом в доме предводителя дворянства камер-юнкера Павла Михайло-

вича Гудим-Левковича. После этого концерта, на котором Мордко исполнил, в частности, пьесу собственного сочинения, уездный врач д-р Колядко подарил мальчику три рубля. Летом 1905 года аптекарь С.Я. Сойфертис, списавшись со знакомыми в Петербурге, продал свое дело, ибо, по его словам, бог на старости лет сподобил его увидеть чудо и поручил о нем заботу. На вокзал их провожали все соседи. Скрипку нес Сойфертис, а мальчик — баул с игрушками, сластями в дорогу и нотной бумагой, на которой сам записал первую часть концерта для скрипки. На углу Винницкой и Николаевской улиц провожавшие встретились с шествием черносотенцев. Произошло нечаянное столкновение, провожавшие испугались за мальчика и хотели его спрятать. Тете Шейне удалось унести его в соседний двор, но он вырвался и с криком «Моя скрипка!» выбежал на улицу. Мальчик был убит ударом сапога бывшего податного инспектора Никифора Быкова. Смерть была мгновенной». Еще? — спросил Кин.

Не дождавшись ответа, он продолжал:

— «Дело 22-5-а-4. Алихманова Салима. Родилась в 1905 году в г. Хиве. За красоту и белизну лица была в 1917 году взята в гарем Алим-хана Кутайсы — приближенного лица последнего хана Хивинского. В 1918 году родила мертвого ребенка. Будучи еще неграмотной, пришла к выводу о бесконечности Вселенной и множественности миров. Самостоятельно научилась читать, писать и считать, изобрела таблицу логарифмов. Интуитивно использовала способность предвидения некоторых событий. В частности, предсказала землетрясение 1920 года, объяснив его напряжениями в земной коре. Этим предсказанием вызвала недовольство духовенства Хивы, и лишь любовь мужа спасла Салиму от наказания. Страстно стремилась к знаниям. Увидев в доме случайно попавшую туда ташкентскую газету, научилась читать по-русски. В августе 1924 года убежала из дома, переплыла Амударью и поступила в школу в Туркюле. Способности девушки обратили на себя внимание русской учительницы Галины Красновой, которая занималась с ней алгеброй. За несколько недель Салима освоила курс семилетней школы. Было решено, что после октябрьских праздников Галина отвезет девушку в Ташкент, чтобы показать специалистам. Во время демонстрации 7 ноября в Туркюле Са-

лима шла в группе женщин, снявших паанджу, и была опознана родственниками Алим-хана. Ночью была похищена из школы и задушена в Хиве 18 ноября 1924 года».

— Хватит, — сказала Анна. — Большое спасибо. Хватит.

9

На дворе стемнело. Небольшой квадрат окошка, выходившего из холодной комнаты в сад, был густо-синим, и в нем умудрилась поместиться полная луна. Тесную, загроможденную приборами комнату наполняло тихое жужжение, казавшееся Анне голосом времени — физически ощущимой нитью, по которой бежали минуты.

Жюль настраивал установку, изредка выходя на связь со своим временем, для чего служил круглый голубой экран, на котором дрожали узоры желтых и белых точек, а Кин готовил съемочную аппаратуру.

Висевший над головой Жюля черный шар размером с большой надувной мяч стал медленно вращаться.

— Сейчас, Аня, вы получите возможность заглянуть в тринадцатый век, — сказал Кин.

Ее охватило щекотное детское чувство ожидания. Как в театре: вот-вот раздвинется занавес, и начнется действие.

Замельтешил желтыми и белыми огоньками круглый экран связи. Жюль склонился к нему и начал быстро водить перед ним пальцами, точно разговаривал с глухонемым. Огни на экране замерли.

Жужжение времени заполнило весь дом, такое громкое, что Анне казалось: сейчас услышит вся деревня. И тут в шаре поплыли какие-то цветные пятна, было такое впечатление, как будто смотришь на речку сквозь круглый иллюминатор парохода.

Кин скрипнул табуретом. Руки его были в черных перчатках почти по локоть. Он коснулся кромки ящика, над которым висел шар, и пальцы его погрузились в твердый металл.

— Поехали, — сказал Кин.

Цветные пятна побежали быстрей, они смешивались у края иллюминатора и уплывали. Послышался резкий щелчок. И тотчас же как будто кто-то провел рукой по запотевшему стеклу иллюминатора и мир в шаре обрел

четкие формы и границы. Это было зеленое поле, окруженное березами.

Шаром управлял Кин. Руки в черных перчатках были спрятаны в столе, он сидел выпрямившись, напряженно, как за рулем.

Изображение в шаре резко пошло в сторону, березы накренились, как в модном кинофильме. Анна на миг зажмурилась. Роща пропала, показался крутой склон холма с деревянным тыном наверху, широкая разбитая дорога и, наконец, нечто знакомое — речка Вятла. За ней густой еловый лес.

И тут же Анна увидела, что на месте ее дома стоит иной — его скорее можно было назвать хижиной — приземистый, подслеповатый, под соломенной крышей. Зато ручей был шире, над ним склонились ивы, дорога пересекала его по деревянному мосту, возле которого толпились всадники.

- Я стабилизируюсь, — сказал Жюль.
- Это тринадцатый век? — спросила Анна.
- Двенадцатое июня.
- Вы уверены?
- У нас нет альтернативы.
- А там, у ручья, люди.
- Божьи дворяне, — сказал Кин.
- Они видят наш шар?
- Нет. Они нас не видят.
- А в домах кто живет?
- Сейчас никто. Люди ушли на стены. Город осажден.

Кин развернул шар, и Анна увидела за ручьем, там, где должна начинаться деревня, а теперь была опушка леса, шалаши и шатры. Между ними горели костры, ходили люди.

- Кто это? Враги? — спросила Анна.
- Да. Это меченосцы, орден святой Марии, божьи дворяне.

- Это они возьмут город?
- В ночь на послезавтра. Жюль, ты готов?
- Можно начинать.

Шар поднялся и полетел к ручью. Слева Анна заметила высокое деревянное сооружение, стоявшее в пологой ложбине на полдороге между откосом холма и ручьем, где она бродила всего два часа назад. Сооружение напомнило

ей геодезический знак — деревянную шкалу, какие порой встречаются в поле.

— Видели? — спросила Анна.

— Осадная башня, — сказал Кин.

Шар спустился к лагерю рыцарей.

Там обедали. Поэтому их было не видно. Шикарные рыцари, вроде тех, что сражаются на турнирах и снимаются в фильмах, сидели в своих шатрах и не знали, что к ним пожаловали посетители из будущего. Народ же, упавший какую-то снедь на свежем воздухе, никаких кинематографических эмоций не вызывал. Это были плохо одетые люди, в суконных или кожаных рубахах и портах, некоторые из них босые. Они были похожи на бедных крестьян.

— Посмотрите, а вот и рыцарь, — сказал Кин, бросив шар к одному из шатров. На грязной поношенной холщевой ткани шатра были нашиты красные матерчатые мечи. Из шатра вышел человек, одетый в грубый свитер до колен. Вязаный капюшон плотно облегал голову, оставляя открытым овал лица, и спадал на плечи. Ноги были в вязанных чулках. Свитер был перепоясан черным ремнем, на котором висел длинный прямой меч в кожаных ножнах.

— Жарко ему, наверное, — сказала Анна и уже поняла, что рыцарь не в свитере — это кольчуга, мелкая кольчуга. Рыцарь поднял руку в кольчужной перчатке, и от костра поднялся бородатый мужик в кожаной куртке, короткой юбке и в лаптях, примотанных ремнями к икрам ног. Он не спеша затрусиł к коновязи и принялся отвязывать лошадь.

— Пошли в город? — спросил Жюль.

— Пошли, — сказал Кин. — Анна разочарована. Рыцари должны быть в перьях, в сверкающих латах...

— Не знаю, — сказала Анна. — Все здесь не так.

— Если бы мы пришли лет на двести попозже, вы бы все увидели. Расцвет рыцарства впереди.

Шар поднимался по склону, пролетел неподалеку от осадной башни, возле которой возились люди в полукруглых шлемах и кожаных куртках.

— В отряде, по моим подсчетам, — сказал Кин, — около десятка божьих братьев, пятидесяти слуг и сотни четырех немецких ратников.

— Четыреста двадцать. А там, за сосняком, — сказал

Жюль, — союзный отряд. По-моему, летты. Около ста пятидесяти.

— Десять братьев? — спросила Анна.

— Божий брат — это полноправный рыцарь, редкая птица. У каждого свой отряд.

Шар взмыл вверх, перелетел через широкий неглубокий ров, в котором не было воды. Дорога здесь заканчивалась у рва, и мост через ров был разобран. Но, видно, его не успели унести — несколько бревен лежало у вала. На валу, поросшем травой, возвышалась стена из поставленных частоколом бревен. Две невысокие башни с площадками наверху возвышались по обе стороны сбитых железными полосами закрытых ворот. На них стояли люди.

Шар поднялся и завис. Потом медленно двинулся вдоль стены. И Анна могла вблизи разглядеть людей, которые жили в ее краях семьсот лет назад.

10

На башенной площадке тоже все было неправильно.

Там должны были стоять суровые воины в высоких русских шлемах, их красные щиты должны были грозно блестеть на солнце. А на самом деле публика на башнях Замошья вела себя, как на стадионе. Люди совершенно не желали понять всей серьезности положения, в котором оказались. Они переговаривались, смеялись, размахивали руками, разглядывали осадную башню. Круглоголовая молодая женщина с младенцем на руках болтала с простоволосой старухой, потом развязала тесемку на груди своего свободного, в складках, серого платья с вышивкой по вороту и принялась кормить грудью младенца. Еще один ребенок, лет семи, сидел на плече у монаха в черном клубке и колотил старика по голове деревянным мечом. Рядом с монахом стоял коренастый мужчина в меховой куртке, надетой на голое тело, с длинными, по плечи, волосами, перехваченными тесьмой. Он с увлечением жевал ломоть серого хлеба.

Вдруг в толпе произошло движение. Словно людей подталкивали сзади обладатели билетов на занятые в первом ряду места. Толпа нехотя раздалась.

Появились два воина, первые настоящие воины, кото-

рых увидела Анна. Они, правда, разительно не соответствовали привычному облику дружинников из учебника. На них были черные плащи, скрывающие тускло блестевшие кольчуги, и высокие красные колпаки, отороченные бурьм мехом. Воины были смуглые, черноглазые, с длинными висячими усами. В руках держали короткие копья.

— Это кто такие? — прошептала Анна, словно боясь, что они ее услышат.

— Половцы, — сказал Жюль. — Или берендеи.

— Нет, — возразил Кин. — Я думаю, что ятвяги.

— Сами не знаете, — сказала Анна. — Кстати, Берендей — лицо не историческое, это сказочный царь.

— Берендеи — народ, — сказал Жюль строго. — Это проходят в школе.

Спор тут же заглох, потому что ятвяги освободили место для знатных зрителей. А знатные зрители представляли особый интерес.

Сначала к перилам вышла пожилая дама царственного вида в синем платье, белом платке. Щеки ее были наружу, брови подведены. Рядом с ней появился мужчина средних лет, с умным, жестким, тонкогубым, длинным лицом. Он был богато одет. На зеленый кафтан накинут короткий синий плащ-корзно с золотой каймой и пряжкой из золота на левом плече в виде львиной морды. На голове невысокая меховая шапка. Анне решила, что это и есть князь. Между ними проскользнул странный мальчик. Он положил подбородок на перила. На правом глазу у мальчика было бельмо и на одной из рук, вцепившихся в брус, не хватало двух пальцев.

Затем появились еще двое. Они вошли одновременно и остановились за спинами царственной дамы и князя. Мужчина был сравнительно молод, лет тридцати, огненно-рыж и очень хорош собой. Белое, усыпанное веснушками лицо украшали яркие зеленые глаза. Под простым красным плащом виднелась кольчуга. Анне очень захотелось, чтобы красавца звали Романом, о чем она тут же сообщила Кину, тот лишь хмыкнул и сказал что-то о последствиях эмоционального подхода к истории. Рядом с зеленоглазым красавцем стояла девушка, кого-то напоминавшая Анне. Девушка была высока... тонка — все в ней было тонкое, готическое. Выпуклый чистый лоб пересекала бирюзовая повязка, украшенная золотым об-

ручем, такой же бирюзовый платок плотно облегал голову и спускался на шею. Тонкими пальцами она придерживала свободный широкий плащ, будто ей было зябко. Рыжий красавец говорил ей что-то, но девушка не отвечала, она смотрела на поле перед крепостью.

— Где-то я ее видела, — произнесла Анна. — Но где? Не помню.

— Не знаю, — сказал Кин.

— В зеркале. Она чертовски похожа на вас, — сказал Жюль.

— Спасибо. Вы мне льстите.

Еще один человек втиснулся в эту группу. Он был одет, как и смуглые воины, пожалуй, чуть побогаче. На груди его была приколота большая серебряная брошь.

— Ну как, Жюль, мы сегодня их услышим? — спросил Кин.

— Что я могу поделать? Это же всегда так бывает!

Анна подумала, что самый факт технических неполадок как-то роднит ее с далеким будущим. Но говорить об этом потомкам не стоит.

Вдруг мальчишка у барьера замахал руками, царственная дама беззвучно ахнула, рыжий красавец нахмурился. Снаружи что-то произошло.

11

Кин развернул шар.

Из леса, с дальней от реки стороны, вышло мирное стадо коров, которых гнали к городу три пастуха в серых портах и длинных, до колен, рубахах. Видимо, они не знали о том, что рыцари уже рядом. Их заметили одновременно с крепостной стены и от ручья. Услышав крики с городских стен и увидев рыцарей, пастухи засуетились, стали подгонять коров, которые никак не могли взять в толк, куда и почему им нужно торопиться. Стадо сбилось в кучу, пастухи бесполково стегали несчастную скотину кнутами.

В рыцарском стане царила суматоха, божьим дворянам очень хотелось перехватить стадо. Но лошади меченосцев были расседланы, и потому к ручью побежали пехотинцы, размахивая мечами и топориками. Звука не было, но Анна представила себе, какой гомон стоит над склоном холма.

Кин повернул шар к стене города. Народ на башнях раздался в стороны, уступив место лучникам. Рыжего красавца не было видно, длиннолицый князь был мрачен.

Лучники стреляли по бегущим от ручья и от осадной башни ратникам, но большинство стрел не долетало до цели, хотя одна из них попала в корову. Та вырвалась из стада и понеслась, подпрыгивая, по лугу. Оперенная стрела покачивалась у нее в загривке, словно бандерилья у быка во время корриды.

Тем временем немцы добежали до пастухов. Все произошло так быстро, что Анна чуть было не попросила Кина прокрутить сцену еще раз. Один из пастухов упал на землю и замер. Второй повис на дюжем ратнике, но другой немец крутился вокруг них, размахивая топором, видимо, боясь угодить по товарищу. Третий пастух бежал к воротам, а за ним гнались человек десять. Он добежал до рва, спрыгнул вниз. Немцы — за ним. Анна видела, как в отчаянии — только тут до нее докатилось отчаяние, управлявшее пастухом, — маленькая фигурка карабкалась, распластавшись, по отлогому склону рва, чтобы выбраться к стене, а ратники уже дотягивались до него.

Один из преследователей рухнул на дно. Это не остановило остальных. Стрелы впивались в траву, отскакивали от кольчуг, еще один ратник опустился на колени, прижимая ладонь к раненой руке. Передний кнект наконец догнал пастуха и, не дотянувшись, ударил его по ноге. Боль — Анна ощущала ее так, словно ударили ее, — заставила пастуха прыгнуть вперед и на четвереньках заковылять к стене. Яркая красная кровь хлестала из раны, оставляя след, по которому, словно волки, карабкались преследователи.

— Открой ворота! — закричала Анна.

Жюль вздрогнул.

Еще один немец упал, пытаясь вырвать из груди стрелу, и, как будто послушавшись Анну, ворота начали очень медленно растворяться наружу. Но пастуху уже было все равно, потому что он снова упал у ворот и настигший его ратник всадил ему в спину боевой топор и тут же сам упал рядом, потому что по крайней мере пять стрел прошили его, приковав к земле, как жука.

В раскрывшихся воротах возникла мгновенная толкучка — легкие всадники в черных штанах, стеганых куртках

и красных колпаках, с саблями в руках, мешая друг другу, спешили наружу.

— Ну вот, — сказала Анна, — могли бы на две минуты раньше выскочить. Стадо-то они вернут, а пастухов убили.

Пастух лежал на груди в луже быстро темнеющей крови, и лошади перескакивали через него. Вслед за ятвягами уже медленнее выехали еще несколько воинов в кольчугах со стальными пластинами на груди и конических железных шлемах со стальными полосами впереди, прикрывающими нос. Анна сразу угадала в одном из всадников рыжего красавца.

— Смотрите, — сказала она. — Если он сейчас погибнет...

Кин бросил шар вниз, ближе к всадникам.

Когда из ворот выскочили ятвяги, Анна почему-то решила, что русские уже победили: не могла отделаться от неосознанной убежденности в том, что смотрит кино. А в кино после ряда драматических или даже трагических событий обязательно появляются Наши — в тачанках, верхом или даже на танках. После этого враг, зализывая раны, откатывается в свою берлогу.

Стадо к этому времени отдалилось от стен. Те ратники, которые не стали гнаться за пастухом, умело направляли его к ручью, оглядываясь на крепость, знали, что русские отдавать коров так просто не захотят. Навстречу им к ручью спускались рыцари.

Ятвяги, словно не видя опасности, закрутились вокруг запуганных коров, рубясь с загонщиками, и, когда на них напали тяжело вооруженные рыцари, сразу легко и как-то весело откатились обратно к крепости, навстречу дружинникам.

Немцы стали преследовать их, и Анна поняла, что стадо потеряно.

Но рыжий воин и дружинники рассудили иначе. Захватывая мчащихся навстречу ятвягов, как магнит захватывает металлические опилки, они скатились к рыцарскому отряду и слились с меченосцами в густую, плотную массу.

— Если бы стада не было, — заметил вдруг Кин, возвращая Анну в полумрак комнаты, — рыцарям надо было его придумать.

К этому моменту Анна потеряла смысл боя, его логику — словно ее внимания хватило лишь на отдельные его фрагменты, на блеск меча, открытый от боли рот всадника, раздутые ноздри коня... Рыжий красавец поднимал меч двумя руками, словно рубил дрова, и Анне были видны искры от удара о треугольный белый с красным крестом щит могучего рыцаря в белом плаще. Откуда-то сбоку в поле зрения Анны ворвался конец копья, которое ударило рыжего в бок, и он начал медленно, не выпуская меча, валиться наземь.

— Ой! — Анна привстала: еще мгновение — и рыжий погибнет.

Что-то черное мелькнуло рядом, и удар рыцаря пришелся по черному кафтану ятвяга, закрывшего собой витязя, который, склонившись к высокой луке седла, уже скакал к крепости.

— Все, — сказал Жюль, — проверка аппаратуры. Пеперыв.

— Ладно, — сказал Кин. — А мы пока поймем, что видели.

Шар начал тускнеть. Кин выпростал руки. Устало, словно он сам сражался на берегу ручья, снял перчатки и швырнул на постель.

Последнее, что показал шар, — закрывающиеся ворота и возле них убитый пастух и его убийца, лежащие рядом, мирно, словно решили отдохнуть на зеленом косогоре.

12

В комнате было душно. Квадрат окошка почернел. Анна поднялась с табурета.

— И никто не придет к ним на помощь? — спросила она.

— Русским князьям не до маленького Замошья. Русь раздроблена, каждый сам за себя. Даже полоцкий князь, которому формально подчиняется эта земля, слишком занят своими проблемами...

Кин открыл сбоку шара шестигранное отверстие и засунул руку в мерцающее зеленью чрево.

— Это был странный мир, — сказал он. — Неустойчивый, но по-своему гармоничный. Здесь жили литовцы,

летты, самогиты, эсты, русские, литва, ливы, ятвяги, семигалы... некоторые давно исчезли, другие живут здесь и поныне. Русские князья по Даугаве — Западной Двине собирали дань с окрестных племен, воевали с ними, часто роднились с литовцами и ливами... И неизвестно, как бы сложилась дальне судьба Прибалтики, если бы здесь, в устье Даугавы, не высадились немецкие миссионеры, за которыми пришли рыцари. В 1201 году энергичный епископ Альберт основал город Ригу, возник орден святой Марии или Меченосцев, который планомерно покорял племена и народы, крестил язычников — кто не хотел креститься, погибал, кто соглашался — становился рабом. Все очень просто...

— А русские города?

— А русские города — Кокернойс, Герсике, Замошье, потом Юрьев — один за другим были взяты немцами. Они не смогли объединиться... Лишь литовцы устояли. Именно в эти годы они создали единое государство. А через несколько лет на Руси появились монголы. Раздробленность для нее оказалась роковой.

Кин извлек из шара горсть шариков размером с грецкий орех.

— Пошли в большую комнату, — сказал он. — Мы здесь мешаем Жюлю. К тому же воздуха на троих не хватает.

В большой комнате было прохладно и просторно. Анна задернула выцветшие занавески. Кин включил свою лампу. Горсть шариков раскатилась по скатерти.

— Вот и наши подозреваемые, — сказал Кин. Он поднял первый шарик, чуть сдавил его пальцами, шарик щелкнул и развернулся в плоскую упругую пластину — портрет пожилой дамы с набеленным лицом и черными бровями.

— Кто же она? — спросил Кин, кладя портрет на стол.

— Княгиня, — быстро сказала Анна.

— Не спешите, — улыбнулся Кин. — Нет ничего опаснее в истории, чем очевидные ходы.

Кин отложил портрет в сторону и взял следующий шарик.

Шарик превратился в изображение длиннолицего человека с поджатыми капризными губами и очень умными, усталыми глазами под высоким, с залысинами, лбом.

— Я бы сказала, что это князь, — ответила Анна вопросительному взгляду Кина.

— Почему же?

— Он пришел первым, он стоит рядом с княгиней, он роскошно одет. И вид у него гордый...

— Все вторично, субъективно.

Следующим оказался портрет тонкой девушки в синем плаще.

— Можно предложить? — спросила Анна.

— Разумеется. Возьмите. Я догадался.

Кин протянул Анне портрет рыжего красавца, и та положила его рядом с готической девушкой.

— Получается? — спросила она.

— Что получается?

— Наш Роман был в западных землях. Оттуда он привез жену.

— Значит, вы все-таки убеждены, что нам нужен этот отважный воин, которого чуть было не убили в стычке?

— А почему ученому не быть воином?

— Разумно. Но ничего не доказывает.

Кин отвел ладонью портреты и положил на освободившееся место изображение одноглазого мальчика. И тут же Анна поняла, что это не мальчик, а взрослый человек.

— Это карлик?

— Карлик.

— А что он тут делает? Тоже родственник?

— А если шут?

— Он слишком просто одет для этого. И злой.

— Шут не должен был веселиться. Само уродство было достаточным основанием для смеха.

— Хорошо, не спорю, — сказала Анна. — Но мы все равно ничего не знаем.

— К сожалению, пока вы правы, Анна.

Анна снова пододвинула к себе портрет своего любимца — огненные кудри, соколиный взор, плечи — косая сажень, меховая шапка стиснута в нервном сильном кулаке...

— Конечно, соблазнительный вариант, — сказал Кин.

— Вам не нравится, что он красив? Леонардо да Винчи тоже занимался спортом, а Александр Невский вообще с коня не слезал.

Портреты лежали в ряд, совсем живые, и трудно было

поверить, что все они умерли много сотен лет назад. Хотя, подумала Анна, я ведь тоже умерла много сотен лет назад...

— Может быть, — согласился Кин и выбрал из стопки два портрета: князя в синем плаще и рыжего красавца.

— Коллеги, — заглянул в большую комнату Жюль. — Продолжение следует. У нас еще полчаса. А там кто-то приехал.

13

Шар был включен и смотрел на рыцарский лагерь в тринадцатом веке. Вечерело. На фоне светлого неба лес почернел, а закатные лучи солнца, нависшего над крепостной стеной, высвечивали на этом темном занавесе процессию, выползающую на берег.

Впереди ехали верхами несколько рыцарей в белых и красных плащах, два монаха в черных, подоткнутых за пояс рясах, за ними восемь усталых носильщиков несли крытые носилки. Затем показались пехотинцы и наконец странное сооружение: шестерка быков тащила деревянную платформу, на которой было укреплено нечто вроде столовой ложки для великанов.

— Что это? — спросила Анна.

— Катапульта, — сказал Кин.

— А кто в носилках?

В получьме было видно, как Жюль пожал плечами.

Носильщики с облегчением опустили свою ношу на пригорке, и вокруг сразу замельтили люди.

Крепкие пальцы схватились изнутри за края полога, резко раздвинули его, и на землю выскочил грузный пожилой мужчина в сиреневой рясе и в маленькой черной шапочке. На груди у него блестел большой серебряный крест. Коротко постриженная черная борода окаймляла краснощекое круглое лицо. Рыцари окружили этого мужчину и повели к шатру.

— Подозреваю, — сказал Кин, — что к нам пожаловал его преосвященство епископ Риги Альберт. Большая честь.

— Это начальник меченосцев? — спросила Анна.

— Формально — нет. На самом деле — правитель

немецкой Прибалтики. Значит, к штурму Замошья орден относится серьезно.

Епископ задержался на склоне, приставил ладонь лопаткой к глазам и оглядел город. Рыцари объясняли что-то владыке. Носильщики уселись на траву.

Ратники перехватили быков и погнали платформу с катапультой к мосту через ручей. Из шатра, у которого остановился епископ, вышел хозяин, рыцарь, чуть не убивший рыжего красавца. За ним один из приближенных епископа в черной сутане. Ратники подвели коня.

— Стяг не забудьте, брат Фридрих, — сказал монах.

— Брат Теодор возьмет, — сказал рыцарь.

Ратник помог рыцарю взобраться в седло с высокой передней лукой. Левая рука рыцаря двигалась неловко, словно протез. На правой перчатка была кольчужная, на левой железная.

— Погодите! — крикнула Анна. — Он же разговаривает!

Кин улыбнулся.

— Он по-русски разговаривает?

— Нет, по-немецки. Мы же не слышим. Тут иной принцип. Знаете, что бывают глухонемые, которые могут по губам угадать, о чем говорит человек?

— Знаю.

— Наша приставка читает движение губ. И переводит.

У моста через ручей к рыцарю присоединился второй молодой божий дворянин в красном плаще с длинным раздвоенным на конце вымпелом, прикрепленным к древку копья. Вымпел был белым, на нем изображение двух красных башен с воротами.

Рыцари поднялись по склону к городу, придержали коней у рва. Молодой меченосец поднял оправленный в серебро рог.

Крепость молчала. Анна сказала:

— Не люблю многосерийные постановки, всегда время тянут.

— Сделайте пока нам кофе, — сказал Жюль. — Пожалуйста.

Анна не успела ответить, как ворота приоткрылись, выпустив из крепости двух всадников. Впереди ехал князь в синем плаще с золотой каймой. За ним ятвяг в черной одежде и красном колпаке. В щели ворот были видны

стражники. Рыцарь Фридрих, приветствуя князя, поднял руку в кольчужной перчатке. Князь потянул за уздцы, конь поднял голову и стал мелко перебирать ногами. Шар метнулся вниз — Кин хотел слышать, о чем пойдет речь.

— Ландмейстер Фридрих фон Кокенгаузен приветствует тебя, — сказал рыцарь.

— На каком языке они говорят? — тихо спросила Анна.

Жюль взглянул на табло, по которому бежали искры.

— Латынь, — сказал он.

— Здравствуй, рыцарь, — ответил князь.

Черный ятвяг легонько задел своего коня нагайкой между ушей, и тот закрутился на месте, взрывая копытами зеленую траву. Рука молодого трубача опустилась на прямую рукоять меча.

— Его преосвященство епископ Рижский и ливонский Альберт шлет отеческое благословение князю Замошья и выражает печаль. Плохие советники нарушили мир между ним и его сюзереном. Епископ сам изволил прибыть сюда, чтобы передать свое отеческое послание. Соблаговолите принять, — сказал рыцарь.

Молодой рыцарь Теодор протянул свернутую трубкой грамоту, к ленте которой была прикреплена большая сургучная печать. Фридрих фон Кокенгаузен принял грамоту и протянул ее русскому.

— Я передам, — сказал русский. — Что еще?

— Все в письме, — сказал рыцарь.

Ятвяг крутился на своем коне, словно дразнил рыцарей, но те стояли недвижно, игнорируя легкого, злого всадника.

Анна поняла, что человек в синем плаще — не князь города. Иначе кому он передаст грамоту?

— Я слышал, что ты живешь здесь, — сказал ландмейстер.

— Третий год, — сказал русский.

— Мне жаль, что обстоятельства сделали нас врагами.

— Нет разума в войне, — сказал русский.

— Мне недостает бесед с вами, мой друг, — сказал рыцарь.

— Спасибо, — ответил русский. — Это было давно. Мне некогда сейчас думать об этом. Я должен защищать наш город. Князь — мой брат. Как твоя рука?

— Спасибо, ты чародей, мой друг.

Маленькая группа людей разделилась — русские повернули к воротам, раскрывшимся навстречу, немцы поскакали вниз, к ручью.

14

Шар пролетел сквозь крепостную стену, и Анна впервые увидела город Замошье изнутри.

За воротами оказалась небольшая пыльная площадь, на которой толпился народ. Забор и слепые стены тесно стоявших домов стискивали ее со всех сторон. Узкая улица тянулась к белокаменному собору. В первое мгновение Анне показалось, что люди ждут послов, но на самом деле возвращение всадников прошло незамеченным. Часовые еще запирали ворота громадными засовами, а ятвяг, подняв нагайку, бросил коня вперед, к собору, за ним, задумавшись, следовал человек в синем плаще.

У стен домов и в щели между городским валом и строениями были втиснуты временные жилища беженцев, скрывшихся из соседних деревень и посадов в городе на время осады. Рогожки — примитивные навесы — свисали с палок. Под ними ползали ребятишки, варились пища, спали, ели, разговаривали люди. И от этого дополнительного скопления людей улица, которой скакали послы, казалась длиннее, чем была на самом деле. Она завершилась другой площадью, отделенной от задней стены крепости большим двухэтажным теремом, который соединялся с собором галереей. Собор еще не успели достроить — рядом в пыли и на зелени подорожника лежали белые плиты. Дальняя стена собора была еще в лесах, а на куполе, держась за веревку, колотил молотком кровельщик, прилаживая свинцовый лист. И вроде бы ему дела не было до боев, штурмов, осад.

У длинной коновязи был колодец, из которого два мужика таскали бадьей воду и переливали ее в бочки, стоявшие рядом.

Послы оставили коней у коновязи.

На высоком крыльце терема стояли два ятвяга, дремал под навесом мальчишка в серой рубахе. Уже смеркалось, и длинные сиреневые тени застелили почти всю площадь.

Послы быстро поднялись по лестнице на крыльцо и

скрылись в низкой двери терема. Шар пролетел за ними темным коридором. Анна увидела в темноте, изредка разрываемой мерцанием лучины или вечерним светом из открытой двери перед залом, куда вошли послы, сидящих в ряд монахов в высоких кукелях с белыми крестами, в черных рясах. Лишь лица желтели под лампадами — над ними был киот с темными ликами византийских икон.

Рыжий красавец в белой рубахе, вышитой по вороту красным узором, сидел за длинным столом. В углу, на лавке, устроился, свесив не достающие до земли короткие кривые ноги, шут.

Ятвяг остановился у двери. Посол прошел прямо к столу, остановился рядом с князем.

— Чего он звал? — спросил князь. — Чего хотел?

— Скорбит, — усмехнулся посол. — Просит верности.

Он бросил на стол грамоту епископа. Рыжий сорвал тесьму, и грамота нехотя развернулась. Шут вскочил с лавки, вперевалку поспешил к столу. Шевеля толстыми губами, принялся разбирать текст. Рыжий взглянул на него, поднялся из-за стола.

— Не отдам я им город, — сказал он. — Будем держаться, пока Миндаугас с литвой не подоспеет.

— Ты не будешь читать, Вячеслав?

— Пошли на стену, — сказал рыжий. — А ты, Акип-леша, скажешь боярыне: как вернемся, ужинать будем.

— Они Магду требуют, — сказал шут, прижав пальцем строчку в грамоте.

— Вольно им, — ответил рыжий и пошел к двери.

— Все, сеанс окончен, — сказал Жюль.

— Как насчет кофе?

— Ну вот, — сказал Кин. — Главное сделано. Мы узнали, кто князь, а кто Роман.

— Князя звали Вячеслав? — спросила Анна.

— Да, князь Вячко. Он раньше правил в Кокернойсе. Он — сын полоцкого князя Бориса Романовича. Кокернойс захватили рыцари. После гибели города он ушел в леса со своими союзниками — ятвягами и ливами. А вновь появился уже в 1223 году, когда русские князья, отвоевав у меченосцев, отдали ему город Юрьев. К Юрьеву подступило все орденское войско. Вячко сопротивлялся несколько месяцев. Потом город пал, а князя убили.

— И вы думаете, что это тот самый Вячко?

— Да. И все становится на свои места. Ведь на этом холме было неукрепленное поселение. Лишь в начале XIII века его обнесли стеной и построили каменный собор. А в 1215 году город погибает. Существовал он так недолго, что даже в летописях о нем почти нет упоминаний. Зачем его укрепили? Да потому, что с потерей крепостей на Двине полоцкому князю нужны были новые пограничные форпосты. И он посыпает сюда Вячко. Рыцари его знают. Он их старый враг. И, конечно, его новая крепость становится центром сопротивления ордену. И бельмом на глазу...

Рыжий князь вышел из комнаты. Роман за ним. Шут, ухмыляясь, все еще читал грамоту.

Шар взмыл над вечерним городом. Видны были костры на улице — их жгли беженцы. Отсветы костров падали красными бликами на месиво людей, сбившихся под защитой стен.

Напоследок шар поднялся еще выше.

Темным силуэтом виднелась на склоне осадная башня. Покачивались факелы — там устанавливали катапульту. Белые, освещенные внутри шатры меченосцев на том берегу ручья казались призрачными — 12 июля 1215 года заканчивалось. Известно было, что городом Замошье правит отважный и непримиримый князь Вячко. И есть у него боярин Роман, человек с серьезным узкогубым капризным лицом — чародей и алхимик, который через сутки погибнет и очнется в далеком будущем.

15

Все случилось без свидетелей из будущего, в темноте, когда Кин, Анна, Жюль, а главное, господа епископ Альберт и ландмейстер Фридрих спокойно спали. И это было очень обидно, потому что время, если уж ты попал в течение витка, необратимо. И никто никогда не увидит вновь, каким же образом это произошло.

...Первой проснулась Анна, наскоро умылась и постучала к мужчинам.

— Лежебоки, — сказала она, — проспите решающий штурм.

— Встаем, — ответил Кин. — Уже встали.

— Я забегу пока к деду Геннадию, — благородно по-

жертвовала собой Анна. — Отвлеку его. Но чтобы к моему возвращению князь Вячко был на боевом коне!

А когда Анна вернулась с молоком, творогом, свежим хлебом, гордая своим подвижничеством, в доме царило разочарование.

— Посмотри, — сказал Жуль.

Шар был включен и направлен на склон. Там лениво дрогорала осадная башня — сюрреалистическое сооружение из громадных черных головешек. От катапульты осталась лишь ложка, нелепо уткнувшаяся в траву рукоятью. Вокруг стояли рыцари и орденские ратники. С мостика через ручей на пожарище глядела орденская знать, окружившая епископа.

От ворот крепости до башни пролегли черные широкие полосы. В ручье, — а это Анна увидела не сразу, — лежали большие, в два человеческих роста колеса, тоже черные, обгорелые, и сначала Анне показалось, что это части осадной башни, хотя тут же она поняла свою ошибку — у башни не могло быть таких больших колес.

— Они ночью все это сожгли! — сказала Анна. — И правильно сделали. Что же расстраиваться?

— Жаль, что не увидели.

Кин быстро провел шар вниз, к ручью, близко пролетев над остовом башни, и затормозил над головами рыцарей.

— Спасибо за подарок, — медленно сказал епископ Альберт. — Вы не могли придумать ничего лучше в ночь моего приезда.

— Я еще в прошлом году советовал вам дать убежище чародею, — сказал ландмейстер, — когда он бежал из Смоленска.

— Мы посыпали ему гонца, — сказал один из приближенных епископа. — Он не ответил. Он укрылся здесь.

— Он предпочел служить дьяволу, — задумчиво сказал епископ. — И небо нашей рукой покарает его.

— Воистину! — сказал высокий худой рыцарь.

— Правильно, — согласился Фридрих фон Кокенгаузен. — Но мы не в храме, а на войне. Нам нужны союзники, а не слова.

— Дьявол нам не союзник, — сказал епископ. — Не забывайте об этом, брат Фридрих. Даже если он могуч.

— Я помню, святой отец.

— Город должен быть жестоко наказан, — сказал епископ громко, так, чтобы его слышали столпившиеся в стороне княхты. И продолжал тише: — В любой момент может прийти отряд из Полоцка, и это нам не нужно. В Смоленске тоже смотрят с тревогой на наше усиление...

— Сюда идут литовцы, — добавил худой рыцарь.

— Если крепость не сдастся до заката, мы не оставим в ней ни одной живой души, — сказал епископ.

— И мессира Романа?

— В первую очередь. Лишь то знание может существовать, которое освящено божьей благодатью.

— Но если он умеет делать золото?

— Мы найдем золото без чернокнижников, — сказал епископ. — Брат Фридрих и брат Готфрид, следуйте за мной.

16

Внутри шатер был обставлен скромно. На полу поверх рогож лежал ковер, стояли складные, без спинок, ножки крест-накрест, стулья, на деревянном возвышении, свернутые на день, лежали шкуры, высокий светильник с оплавившими свечами поблескивал медью возле высокого сундука, обтянутого железными полосами. На сундуке лежали два пергаментных свитка.

Епископ знаком велел рыцарям садиться. Фридрих фон Кокенгаузен отстегнул пояс с мечом и положил его на пол у ног. Брат Готфрид установил меч между ног и оперся руками в перчатках о его рукоять. Откуда-то выскользнул служок в черной сутане. Он вынес высокий арабский кувшин и три серебряные чарки. Брат Готфрид принял чарку, епископ и Фридрих отказались.

— Ты говоришь, брат Фридрих, — сказал епископ, — что мессир Роман и в самом деле посвящен в секреты магии?

— Я уверен в этом, — сказал брат Фридрих.

— Если мы не убьем его завтра, — сказал брат Готфрид, — он с помощью дьявола может придумать нашу гибель.

— Я помню главное, — сказал Фридрих. — Я всегда помню о благе ордена. А мессир Роман близок к открытию тайны золота.

— Золото дьявола, — сказал мрачно Готфрид фон Гольм.

— Мессир Роман любит власть и славу, — сказал Фридрих. — Что может дать ему князь Вест?

— Почему он оказался здесь? — спросил епископ.

— Он дальний родственник князя, — сказал Фридрих. — Он был рожден от наложницы князя Бориса Польского.

— И хотел бы стать князем?

— Не здесь, — сказал брат Фридрих. — Не в этой деревне.

— Хорошо, что он сжег башню, — сказала Анна. — Иначе бы они не стали об этом говорить.

— Что случилось в Смоленске? — спросил епископ, перебирая в крепких пальцах янтарные четки с большим золотым крестом.

— Тамошний владыка — византиец. Человек недалекий. Он решил, что дела мессира Романа от дьявола. И поднял чернь...

— Ну прямо как наши братья, — улыбнулся вдруг епископ Альберт. Взглянул на Готфрида. Но тот не заметил иронии.

— И кудесника пригрел князь Вест?

— Он живет здесь уже третий год. Он затаился. Он напуган. Ему некуда идти. В Киеве его ждет та же судьба, что и в Смоленске. На западе он вызвал опасное вожделение короля Филиппа и гнев святой церкви. Я думаю, что он многое успел сделать. Свидетельство тому — гибель нашей башни.

— Воистину порой затмевается рассудок сильных мира сего, — сказал епископ. — Сила наша в том, что мы можем направить на благо заблуждения чародеев, если мы тверды в своей вере.

— Я полагаю, что вы правы, — сказал брат Фридрих.

— Сохрани нас господь, — сказал тихо брат Готфрид. — Дьявол вездесущ. Я своими руками откручу ему голову.

— Не нам его бояться, — сказал епископ. Не поднимаясь со стула, он протянул руку и взял с сундука желтоватый лист, лежавший под свитками. — Посмотрите, это прислали мне из Замошья неделю назад. Что вы скажете, брат Фридрих?

Рыцарь Готфрид перекрестился, когда епископ протянул лист Фридриху.

— Это написано не от руки, — сказал Фридрих. — И в этом нет чародейства.

— Вы убеждены?

— Мессир Роман вырезает буквы на дереве, а потом прикладывает к доске лист. Это подобно печати. Одной печатью вы можете закрепить сто грамот.

— Великое дело, если обращено на благо церкви, — сказал епископ. — Божье слово можно распространять дешево. Но какая угроза в лапах дьявола!

— Так, — согласился брат Фридрих. — Роман нужен нам.

— Я же повторяю, — сказал брат Готфрид, поднимаясь, — что он должен быть уничтожен вместе со всеми в этом городе.

Его собеседники ничего не ответили. Епископ чуть прикрыл глаза.

— На все божья воля, — сказал он наконец.

Оба рыцаря поднялись и направились к выходу из шатра.

— Кстати, — догнал их вопрос епископа, — чем может для нас обернуться история с польской княжной?

— Спросите брата Готфрида, — сказал Фридрих фон Кокенгаузен. — Это случилось неподалеку от замка Гольм, а летты, которые напали на охрану княжны, по слухам, выполняли его приказ.

— Это только слухи, — сказал Готфрид. — Только слухи. Сейчас же княжна и ее тетка томятся в пленау князя Веста. Если мы освободим их, получим за них выкуп от князя Смоленского.

— Вы тоже так думаете, брат Фридрих? — спросил епископ.

— Ни в коем случае, — ответил Фридрих. — Не секрет, что князь Вячко отбил княжну у леттов. Нам не нужен выкуп.

— Я согласен с вами, — сказал епископ. — Позаботьтесь о девице. Как только она попадет к нам, мы тут же отправим ее под охраной в Смоленск. Как спасители. И никаких выкупов.

— Мои люди рисковали, — сказал Готфрид.

— Мы и так не сомневались, что это ваших рук дело,

брат мой. Некоторые орденские рыцари полагают, что они всесильны. И это ошибка. Вы хотите, чтобы через месяц смоленская рать стояла под стенами Риги?

17

— Разумеется, Жюль, — сказал Кин, — начинай готовить аппаратуру к переходу. И сообщи домой, что мы готовы. Объект опознан.

Кин вытащил из шара шарик. Пошел к двери.

— Я с вами? — спросила Анна, о которой забыли.

— Пожалуйста, — ответил Кин равнодушно. Он быстро вышел в большую комнату. Там было слишком светло. Мухи крутились над вазочкой с конфетами. В открытое окно вливался ветерок, колыхал занавеску. Анна подошла к окну иглянула, почти готовая к тому, чтобы увидеть у ручья шатры меченосцев. Но там играли в футбол мальчишки, а далеко у кромки леса, откуда вчера вышло злосчастное стадо, пыхтел маленький трактор.

— Вы сфотографировали епископа? — спросила Анна, глядя на то, как пальцы Кина превращают шарик в пластинку.

— Нет, это первый в Европе типографский оттиск.

Он склонился над столом, читая текст.

— Читайте вслух, — попросила Анна.

— Варварская латынь, — сказал Кин. — Алхимический текст. Спокойнее было напечатать что-нибудь божественное. Зачем дразнить собак?.. «Чтобы сделать эликсир мудрецов, возьми, мой брат, философической ртути и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва... после этого накаливай сильнее, и она станет львом красным...»

Трактор остановился, из него выпрыгнул тракторист и начал копаться в моторе. Низко пролетел маленький самолетик.

«Кипяти красного льва на песчаной бане в кислом виноградном спирте, выпари получившееся, и ртуть превратится в камедь, которую можно резать ножом. Положи это в замазанную глиной реторту и очисти...»

— Опять ртуть — мать металлов, — сказала Анна.

— Нет, — сказал Кин, — это другое. «...Кимврийские тени покроют твою реторту темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, который пожира-

ет свой хвост...» Нет, это не ртуть, — повторил Кин. — Скорее это о превращениях свинца. Зеленый лев — окисел свинца, красный лев — сурик... камедь — уксусно-свинцовая соль... Да, пожалуй, так.

— Вы сами могли бы работать алхимиком, — ответила Анна.

— Да, мне пришлось прочесть немало абраcadабры. Но в ней порой сверкали такие находки! Правда, эмпирические...

— Вы сейчас пойдете туда?

— Вечером. Я там должен быть как можно меньше.

— Но если вас узнают, решат, что вы шпион.

— Сейчас в крепости много людей из ближайших селений, скрывшихся там. Есть и другие варианты.

Кин оставил пластинку на столе и вернулся в прихожую, где стоял сундук с одеждой. Он вытащил оттуда сапоги, серую рубаху с тонкой вышивкой у ворота, потом спросил у Жюля:

— Ну что? Когда дадут энергию?

— После семнадцати.

18

— Знаете, — сказал Кин вечером, когда подготовка к переходу закончилась. — Давай взглянем на город еще раз, время есть. Если узнаем, где он скрывает свою лабораторию, сможем упростить версию.

Шар завис над скопищем соломенных крыш.

— Ну-с, — сказал Кин, — где скрывается наш алхимик?

— Надо начинать с терема, — сказал Жюль.

— С терема? А почему бы не с терема? — Кин повел шар над улицей к центру города, к собору. Улица была оживлена, в лавках — все наружу, так малы, что вдвоем не развернешься, — торговали одеждой, железным и глиняным товаром, люди смотрели, но не покупали. Народ толпился лишь у низенькой двери, из которой рыжий мужик выносил ковриги хлеба. Видно, голода в городе не было — осада началась недавно. Несколько ратников волокли к городской стене большой медный котел, за ними шел дед в высоком шлеме, сгорбившись под вязанкой дров. Всадник на вороном жеребце взмахнул нагайкой, проби-

ваясь сквозь толпу, из-под брюха коня ловко выскочил карлик — княжеский шут, ощерился и прижался к забору, погрозил беспалым кулаком наезднику и тут же втиснулся в лавку, набитую горшками и мисками.

Кин быстро проскочил шаром по верхним комнатам терема — словно всех вымело метлой, лишь какие-то приживалки, соинные служки, служанка с лоханью, старуха с клюкой... запустение, тиши...

— Эвакуировались они, что ли? — спросил Жюль, оторвавшись на мгновение от своего пульта, который сдержанно подмигивал, урчал, жужжал, словно Жюль вел космический корабль.

— Вы к звездам летаете? — спросила Анна.

— Странно, — не обратил внимания на вопрос Кин.

В небольшой угловой комнате, выглядевшей так, словно сюда в спешке кидали вещи — сундуки и короба транзитных пассажиров, удалось наконец отыскать знакомых. Пожилая дама сидела на невысоком деревянном стуле с высокой прямой спинкой, накрыв ноги медвежьей шкурой. Готическая красавица в закрытом, опущенном беличьим мехом, малиновом платье стояла у небольшого окошка, глядя на церковь.

Пожилая дама говорила что-то, и Жюль провел пальцами над пультом, настраивая звук. Кин спросил:

— Какой язык?

— Старопольский, — сказал Жюль.

— Горе, горе, за грехи наши наказание, — говорила, сжимив веки, пожилая дама. — Горе, горе...

— Перестаньте, тетя, — отзывалась от окна девушка.

Накрашенное лицо пожилой женщины было неподвижно.

— Говорил же твой отец — подождем до осени. Как же так, как же так меня, старую, в мыслях покалечило. Оставил меня господь своей мудростью... И где наша дружина и верные слуги... тошно, тошно...

— Могло быть хуже. — Девушка дотронулась длинными пальцами до стоявшей рядом расписной прялки, задумчиво потянула за клок шерсти. — Могло быть хуже...

— Ты о чем думаешь? — спросила старуха, не открывая глаз. — Смутил он тебя, рыжий черт. Грех у тебя на уме.

— Он князь, он храбрый витязь, — сказала девушка.

— Да и нет греха в моих мыслях.

— Грешишь, грешишь... Даст бог, доберусь до Смоленска, умоляю брата, чтобы наказал он разбойников. Сколько лет я дома не была...

— Скоро служба кончится? — спросила девушка. — У русских такие длинные службы.

— Наш обряд византийский, торжественный, — сказала старуха. — Я вот сменила веру, а порой мучаюсь. А ты выйдешь за князя, перейдешь в настоящую веру, мои грехи замаливать...

— Ах, пустой разговор, тетя. Вы, русские, очень легковерные. Ну кто нас спасать будет, если все думают, что мы у леттов. Возьмут нас меченосцы, город сожгут...

— Не приведи господь, не приведи господь! Страшен будет гнев короля Лешко.

— Нам-то будет все равно.

— Кто эта Магда? — спросила Анна. — Все о ней говорят.

— Вернее всего, родственница, может, или дочь польского короля Лешко Белого. И ехала в Смоленск... Давайте поглядим, не в церкви ли князь?

Перед раскрытыми дверями собора сидели увечные и нищие.

Шар проник сквозь стену собора, и Анне показалось, что она ощущает запах свечей и ладана. Шла служба. Сумеречный свет проникал за спиной священника в расшитой золотом ризе. Его увеличенная тень покачивалась, застилая фрески — суровых чернобородых старцев, глядевших со стен на людей, наполнивших небольшой собор сплошной массой тел.

Роман стоял рядом с князем впереди, они были почти одного роста. Губы чародея чуть шевелились.

— Ворота слабые, — тихо говорил он князю. — Ворота не выдержат. Знаешь?

Князь поморщился:

— На улицах биться будем, в лес уйдем.

— Не уйти. У них на каждого твоего дружиинника пять человек. Кольчужных. Ты же знаешь, зачем говоришь?

— Потому что тогда лучше бы и не начинать. Придумай съе чего. Огнем их сожги.

- Не могу. Припас кончился.
- Ты купи.
- Негде. Мне сера нужна. За ней ехать далеко надо.
- Тогда колдуй. Ты чародей.
- Колдовством не поможешь. Не чародей я.
- Если не чародей, чего тебя в Смоленске жгли?
- Завидовали. Попы завидовали. И монахи. Думали, я золото делаю...

Они замолчали, прислушиваясь к священнику. Князь перекрестился, потом бросил взгляд на соседа.

- А что звезды говорят? Выстоим, пока лягва придет?
- Боюсь, не дождемся. Орден с приступом тянуть не будет.

— Выстоим, — сказал князь. — Должны выстоять. А ты думай. Тебя первого вздернут. Или надеешься на старую дружбу?

- Нет у меня с ними дружбы.
- Значит, вздернут. И еще скажу. Ты на польскую княжну глаз не пяль. Не по тебе товар.
- Я княжеского рода, брат.
- А она королевской крови.
- Я свое место знаю, брат, — сказал Роман.
- Хитришь. Да бог с тобой. Только не вздумай бежать. И чародейство не поможет. Ятвягов за тобой пошли.
- Не грози, — сказал Роман. — Мне идти пора.
- Ты куда? Поп не кончил.
- Акиплешу на торг посыпал. Ждет он меня. Работать надо.

— Ну иди, только незаметно.

Роман повернулся и стал осторожно проталкиваться назад. Князь поглядел вслед. Он улыбнулся, но улыбка была недоброй.

Кин вывел шар из собора к паперти, где, дожидаясь конца службы, дрожали под сумрачным мокрым небом калеки и нищие. Роман быстро вышел из приоткрытой двери. Посмотрел через площадь. Там ковылял, прижимая к груди глиняную миску и розовый обожженный горшок, шут.

— Тебя за смертью посыпать, — сказал Роман, сбегая на площадь.

— Не бей меня, дяденька, — заверещал шут, скалясь. Зашевелились нищие, глядя на него. — Гости позакрыва-

ли лавки, врага ждут, придет немец, снова торговать начнут. Что гостю? Мы на виселицу, а он — веселиться.

Роман прошел через площадь. Шут за ним, прихрамывая, горбясь. Они миновали колодец, коновязь, завернули в узкий, двоим не разойтись, закоулок. В конце его, у вала, в заборе была низкая калитка. Роман ударил три раза кулаком. Открылось потайное окошко, медленно растворилась низкая дверь. Там стоял стражник в короткой кольчуге и кожаной шапке. Он отступил в сторону, пропуская Романа. Тесный двор, заросший травой, несколько каменных глыб, окружавших выжженное углубление в земле... Роман по деревянным мосткам пересек двор, поднялся на крыльце невысокого приземистого бревенчатого дома на каменном фундаменте. Кольцо двери было вставлено в медную морду льва. Где же Анна такую ручку видела? Да, в коробке-музее деда Геннадия.

В горнице Роман сбросил плащ на руки подбежавшему красивому чернобровому отроку.

— Ты чего ждешь? — спросил он шута.

Шут поставил на пол миску, взялся за скобу в полу, потянул на себя крышку люка — обнаружился ход в подвал. Роман опустился первым. За ним шут и черноброный отрок.

Обширный подпол освещался из окошек под самым потолком. На полках стояли горящие плошки с жиром. Огоньки отражались от стеклянных реторт, банок мутного, грубого стекла, от глиняных мисок, медных сосудов, соединенных металлическими и стеклянными трубками. Горел огонь в низкой с большим зевом печи, возле нее стоял обнаженный по пояс жилистый мужчина в кожаном фартуке. Он обернулся к вошедшим.

— Остужай понемногу, — сказал Роман, заглянув в печь.

Шут заглянул в печь из-под локтя чародея и сказал:

— Давно пора студить.

— Знаем, — сказал мужчина. У него были длинные висячие усы, черные, близко посаженные глаза. Редкие волосы падали на лоб, и он все время отводил их за уши.

— Скоро орден на приступ пойдет, — сказал Роман.

— Остудить не успеем, — ответил тот. — А жалко.

— Студи, — сказал Роман, — неизвестно, как судьба

повернется. А у меня нет сил в который раз все собирать и строить.

— А ты, дяденька, епископу в ноги поклонись, — сказал шут. — Обещай судьбу узнать, золота достать. Он и пожалеет.

— Глупости и скудоумие, — сказал Роман.

— По-моему, что скудоумие, что многоумие — все нелепица, — сказал шут. Подошел к длинному в подпалинах и пятнах столу, налил из одной склянки в другую — пошел едкий дым. Роман отмахнулся, морщась. Жилистый мужик отступил к печи.

— Ты чего? — возмутился Роман. — Отравить нас хочешь?

— А может, так и надо? Ты девицу полюбил, а тебе не положено, я склянку вылил, а мне не положено, князь епископу перечит, а ему не положено. Вот бы нас всех и отправить на тот свет.

— Молчи, дурак, — сказал Роман устало, — лучше бы приворотного зелья накапал, чем бездельничать.

— Нет! — воскликнул шут, подбегая к столу и запрокидывая голову, чтобы поближе поглядеть на Романа. — Не пойму тебя, дяденька, и умный ты у нас, и способный, и славный на всю Европу — на что тебе княжна? Наше дело ясное — город беречь, золото добывать, место знать.

— Молчи, смерд, — сказал Роман. — Мое место среди королей и князей. И по роду, и по власти. И по уму!

Отрок глядел на Романа влюбленными глазами неофита.

— Сделанное, передуманное не могу бросить. Во мне великие тайны хранятся — недосказанные, неоконченные. — Роман широким жестом обвел подвал.

— Значит, так, — сказал шут, подпрыгнув, посмеиваясь, размахивая склянкой, бесстыжий и наглый, — значит, ты от девицы отказываешься, дяденька, ради этих банок-склянок? Будем дома сидеть, банки беречь. Пока ландмейстер с мечом не придет.

— Но как все сохранить? — прошептал Роман, уперев кулак в стол. — Скажи, как спасти? Как отсрочку получить?

— Не выйдет, дяденька. Один осел хотел из двух кормушек жрать, как эллины говорили, да с голоду помер.

Роман достал с полки склянку.

— Ты все помнишь?

— Если девице дать выпить три капли, на край света пойдет. Дай, сам отопью. Романа полюблю, ноги ему целовать буду, замуж за него пойду...

Отрок хихикнул и тут же смешался под взглядом Романа.

— Хватит, бесовское отродье! — взорвался чародей. — Забыл, что я тебя из гнилой ямы выкупил?

— Помню, дяденька, — сказал шут. — Ой как помню!

— Все-таки он похож на обезьяну, — сказала Анна. — На злую обезьяну. В нем есть что-то предательское.

— Боярин, — сказал жилистый мужчина, — а что с огненным горшком делать?

— Это сейчас не нужно, Мажей, — сказал Роман.

— Ты сказал, что и меня пошлешь, — сказал Мажей. — Божий дворяне весь мой род вырезали. Не могу забыть. Ты обещал.

— Господи! — Роман сел на лавку, ударился локтями о стол, схватил голову руками. — Пустяки это все, суета сует!

— Господин, — сказал Мажей с тупой настойчивостью, — ты обещал мне. Я пойду и убью епископа.

— Неужели не понимаешь, — почти кричал Роман, — ничем мы город не спасем! Не испугаются они, не отступят, их вдесятеро больше, за ними сила, орден, Европа, Магдебург, папа... Конрад Мазовецкий им войско даст, датский король ждет не дождется. Вы же темные, вам кажется, что весь мир вокруг нашего городка сомкнулся! Я и башню жечь не хотел... Вячко меня прижал. Лучше смириться, ордену кровь не нужна, орден бы князю город оставил... Неужели вам крови мало?

— Ты заговорил иначе, боярин, — сказал Мажей. — Я с тобой всегда был, потому что верил. Может, других городов не видал — наши литовские городки по лесам раскиданы, но, пока орден на нашей земле, мне не жить. Мы орден не звали.

— Бороться тоже надо с умом, — стукнул кулаком по столу Роман. — Сегодня ночью они на приступ пойдут. Возьмут город, могут нас пощадить. Если мы поднимем руку на Альберта — они всех нас вырежут. И детей, и баб, и тебя, шут, и меня...

— Я убью епископа, — сказал Мажей.

— А я, дяденька, — сказал шут, — с тобой не согласен. Волки добрые, а овец кушают.

— Молчи, раб! — озлился Роман. — Я тебя десятый год кормлю и спасаю от бед. Если бы не я, тебя уж трижды повесили бы.

— Правильно, дяденька, — вдруг рассмеялся шут. — Зато я иногда глупость скажу, умные не догадаются. Рабом я был, рабом умру, зато совесть мучить не будет.

— Чем болтать, иди к княжне, — сказал Роман жестко. — Даешь ей приворотного зелья. Так, чтобы старуха не заметила.

— И это гений, — вздохнула Анна.

— А что? — спросил Кин.

— Верить в приворотное зелье...

— Почему же нет? И в двадцатом веке верят.

— Иду, — сказал шут, — только ты к немцам не убеги.

— Убью. Ты давно это заслужил.

— Убьешь, да не сегодня. Сегодня я еще нужен. Только зря ты епископа бережешь. Он тебе спасибо не скажет.

Шут подхватил склянку и ловко вскарабкался вверх.

Мажей вернулся к печи, помешивал там кочергой, молчал. Роман прошелся по комнате.

— Нет, — сказал он сам себе, — нет. Все не так...

Отрок присел у стены на корточки. Роман вернулся к столу.

— Может, пойти за шутом? — спросила Анна.

— Мне сейчас важнее Роман, — сказал Кин.

— Поди сюда, Глузд, — сказал Роман, не оборачиваясь.

Отрок легко поднялся, сделал шаг. И тут же обернулся.

Роман резко поднял голову, посмотрел туда же. Вскочил из-за стола. Мажея в комнате не было.

Роман одним скачком бросился за печку. Там оказалась низкая массивная дверь. Она была приоткрыта.

— Глузд, ты чего смотрел? Мажей сбежал!

— Куда сбежал? — не понял отрок.

— Он же с горшком сбежал. Он же епископа убить хочет!

Роман толкнул дверь, заглянул внутрь, хлопнул себя по боку, где висел короткий меч, выхватил его из ножен и скрылся в темноте.

Отрок остался снаружи, заглянул в ход, и Анне показалась, что его спина растет, заполняя экран. Стало темно — шар пронзил отрока, пронеся в темноте, и темнота казалась бесконечной, как кажется бесконечным железнодорожный туннель, а потом наступил сиреневый дождливый вечер. Они были метрах в ста от крепостного вала, в низине, заросшей кустарником. Между низиной и крепостью медленно ехали верхом два немецких ратника, поглядывая на городскую стену. На угловой башне покачивались шлемы стражников.

Вдруг в откосе образовалась черная дыра — откинулась в сторону дверь, забранная снаружи дерном. В проеме стоял Роман. Он внимательно оглядился. Дождь усилился и мутной сеткой скрывал его лицо. Никого не увидев, Роман отступил в черный проем, потянув на себя дверь. Перед глазами был поросший кустами откос. И никаких следов двери.

Кин вернул шар в подвал, на мгновение обогнав Романа.

Отрок, так и стоявший в дверях подземного хода, отлетел в сторону — Роман отшвырнул его, метнулся к столу. Отрок подошел, остановился сзади. Роман рванул к себе лист пергамента и принялся быстро писать.

— Стучат, — сказал Кин. — Анна, слышишь?

В дверь стучали.

Анна сделала усилие, чтобы вернуться в двадцатый век.

— Закрой дверь, — быстрым шепотом сказал Кин. — И хоть умри, чтобы никто сюда не вошел. Мы не можем прервать работу. Через полчаса я ухожу в прошлое.

— Есть, капитан, — сказала Анна также шепотом.

От двери она оглянулась. Кин следил за шаром. Жюль следил за приборами. Они надеялись на Анну.

За дверью стоял дед Геннадий. Этого Анна и боялась.

— Ты чего запираешься? — сказал он. — По телевизору французский фильм показывают из средневековой жизни. Я за тобой.

— Ой, у меня голова болит! — сказала Анна. — Совершенно не могу из дома выйти. Легла уже.

— Как легла? — удивился Геннадий. — Воздух у нас свежий, с воздуха и болит. Хочешь, горчишки поставил?

— Да я же не простужена. У меня голова болит, устала.

— А может, по рюмочке? — спросил дед Геннадий.

Анне надо было не пускать деда в сени, где на полу сохранялись следы трудовой деятельности Жюля.

— Нет, спасибо, не хочется.

— Ну, тогда я пошел, — сказал дед, не делая ни шагу. — А то французский фильм начинается. Эти не возвращались? Реставраторы?

— Нет. Они же на станцию уехали.

— А газика-то сначала не было, а потом взялся. Удивительное дело. Здесь разве газик проедет?

— Они с холма приехали.

— Я и говорю, что не проедет. Но люди приятные, образованные. Изучают наше прошлое.

— Я пойду лягу, можно?

— Иди, конечно, разве я держу, а то фильм начинается. Если захочешь, приходи, я смотреть буду.

Наконец дед ушел. Анна не стала дожидаться, пока он скроется за калиткой, — бросилась обратно в холодную горницу.

За время ее отсутствия сцена в шаре изменилась.

Он вернулся на верхний этаж терема — в угловой комнате была лишь польская княжна Магда. Анна не сразу увидела, что на полу, скрестив ноги, сидит шут.

— Я слышала шум, — сказала Магда. — Начался приступ?

— А что им делать? Пришли к обеду, значит, ложку подавай. А если блюдо пустое, а они голодные...

— Ты где научился польскому языку, дурак?

— Мотало шапку по волнам, — ухмыльнулся шут. — То здесь, то там.

— Это правда, что твой хозяин сжег орденскую башню?

— Он и десять башен сжечь может. Был бы огонь.

— Он чародей?

— И что вам, бабам, в чародеях? Где щекочет — туда пальчики тянете. Обожжетесь.

— Везде огонь, — сказала княжна. Она вдруг подошла к шуту, села рядом с ним на ковер. И Анна поняла, что княжна очень молода, ей лет восемнадцать. — Я в Смоленск ехать не хотела, — сказала она. — У меня дома котенок остался.

- Черный? — спросил шут.
- Серый, такой пушистый. И ласковый. А потом налетты захватили. Пана Тадеуша убили. Зачем они на нас напали?
- Боярин говорит, что их немцы послали.
- Мой отец письмо епископу писал. Мы же не в диких местах живем. А в Смоленске стены крепкие?
- Смоленск никто не тронет. Смоленск — великий город, — сказал шут. — Нас с боярином Романом оттуда так гнали, что мы даже бумаги забрать не успели. И печатный станок наш сожгли.
- Какой станок?
- Чтобы молитвы печатать.
- Боярин Роман с дьяволом знается?
- Куда ему! Если бы дьявол за него был, разве бы он допустил, чтобы монахи нас в Смоленске пожгли?
- Дьявол хитрый, — сказала княжна.
- Не без этого, — сказал шут. — Люб тебе наш боярин?
- Нельзя так говорить. Я в Смоленск еду, там меня замуж отдадут. За княжьего сына, Изяслава Владимира.
- Если доедешь, — сказал шут.
- Не говори так! Мой отец рыцарям друг. Он им землю дал.
- А ночью кто разберется?
- Князь Вячко их в город не пустит. Он красивый.
- Ребенок ты, ну прямо ребенок. — Шут поднялся и подошел к столу. — Это квас у тебя?
- Мне тоже дай напиться, — сказала, легко поднимаясь с ковра, девушка.
- Шут вдруг резко обернулся, взглянул на дверь:
- Пить, говоришь, хочешь?
- А ну-ка, — сказал Кин и метнул шар к двери, пронзил ее, и в узком коридоре Анна увидела прижавшегося в угол Романа.
- Он ее любит, — сказала Анна.
- Этого еще нам не хватало, — сказал Жюль.
- А тетка ее ругала за склонность к князю, помните?
- Помню, — сказал Кин, возвращая шар в комнату. Как раз в тот момент, когда шут ловко, фокусником

плеснула из склянки в кубок приворотное зелье. Протянул девушки.

— Спасибо. Ты не уходи, Акиплеша. Мне страшно одной.

— Все, — сказал Кин. — Пора собираться.

19

— Как вы думаете, — сказала Анна, пока Кин подбирал с кровати рубаху и сапоги, — тот литовец убьет епископа?

— Нет, — сказал Кин. — Епископ умрет лет через пятнадцать. Жюль, проверь, чтобы ничего не оставалось в сенях.

— А вы не вернетесь? — Анна вдруг поняла, что представление заканчивается. Последнее действие — похищение чародея. И занавес. Зрители покидают зал. Актеры заранее собрали реквизит и переезжают в другой городок.

— Если все обойдется, — сказал Кин сухо, — то не вернусь. Жюль перебросит нас домой. Дед Геннадий приходил?

Анна кивнула.

— Сварить кофе?

— Только себе и Жюлю, — сказал Кин. — Перед переброской лучше не есть. Я завтра утром позавтракаю. Дома...

— Все-таки этот шут мне неприятен, — сказала Анна. — Девушка ничего не подозревает...

— Он его раб, — сказал Кин. — Роман его спас от смерти. Но приворотного зелья не существует. Это уже доказано наукой.

— Не знаю, — сказала Анна. — Вы же сами говорили, что Роман — универсальный гений. Может, придумал.

— Я буду переодеваться, — сказал Кин. — И боюсь вам помешать. Вы хотели сделать кофе.

— Конечно, — сказала Анна.

Она разожгла плиту — хорошо, что взяла с собой молотого кофе, — и вдруг страшно рассердилась. И поняла, почему. Ее присутствие терпели, как присутствие деда Геннадия, и забыли о ней в первый же удобный момент. А чего ты ждала, голубушка? Что тебя пригласят на

экскурсию в будущее? Чепуха, ты просто ни о чем не думала, а решила, что бесплатное развлечение будет длиться вечно... Кин за перегородкой чем-то загремел. Интересно, он берет с собой оружие?

— Ну как? — спросил Кин.

Анна обернулась. В дверях кухни стоял обросший короткой бородой мужчина из тридцатого века, зажиточный, крепкий, меч сбоку, кольчуга под накидкой, на шее странный обруч — в виде серебряной змеи. Был этот мужик пониже ростом, чем Кин, пошире его в плечах, длинные пегие волосы собраны тесемкой.

— Я бы вас никогда не узнала, — сказала Анна.

— Спасибо, — сказал Кин.

— А почему змея?

— Это уж. Я литовский воин, из охраны Романа.

— Но они же друг друга знают.

— Сейчас темно. Я не буду соваться на передний план.

— А я кофе сварила, — сказала Анна.

— Кофе? Налейте Жюлю.

Жюль уже собрал один из пультов, закрыл чемодан и вынес в прихожую. Сам вернулся к пульту связи.

— Жюль, — сказала Анна, — выпей кофе.

— Спасибо, девочка, — сказал Жюль, — поставь на столик.

Анна поставила чашку под выключенный шар. Если не нужна, лучше не навязываться. В прихожей ее догнал голос Жюля:

— Мне будет жаль, если я тебя больше не увижу, — сказал он. — Такая у нас работа.

— Такая работа, — улыбнулась Анна, оборачиваясь к нему. Она была ему благодарна за живые слова.

На кухне Кин стоял, прихлебывал кофе.

— Вам же нельзя! — не удержалась Анна.

— Конечно, лучше не пить. Только вот вам не осталось.

— Ничего, я себе еще сварю.

— Правильно, — сказал Кин.

20

Выход в прошлое чуть было не сорвался. Они все стояли в прихожей, над чемоданами и ящиками. И снова раздался стук в дверь.

- Кто? — спросила Анна.
- У тебя все в порядке? — спросил дед Геннадий.
- А что?
- Голоса слышу, — сказал дед.
- Кин метнулся на кухню. Жюль закрылся в задней комнате. Анна медлила с засовом.
- У меня радио, — сказала она. — Радио я слушала. Я уже спать легла.
- Спать легла, а свет не тушишь, — проворчал дед. — Я тебе анальгин принес.
- Зачем мне анальгин?
- От головной боли, известное дело. Раз жаловалась.
- Пришлось открыть. На улице дул сырой ветер. Яркая луна освещала шляпу деда, лицо под ней казалось черным. Дед постарался заглянуть за спину Анны, но в прихожей было темно. Пачка таблеток была теплой, нагрелась от ладони деда.
- Беспокоюсь я за тебя, — сказал он. — Вообще-то у нас места тихие, разбойников, понятно, нет, нечем им интересоваться, но какое-то к тебе есть опасное притяжение.
- Я не боюсь. Спасибо за лекарство. Спокойной ночи.
- Анна быстро захлопнула дверь, решив, что, если дед обидится, у нее будет достаточно времени с ним поладить... Дед еще постоял на крыльце, повздыхал, потом заскрипели ступеньки. Кин подошел к окну в прихожей — дед медленно брел по тропинке.
- Спасибо, Анна, не знаю, что бы мы без тебя делали, — сказал Кин.
- Не лицемерьте. Он приходит именно потому, что я здесь. Не было бы меня, он бы и не заподозрил.
- Ты права, — сказал Кин.
- Он прошел, мягко ступая по половицам, в холодную комнату, включил шар и повел его из горницы польской княжны, сейчас темной, наружу, через залитую дождем площадь, мимо коновязи, где переминались мокрые кони, мимо колодца, в закоулок, к дому Романа. За забором во дворе шар опустился к земле и замер. Кин выпростал руки из столика, перешел в другой угол комнаты, где стояла тонкая металлическая рама — под ней металлическая платформочка, похожая на напольные весы. Воздух в раме чуть колебался.
- Давай напряжение, — сказал Кин.

— Одну минуту, — сказал Жюль. — Дай я уберу вещи, а то потом некогда будет отвлекаться.

Сзади Анны зашуршало, щелкнуло. Она обернулась и увидела, как исчез один чемодан — с лишней одеждой, потом второй, с пультом. Прихожая опустела.

Кин вступил в раму. Жюль подвинул табурет поближе к шару, натянул на левую руку черную перчатку.

— Начинается ювелирная работа, — сказал он.

Кин бросил на Анну, как ей показалось, удивленный взгляд, словно не понимал, с кем разговаривает Жюль.

— Не отвлекайся, — сказал он.

Шар показывал темный двор. Под небольшим навесом у калитки съежился, видно, дремал, стражник, похожий на Кина.

— Чуть ближе к сараю, — сказал Кин.

— Не ушибись, — сказал Жюль, — желаю счастья.

Кин поднял руку. Раздалось громкое жужжение, словно в комнату влетел пчелиный рой. И Кин исчез.

21

Кин вышел из тени сарая — на дворе стояла темень, угадывались лишь силуэты предметов. Слабый свет выбивался из щели двери в сарай. Кин скользнул туда, чуть приоткрыл дверь — лучина освещала низкое помещение, на нарах играли в кости два стражника. Кин пошел к воротам. Стражник у ворот дремал под навесом, кое-как защищавшим от дождя.

Кин был уже возле стражника, когда трижды ударили в дверь — по ту сторону забора стоял Роман, у его ног сгорбленной собачонкой — шут Акиплеша.

Стражник вздохнул, поежился во сне. Кин быстро шагнул к воротам, выглянул, узнал Романа, отодвинул засов.

— Ни черта не видно, — проворчал Роман.

— Я до двери провожу, — сказал Кин. — За мной идите.

— В такую темень можно уйти, — сказал Роман. — По крайней мере часть добра мы бы вынесли.

— А дальше что? — спросил шут. — Будешь, дяденька, по лесу посуду носить, медведей кормить?

— Не спеши, в грязь попаду, — сказал Роман Кину.

Он шел по деревянным мосткам, держась за край его плаща.

Анна вдруг хмыкнула.

— Ты чего? — спросил Жюль.

— Знал бы Роман, что коллегу за полу держит.

— Лучше, чтобы не знал, — серьезно ответил Жюль.

— Ты зачем подсматривал, дяденька? — спросил шут. — Не поверил, что дам любезнай зелье?

— Она придет ко мне?

— Кого поумней меня спроси!

Заскрипели ступеньки крыльца.

Дверь, отворившись, обозначила силуэты людей. Кин сразу отступил в сторону. Донесся голос шута:

— Что-то этого ратника не помню.

— Они все одинаковые, — сказал Роман.

В приотворенную дверь видно было, как шут откинул люк в подвал. Заглянул внутрь. Выпрямился.

— Мажей не возвращался, — сказал он.

Голос его вдруг дрогнул. Анна подумала, что и шуты устают быть шутами.

— Лучше будет, если он не вернется, — сказал Роман.

— Разум покидает тебя, боярин, — сказал шут жестко. — Мажей верно служил тебе много лет.

— Город не выстоит, даже если вся литва придет на помощь.

— Если погибнет епископ, будет справедливо.

— И рыцари отомстят нам жестоко. Мы погибнем.

— Мы выиграем день. Придет литва.

— Я думаю о самом главном. Я на пороге тайны. Еще день, неделя, месяц — и секрет философского камня у меня в руках. Я стану велик... Князья государств и церкви будут у моих ног... Никто не посмеет отобрать у меня Магдалену.

— Дурак, — сказал спокойно шут, — умный, а дурак, хуже меня. Епископ...

— А что, епископу золото не нужно? Власть не нужна?

Епископ будет беречь меня как золотую птицу.

— Но в клетке, дяденька.

— Условия будут мои.

— Птичка в клетке велела хозяину щи подавать?

— Будут подавать. Как миленькие.

— Рыцари прихлопнут тебя, не станут разбираться...

- Епископ знает, что я здесь. Не даст меня в обиду.
- И ты его поэтому бережешь?
- Любой ценой. Не ради меня — ради великой тайны.
- Ой, боярин...
- Ты не веришь?
- Нет.

Роман вдруг выхватил нож.

- Я убью тебя!

— Нельзя! — крикнул шут. С неожиданной ловкостью он перепрыгнул через открытый люк в подвал, перед слабо освещенным зевом которого остановился Роман. Ухмылка не исчезла с его лица. Он бросился наружу. Кин еле успел отшатнуться.

На крыльце шут нахохлился, голова ушла в широкие плечи.

— Дождик, — сказал он, — дождик какой... До конца света дождик... Жизни нет, один дождик.

Заскрипели ступеньки. Шут спустился во двор...

Кин стоял посреди верхней горницы. Роман спустился в подвал, но люк оставил открытым.

Кин осторожно заглянул вовнутрь. Шар, повиснув над ним, глядел туда же.

Роман стоял у стола, постукивая концами пальцев по его краю. Вдруг он вздрогнул. Он увидел, что у потухшей печи, мокрый, замерзший, стоит отрок.

- Ты что же молчишь? — спросил Роман.
- Я не догнал его, — сказал отрок.
- А я и не ждал, что ты его догонишь. А там ты был?
- Был, — сказал отрок.
- Что сказали?
- Сказали, в час после полуночи.
- Ты грёся, грёся, — сказал Роман. — Потом поможешь мне.
- Бьет меня дрожь, — сказал отрок. — Орден нас примет?

— Ты не бойся. Меня везде знают. Меня в Венеции знают. И в Магдебурге, и в Майнце знают... Меня убить нельзя...

В этот момент все и случилось.

Шар висел над самой головой Кина. Поэтому не было видно, кто нанес Кину удар сзади. На мгновение изображение исчезло, затем возникло удивленное лицо Кина. Он

попытался обернуться и тут же, потеряв равновесие, рухнул в люк, медленно сполз в подвал по ступеням лестницы.

— Стой! Он же разобьется!

Сверху мелькнул аркан — за секунду шут успел достать и метнуть его так, что веревка охватила плечи Кина в полуметре от пола подвала и остановила падение. Затем безжизненное тело опустилось на пол, и, подняв шар, Жюль увидел над люком шута с арканом в одной руке, с дубиной — в другой.

Роман и отрок отшатнулись от люка, замерли.

Роман первым сообразил, в чем дело.

— Кто? — спросил он.

— Он мне с самого начала не показался — нет у нас такого в стражниках. У меня знаешь, какая память на лица. Подслушивал. Думаю, епископский лазутчик.

Глаза Кина были закрыты.

— Ты его не убил? — спросил Роман.

— У нас, литовцев, головы железные, — сказал шут.

— Что же делать? — сказала Анна. — Они его убьют.

Ну сделай что-нибудь, Жюль, миленький! Вытащи его обратно.

— Без его помощи не могу.

— Так придумай.

— Да погоди ты! — огрызнулся Жюль. — Ты думаешь, он на прогулку пошел? Выпутается. Обязательно выпутается. Ничего...

— Надо с ним поговорить, — сказал Роман.

— Только возьми у него... это.

Шут нагнулся, выхватил у Кина меч, арканом стянул ему руки.

В этот момент в люке показалось лицо другого стражника.

— А, Йовайла, — сказал шут. — Ты этого земляка не знаешь?

— Нет, — сказал тот быстро. — За воротами князь.

— Этого еще не хватало, — сказал Роман. — Акиплеша, убери, быстро, быстро, ну! Глузд, помоги ему!

Они оттащили Кина в сторону, в тень, Роман насыпал сверху ворох тряпья... Сцена было зловещей — тени метались по стенам, сплетались, будто дрались между собой.

Князь быстро спускался вниз, ступени прогибались, за

ним — в двух шагах — ятвяг, в черной куртке и красном колпаке.

Князь был в кольчуге, короткий плащ промок, прилип к спине, рыжие волосы взъерошились. Князь был зол.

— Орден на приступ собрался, лестницы волокут... Как держаться, ворота слабые, людей мало. Ты чего здесь таишься?

— Какая от меня польза на стене? Я здесь нужнее.

— Ты думай. Нам бы до завтра продержаться. Роман, почему на башнях огненной воды нет?

— Кончилась, княже.

— Чтобы была! Не отстоим город — первым погрешишь.

— Князь, я твоего рода, не говори так. Я все делаю...

— Не знаю, никому не верю. Как плохо — никого нет.

Где Владимир Полоцкий? Где Владимир Смоленский, где Мстислав Удалой? Владимир Псковский? Где рати? Где вся Русь?

— Я приду на стену, брат, — примирительно сказал Роман.

— Тут у тебя столько зелья заготовлено.

— Это чтобы золото делать.

— Мне сейчас золото не нужно — ты мне самородок дашь, я его на голову епископу брошу. Ты мне огонь дай, огонь!

— Я приду на стену, брат.

Кин пошевелился под тряпьем, видно, застонал, потому что князь метнулся к куче тряпья, разгреб ее. Кин был без сознания.

— Кто? Почему литовца связал?

— Чужой человек, — сказал Роман. — В доме у меня был. Не знаю — может, орденский лазутчик.

— Убей его! — Князь вытащил меч.

Анна прижала ладони к глазам.

— Нет, — услышала она голос Романа. — Я его допросить должен. Иди, князь, я приду. Сделаем огонь — придем.

— Ятвяг, — сказал князь, — останешься здесь.

— Лишнее, князь, — сказал Роман.

— Сейчас я никому не верю. Понял? Тебе не верю тоже. — Князь опустил рукоять меча. — Нам бы до завтра продержаться.

Князь, не оборачиваясь, быстро поднялся по лестнице.

Остановился, заглянув в подвал сверху. И ему видны были темные тени, неровно освещенные желтым светом лица, блеск реторт и трубок. Князь перекрестился, потолок над головами чародея и его помощников заколебался, вздрогнул от быстрых тяжелых шагов уходившего князя Вячко.

— Вся литовская рать не спасет его, — тихо сказал Роман.

Он сделал шаг к Кину, посмотрел внимательно на его лицо.

Ятвяг за его спиной тоже смотрел на Кина холодно и бесстрастно — для него смерть и жизнь были лишь моментами в бесконечном чередовании бытия и небытия.

— Дай чего-нибудь ятвягу, опои его, — сказал Роман.

— Он заговорил по-латыни, — заметил Жюль.

— Не все ли равно! — воскликнула Анна.

Ятвяг отступил на шаг, он был настороже.

— Не будет он пить, — сказал шут. — Он верный пес.

Кин открыл глаза. Помотал головой, поморщился от боли.

— Ничего, — сказал Жюль. — Мы не с такими справляемся.

— Пистолет бы ему.

— Он не имеет права никому причинять вреда.

— Даже если это грозит ему смертью?

— Мы готовы к этому, — сказал Жюль.

— Ты кто? — спросил Роман, склоняясь к Кину.

Кин молчал, глядел на Романа.

— Он не понимает по-немецки, — сообщил шут.

— Без тебя, дурак, вижу, наверное, притворяется.

— Так убей его, и дело с концом, — сказал шут.

— А вдруг его прислал епископ?

— Другого пришлет, — сказал шут. — С языком.

— Подлец, — сказала Анна сквозь зубы.

— Спроси его по-литовски, — сказал Роман.

— Ты что здесь делаешь? — спросил шут.

— Я пришел из Тракая, — сказал Кин. — Я своих увидел.

— Врешь, — сказал шут.

— Что он говорит?

— Врет, — сказал шут. — Убить его надо, и дело с концом.

Кин постарался приподняться.

Ятвяг мягким кошачьим движением выхватил саблю.

— Погодите, — сказал Кин. — Мессир Роман, у меня к вам важное дело.

— Он знает латынь? — вырвалось у Романа.

— Боярин, — сказал отрок, — время истекает.

— Время? — повторил ятвяг. — Князь ждет. Идите на башню.

— Сейчас, — сказал Роман. — Ты говоришь, что знаешь меня?

— Я принес вести из Бремена, — сказал Кин. — Я не могу сказать сейчас. Я скажу наедине. Развяжите меня.

— Нет, — сказал Роман. — Даже если ты не врешь, ты останешься здесь. Я не верю тебе.

— Время истекает, — сказал отрок.

— О чём он все время говорит? — спросил шут.

— Он должен встретиться с одним человеком.

Ятвяг положил на левую ладонь лезвие сабли, словно любясь ее тусклым блеском.

— Князь сказал, — повторил он, — пора идти.

— С тобой пойдет Акиплеша, — сказал Роман. — Он все знает.

— Князь сказал, — повторил ятвяг, и в словах его была угроза.

Анна увидела, что Роман сделал какой-то знак отроку и тот, чуть заметно кивнув, двинулся вдоль стены в полуслучае. Кин лежал с открытыми глазами. Внимательно следил за людьми в подвале. Чуть пошевелил плечами.

— Он снимет веревки, — прошептал Жюль, будто боялся, что его услышат, — главное — снять веревки.

Ятвяг также внимательно следил за тем, что происходит вокруг, словно предчувствовал неладное.

— Цезарь, — сказал шут, — не бери греха на душу.

— Ты никогда не станешь великим человеком, — ответил Роман, делая шаг к столу, чтобы отвлечь внимание ятвяга, — наше время не терпит добрых. Ставка слишком велика. Ставка — жизнь и великая магия. Ты! — крикнул он неожиданно ятвягу. И замахнулся кулаком. Ятвяг неизвестно вскинул саблю.

И в этот момент блеснул нож — коротко, смутно, отразившись в ретортах. И ятвяг сразу выпустил саблю, бессмысленно и безнадежно стараясь увидеть источник боли, достать закинутыми за спину руками вонзившийся

в спину нож... и, сдвинув тяжелый стол, упал на бок. Реторта с темной жидкостью вздрогнула, и Роман метнулся к столу и подхватил ее.

— Как я испугался... — сказал он.

Шут смотрел на ятвяга.

— Плохо вышло, — сказал шут. — Ой как плохо вышло...

— Скажем князю, что он ушел. Вытащи его наверх — и за сарай. Никто ночью не найдет.

— Кровь, — сказал шут. — И это есть знание?

— Ради которого я отдаю свою жизнь, а твою — поздравно, — сказал Роман. — Тащи, он легкий.

Шут стоял недвижно.

— Слушай, — сказал Роман. — Я виноват, я тебя всю жизнь другому учили... Я тебя учили, что жизнь можно сделать хорошей... но нельзя не бороться. За науку бороться надо, за счастье... Иди, мой раб. У нас уже нет выхода. И грех останется на мне.

Шут нагнулся и взял ятвяга за плечи. Голова упала назад — рот приоткрылся в гримасе.

Шут поволок его к лестнице. Отрок подхватил ноги убитого.

— Я больше не могу, — сказала Анна. — Это ужасно.

— Это не конец, — сказал Жюль. Он приблизил шар к лицу Кина, и тот, словно угадав, что его видят, улыбнулся краем губ.

— Вот видишь, — сказал Жюль. — Он справится.

В голосе Жюля не было уверенности.

— А нельзя вызвать помошь? — спросила Анна.

— Нет, — коротко ответил Жюль.

Шут с отроком втащили труп наверх. Роман окликнул отрока:

— Глузд! Вернись.

Отрок сбежал по лестнице вниз.

— Мне не дотащить, — сверху показалось лицо шута.

— Дотащи до выхода, позовешь Йовайлу. Спрячете — тут же иди на стену. Скажешь, что я — следом.

Отрок стоял посреди комнаты. Он был бледен.

— Устал, мой мальчик? Тяжела школа чародея?

— Я послужен, учитель, — сказал юноша.

— Тогда иди. Помни, что должен завязать ему глаза.

Отрок открыл потайную дверь и исчез за ней.

Роман поглядел на большие песочные часы, стоявшие на полке у печи. Песок уже весь высыпался. Он пожал плечами, перевернул часы и смотрел, как песок сыпется тонкой струйкой.

— Второй час полуночи, — сказал Кин. — Скоро начнет светать. Ночи короткие.

— Да? — Роман словно вспомнил, что не один в подвале. — Ты для меня загадка, литовец. Или не литовец? Лив? Эст?

— Разве это важно, чародей? — спросил Кин. — Я ученик Бертольда фон Гоца. Ты слышал это имя?

— Я слышал это имя, — сказал Роман. — Но ты забыл, что Бертольд уже два года как умер.

— Это пустой слух.

Дверь качнулась, отворилась, и из подземного хода появился отрок, ведя за руку высокого человека в монашеском одеянии, с капюшоном, надвинутым на лоб, и с темной повязкой на глазах.

— Можете снять повязку, — сказал Роман. — У нас мало времени.

Монах снял повязку и передал отроку.

— Я подчинился условиям, — сказал он. — Я тоже рисую жизнью.

Анна узнала ландмейстера Фридриха фон Кокенгаузена. Рыцарь подошел к столу и сел, положив на стол железную руку.

— Как рука? — спросил Роман.

— Я благодарен тебе, — сказал Фридрих. — Я могу держать ею щит. — Он повернул рычажок на тыльной стороне железной ладони. Пальцы сжались, словно охватили копье. — Спасибо. Епископ выбрал меня, потому что мы с тобой давнишние друзья, — сказал Фридрих. — И ты доверяешь мне. Расскажи, почему ты хотел нас видеть?

— Вы нашли литовца, который украл у меня огненную смесь?

— Да, — коротко сказал Фридрих. — В горшке твое зелье?

— Оно может разорвать на куски сто человек, — сказал Роман.

Жюль опять повернул шар, и Анна увидела, как Кин медленно движет рукой, освобождая ее.

— А это кто? — Рыцарь вдруг резко обернулся к Кину.

— Я тебя хотел спросить, — сказал Роман. — Он сказал, что он ученик Бертольда фон Гоца.

— Это ложь, — сказал рыцарь. — Я был у Бертольда перед его смертью. Нас, людей, причастных к великой тайне магии и превращения элементов, так мало на свете. Я знаю его учеников... Он лжет. Кстати, сейчас он освободит руку.

— Черт! — выругался Жюль. — Как он заметил?

Роман с отроком тут же бросились к Кину.

— Ты прав, брат, — сказал он Фридриху. — Спасибо тебе.

Кин был неподвижен.

— Это первый человек, который развязал узел моего шута.

— И поэтому его надо убить, — сказал рыцарь.

Роман подхватил из-под стола толстую веревку и надежно скрутил руки Кина.

— Погоди, — сказал Роман. — Он говорит по-латыни не хуже нас с тобой и знает Бертольда. Скоро вернется мой шут и допросит его. Он допросит его как надо, огнем.

— Как хочешь, — сказал рыцарь. — Я слышал, что ты близок к открытию тайны золота.

— Да, — сказал Роман. — Я близок. Но это долгая работа. Это будет не сегодня. Я беспокоюсь за судьбу этого деяния.

— Только ли деяния?

— И меня. И моих помощников.

— Чем мы тебе можем быть полезны?

— Ты знаешь чем — ты мой старый знакомый. Ты потерял руку, когда в твоем замке взорвалась реторта, хоть и говоришь, что это случилось в битве с сарацинами.

— Допустим, — сказал рыцарь.

— Мне главное — сохранить все это. Чтобы работать дальше.

— Похвально. Но если наши пойдут завтра на штурм, как я могу обещать тебе безопасность?

— И не только мне, брат, — сказал Роман. — Ты знаешь, у нас живет польская княжна?

Шар опять приблизился к Кину. Губы Кина шевельнулись:

— Плохо дело. Думай, Жюль...

Жюль кивнул, словно Кин мог увидеть его. И обернулся к Анне — может, искал сочувствия?

— Если ты уйдешь, я не справлюсь с машиной? — спросила Анна.

— Нет, моя девочка, — сказал Жюль тихо. — Тебе не вытянуть нас.

Роман и рыцарь подняли глаза.

— Кто-то идет, — сказал Роман отроку. — Задержи его. Я вернусь.

Рыцарь тяжело поднялся из-за стола и опустил капюшон.

— Завязать глаза? — спросил Фридрих.

Роман махнул рукой.

— Я выйду с тобой. Скорей.

Потайная дверь закрылась за рыцарем и Романом.

Шут спустился по лестнице.

— Где хозяин? — спросил он.

— Не знаю, — ответил отрок.

— Убежал к орденским братьям? Нет, он один не убежит. Ему все это нужно... это его золото... Это его власть и слава.

22

Жюль снова увеличил лицо Кина. Кин смотрел на шута.

Анна дернула Жюля за рукав:

— Я похожа на Магду. Ты сам говорил, что я похожа на Магду.

— Какую еще Магду? — В гусарских глазах Жюля была тоска.

— Польскую княжну, Магдалену.

— Ну и что?

— Я пойду туда. Вместо нее.

— Не говори глупостей. Тебя узнают. Мне еще не хватало твоей смерти. К тому же куда мы княжну денем?

— Слушай спокойно. У нас с тобой нет другого выхода. Время движется к рассвету. Кин связан и бессилен.

— Замолчи. И без твоих идей тошно.

— Все очень просто. Ты можешь меня высадить в любом месте?

— Да.

— Тогда высади меня в спальню княжны. Это единственный выход. Сообрази наконец. Если я не проберусь к Кину в ближайшие минуты, он погибнет. Я уж не говорю, что провалится все ваше дело. Кин может погибнуть. И мне это не все равно!

— Ты хочешь сказать, что мне все равно? Ты думаешь, Кин первый? Ты думаешь, никто из нас не погибал?..

В окошко под потолком тянуло влажным холодом — погода в двадцатом веке тоже начала портиться. Брехали собаки. Анна вдруг почувствовала себя вдвое старше Жюля.

— Вопрос не в праве! Веди шар! Будь мужчиной, Жюль! Вы меня уже посвятили в ваши дела...

— Нарушение прошлого может достичь критической точки.

— О чем ты говоришь! Кин лежит связанный.

Жюль несколько секунд сидел неподвижно. Затем резко обернулся, оценивающе посмотрел на Анну.

— Может получиться так, что я не смогу за тобой наблюдать.

— Не теряй времени. Веди шар в терем. Мне же надо переодеться.

— Погоди, может быть...

— Поехали, Жюль, миленький!

Анну охватило жуткое нетерпение — будто ей предстоял прыжок с парашютом и должно быть страшно, но опасение опоздать с прыжком оказывается сильнее страха.

Шар покинул дом Романа и пронесся над крышей. Краем глаза Анна увидела огоньки на стенах, далекое зарево. Впереди был терем.

Шар вошел в терем, потом завис в коридоре, медленно пополз вдоль темных стен. Анна подошла к раме, шагнула было нетерпеливо в нее, потом опомнилась, начала, путаясь в рукавах, стаскивать кофту...

— Все чисто, — сказал Жюль. — Можно...

— Погоди! — крикнула Анна. — Я же не могу там оставлять одежду!

Княжна спала на низком сундуке с жестким подголовником, накрывшись одеялом из шкур. Одинокая плошка горела на столе. По черной слюде окна стекали мутные капли дождя.

Шар быстро обежал комнату, заглянул в углы, остановился перед задней, закрытой дверью...

— Учи, что там спит ее тетка, — сказал Жюль. Потом другим голосом — изгнав сомнения, приняв решение: — Ладно. Теперь слушай внимательно. Момент переноса не терпит ошибок.

Жюль поднялся, достал из пульта плоскую облатку в сантиметр диаметром, прижал ее под левым ухом Анны. Облатка была прохладной. Она тихо щелкнула и присосалась к коже.

— Чтобы вернуться, ты должна замкнуть поле. Для этого дотронешься пальцем до этой... присоски. И я тебя вытяну. Будешь там приземляться — чуть подогни ноги, чтобы не было удара.

Польская княжна повернулась во сне, шевельнулись ее губы. Рука упала вниз — согнутые пальцы коснулись пола.

Анна быстро шагнула в раму. И тут же закружилась голова и началось падение — падение в глубь времени, бесконечное и страшное, потому что не за что было уцепиться, некому даже крикнуть, чтобы остановили, удержали, спасли, вернули, и не было голоса, не было верха и низа — была смерть или преддверие ее, в котором крутилась мысль: зачем же ей не сказали? Не предупредили? Зачем ее предали, бросили, оставили, ведь она никому ничего плохого не сделала? Она еще так молода, она не успела пожить... Жалость к себе охватила слезной немощью, болью в сердце, а падение продолжалось — и вдруг прервалось, подхватило внутренности, словно в остановившемся лифте, и Анна поняла, что может открыть глаза....

И твердый пол ударил по ступням.

Анна проглотила слону.

Только небольшая плошко с плавающим в ней фитилем горела на столе. Рядом стоял стул с прямой высокой деревянной спинкой. Запах плохо выделанных шкур, печного дыма, горелого масла, пота и мускуса ударил плотно в ноздри, уши услышали нервное тяжелое дыхание... Анна поняла, что она в тринадцатом веке.

Сколько прошло времени? Она падала туда час?.. Нет, это казалось ей, конечно, казалось, ведь Кин проскочил в прошлое почти мгновенно — ступил в раму и оказался во дворе Романа. А вдруг машина испортилась и потому ее путешествие было в самом деле длинным?.. Нет, на низком сундуке спит польская княжна, рука чуть касается пола.

— Раз-два-три-четыре-пять, — считала про себя Анна, чтобы мысли вернулись на место. Жюль сейчас видит ее в шаре. Где же шар? Должен быть чуть повышс, перед лицом, и Анна посмотрела туда, где должен быть шар, и улыбнулась Жюлю — ему сейчас хуже всех. Он один. Ах ты, гусар из двадцать седьмого века, тебе, наверно, влстит за то, что послушался ископаемую девчонку...

Теперь надо действовать. И очень быстро. В любой момент может начаться штурм города — Анна поглядела в небольшое забранное слюдой окошко, и сй показалось, что в черноте ночи она угадывает появление рассветной синевы.

Платье Магдалены лежало на табурете рядом с сундуком, невысокие сапожки без каблуков валялись рядом.

Анна шагнула к постели. И замерла, прислушиваясь. Терем был полон ночных звуками — скрипом половиц, шуршанием мышей на чердаке, отдаленным звоном оружия, окриком часового у крыльца, шепотом шаркающих шагов... Княжна забормотала во сне. Было душно. В тринацатом веке не любили открывать окон.

Платье княжны громко зашуршало. Выше талии оно скреплялось тесемками. Тесемки путались, одна оборвавась. Теперь очень важно — платок. Его нужно завязать так, чтобы скрыть волосы. Где шапочка — плоская с золотым обручем? Анна взяла со стола плошку и посветила под стол, в угол горницы — шапочка лежала на сундуке. Сейчас бы зеркало — как плохо уходить в прошлое в такой спешке! Средневековый наряд нам должен быть к лицу, подумала Анна, но как жаль, что придется черпать информацию об этом из чужих глаз. Конечно, у княжны где-то есть зеркальце на длинной ручке, как в сказках, но некогда шарить по чужим сундучкам. Анна расшнуровала кед — примерила княжий сапожок. Сапожок застрял в щиколотке — ни туда, ни сюда. За перегородкой кто-то заворочался. Женский голос спросил по-русски:

— Ты чего, Магда? Не спиши?

Анна замерла, ответила не сразу.

— Сплю, — сказала она тихо.

— Спи, спи, — это был голос тетки. — Может, дать чего?

Тетка тяжело вздохнула.

Анна отказалась от мысли погулять в сапожках. Ни-

чего, платье длинное. Как жаль, что дамы в то время не носили вуаль... Впрочем, наша трагедия проходит при искусственном освещении. Анна осмотрелась в последний раз — может, забыла чего-нибудь? Потом непроизвольно подняла руку княжны и положила на грудь, чтобы не затекала. Подумала, что сейчас Жюль, наверное, обругал ее последними словами — ну что за ненужный риск! А Анна ощущала странное единство с девушкой, которая и не подозревает, что ее платье позаимствовано другой, которая будет жить через много сотен лет...

— Ничего, — прошептала она, старательно шевеля губами, чтобы Жюль видел, — она крепко спит.

Анна прошла к двери — сильно заскрипело в соседней комнате, и голос окончательно проснувшейся тетки сообщил:

— Я к тебе пойду, девочка, не спится мне, тревожно...

Анна потянула к себе дверь. Дверь не поддалась. Удалили по полу голые ступни — как все слышно в этом доме! — тетка уронила что-то на пол. Шлеп-шлеп-шлеп — ее шаги. Проклятое кольцо в львиной пасти... Анна повернула кольцо и потянула на себя. Сзади тоже отворилась дверь, но Анна не стала оглядываться, нагнувшись, чтобы не расшибить голову, скользнула в темный коридор. Замерла в темноте. За дверью бубнил голос тетки.

23

Первый человек, который попался Анне, был стражник у входа в терем. Он стоял у перил крыльца, глядя на зарево, охватившее полнеба, прислушиваясь к далекому шуму на стенах.

Стражник оглянулся. Это был пожилой мужчина, кольчуга его была распорота на груди и кое-как стянута кожаным ремешком.

— Что горит? — спросила Анна, не давая стражнику возможности поразмыслить, почему польская княжна разгуливает по ночам. Впрочем, стражнику не было до этого дела — ощущение неминуемой угрозы овладело всеми горожанами.

— Стога горят — на Болоте.

Дождь почти перестал — зарево освещало крыши, но переулки за площадью скрывались в темноте. Отсюда, с

крыльца все выглядело иначе, чем в шаре, настолько, что Анну одолело сомнение — куда идти? Может, потому, что холодный ветер, несущий влагу, звуки и дыхание города, менял перспективу и уничтожал отстраненность, телевизионную условность изображения в шаре.

— Погоди, боярышня, — сказал стражник, только сейчас сообразив, что полька собирается в город. — Время неладное гулять.

— Я вернусь, — сказала Анна.

Ее тень, тонкая, неверная, длинная, бежала перед ней по мокрой земле площади.

— Если на стене будешь, — крикнул вслед ратник, — погляди, это стога горят или что?!

— Погляжу.

Анна миновала колодец, площадь сузилась — собор казался розовым. От улицы должен отходить проулок — к дому Романа. Анна ткнулась в темноту — остановилась. Она перестала быть наблюдателем и стала частью этого мира.

— Ууу, — загудело спереди, словно какой-то страшный зверь надвигался из темноты. Анна метнулась в сторону, ударила спиной о забор. Гудение спереди усиливалось, и Анна, не в силах более таиться, бросилась обратно к терему — там был стражник.

Из темноты возник страшный оборванный человек. Одну руку он прижимал к глазу, и между пальцев лилась кровь, во второй была суковатая дубина, которой он размахивал, удручающее воя — однообразно, словно пел. Анна побежала к терему, скользя по грязи и почему-то боясь крикнуть, боясь привлечь к себе внимание. Пьяные, неверные, угрожающие шаги человека с дубиной приближались, к ним примешался мерный грохот, топот, крики, но Анне некогда было остановиться — спрятаться. Куда-то пропал, как в кошмаре, стражник у крыльца — крыльцо было черным и пустым. И терем был черен и пуст.

Рычание преследователя вдруг поднялось в крик — визг — вопль — и оборвалось. Ветром подхватило, чуть не сбило Анну с ног — мимо пролетели черными тенями с огненными бликами на лицах всадники Апокалипсиса — ятвяги, окружившие князя Вячко, передние с факелами, от которых брызгами летели искры.

Анна обернулась — неясной тенью, почти не разли-

чишь в темноте, лежал преследователь... Терем сразу ожил — словно с облегчением осветился факелами. Выбежали стражники. Князь соскочил с коня. Ятвяги не спешились, крутились у крыльца.

— Кто там был? — спросил князь.

— Пьяный, которым овладели злые духи, — ответил ятвяг.

— Не хватало еще, чтобы по городу бегали убийцы. Ты и ты, зовите боярина Романа. Если не пойдет, ведите силой.

— Приведем.

Анне из тени у забора была видна усмешка ятвяга.

Ятвяги одинаково хлестнули коней, пронеслись совсем близко от Анны и пропали. Значит, там и есть нужный ей закоулок. Она слышала, как топот копыт прервался, раздался резкий высокий голос, который ударился о заборы, покатился обратно к улице, и Анна представила себе, как запершиеся в домах горожане прислушиваются к звукам с улиц. Наступает последняя ночь...

Князь Вячко вошел в терем. Ятвяги соскакивали с седел, вели поить коней.

Анна колебалась — войти в переулок? А вдруг сейчас промчаться обратно ятвяги с Романом? Но Роман мог не вернуться из подземного хода. А если он решит убить Кина?

Пауза затягивалась, и Анна физически ощущала, как сквозь нее сочится минутами время.

Нет, ждать больше нельзя. Она сделала шаг к углу, заглянула в короткий проулок. Ворота были распахнуты. Один из ятвягов стоял снаружи, у ворот, держал коней, второго не было видно.

И тут же в воротах блеснуло пламя. Шел стражник Романа с факелом. Роман быстро шагал следом. Он спешил. Ятвяги вскочили на коней и ехали чуть сзади, словно стерегли пленника. Роман был так бледен, что Анне показалось, что лицо его фосфоресцирует. Анна отпрянула за угол — человек с факелом прошел рядом. И тут же — глаза Романа — близко, узнающие...

— Магда! Ты ко мне?

— Да, — сказала Анна, прижимаясь к стене.

— Дождался, — сказал Роман, — пришла голубица.

— Торопись, боярин, — сказал ятвяг. — Князь гневается.

— Йовайла, проводи княжну до моего дома. Она будет ждать меня там. И если хоть один волос упадет с ее головы, тебе не жить... Дождись меня, Магдалена.

Ятвяг дотронулся рукоятью нагайки до спины ученого.

— Мы устали ждать, — сказал он.

Свет факела упал на труп сумасшедшего.

— Магда, я вернусь, — сказал Роман. — Ты доjdешься?

— Да, — сказала Анна. — Дождусь.

— Слава богу, — сказал Роман. Уходя к терему, он обернулся, чтобы убедиться, что стражник подчинился его приказу. Стражник, не оборачиваясь, шел по переулку. Он крикнул:

— Ворота не закрывайте, меня обратно послали. — И добавил что-то по-литовски. Ворота, готовые уже закрыться, застыли — оттуда выглянуло лицо другого стражника.

Нет худа без добра, подумала Анна. Не надо придумывать, как войти в дом. Он был готов увидеть Магду. И увидел.

24

Литовец проводил Анну до дверей. Два других стражника смотрели на нее равнодушно. В эту ночь их было трудно удивить.

Заскрипели доски дорожки, стражник поднялся к двери, толкнул ее и крикнул внутрь.

Анна ждала. Зарево немного уменьшилось, зато в противоположной стороне небо начало светлеть, хотя в городе было еще совсем темно.

Изнутри донеслись быстрые шаги, и на порог выбежал, ковыляя, шут. Он остановился в двери, вглядываясь.

— Пани Магда? — Он не верил своим глазам.

— Пан Роман сказал мне ждать его.

— Не может быть, — сказал шут. — Ты должна спать. Ты не должна была сюда приходить. Ни в коем случае! Пока ты в тереме, он не убежит, неужели не понимаешь? Ну почему ты не спишь? Ты же выпила зелье? Ах, теперь ты в его руках...

Анна подумала, что о зелье ей, как польской княжне, знать не положено. Но выразить интерес нужно.

— Какое зелье? — спросила она.

— Проходи, княжна, — сказал шут. — Не слушай дурака. Иди, сырь на улице стоять...

Он протянул слишком большую для его роста руку, и Анна послушно взяла ее за сухие пальцы и пошла в горницу.

Люк в подвале был закрыт. До Кина всего несколько шагов.

— Иди сюда, — сказал шут, открывая дверь во внутренние покои. Но Анна остановилась в первой комнате.

— Я подожду здесь, — сказала она.

— Как хочешь. — Шут был удручен. — И зачем ты пришла?.. — повторил он. — Кто разбудил тебя?

— Я пришла сама, — сказала Анна.

— Неужели я ошибся?.. Это же было зелье, от которого сама не проснешься...

«Он дал ей снотворного? Ах ты, интриган!» — чуть не вырвалось у Анны. Вместо этого она улыбнулась и спросила:

— А где же твой хозяин занимается чародейством? Здесь? Или в задней комнате?

Она прошлась по комнате, стуча пятками.

— Разве это так важно? — спросил шут. — Это уже неважно. Ты говоришь по-русски. Но странно. Говор твой чужой.

— Ты забыл, что я воспитана в Krakове?

— Воспитана? Чужое слово, — сказал шут. — Ты говоришь странные слова.

Люк изнутри откинулся.

Шут резко обернулся. Голова отрока появилась в люке.

— Ты чего, Глузд?

— Тот, литвин, бьется... боюсь я его... Погляди, Акиппеша.

— Прирежь его, — спокойно ответил шут.

— Нет! — вырвалось у Анны. — Как можно! — Она сделала шаг к открытому люку. — Как ты смеешь! — Она почти кричала — только бы Кин понял, что она рядом.

Шут ловко встал между люком и Анной.

— Тебе туда нельзя, княжна, — сказал он. — Не велено.

— Эй! — раздался снизу зычный голос Кина. — Развязжи меня, скоморох. Веди к князю. Я слово знаю!

— Знакомый голос, — сказала Магда. — Кто у тебя там?

— Не твое дело, госпожа.

— Раб! — возмутилась княжна. — Смерд! Как ты смеешь мне перечить! — Анна не боялась сказать какое-нибудь слово, которого в тринадцатом веке не существовало. Она иностранка и не имела иного образования, кроме домашнего.

И в ее голосе загремели такие княжеские интонации, что шут опешил, а отрок буквально оторопел.

— С дороги! — повелительно сказала Анна. — Посмотрим, что скажет господин Роман, когда узнает о твоем своеволии.

И шут сразу сник. Словно ему стало все равно — увидит Магда пленника или нет...

Анна отстранила отрока и величественно спустилась вниз, в знакомое ей (но не польской княжне) скопление реторт, горшков, тигелей и других примитивных, но впечатляющих сосудов зари химической науки. Сильно воняло серой и кислотой. Кин сидел, прислонившись к стене. Анна подмигнула ему, а Кин, видя, что отрок с шутом задержались наверху, нахмурился и проворчал сквозь зубы:

— Еще чего не хватало!

— Так вот ты где! — возмущенно проговорила княжна, глядя на Кина. — Почему ты связан? Что они с тобой сделали?

— Госпожа, — сообразил Кин, — я плохого не делал. Я пришел к господину Роману от вас, но меня никто не стал слушать.

Анна обернулась. Отрок стоял у лестницы, шут на ступеньках. Они внимательно слушали.

— Do you speak English?^{*}, — спросила Анна.

— Yes, a little^{**}, — сказал Кин.

— Нам нужно их убедить, — продолжала Анна по-английски.

— Молодец, — ответил Кин. — Я тебе помогу.

— Развяжи его, — приказала Анна отроку. — Разве ты не видишь, что он мой слуга?

* Вы говорите по-английски? (англ.).

** Да, немного.

Отрок был послушен.

— Сейчас, госпожа, — сказал он. — Сейчас, но господин...

— Господин сделает все, что я велю.

Отрок оглянулся на шута. Тот спустился в подвал, сел за стол.

— Делай, — мрачно сказал он. — Делай, господин сделает все, что она скажет.

— Где твой возлюбленный? — спросил Кин по-английски.

— Не смейтесь. Роман с князем. Они обсуждают вопросы обороны.

Кин поднялся, растирая кисти рук.

— Я пошел! Мне надо быть с ним. А тебе лучше вернуться.

— Нет, я останусь. Роман просил меня остаться. Я могу помочь вам, когда вы вернетесь.

— В случае опасности помнишь, что делать?

— Разумеется, — сказала Анна по-русски. — Иди к Роману, береги его. Затем она обернулась к отроку: — Проводи моего слугу до выхода. Чтобы его не задержали стражники.

Отрок обернулся к шуту. Тот кивнул. Отрок побежал по лестнице за Кином. Шут сказал:

— Thy will releaseth him from the Fetters*.

Анна опешила.

— Вы понимаете этот язык? — спросила она глупо.

— Я бывал в разных краях, княжна, — сказал шут, — с моим господином. Мы, рабы, редко показываем свои знания...

Надеюсь, подумала Анна, что язык двадцатого века так изменился, что он не все понял.

25

— Здесь вы добываете золото? — спросила Анна. Печь совсем прогорела, лишь под пеплом тлели красные угольки.

— Мой господин, — сказал шут, — делает угодное богу.

* Ты освободишь его от оков (староангл.).

— Верю, верю, — сказала Анна. — А правда, что он изобрел книгопечатание?

— Не ведаю такого слова, госпожа, — сказал шут. Он подошел к тлеющим углям и, наклонившись, стал греть у них свои слишком массивные для хилого тела руки.

— Ты помогаешь господину?

— Когда он позволяет мне. А зачем тебе и твоему человеку мой господин? — спросил карлик.

— Я не поняла тебя.

— Вы говорили на языке, похожем на язык саксов. Твой человек побежал за моим господином.

— Ты боишься за него?

— Я боюсь страха моего господина. И его любви к тебе. Он забывает о других. Это приведет к смерти.

— Чьей смерти?

— Сегодня смерть ждет всех. Когда хватишься за одно, забываешь о главном.

— Что же главное? — Анна хотела прибавить: раб или дурак, но поняла, что не хочет больше играть в эту игру.

— Главное? — Шут повернулся к ней — единственный его глаз был смертельно печален. — Ты чужая. Ты можешь не понять.

— Я постараюсь.

— Сейчас божьи дворяне пойдут на приступ. И пощады никому не будет. Но если я догадался верно, если боярин Роман ходил наружу, чтобы договориться с божьими дворянами, как спастись и спасти все это... главное пропадает.

— Но ведь остается наука, остается его великое открытие.

— Ты, княжна, из знатных. Ты никогда не голодала, и тебя никогда не пороли, не жгли, не рубили, не измывались... тебе ничего не грозит. Тебя никто не тронет — ни здесь, ни в тереме. А вот все люди, что спят или не спят, тревожатся, стонут, едят, плачут на улицах, — их убьют. А это неважно моему господину. И это неважно тебе — их мука до вас не долетит.

Карлик, освещенный красным светом углей, был страшен.

Вот такими были первые проповедники средневековой справедливости, такие шли на костры в Лангедоке и сра-

жались среди богомилов в Болгарии. Люди, которые поняли, что все достойны жизни... и были бессильны.

— Ты не прав, шут. Я стараюсь понимать. И пришла сюда потому, что думала о другом человеке.

— Этот человек — боярин Роман?

— Нет.

— Все равно — это один человек, такой же, как ты. Но не такой, как я и как смерд Замошья. Даже сейчас в твоих добрых глазах и в твоих добрых речах нет правды. Тебе неведомо, есть ли у меня имя. Потому что имя мне — Мириад и я сгину безымянно со всеми, кому суждено сгинуть этой ночью.

— Как тебя зовут?

— Акиплеша — это тоже кличка. Я забыл свое имя. Но я не раб! Я сделаю то, чего не хочет сделать Роман!

— Но что ты можешь сделать?

— Я уйду подземным ходом, я найду в лесу литвинов, я скажу им: не спите, вставайте, спасите детей Христовых!

— Ты не успеешь, Акиплеша, — сказала Анна.

— Тогда я разрушу все это... все!

— Но это жизнь твоего господина, это его дело.

— Он околдовал тебя, княжна! Кому нужно его дело, мое дело, твое дело, коль скоро изойдут кровью отроки и младенцы, жены и мужи? Но я не могу разрушать...

Шут вскарабкался на стул, ноги на весу, уронил голову на руки, словно заснул. Анна молчала, смотрела на широкую кривую спину шута. Не поднимая головы, он глухо спросил:

— Кто ты, княжна? Ты не та, за кого выдаешь себя.

— Разве это так важно, Акиплеша?

— Рассвет близко. Я знаю людей. Дураки наблюдательные. Мой господин нас предаст, и я не могу остановить его.

— Скажи, Акиплеша, твой господин и в самом деле такой великий чародей? Выше королей церкви и королей светских?

— Слава его будет велика, — сказал шут. — И короли придут к нему на поклон. Иначе я бы не связал с ним мою жизнь.

— А что ты мог сделать?

— Я мог убежать. Я мог уйти к другому хозяину.

— Ты так в самом деле думал?

— Не раз. Но кому нужен хромой урод? Кому я докажу, что во мне такое же сердце, такая же голова, как у знатного?

— Роман это знает?

— Роман это знает. Господь одарил его умом и талантом.

— А тебя?

— Роман знает мне цену.

— И все?

— А что еще? Что еще нужно рабу и уроду?

— Ты ненавидишь его? Ты ревнуешь меня к нему?

Шут откинулся от стола, расхохотался, изуродовав лицо одноглазой гримасой.

— Тебя? К нему? У меня один глаз, этого хватает, чтобы понять, что княжна Магда спокойно спит в тереме. Ты даже не смогла натянуть ее сапожки — у тебя они другие, иноземные, ты не очень осторожна. И голос тебя выдает. И слова. Но не бойся. Роман не догадается. Он видит лишь свою любовь, он ею любуется, — ты птица в небе, сладость несказанная, — потому ты и нужна ему. Власть над божьим миром он хочет раскинуть и на птах, и на княжну. Он примет тебя за Магду, оттого что хочется ему принять тебя за Магду, тетенька! Он умный, а в приворотное зелье верит.

— А ты вместо приворотного сделал сонное?

— А ты чего хотела? Я не хотел, чтобы она бежала сюда. И потому сразу тебе изумился. Зелье-то испробованное. Я с ним два раза из оков уходил. Даже из замка Крак.

— Как ты попал туда?

— Известно как — за ворожбу. За глупость.

— Мне странно, что ты раб, — сказала Анна.

— Иногда мне тоже... Господь каждому определил место. Может, так и надо... так и надо.

— Ты опасный раб. Ты не дурак, а притворщик. Ты не тот, за кого себя выдаешь.

— Нет, я дурак. Но без нас, дураков, умники передохнут от своего ума и от скуки... Вот и они идут...

Роман спустился по лестнице первым.

— Вы почему здесь? — спросил он. — Почему не провел госпожу в мои покой?.. — Он дотронулся до плеча Анны.

Кин и отрок спустились следом. Кин поклонился Магде. Роман кинул на него взгляд и спросил:

— Он вправду с тобой, княжна?

— Он всегда со мной, — сказала Анна твердо. — Я посыпала его к тебе, чтобы он берег тебя. И он будет беречь тебя.

— Я счастлив, — сказал Роман. — И все обойдется. Мы сделаем, как нам нужно. Орден уже подступил к стенам.

— Уже? — Шут помрачнел. — Уже приступ?

— Они в ста шагах, и они идут к воротам. Литвы все нет...

— А почему ты пришел сюда? — спросил шут. — У нас с тобой нет здесь огня и мечей. Наше место на стенах... Со всеми.

— Глупо молвишь, — сказал Роман, снова подходя к Анне и беря в ладонь ее пальцы. Ладонь Романа была влажной и горячей.

— Города будут погибать, люди будут умирать, но великое знание остается навсегда. Забудь о мелочах, и не по чину тебе об этом думать, — закончил Роман сухо, будто вспомнив, что шут ему не товарищ, а тля, должна помнить свое место...

Шут, взглянув на Анну, ответил:

— Я свое место знаю, дяденька.

Далекий шум донесся до подвала — нашел путь сквозь заборы, стены и оконца крик многих людей, слившийся в угрожающий рев, ответом которому были разрозненные крики и стон внутри города. Тут же откликнулся колокол на столбах на площади — уныло и часто, будто дрожа, он вызывал к милости божьей.

Все замерли, слушая этот шум. Роман быстро подошел к сундуку в углу комнаты, проверил на нем замок.

— Помоги! — сказал он шуту и нажал на сундук, заталкивая его в глубь подвала.

— Мы убежим? — спросил отрок.

— Нет, — сказал Роман.

— Ты будешь биться? — спросил шут.

— Да-да, — сказал Роман. — Не твоё дело... Пойди погляди, как на стенах. Может, твой меч пригодится там?

— Не пойду, — сказал шут.

— Не убегу я, не бойся.

— Я другого боюсь, — сказал шут.
— Чего же? Говори.
— Измены боюсь.
— Дурак и умрешь по-дурацки, — сказал Роман, боясь за рукоять ножа.
— Убьешь меня? — Шут был удивлен.

— Если раб неверен, — сказал Роман, — его убивают.
— Не смейте! — воскликнула Анна. — Как вам нестыдно!

— Стыд... — Шут начал карабкаться по лестнице.
— Ты куда? — спросил Роман.
— Посмотрю, что снаружи, — сказал шут. — Погляжу, держат ли ворота...

Он исчез, и Роман тут же обернулся к Кину, передумал, посмотрел на отрока.

— Иди за ним, — сказал он. — Смотри...
— Чего? — не понял отрок.
— Чтобы он ни к кому из княжых людей не подошел... К князю не подошел... А впрочем, оставайся. Он не успеет.

Роман был деловит, сух и холоден. Он кинул взгляд на песочные часы. Потом оглядел тех, кто оставался в подвале.

— Княжна Магда, — сказал он, — душа моя, поднимись наверх. Иди в задние покои. И не выходи оттуда. Ни под каким видом. И ты, — сказал он Кину, — смотри, чтобы не вышла.

— Роман, — сказала Анна, — мой человек останется с тобой. Я ему верю больше, чем другим людям.

— Правильно. — Роман улыбнулся. Удивительна была эта добрая, радостная улыбка. — Спасибо. С тобой пойдет Глазд.

— Иди, — сказал Кин. — Боярин прав. Иди, княжна, туда, где безопасно. Больше тебе здесь делать нечего.

Анна поднялась по лестнице первой. Сзади топал отрок. Отрок устал, лицо его осунулось, он был напуган. Шум штурма царил над городом, и, когда голова Анны поднялась над полом, он сразу оглушил, проникнув в окна верхней горницы... И еще Анна успела увидеть, как метнулся к выходу шут, — оказывается, он никуда не уходил. Он подслушивал. Может, это и к лучшему. Конечно, пора дотронуться до присоски под ухом...

Анна остановилась. Отрок обогнал ее. Шут стоял за притолокой — в темноте. Отрок обернулся и проследил за взглядом Анны. И увидел движение у двери.

Может, он просто испугался. Наверное, он не догадался, что там Акиплеша. Потому что он вдруг молча, как волк, настигающий жертву, кинулся в угол, выставив перед собой нож, — и был он слеп и неудержим. Анна лишь успела беззвучно ахнуть...

Отрок ударился в стену, потому что шут ловко отскочил в сторону. И отрок упал и замер. Шут вытер тонкое лезвие стилета и сказал Анне, словно извиняясь:

— Он мне не чета... я у сарацинов научился.

— Я не могу больше, — сказала Анна. — Я больше не могу...

— Наш век жестокий, — сказал шут. — Наверно, не было еще такого жестокого века. И я жесток, потому что живу здесь... Но я не подл. Понимаешь, я не подл! Я защищаюсь, но не предаю...

Его слова заполняли голубую рассветную комнату и смешивались с шумом битвы...

Он подошел к открытому люку и остановился так, чтобы изнутри его было трудно увидеть...

— Будет ли лучшее время? — спросил он сам у себя, глядя вниз. — Будет ли доброе время или всадники смерти уже скачут по нашей земле?

— Будет, — сказала Анна. — Обязательно должно быть. И ты его увидишь.

Шут не ответил. Анна почувствовала, как напряглись его плечи. Она сделала шаг вперед, заглянув вниз, в подвал. Роман стоял у потайной двери, прислушиваясь. Кин сзади.

— Отойди, — отмахнулся от него Роман.

Кин послушно отошел на несколько шагов.

В дверь кто-то ударил два раза. Потом еще три раза.

— Я так и знал! — прошептал шут. — Я так и знал... Надо было бежать к князю!

Роман отодвинул засов, и тяжелая дверь отворилась.

В дверях стоял рыцарь Фридрих. Кольчуга прикрыта серым плащом, меч обнажен.

Роман отошел в сторону.

Рыцарь Фридрих спросил:

— Все в порядке?

— Да, — сказал Роман. — Скорее. Как там у ворот?

— Скоро падут, — сказал Фридрих. — Скоро...

Он шагнул обратно в темный проход и крикнул что-то по-немецки.

Вдруг шут взвизгнул, как раненое животное, и прыгнул вниз — без лестницы, с двухметровой высоты, и следующим прыжком он был уже у двери, стараясь дотянуться до засова.

Роман первым сообразил, в чем дело, и начал вытаскивать меч, и Анне показалось, что он делает это замедленно, — и шут тоже замедленно оборачивается, так и не успев закрыть дверь, и в руке у него блестит стилет...

— Кин! — отчаянно крикнула Анна. — Не тот! Гений — не тот! Гений — Акиплеша!

Кин обернулся к ней. Глаза сошлились в щелочки. Голос его был тих, но страшен — и не подчиниться нельзя:

— Уходи немедленно.

Анна не могла уйти. Главное сейчас было объяснить Кину...

— Нажми присоску! Ты все погубишь!

И Анна, не понимая даже, что делает, но не в силах ослушаться, поднесла палец к шее...

И в этот момент ее охватила дурнота, и все провалилось, все исчезло, лишь бесконечная бездна времени приняла ее и понесла через темноту, сквозь нелепые и непонятные видения: лава коней неслась на нее сквозь огонь, рвущийся из башен деревянного города, а порочное лицо вельможи с мушкой на щеке, в громоздком напудренном парике покачивалось перед глазами...

Анна стояла в маленькой холодной комнате теткиного дома. Она схватилась за голову, жмурясь от света, и Жюль, склонившийся над пультом, крикнул ей, не оборачиваясь:

— Шаг в сторону! Выди из поля!

Анна послушно шагнула — голова кружилась, она увидела перед глазами шар — как окно в подвал.

Маленький, слишком маленький в шаре шут боролся с Романом, и рука его, зажатая в тисках Романовой руки, дергалась, сжимая стилет. Роман старался свободной рукой достать свой меч и кричал что-то, но Анна не слышала слов.

— Не тот! — сказала она, продолжая спор с Кином.

Шут извернулся, и Анна увидела, как стилет исчез в боку боярина Романа и тот начал оседать, не отпуская шута. В подвал влезали один за другим немецкие ратники. Рыцарь Фридрих поднял свой меч... И мелькнул тенью Кин...

И в тот же момент из шара исчезли двое: Кин и шут. Меч рыцаря Фридриха разрубил воздух. И, отбросив меч, рыцарь опустился на колени над телом Романа, сделав знак ратникам, чтобы они бежали наверх. Ратники один за другим начали подниматься по лестнице — шустро и ловко...

Шар погас.

— Все, — сказал Жюль.

— Они где? — спросила Анна.

— Они прошли сквозь нас. Они уже там, дома... Ты не представляешь, как я устал.

— Я тоже устала, — сказала Анна. — Но все хорошо кончилось?

— Спасибо, — сказал Жюль. — Без тебя бы не вылезти.

— Не стоит благодарности, — сказала Анна.

Ей было очень грустно.

— Ты уверен, что это был шут Акиплеша?

— Ты же видела, — сказал Жюль. Он поднял пульт и положил его в открытый чемодан.

— Они добрались до места? Ты уверен?

— Разумеется, — сказал Жюль. — Что с ними может случиться?

26

Анна проснулась, когда солнце уже склонялось к закату. В комнате было жарко, над забытой чашкой со сладким кофе кружились осы. В комнате стоял дед Геннадий.

— Прости, — сказал он. — Я уж стучал, стучал, дверь открыта, а ты не отзываешься. У нас в деревне не то что в городе — у нас проще. Дверь открыта, я и зашел.

— Ничего, — сказала Анна, опуская ноги с дивана.

Она заснула одетой. Зашуршала ткань.

Анна бросила взгляд на себя — еще бы, она же так и осталась в платье польской княжны Магдалены, родствен-

ницы короля Лешко Белого, родом из столичного города Кракова.

— Это в Москве так носят? — спросил дед Геннадий.

Анне показалось, что он посмеивается над ней. Она уже все вспомнила и, встав, выглянула в прихожую. Там было пусто и чисто. Дверь в холодную горницу распахнута настежь. Там тоже все пусто. И кровать застелена.

Дед Геннадий шел за Анной в двух шагах.

— Уехали, значит? — сказал он.

— Уехали, — сказала Анна.

— А я тебе на память принес, — сказал дед. — Из музея.

Он вытащил из глубокого кармана плаща медную голову льва с кольцом в пасти.

— Я еще достану, ты не беспокойся.

— Спасибо, дедушка, — сказала Анна. — Они в самом деле были из будущего?

— Кто? Реставраторы? Были бы люди хорошие.

Анна вернулась в большую комнату. За открытым окном виден был крутой холм. У ручья паслась гнедая кобыла Клеопатра.

— Грехи наши тяжкие, — сказал дед. — Спешим, суетимся, путешествуем бог знает куда. Да, я тебе молочка принес. Парного. Будешь пить?

1979 г.

ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ

1

За долгие годы Сергей Андреевич Ржевский привык не замечать здание института и окружавшие его дома. Но в тот понедельник машина за ним не пришла, Ржевский добирался до работы автобусом и увидел, что начали ломать баракный поселок, тянувшийся от автобусной остановки.

Поселку было лет пятьдесят, его построили в тридцатые годы. Между двухэтажными желтыми бараками выросли высокие тополя. Сергей Андреевич понял, что бараки ломают, когда вместо первого из них оказался светлый проем в деревьях, за ним, как в раме, из которой вытащили привычную картину, тянулся еще не застроенный пустырь до самого горизонта, до белых зубцов нового района.

У следующего барака стоял экскаватор с чугунным шаром вместо ковша. Железо с крыши сняли, и оно лежало скобку неровной кипой листов тусклого зеленого цвета.

У третьего барака Ржевский остановился. Когда-то он прожил здесь полгода, устроившись на работу в институт. Снимал комнату на втором этаже.

Барак был пуст, входная дверь приоткрыта, можно войти, но Сергей Андреевич отогнал внезапное желание оказаться в той комнате, подойти к окну на улицу и постоять у него, как стоял и ждал когда-то.

Ржевский посмотрел на часы, словно искал оправдание поспешному уходу. Часы показывали десять минут десятого. Сергей Андреевич прошел еще сотню метров и увидел свой институт — серое четырехэтажное здание с большими квадратными окнами и несоразмерно маленькой дверью. Когда институт построили, Москва еще не добралась до этих мест. А потом город обошел его языками домов, институт вошел в пределы Москвы, но вместе с

барабанным поселком остался заводью в высоких берегах новостроек.

Надо делать ремонт, подумал Ржевский, глядя на осыпавшуюся на втором этаже штукатурку. Сейчас вызову Алевича. Неужели ему самому не стыдно?

2

В коридоре было пусто, все уже разошлись по отделам и лабораториям. В узком предбаннике перед кабинетом Ржевского тоже было пусто. На столе секретарши записка:

«СА! Я в месткоме. Обсуждаем итоги пионерлагеря. Лена».

Рядом несколько конвертов официального вида — приглашения. Новый английский журнал. Автореферат, из Ленинграда.

Настроение было испорчено. Ржевский искал причину, не желая признаться себе, что виноваты бараки. Что он хотел сделать? Вызвать Алевича? Нет, сначала надо просмотреть почту...

За приоткрытой дверью в кабинете послышался шорох. Потом легкий скрип. Кто-то открывал средний ящик его письменного стола. Этого еще не хватало!

Ржевский сделал было шаг к кабинету. И вдруг остановился. Ему стало страшно.

Страх был иррационален. Директор института боялся войти в собственный кабинет. Ржевский стоял и слушал. И ему хотелось, чтобы из кабинета вышла Лена и сказала: «А я у вас на столе прибрала». Но в кабинете было темно, шторы задвинуты. Лена первым делом открыла бы шторы.

— Кто здесь? — спросил Ржевский от двери. Голос сорвался. Пришлось откашляться.

Тот, кто таился в полутьме, не хотел отвечать. Молчал, затаился.

Надо войти и зажечь свет. Но свет в кабинете зажигается очень неудобно. Надо сделать два шага в сторону, по правой стене. Там выключатель. От двери не дотянешься. Зачем повесили такие плотные шторы? Кино, что ли, здесь показывать?

В кабинете не совсем темно. Глаза различили стол буквой «Т». Шкафы по стенам... Ржевский шагнул в кабинет и, прижимаясь спиной к стене, двинулся к выключателю.

лю. Уже протягивая к нему руку, разглядел за письменным столом темную фигуру. И понял, что у фигуры нет лица. То есть лицо было темным, как туловоище, как руки... Темная голова шевельнулась, следя за Ржевским, и отраженным от двери светом блеснули маленькие глаза.

И тут громадное темное тело, словно подброшенное пружиной, взлетело в воздух и метнулось к Ржевскому. Он не сообразил, некогда было соображать, что тело несется к двери. И сам бросился туда же.

Успел к двери в тот момент, когда ее достигло и черное существо. Отлетел в сторону, ударился о стол, все закружилось, обрушилось в пропасть... На несколько секунд он потерял сознание. Очнулся от боли в спине и в ноге. И от страшного вопля, визга в коридоре. От топота. От криков. Он понял, что сидит на полу, прислонившись спиной к столу секретарши.

3

Алевич прибежал первым, помог директору подняться, хотел вызвать «скорую помощь», но Ржевский велел отвести его в кабинет.

Алевич открыл шторы, поднял опрокинутое кресло. Он скрученno качал головой и повторял:

— Надо же! Вы только подумайте.

Сергей Андреевич молчал. Он сел в кресло, заглянул в полуоткрытый ящик стола, вытащил оттуда смятую красную бумажку, расправил, положил на стол. И вдруг улыбнулся. Улыбка получилась растерянной, даже глупой.

— Как же я не сообразил, — сказал он.

— Клетка оказалась легкомысленно открытой, — объяснил Алевич, сидя на корточках и собирая бумаги, улетевшие со стола. — Может, дефект замка? Гурина клянется, что вчера запирала.

— А сегодня утром она заходила в виварий? — Ржевский сложил красную бумажку вдвое, потом вчетверо, провел ногтем по сгибу, подкинул фантик ладонью.

— Сегодня утром?.. Мы сейчас ее вызовем.

— Не надо. Я сам туда спущусь.

— Может, все-таки вызовем врача?

— Ничего не случилось, — сказал Ржевский. — Не-

много ушибся. И все. Надо было мне раньше догадаться.
Струсили.

— Бывает, — сказал Алевич, — даже с директорами.

Он подошел к двери на два шага сзади Ржевского, в дверях обернулся, глазом смерил расстояние до письменного стола, покачал головой:

— Надо же так сигануть!

4

Оба шимпанзе жили на первом этаже, в большой комнате, разделенной пополам толстой редкой решеткой, отдельно от собак, которые ютились в подвале и устраивали иногда шумные концерты, будто оплакивали свою подопытную судьбу.

Глаза у Гуриной были мокрыми.

— Я запирала, — сказала она. — Я проверила, перед уходом проверила.

Шимпанзе были очень похожи. Только у Джона, материого самца, морда уже потеряла лукавство и озорную подвижность. Он спокойно чесал живот, чуть прищурив глаза, кивнул солидно Ржевскому и ничего просить не стал — знал, что у этого человека не допросишься. Захочет, сам даст. Лев — живее. Лев сморщил лицо, удивительно похожее на отцовское. У обезьян разные лица, как у людей, — если общаться с ними, никогда не спутаешь. Лев вытянул губы вперед. Лев был собой доволен.

— Ну как же ты, чуть директора не убил, — сказал ему укоризненно Алевич.

— Это чья клетка? — спросил Ржевский.

— Как так чья? — не поняла Гурина.

— Лев сидит в своей клетке?

— Конечно, в своей, — сказала Гурина.

— Ошибка, — поправил ее Алевич. — Мы его сюда только на той неделе перевели. Поменяли клетки.

— Правильно, — сказал Ржевский. — Тогда все понятно.

— Что? — Гурина была очень хороша непорочной, розовой красотой с какой-то немецкой рождественской открытки. Только вот глаза мокрые.

Ржевский подошел к клетке и сунул руку внутрь. Лев

протянул лапу и дотронулся указательным пальцем до руки Ржевского.

— Осторожнее, — прошептала Гурина.

— Не беспокойтесь, Светлана, — ответил Ржевский. — Мы с ним давно знакомы. Уже пятый год.

Гурина не стала спорить. Не посмела. Лев появился в виварии три недели назад. До этого Ржевский видеть его не мог. Но возражать было бессмысленно — директор знал, что говорил. Если, конечно, не произошло мозговой травмы.

— Покажи-ка, Лев, — велел Ржевский, — как открывается этот замок.

Джон заволновался в своей клетке, заворчал, был недоволен.

— Ну, чего же, — настаивал Ржевский. — Мы же знаем этот маленький секрет.

Лев наклонил голову набок. Он все понимал. Потом знакомым, джоновским движением почесал себе живот.

— Ты уже съел, — сказал Ржевский. — Нечестно дважды получать награду. Ты съел без разрешения.

Он вынул из кармана красный фантик, показал Льву. Джона это привело в ярость. Он тряс решетку, пытался добраться до сына, чтобы наказать его за самовольство.

Лев лениво протянул лапу, длинными пальцами пощевелил замок, чуть приподнял его. Замок щелкнул и открылся.

— Вот и весь секрет, — сказал Ржевский. — Спасибо за демонстрацию, Лев.

— Даже я не знала, честное слово, не знала, — сказала Гурина.

— Правильно. Не знали. Знали только Джон и я. Но Джон не пользовался знанием без нужды. Он у нас солидный мужчина.

Солидный мужчина продолжал сердиться. У него были желтые страшные клыки, и в гневе он закатывал глаза, так что видны были только белки.

— Замок сменим, — заверил Ржевского Алевич. — Я сейчас же слесаря позову. Но какой мерзавец, а? Найти дорогу к вам в кабинет. Какая сообразительность!

— Спасибо, Лев, — сказал Ржевский, — спасибо, молодец.

В кабинете Ржевский подошел к окну. Из окна были видны купы деревьев и среди них равномерный пунктир темно-зеленых крыш бараков. В конце этой плотной зеленой полосы, у шоссе, вместо последних крыш был провал.

Тогда было трудно с деньгами, вернее, денег у них совсем не было. А соседка Эльзы уезжала куда-то, кажется, в Саранск. Она продала им тахту за сто рублей старыми деньгами. Это было дешево. Они тащили тахту через полгорода, Виктор все чаще останавливался, чтобы отдохнуть, садился на тахту прямо на тротуаре, люди проходили мимо, оглядывались, некоторые шутили, Виктору это нравилось. Лиза стеснялась, отходила в сторону, Эльза топталаась над Виктором, требовала, чтобы он вставал, шел, — всего этого Виктор не терпел, он ласково улыбался, мягко двигал руками, стряхивал со лба капли пота. Он всегда быстро уставал, физически и умственно. «Еще минутку, — говорил он, — одну сигарету и в путь». Ножек у тахты не было, на свалке рядом с бараком нашли кирпичи и подложили. Поэтому тахту звали печкой. Лиза была счастлива. Она воспринимала тахту как символ будущего дома, хозяйства, даже вечности...

Шаги Эльзы нервно и даже возмущенно простучали сквозь «предбанник», выбили короткую дробь в кабинете. Замерли. Ржевский не обернулся.

— Сергей! Что это значит?

— Ничего не значит.

Он отошел к столу. Эльза на удивление молодо выглядит. В плотно лежащих, прижатых к черепу черных волосах, разделенных на прямой пробор, совсем нет седины. Вот он, Ржевский, уже стал пегим, а ее на первый взгляд можно принять за девушку. Если бы она не прыгала на вечеринках, задирая короткие ноги, не бросалась бы к пианино, чтобы бурно, ученически сыграть Шопена, скользнуть с Шопена на популярный шлягер, если бы она не старалась так казаться молодой, было бы лучше.

— Сережа, скажи честно, ты пострадал?

Господи, подумал Ржевский, я все равно остаюсь ее собственностью. Она весь мир делит на собственных и чужих. Собственным хуже. К ним требования выше. Надо соответствовать ожиданиям. И не дай бог покинуть свою полочку и нарушить законы Эльзиной любви. Лучше быть

чужим. Эльза была из того прошлого, о котором Ржевский не любил вспоминать, о котором он забыл. И вот надо же было ей отыскать его через столько лет. И все время чего-то просить. По-приятельски. По старой памяти.

— Спасибо за заботу, Эльза, — сказал Ржевский. — Все хорошо.

— Как может быть хорошо, если по институту бегают звери? Ты от меня что-то скрываешь?

— Ничего не случилось, — повторил Ржевский. Он подошел к письменному столу и наклонился, разглядывая ящик. Никаких следов ногтей, никаких царапин. Шимпанзе знал, как открывать стол. — Кстати, ты не помнишь, в каком бараке мы с Лизой жили, в третьем или четвертом?

— В бараке?

— Ну тогда, двадцать пять лет назад. Мы же снимали там комнату. Теперь их начали сносить.

— Не помню, — быстро ответила Эльза. — Это было давно. Может, вызвать врача?

— А ты всегда хвасталась фотографической памятью, — сказал Ржевский. — Мне бы твою память, я бы давно стал академиком.

— Ты и так станешь, — сказала Эльза уверенно. — Если тебя в следующий раз не сожрет тигр. Все-таки расскажи мне, как это произошло.

Ржевскому почему-то не хотелось рассказывать Эльзе об утреннем переполохе. К тому же заведующей институтской библиотекой совсем не обязательно знать обо всем.

— Как у тебя дома? — спросил он. — Как Виктор?

Эльза отмахнулась.

— Мама как? Ниночка?

— Да, кстати, я еще вчера хотела к тебе зайти по этому поводу, — сказала Эльза. — Ниночке поступать в институт.

— Да, знаю, — сказал Ржевский. Летом Нина поступала на биофак и безуспешно. Ни пробивная сила Эльзы, ни помощь Ржевского, которого, конечно же, заставили звонить на самый верх, не помогли. Теперь Нина пережидала год, работала в библиотеке у матери.

— Я хотела тебя попросить — перевести ее в какую-нибудь лабораторию. Ей будет легче поступить. Ты же обещал, когда освободится место. Кадровик сказал, мы набираем лаборантов.

— Хорошо, — сказал Ржевский, подвигая к себе папку с почтой. Может, Эльза догадается, уйдет?

Эльза подошла к окну.

— В самом деле, сносят бараки, — сказала она. — Я и не заметила. Быстро идет время. Ты совсем седой. Тебе надо отдохнуть.

Ржевский поднял голову, встретился с ее взглядом. Взгляд и голос требовали ответной теплоты. Но ее не было. Что будешь делать.

6

Эльза открыла поцарапанную бурую дверь, ступила в получьму коридора. Давно надо бы повесить новую лампу, на той неделе чуть не купила, но сумка была тяжелая, отложила до лучших времен. Паркетины знакомо заскрипели, когда Эльза вешала плащ. Виктора, конечно, нет дома, придет навеселе.

Эльза прошла на кухню, бросила сумку с продуктами на стол рядом с посудой, оставшейся после завтрака: Виктор обещал помыть. Конечно, никто не почесался, чтобы привести кухню в порядок. Хлеб засох, ломтики сыра свернулись, ощетинились сухими краями. Ну, ломают бараки, и бог с ними, почему она должна думать об этих бараках? Эльза зажгла газ, налила в кастрюлю воды, достала вермишель.

— Кисочка, — раздался голос сзади, — я без тебя изголодался.

— Ты дома? — Эльза не обернулась. — Я думала, на футболе.

— Хлеб я купил. Два батона. Один я съел, кисочка.

За последние годы Виктор расплзся и размяк. Эльзе казалось, что стулья начинают скрипеть за секунду до того, как он на них садится.

— На Сергея обезьяна напала, — сказала Эльза.

— Они у вас бегают по институту? — спросил Виктор, придерживая открытую дверцу холодильника, чтобы посмотреть, нет ли еще чего-нибудь съедобного. — Ты за Ниночку не боишься?

— Молодой шимпанзе вышел из клетки, пробрался в кабинет Сергея и стал шуровать в его письменном столе.

— Не может быть! — Виктор отыскал в холодильнике

кусок колбасы и быстро сунул его в рот. Как ребенок, толстый, избалованный, неумный, подумала Эльза.

— Этой обезьяне всего две недели от роду, — сказала Эльза. — Ты все забыл.

— А, опять его опыты... Я сегодня жутко проголодался. В буфете у нас ничего сытного.

— Теперь его не остановить, — сказала Эльза. — Он примется за людей.

— Ты в самом деле хочешь его остановить? — спросил Виктор.

— Он изменился к худшему, — сказала Эльза. — Ради своего тщеславия он ни перед чем не остановится.

— Ты преувеличиваешь, кисочка, — вздохнул Виктор. — У нас не осталось выпить чего-нибудь?

— Не осталось. Человечество еще не готово к такому шагу.

— Не готово? — повторил Виктор. — Значит, надо написать куда следует. Написать, что не готово.

— Нельзя, — сказала Эльза. — Уже писали. Он всех обаял.

— Надо было побольше писать, — убежденно сказал Виктор. — Тогда на всякий случай прислали бы комиссию.

Хлопнула дверь, прибежала Нина. Нина всегда бегала, так и не научилась за восемнадцать лет ходить, как все люди.

— Я сыта, — сказала она от дверей кухни, не здороваясь.

Нина не любила есть дома. Она вообще старалась не есть, она боялась растолстеть.

— Я все устроила, — сказала Эльза. — С понедельника тебя переводят в лабораторию.

Ржевский кончил говорить.

Они смотрели на него. Шестнадцать человек, которые имеют право сказать «да». Или отказать в деньгах. Или отложить исследования. Остапенко убежден, что все обойдется. Из окна кабинета отличный вид. Москва-река, трамплин на Ленинских горах, дальше — стадион. Вечернее солнце золотит лысины и серебристый пух над ушами. Чего же они молчат?

Остапенко постучал по столу концом карандаша.

— Вопросы? — сказал он.

— А как дела у наших коллег? — спросил крепкий широкий мужчина в цветном галстуке. Он буквально убивал себя этим галстуком — остальное пропадало в тени. — Что делают в Штатах?

Ржевский вновь поднялся. Этот вопрос полезен.

— Мы полагаем, — сказал он, — что японцы уже близки к успеху. С американцами сложнее. В прошлом году была публикация — с собаками им удалось.

— Джексон? — спросил Семанский с далекого конца стола.

— Джексон и Хеджес, — ответил Ржевский. — Потом замолчали.

— Ясно, — сказал мужчина в ярком галстуке. Почему-то Ржевский никогда раньше его не видел. — Значит, на пороге?

— Сегодня трудно допустить, чтобы целое направление в биологии было монополией одной страны. Мы все едем по параллельным рельсам.

— Голубчик, — раздался голос сбоку. Ржевский обернулся и не сразу разглядел говорившего — солнце было в глаза. Голос был скрипучим, древним, — значит, вы предлагаете заменить собой господа бога?

Ага, это Человеков, бывший директор ИГК. Великий консультант и знаменитый тамада на докторских банкетах.

— Если нам выделят средства, то мы постараемся выступить коллективным богом.

Не этих вопросов Ржевский опасался.

— Удивительно, — сказал Человеков. — И во сколько нам обойдется ваш гомункулус?

— Ржевский знакомил нас с цифрами, — сказал Остапенко. — Хотя, разумеется, он в них не уложится.

— Вы думаете, что Пентагон засекретил? — спросил человек в ярком галстуке.

— Я ничего не думаю, — сказал Ржевский. — Хотя убежден, что делать людей дешевле ортодоксальным путем.

Кто-то засмеялся.

— Перспективы соблазнительны, — сказал секретарь отделения. — Именно перспективы. Когда-нибудь мы научимся делать это в массовом порядке.

— Не думаю, что в ближайшем будущем, — сказал Ржевский.

— Первая атомная бомба тоже дорого стоила, — сказал Сидоров. Сидоров был против методики Ржевского. Его фирма работала над близкими проблемами, но, насколько Сергей знал, они зашли в тупик. — Меня смущает другое — неоправданный риск. Кто-то здесь произнес слово «гомункулус». И хоть литературные аналогии могут показаться поверхностными, я бы сказал больше — чудовище Франкенштейна. Где гарантии, что вы не создадите дебила? Монстра?

— Методика отработана, — сказал Ржевский.

— Я вас не перебивал, Сергей Андреевич. Между опытами над животными и экспериментами над человеком лежит пропасть, и каждый из нас об этом отлично знает.

— Что предлагаете? — спросил Остапенко.

— Создать комиссию авторитетную, которая ознакомится с результатами работы института...

— Я в январе возглавлял уже такую комиссию, — сказал Семанский.

— Тогда вопрос об опыте над человеком не ставился.

— Ставился. Это было конечной целью.

— Считайте меня скептиком.

— А если американцы вправду сделают? — спросил человек в ярком галстуке.

— Ну и бог с ними! — взвился Сидоров. — Вы боитесь, что там тоже есть... недальновидные люди, которые захотят выкинуть несколько миллионов долларов на жалкое подобие человека?

Началось, подумал Ржевский.

— Я понял, — вмешался Айрапетян, отчеканивая слова, словно заворачивая каждое в хрустящую бумажку, — профессора Ржевского иначе. Мне показалось, что наиболее интересный аспект его работы — в ином.

Остапенко кивнул. Ржевский подумал, что они с Айрапетяном обсуждали все это раньше.

— Клонирование — давно не секрет, — сказал Айрапетян. — Опыты проводились и проводятся.

— Но вырастить в колбе взрослого человека, сразу... — сказал Человеков.

— И это не новость, — сказал Сидоров.

— Не новость, — согласился Айрапетян. — Удавалось.

С одним минусом. Особь, выращенная ин витро, была «маугли».

Остапенко снова кивнул.

— Маугли? — Человек в ярком галстуке нахмурился.

— В истории человечества, — начал Айрапетян размежевенно, как учитель, — бывали случаи, когда детей подбирали и выращивали звери. Если ребенка находили, то он уже не возвращался в люди. Он оставался неполнценным. Мы — общественные животные. Взрослая особь, выращенная ин витро, — младенец. Мозг его пуст. И учить его поздно.

— Вот именно, — сказал Сидоров. — И нет доказательств...

— Простите, — сказал Айрапетян. — Я закончу. Достижение Сергея Андреевича и его сотрудников в том, что они могут передать клону память генетического отца. Поэтому мы здесь и сбрались.

Они же все это слышали, подумал Ржевский. Но существуют какие-то шторки в мозгу. Сито, которое пропустило самое главное.

— Подтвердите, Сергей Андреевич, — попросил Айрапетян.

Ржевский поднялся. Река казалась золотой. По ней полз розовый речной трамвайчик.

— На опытах с животными мы убедились, — сказал Ржевский, — что новая особь наследует не только физические характеристики донора, но и его память, его жизненный опыт.

— К какому моменту? — спросил Человеков.

— К моменту, когда клетка экстрагирована из организма донора.

— Конкретнее, — попросил Остапенко.

— Мы выращиваем особь до завершения физического развития организма. Для человека этот возраст — примерно двадцать лет. Если донору, скажем, было пятьдесят лет, то все знания, весь жизненный опыт, который он накопил за эти годы, переходят к его «сыну». Я думал, это понятно из моего сообщения.

— Понятно, — сказал Семанский. — Понятно, но невероятно.

— Ничего невероятного, — возразил Айрапетян.

— Все без исключения животные, выращенные по нашей методике, — сказал Ржевский, — унаследовали

память своих доноров. Кстати, три дня назад ко мне забрался шимпанзе, которому от роду две недели. Но он не только знал, как открыть замок клетки, но и помнил путь по институту до моего кабинета и даже знал, стервец, где у меня в письменном столе лежат конфеты. На самом же деле знал не он, а его генетический отец.

— Он ничего не поломал? — спросил Сидоров.

Наверняка у него свой человек в моем институте, подумал Ржевский. Донесли, как я опозорился.

— Ничего, — ответил он. — Испугался я, правда, до смерти. Вхожу в кабинет, думаю, кто же это сидит за моим столом?

Остапенко постучал карандашом по столу, усмиряя смех.

— Если ваш гомункулус решит погулять по институту, это может кончиться совсем не так смешно.

— Надеюсь с ним договориться, — сказал Ржевский.

— Нет никаких гарантий, — настаивал Сидоров, — что разум гомункулуса будет человеческим. Нормальным.

— Пока что с животными все было нормально.

— Да погодите вы! — вдруг закричал Человеков. Острый кадык ходил под дряблой кожей. — Нам предлагают новый шаг в эволюции человека, а мы спорим по пустякам. Неужели непонятно, что в случае удачи человечество станет бессмертным? Мы все можем стать бессмертными — и я, и вы, и любой... Индивидуальная смерть, смерть тела перестанет быть смертью духа, смертью идеи, смертью личности! Если понадобится, я отдаю вам, Ржевский, мою пенсию. Я не шучу, не улыбайтесь.

Ржевский знал Человекова давно, не близко, но знал. И даже знал обоих его сыновей — Человеков запихивал их в институты, спасал, отводил от этих пожилых балбесов дамокловы мечи и справедливые молнии...

— Спасибо, — сказал Ржевский без улыбки.

— Всю жизнь я накапливал в себе знания, как скопой рыцарь, набивал свою черепушку фактами и теориями, наблюдениями и сомнительными гипотезами. И знал, что с моей смертью пойдет прахом, сгорит этот большой и бестолковый склад, к которому я даже описи не имею... — Человеков постучал себя по виску согнутым пальцем. — И вот сейчас пришел человек, вроде бы не шарлатан, который говорит, что ключи от моего склада можно пере-

дать другому, который пойдет дальше, когда я остановлюсь. Вы не шарлатан, Ржевский?

— В этом меня пока что никто не обвинял, — сказал Ржевский и заметил, как шевельнулись губы Сидорова, но Сидоров промолчал. Сидоров не верил, но уже понимал, что пожилые люди, собравшиеся в этом кабинете, согласятся дать Ржевскому тринадцать миллионов и еще миллион в валюте.

А вдруг я шарлатан? — подумал Ржевский. Вдруг то, что получалось с собаками и шимпанзе, не получится с человеком? Ладно, не получится у меня, получится у кого-то потом, завтра.

— Я не предлагаю своей клетки, — сказал Человеков, — особенно сейчас, когда столь многое зависит от первого опыта. От первого гомо футуриста. Мой мозг уже сильно изъеден склерозом. А жаль, что я не услышал вас, Ржевский, хотя бы десять лет назад. Я бы настоял, чтобы мне сделали сына. Мы бы славно поработали вместе...

— Кстати, — сказал Семанский, когда Человеков устало опустил в кресло свое громоздкое обвисшее тело, — вы задумывались о первом доноре?

— Да, — ответил Ржевский. — Клетку возьмем у меня.

— Почему? — воскликнул вдруг человек в ярком галстуке. — Какие у вас основания? Этот вопрос следует решать на ином уровне.

— Не надо его решать, — сказал Айрапетян. — Помоему, все ясно. Кто, как не руководитель экспериментов, может лучше проводить наблюдения над самим собой... в возрасте двадцати лет?

8

С понедельника Ниночка была в лаборатории, но совсем не в той роли, к которой себя готовила. Она ездила. Каждый день куда-то ездила, с бумагами или без бумаг. С Алевичем или без него, на машине или на автобусе. Получала, оформляла и тащила в институт. Будто Ржевский готовился к осаде и запасался всем, что может пригодиться.

Директорская лаборатория занимала половину первого этажа и выходила окнами в небольшой парк. Деревья еще были зелеными, но листья начали падать. В парке

жила пара ручных белок. Во внутренних помещениях лаборатории, за металлической толстой дверью с иллюминатором Нина была только один раз, на субботнике, когда они скребли стены и пол без того чистых, хоть и загроможденных аппаратурой комнат. Даже электрик Гриша входил туда только в халате и пластиковых бахилах. Ничего там интересного не было: первая комната с приборами, вторая от нее направо — инкубатор, там ванны с биологическим раствором. Одна чуть поменьше, в ней выращивали шимпанзе, а вторая — новая, ее еще не кончили монтировать, когда в третью комнату, лазарет, перешел сам Ржевский.

Ржевским занимались два врача — один свой, Волков, рыжий, маленький, с большими губами, всегда улыбается и лезет со своими шоколадками, второй — незнакомый, из института Циннельмана.

Какое-то нервное поле окутало институт. Даже техники и слесари, которые раньше часто сидели за кустами в парке и подолгу курили, а то и выпивали, перестали бубнить под окном. Навесили на себя серьезные физиономии, двигались деловито и даже сердито.

Мать раза два забегала вниз, будто бы повидать Ниночку. Косилась на металлическую дверь и говорила громким шепотом, а Нине было неловко перед другими лаборантками. Мать здесь была лишней, ее присутствие сразу отделяло Ниночку от остальных и превращало в ребенка, устроенного по знакомству.

Вечером дома шли бесконечные разговоры о Ржевском и его работе. Они шли кругами, с малыми вариациями. Ниночка заранее знала все, что будет сказано, она пряталась в своей комнате и старалась заниматься. Но было слышно.

Хлопает дверь холодильника — отец что-то достает оттуда.

— Что ты делаешь! — возмущается мама. — Через полчаса будем ужинать.

— Я поужинаю еще раз, — отвечает отец. — Так будешь останавливать Ржевского?

— Если у него получится, он наверняка схлопочет государственную премию. Почти гарантия. Мне Алевич говорил, — слышен голос матери.

— Лучше бы уж он на тебе женился, и дело с концом, — говорил отец.

- Я этого не хотела!
- Правильно, кисочка, я всегда был твоим идеалом.
- Ах, оставь свои глупости!

Тут Нина поднимается с дивана, откладывает математику и идет поближе к двери. Она так и не знает толком, что же произошло много лет назад. Что-то произошло, связывающее и по сей день всех этих людей. Она знает, что Ржевский предал маму и убил бедную Лизу. Ниночка привыкла за много лет к тому, что Ржевский предатель и неблагодарный человек. Раньше это ее не касалось. Ржевский никогда не приходил к ним домой. И в то же время знакомство с ним позволяет не без гордыни говорить знакомым: «Сережка Ржевский, наш старый друг...» А потом мама пристроила ее в библиотеку, и она увидела Ржевского, который оказался совсем не похож на предателя, — образ предателя складывался у нее под влиянием телевизора, а там предателей обычно играют одни и те же актеры. Ржевский был сухим, подтянутым, стройным человеком с красным лицом, голубыми глазами и пегими, плохо подстриженными волосами. На круглом подбородке был белый шрам, а руки оказались маленькими. Ржевский здоровался с ней рассеянно, словно каждый раз с трудом вспоминал, где он с ней встречался. Потом он улыбался, почти робко, наверное, помня, как много плохого Ниночка должна о нем знать. Ниночка была готова влюбиться в Ржевского, в злодея, который нес в себе тайну. Правда, Ржевский был очень старым. За сорок.

- А из-за двери льются голоса родителей.
- Знаешь, а бараки сносят, — говорит мать.
- Какие бараки?
- Где он с Лизеттой жил.

9

Ржевский вывел очередную комиссию из лаборатории. Посидели еще немного в кабинете. Леночка принесла кофе с коржиками. Говорили о каких-то пустяках — Струмилов обратил внимание, что на первом этаже нет решеток. Алевич воспользовался случаем и стал просить денег на ремонт, фасад никуда не годится, паркет буквально рассыпается. А если иностранные делегации? «Не спешите с иностранными делегациями», — сказал Оста-

пенко. Хруцкий спросил о конгрессе в Брно, кого бы послать. Ржевский пил кофе, разговаривал с начальством, делая вид, что принадлежит к той же категории людей, а мысленно представлял, как идет деление первых клеток. Прямо видел, словно в поле микроскопа, как шевелятся, переливаются клетки. Главное, чтобы успели подготовить перенос...

Потом он сидел допоздна во внутренней лаборатории. Внизу лаяли собаки, потом раздался звон. Ржевский понял, что обезьяны скучают, зовут людей — кружкой о прутья клетки.

Во внутренней лаборатории было хирургически светло. Дежурный Коля Миленков, чтобы не мешать директору, делал вид, что читает английский детектив. Он считал директора гением и потому был счастлив.

Ржевский пошел домой пешком. Он остановился возле барака, дверь была открыта. Ржевский вошел внутрь. Пахло пылью и давнишним человеческим жильем. Света не было, свет давно отключили. Ржевский зажег было спичку и понял, что это лишнее — он отлично помнил, сколько ступенек на лестнице. Он поднялся на второй этаж, и было странное ощущение, что поднимается он не в пустоту заброшенного барака, а к себе, где за дверью должна стоять, прислушиваясь к его шагам, Лиза. Откроет, смотрит и молчит. Он устало протянет ей сумку с продуктами или портфель, чтобы поставила на столик в маленькой прихожей, и скажет: «Не сердись, Лиз, сидел в библиотеке, опоздал на электричку». Катяка, спящая на топчанчике, который он сколотил сам не очень красиво, но крепко, застонет во сне, и Лиза скажет с виноватой улыбкой: «Котлеты совсем остывли, я их два раза подогревала».

Дверь была не заперта. За окном висела луна, на полу валялись старые журналы. Больше ничего. Ни одной вещи из прошлого. И обои другие.

Ржевский подошел к окну. Если ночью не спалось, он вылезал из-под одеяла и шел к окну, открывал его и курил, глядя на пустырь. Там, где теперь белые дома нового района, была черная зелень. В ней скрывалась деревня — в ту деревню Лиза бегала за молоком, когда Катяка простудилась. Он вдруг насторожился. Он понял, что вот сейчас Лиза проснется — она всегда просыпалась, если он вставал ночью. «Что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь?» — «Про-

сто не спится». — «Просто не бывает. Ты расстроен? Тебе плохо?» — «Нет, мне хорошо. Я думаю». Он бывал с ней невежлив, он уставал от ее забот, вспышек ревности и мягких, почти робких прикосновений. «Может, тебе дать валерьянки?» — «Еще чего не хватало!»

Скрипнула ступенька на лестнице. Потом удар. Шум. Словно тот, кто поднимается сюда, неуверенно и медленно ощупывая стенку рукой, ударился об угол.

Надо бы испугаться, сказал себе Ржевский. Кто может подниматься сюда в полночь по лестнице пустого барака?

Дверь медленно начала отворяться, словно тот, кто шел сюда, не был уверен, эта ли дверь ему нужна.

Ржевский сделал шаг в сторону, чтобы не стоять на фоне окна.

10

Человек, вошедший в комнату, неуверенно остановился на пороге. Глаза Ржевского уже привыкли к темноте, к тому же в комнату глядела луна — он увидел, как человек шарит рукой справа по стенке, и вспомнил, сколько раз он сам протягивал туда руку и зажигал свет. Раздался щелчок.

— Ах, черт! — прошептал человек.

— Послушай, свет все равно отключен, — сказал Ржевский. — Эти бараки выселены, ты забыл, что ли?

Человек замер, прижался к стене, он не узнал голоса Ржевского и испугался так, что его рыхлое тело размазалось по стене.

— Испугался, что ли? — Ржевский пошел к Виктору, врезался ногой в кучу журналов, чуть не упал. — Это я, Сергей.

— Ты? Ты зачем здесь? — сказал Виктор хрипло. — Испугался. Никак не думал кого-нибудь встретить.

Они замолчали.

— Курить будешь? — спросил Ржевский.

— Давай закурим.

Ржевский достал сигареты. Когда Виктор прикуривал, он наклонил голову, и Ржевский увидел лысину, прикрытую зачесанными набок редкими волосами.

— Я давно тебя не видел, — сказал Ржевский.

— Ну, я пошел, — сказал Виктор.

Ржевский кивнул. Ему тоже бы уйти, но не хотелось идти по ночной улице с Виктором. Ботинки Виктора тяжело давили на ступеньки. Лестница ухала. Потом все смолкло.

Наверное, Эльза сказала ему, что бараки сносят, подумал Ржевский. А может быть, Виктор приходил сюда и раньше? Его, Ржевского, тянет прошлое, как убийцу, который приходит на место преступления. Тут его и ловят. И Виктор его ловил? Нет. Он сам пришел. Ржевский закрыл глаза и постарался представить себе комнату, какой она была тогда. Он заставлял себя расставить мебель, положил мысленно на стол свои книги и даже вспомнил, что настольную лампу накрывали старым платком, чтобы свет не мешал Катьке. А Лиза лежала в полутьме и смотрела ему в спину. Он знал, что она смотрит ему в спину, стараясь не кашлять и не ворочаться. А ему этот взгляд мешал работать. И он тихо говорил: «Спи, тебе завтра вставать рано». «Хорошо, — отвечала Лиза, — конечно. Сейчас засну».

В то последнее утро они заснули часов в пять, на рассвете, прошептавшись всю ночь, а потом он открыл глаза и, как в продолжении кошмара, увидел, что она стоит в дверях, держа за руку тепло одетую Катьку, с чемоданом в другой руке. Он тогда еще не осознал, что Лиза уходит навсегда, но в том, что она уходит, было облегчение, разрешение тупика, какой-то выход. И он заснул...

Ржевский открыл глаза. Свежий ночной ветер вбежал в окно через разбитую створку и зашуршал бумагой на полу.

Ржевский выкинул сигарету в окно и спустился вниз. Его одолела такая смертельная, глубокая, безнадежная тоска, что, когда он увидел — неподалеку, за деревом, стоит и ждет Виктор, замер, не выходя наружу, а потом дождался, когда Виктор зажег спичку, снова закуривая, выскоцил из подъезда и скользнул вдоль стены, за угол, в кусты.

11

Нине очень хотелось заглянуть во внутреннюю лабораторию — центр, вокруг которого уже шестую неделю концентрировалась жизнь института. Но никак не получа-

лось. Туда имели доступ только пять или шесть человек, не считая Ржевского и Остапенко из президиума. Правда, раза три приезжали какие-то друзья Ржевского, седые, солидные. Коля Миленков их, конечно, всех знал — академик такой-то, академик такой-то... Этих Ржевский сам заводил внутрь, и они застревали там надолго.

— Понимаешь, Миленков, — сказала Ниночка, которая к Коле привыкла и уже совсем не боялась. — Это для меня — как дверь в замке Синей Бороды. Помнишь?

— Помню. Тебе хочется бесславно завершить молодую жизнь. Ты понимаешь, что Синяя Борода нас обоих тут же вышвырнет из института. А у меня докторская в перспективе.

Самого Ржевского, хоть она и видела его теперь каждый день и он уже привык считать ее своей, не дочкой Эльзы, а сотрудницей, даже как-то прикрикнул на нее, — понимаете разницу? — Ниночка попросить не осмеливалась. Он был злой, дерганый, нападал на людей почем зря, но на него не обижались, сочувствовали — ведь это у них в институте, а не где-нибудь в Швейцарии рос в биование первый искусственный человек.

В конце концов Ниночка проникла в лабораторию.

Был вечер, уже темно и как-то тягостно. Деревья за окнами почти облетели, один желтый кленовый лист прилип к стеклу, и это было красиво. Коля вышел из внутренней лаборатории, увидел Ниночку, которая сидела за своим столом с книжкой, и спросил:

— Ты чего не ушла?

— Я Вера подменяю. Мне все равно домой не хочется. Я занимаюсь.

— Я до магазина добегу, а то закроется. На углу. Минералочки куплю. Ты сиди, поглядывай на пульт. Ничего случиться не должно.

Ниночка кивнула. Внешний контрольный пульт занимал полстены. Ржевский еще давно, в сентябре, заставил всех лаборантов разобраться в этих шкалах и циферблатах. На всякий случай.

— Главное, — сказал Коля, — температура бульона, ну и, конечно...

— Я знаю, — сказала Ниночка и почувствовала, что краснеет. У нее была тонкая, очень белая, легко краснеющая кожа.

— Я не закрываю, — сказал Коля. — Одна нога здесь,

другая там. Но ты туда не суйся... — И, выходя уже, добавил: — Восьмая жена Синей Бороды.

Ниночка встала и пошла к пульту. Там, внутри, ничего неожиданного не происходило. А если произойдет, такой трезвон пойдет по институту! Так было на прошлой неделе, когда повысилась кислотность. К счастью, Ржевского в институте не было, а когда он приехал, все уже обошлось.

Ниночка прошлась по комнате. В институте было очень тихо. Желтый лист на стекле вздрагивал и, видно, собирался улететь.

— Если улетит, — сказала Ниночка, — я загляну. Краем глаза.

Конец листа оторвался от стекла. Ниночка напряглась, испугалась, что он улетит и придется заглядывать. Но капли дождя прибили лист к стеклу снова. Он замер.

Тогда Ниночка подумала, что скоро Коля вернется. Она подошла к двери и легонько тронула ее. Может, дверь и не откроется. Дверь открылась. Легко, беззвучно.

Переходник был ярко освещен, дверь направо, в инкубатор, чуть приоткрыта. Каблучки Ниночки быстро простучали по плиткам пола. В шкафу висели халаты. Из рукомойника капала вода. Ниночка замерла перед дверью, прислушалась. Тихо. Даже слишком.

Только жужжали по-электрически какие-то приборы. Из-за двери пробивался мягкий свет.

Нина приоткрыла дверь и скользнула внутрь.

Почему-то сначала она увидела мягкий черный диван и на нем открытую книгу и половинку яблока. Там должен был сидеть Коля Миленков. У дивана на столике стояла обыкновенная настольная лампа. Одна ванна была пустая, большая, совершенно как египетский саркофаг с выставки. Или как подводная лодка. Все таинство происходило во второй ванне, поменьше, утопленной в полу и, к сожалению, совершенно непрозрачной. То есть крышка была прозрачной, но внутри — желтоватая мутная жидкость. Ниночка наклонилась к ванне, но все равно ничего не смогла различить, и тогда она потрогала ее стеклянный гладкий бок. Бок был теплым. Ее прикосновение вызвало реакцию приборов. Они перемигнулись, гудение усилилось, словно шмель подлетел поближе, к самому уху. Ниночка отдернула руку, и тут дверь открылась и вошел

Ржевский. Ниночка думала, что это Коля, и даже успела сказать:

— Коля, не сердись...

И замолчала, прижав к груди руку, как будто на ней отпечатался след прикосновения к ванне.

— Ты что тут делаешь? — Ржевский сначала даже не удивился, прошел к приборам, повернулся к Нине спиной, и она стала продвигаться к двери, понимая, что это глупо.

— Меня Коля попросил побывать, пока он за водой сходит, — сказала Нина.

— Попросил? Побывать? — Ржевский резко обернулся. — Как он посмел? Оставить все на девчонку! Несмышленыша! Ты чего трогала?

И Ниночке показалось, что он ее сейчас убьет.

— Не трогала.

— Почему улыбаешься?

— Я не улыбаюсь, барон.

— Кто?

— Синяя Борода. Или он был герцог?

Ржевский прислушался к жужжанию шмеля, потом ладонью рубанул по кнопке, и жужжение уменьшилось.

Видно, понял, в чем дело, и сам улыбнулся.

— Мне было очень интересно, — сказала Ниночка. — Простите, Сергей Андреевич. Я все понимаю, но обидно, когда я каждый день сижу там, за стенкой, а сюда нельзя.

— Это не прихоть, — сказал Ржевский. — Как ребенок... Синяя Борода. Чепуха какая-то.

— Чепуха, — быстро согласилась Ниночка. — Это очень похоже на саркофаг. Только фараона не видно.

— Даже если бы ты и увидела, ничего бы не поняла, — сказал Ржевский. — Процесс строительства тела идет иначе, чем в природе. Совсем иначе. Куда приятнее увидеть младенца, чем то, что лежит здесь. Послезавтра будет большое переселение. — Ржевский постучал костяшками пальцев по большому пустому саркофагу. — И попрошу больше сюда не соваться. Ты вошла сюда в обычном халате — не человек, а скопище бактерий.

Нет, он не сердился. Какое счастье, что он не сердился!

— Но тут все закрыто герметически, я же знаю, — сказала Ниночка.

— А я не могу рисковать. Я двадцать лет шел к этому. Неудачи мне не простят.

— К вам так хорошо относятся в президиуме.

— Наслушалась институтских сплетен — «хорошо относятся». Хорошо относятся к победителям. Остапенко тоже рискует, поддерживая нас. Ты знаешь, как принято говорить? Поработайте еще лет пять с крысами... ну, если хотите, с обезьянами, удивительные эксперименты... великий шаг вперед! Но опасно! Рискованно! Триумф генной инженерии, создали гомункулуса! А если вы — наш, советский Франкенштейн? Ты знаешь, кто такой был Франкенштейн? И что он создал?

Ржевский сел на Колин диван, повернул книгу обложкой к себе, рассеянно полистал.

— Да, я слышала, — сказала Ниночка голосом отличницы. — Он сшил из трупов человека, а тот потом нападал на женщин. Но ведь вы же выращиваете своего по биологическим законам...

— Супротив законов... — Ржевский отложил книжку. — Супротив всех законов. Неужели ты этого не знаешь? А ты лезешь сюда с немытыми руками.

— Я больше не буду.

Нина понимала, что надо уйти. Но уйти было жалко. И жалко было Ржевского — он побледнел, осунулся, ему все это дорого обходится.

— У вас еще не было детей, — сказала Ниночка неизвестно, сама удивилась, услышав свой голос. — Теперь будет.

— Ты о нем?

— Разумеется. Конечно, лучше, если бы у вас уже были свои дети, но для начала можно и так.

— С ума сойти! — удивился Ржевский. — А ну, марш отсюда!

12

Иван родился 21 ноября в шесть часов вечера.

Никто не уходил из института — хоть и не объявляли о конце эксперимента. Ждали. Ржевский три дня буквально не выходил из внутренней лаборатории, а Ниночка по очереди с другими девушками покупала и готовила тем, кто был внутри, еду. Они выбегали на несколько минут, что-то перехватывали и исчезали вновь за дверью переходника.

С утра в тот день в институте появились новые люди —

медики. Потом два раза приезжал Остапенко и один из тех, старых академиков. В кабинете директора все время звонил телефон, но Леночка имела жесткие инструкции — Ржевского не звать, ничего ему не передавать, даже если начнется землетрясение.

Ниночка сама не пошла обедать, какой уж там обед. Мысли ее были внутри, за дверьми. Этот мальчик, гомункулус, чудовище Франкенштейна... вот он повернулся, вот он старается открыть глаза, и слабый хриплый стон вырывается между синих губ. Или сейчас прервалось дыхание — Ржевский начинает массировать сердце... Она недостаточно разбиралась в вынесенных на пульт во внешней лаборатории показаниях приборов. У пульта толпились биологи из других лабораторий и вели себя так, словно смотрели футбол.

В шесть часов с минутами кто-то из молодых талантов, глядя на мельтешню зеленых кривых на экранах, сказал: «Вот и ладушки», — и хлопнул в ладоши. Они все заговорили, заспорили; стали глядеть на дверь, и Ниночке почему-то показалось, что Ржевский должен выйти с Ним.

Ржевский долго не выходил, а вышел вместе с одним из медиков. И все. Ниночка не могла разглядеть Ржевского за спинами высоких молодых талантов — в этой толпе его и унесло в коридор, и лишь раз его усталый голос поднялся над другими голосами: «У кого-нибудь есть сигареты без фильтра?» Ниночка почувствовала, что смертельно устала, но не могла не смотреть на дверь во внутреннюю лабораторию, потому что Он мог выйти сам по себе, забытый и неконтролируемый. А когда вышел покурить и Коля Миленков, она не выдержала и спросила его тихо, чтобы не услышали и не засмеялись:

— Он ходит? Он говорит?

— Будет ходить, — сказал Коля самодовольно.

Потом вернулся Ржевский и потребовал у Фалеевой графики дежурств лаборанток. Он сидел за столом, Ниночка подошла к нему поближе, и ей казалось очень трогательным, что волосы на затылке у Ржевского редкие, мягкие и хочется их погладить.

— В ближайшие недели, — сказал Ржевский Фалеевой, но слышали все, — с ним должны дежурить сиделки. Я договорился с Циннельманом, но у них плохо с младшим персоналом. Сестры будут, а вот в помощь им хотелось бы позвать кого-нибудь из наших. Есть добровольцы?

Ржевский оглянулся.

— Конечно, есть, — сказала Фалеева. Но никто не отозвался, потому что девушки вдруг испугались.

Оробел даже Юра, лаборант, который занимается штангой. И больше всех испугалась Ниночка. И потому сказала тонким голосом:

— Можно, я?

— Конечно, — сказал Ржевский, который, видно, совсем не боялся за судьбу Ниночки. — А еще кто?

Тогда вызвались Юра и сама Фалеева.

13

Вокруг темнота и глухота, темнота и глухота, но темнота не бесконечна, только нужно из нее выкарабкаться и знать, куда ползти сквозь нее, а никто не может сказать, куда надо ползти, и если поползешь не туда, то попадешь в колодец; это еще не колодец, а понятие, для которого нет слова, место, куда падают, падают, падают, и тело становится громоздким и все растет, оно больше, чем пределы колодца, но не касается, они отодвигаются быстрее, чтобы пропустить его в бездну.

И он не знает, что это значит, хотя должен знать, иначе не выбраться из темноты...

14

Ниночка пришла домой в девятом часу. Родители были на кухне. Отец читал «Советский спорт». Мать рубила капусту.

— Что так поздно? — спросил отец мирно, как будто с облегчением.

— Мы так устали... — и Ниночка замолчала. Когда она шла домой, то не знала, что сделает, вбежит ли с криком: «Он родился!» — или просто ляжет спать.

— Наверное, устала, — сказал отец, чуть раскачиваясь... — Каждый день приходила чуть ли не ночью... Теперь хоть будешь дома сидеть.

— Нет, — сказала Ниночка. — Теперь будет еще больше работы. Меня назначили дежурить с Ним.

— С кем? — спросила мать, и нож повис в воздухе.

— С Иваном. Его зовут Иваном, ты знаешь?

— Я ничего не знаю, — сказала мать. — Я ушла раньше. Иван — это его детище?

В слове «детище» было отношение к новорожденному. Плохое.

— Я буду дежурить у него.

— Господи, — сказала мать. — Возле этого чудовища? Одна?

— Он не чудовище. Это сын Ржевского. Понимаешь, биологически он сын Ржевского, он выращен из его клетки.

Мать бросила нож, он отскочил от доски и упал на пол. Никто не стал поднимать.

— Он убийца! — закричала мать. — Он убил Лизу! Он убивает все, к чему прикасается. Он затеял всю эту историю из патологического желания доказать мне, что у него может быть ребенок.

Ниночке бы уйти, она всегда уходила от таких сцен, но теперь все относившееся к Ржевскому слишком ее интересовало.

— Какая Лиза? — спросила Ниночка.

Мать подобрала нож и сказала, будто не услышала:

— Я категорически, — она подчеркнула свои слова ножом, — против того, чтобы Нина приближалась к этому ублюдку. Если нужно, я дойду до самого верха. Я не оставлю камня на камне.

И тогда Ниночка убежала из дома. Было темно и зябко. У нее был домашний телефон Ржевского, она списала его дома, из телефонной книжки. Она зашла в будку автомата, еще не думая, что будет звонить, — просто освещенная изнутри желтой лампой будка была теплым и уютным местом, чтобы спрятаться. А потом она набрала номер Ржевского.

Поняв по голосу, что разбудила директора института, Нина хотела было уже бросить трубку, но не успела.

Он строго спросил:

— Кто говорит?

И она не посмела скрыться.

— Простите, я не хотела вас будить. Это Нина Гулинская.

— Что-нибудь случилось? Ты из института?

— Нет, я пошла домой, а потом поругалась с мамой, то есть не поругалась, а просто ушла от них.

— Тогда не плачь, — сказал Ржевский. — Ничего особенного не произошло.

— Она мне не разрешает, а я хочу. Я уйду от них, если она не разрешит...

— Ты из автомата?

— Да.

— Тогда приезжай ко мне. Адрес запомнишь?

— У меня есть. Я давно еще списала... Но уже поздно, и вам надо спать.

— Если не ко мне, то куда пойдешь?

— Не знаю.

— Вытри глаза и приезжай. — В голосе Ржевского ей послышалась насмешка, и она сухо сказала:

— Нет, спасибо...

Не поедет она за сочувствием...

Потом Нина прошла еще две или три улицы, позвонила подруге Симочке, сообщила, что приедет к ней ночевать, и поехала к Ржевскому.

15

Квартира Ржевского разочаровала Ниночку. Она часто представляла, как он живет, совсем один, и ей казалось, что его мир — завал книг, рукописи горой на столе, обязательно большое черное кожаное кресло, картина Левитана на стене — неустроенный уют великого человека. А квартира оказалась маленькой, двухкомнатной, аккуратной и скучной.

— Я кофе собирался выпить, — сказал Ржевский. Он был в джинсах и свитере. — Будешь?

— Спасибо.

Он пошел на кухню, а Ниночка осталась стоять возле чистого письменного стола, огляделась, увидела широкий диван и подумала: «К нему, наверное, приходят женщины. Приходят, а он им делает кофе и потом достает вот оттуда, из бара в стенке, коньяк. А вдруг он смотрит на меня как на женщину?» Ниночка испугалась собственной мысли, которая происходила оттого, что в глубине души ей хотелось, чтобы он видел в ней женщину.

— Сосиски сварить? — спросил Ржевский из кухни.

Ниночка подошла к двери на кухню, заглянула. Кухня была в меру чиста и небогата посудой.

— Спасибо. Я не хочу есть. А вам кто-нибудь помогает убирать?

— Вызываю молодицу из фирмы «Заря», окна мыть. Держи печенье и конфеты. Поставь на столик у дивана.

«Он совершенно не видит во мне женщины», — поняла Ниночка. Это было обидно. Ее не разубедило в этом даже то, что Ржевский достал все-таки из бара бутылку коньяка и две маленькие рюмочки. Кофе был очень ароматный и крепкий — такой умеют делать только взрослые мужчины.

— Давай выпьем с тобой за первый шаг, — сказал Ржевский.

Он капнул коньяку в рюмки, и Ниночка устроилась удобнее на диване. Она поняла, что они коллеги и они обсуждают эксперимент. К тому же они знакомы домами. Видела бы мама, что она пьет коньяк с директором института. А какое бы лицо было у Фалеевой? Правда, репутация директора погибла бы безвозвратно. Ниночка хотела сказать Ржевскому, что никому не скажет о своем ночном визите, но он ее опередил:

— Рассказывай, что дома приключилось.

— Они все взбунтовались. Мать не разрешает мне с Иваном работать. Говорит, что он ублюдок. Вы не обижайтесь.

— Я твою маму знаю много лет и знаю, какой она бывает во гневе.

— Она отойдет, вы же знаете, она быстро отходит.

— Не совсем так. Она мирится внешне, а так, без Каноссы, прощения не добиться.

— Без Каноссы?

— Вас, голубушка, плохо учат в школе.

Ниночка заметила, что в углу стоят горные лыжи, очень хорошие иностранные горные лыжи, им не место в комнате, но кто скажет Ржевскому, что можно ставить в комнату, а что нет.

Ниночка кивнула, согласившись, что ее плохо учили в школе.

— Что же теперь будем делать? Перевести тебя в другую лабораторию? — спросил он.

— Что вы! — испугалась Ниночка. — Разве я плохо работала?

— Я к тебе не имею претензий. Но, может, ты и сама его боишься?

Ниночка покачала отрицательно головой. Сказать, что совсем не боится, было бы неправдой.

Ржевский поднялся с кресла, подошел к окну, приот-

крыл его — оттуда донесся неровный, прерывистый вечерний шум большой улицы.

— Тебе не холодно?

— Нет. Вы не думайте, что я боюсь. Но ведь это первый... первый такой человек.

— Но не последний, — сказал Ржевский. — Твоя ма-ма выражает мнение весьма существенной части человечества... Есть какие-то вещи, которые человеку делать положено, а какие-то — нет. Например, положено создавать себе подобных ортодоксальным путем.

Зачем он говорит со мной, как с девочкой? — подумала Нина. Как будто тайны жизни для меня закрыты на замок.

Она взяла бутылку коньяка, налила себе в рюмку, потом Ржевскому.

Тот поглядел на нее внимательно, улыбнулся уголками губ, взял бутылку и отнес ее на место, в бар. Закрыл бар и сказал:

— Так мы с тобой сопьемся.

Ниночка одним глотком выпила рюмку. Коньяк был горячим и мягким. И зачем она только пришла сюда?

Ниночка увидела, что у Ржевского оторвана пуговица на рубашке. Никогда Ниночке не приходило в голову смотреть на пуговицы своих сверстников. Она отлично умеет пришивать пуговицы. Но нельзя же сказать ему: я хочу пришить тебе пуговицу, дядя Сережа.

— Лет двадцать пять назад... — вдруг Ржевский замолчал. И Ниночка поняла, что он вспомнил о той Лизе, которую убил. Именно тогда. Они дружили — мать, отец и Ржевский. Ржевский хотел жениться на матери, а она предпочла ему отца — об этом Ниночка знала давно, из шумных сцен на кухне, когда мать кричала отцу: «Если бы я тогда вышла за Ржевского, мы бы не прозябали!»

Ржевский нахмурился, будто с трудом вспомнил, на чем остановился.

— Тебе не пора домой?

— Нет, я часто от них убегаю. Они думают, что я ночую у Симы Милославской.

— Может, позвонишь?

Ниночка отрицательно покачала головой.

— Двадцать пять лет. Ты думаешь, это много? Оказывается, я помню, сколько там ступенек, и помню слова, которые там говорились. Как вчера. А память у меня совсем

не фотографическая. Просто все это было недавно... Двадцать пять лет назад я резал планарий, глядел в микроскоп и читал. И обо мне говорили, что я перспективен, говорили без зависти, потому что я казался фантазером. Даже когда американцы активно занялись тем же. Наверное, внутри моих друзей и оппонентов сидел религиозный запрет «богу — богово», хотя они были убежденными атеистами. А теперь клонирование стало обыденностью. Родились первые настоящие здоровые младенцы, весь генетический материал которых — искусственно выращенная клетка отца. Старшему в Японии сейчас...

— Три года, — сказала Ниночка.

— Спасибо. Три года. А он и не подозревает, что чудовище. Растет, пьет молочко, говорит свои первые слова... Никогда не доверяй банальным истинам... Сделали самого обыкновенного человека. Самого обыкновенного, просто нестандартным способом. А теперь сделали еще шаг дальше и получили человека сразу взрослым. Избавили Ивана от долгих и непроизводительных лет детства. Ты еще кофе будешь?

— Нет, спасибо.

— А я себе сделаю.

Ржевский пошел на кухню, поставил кофе. Ниночка поднялась с дивана, подошла к окну — видно, прошел дождь, она не заметила, когда он был, и машины отражались огоньками в черном мокром асфальте.

— Почему ты мне не возражаешь? — спросил Ржевский громко из кухни. — Мне все возражают.

— Вы думаете, хорошо, что у него не было детства?

— А что хорошего в детстве? Учеба, учеба... все тебе приказывают, все тебе запрещают. Хотела бы ты снова прожить детство?

— Не знаю. Наверное, нет. Но я его уже прожила.

Ржевский маленькими глотками отхлебывал кофе. Ниночка молчала. Что-то в этом было неправильно. По отношению к Ивану. Но она не могла сформулировать свое сомнение.

— Вы уверены? — спросила она.

— В чем?

— В том, что он вас поймет?

— Если он будет спорить со мной, я это буду приветствовать. Знаешь, почему?

— Нет.

— Да потому, что я сам все с собой спорю. Нет больших оппонентов, чем самые близкие люди. А он не только близок мне, он — продолжение меня. Я дошел до своей вершины, и теперь, хочу того или нет, пришло время идти вниз. Я постараюсь сделать это как можно медленнее, но процесс остановить невозможно... Невозможно? А вот возможно! Возможно, понимаешь, девочка?

— Почему вы выбрали себя в отцы?

— Чувствую, что об этом тоже говорили у Эльзы на кухне — в центре вселенной. И меня там осудили и за это тоже.

Ниночка не ответила.

— Кого бы ты предложила на мое место? Алевича? Остапенко? Безымянного добровольца? Ну?

— Нет, я понимаю... — сказала Ниночка виновато, словно это она, а не мать осуждала Ржевского.

— Ни черта ты не понимаешь. Ты думаешь, потому что я считаю себя умнее и талантливее их? Нет, просто я знаю об эксперименте больше остальных. Значит, в общих интересах, чтобы сын, как и я, был в курсе всех дел. Какого черта я буду тратить время на то, чтобы понять не только искусственного сына товарища Остапенко, но и самого товарища Остапенко! А если я их обоих не понимаю, то могу проглядеть что-то очень важное для эксперимента.

— А себя вы понимаете? — осмелилась спросить Ниночка. Она вдруг догадалась, что Ржевский оправдывается. Перед ней и перед собой.

— Я? — Ржевский засмеялся. — Я тебя заговорил. Прости. Сколько времени? Двенадцатый час? Пошли, я тебя провожу. Мне тоже полезно вдохнуть свежего воздуха.

16

Я ощущаю одиночество, в котором оживает мое тело. У меня есть руки, они растут из плеч, они длинные и на концах имеют тонкие отростки, которые растут из воздуха, а как называются эти отростки, мы еще не знаем. У меня есть ноги, у них тоже отростки на концах. Лиза их называла, но неизвестно, что такое Лиза... Если бы еще знать, как забывают вещи... они забывают, а нам нельзя. И снова падение вниз, в колодец, хотя теперь в нем есть смысл — смысл в осознании того, что отростки называют-

ся пальцами. Но как трудно дышать, а сквозь стену, вместо того чтобы показать путь наружу, говорят о содержании адреналина... Великан Адреналин придет, когда мама будет купать тебя в тазике... Что такое мама? Это теплота и тишина...

17

На улице было свежо и приятно. Ржевский поддержал Ниночку под локоть, когда они переходили улицу, и Ниночка с трудом удержалась, чтоб не прижать локтем его руку. Еле-еле удержалась. Он бы засмеялся. И это было бы невыносимо.

Они подошли к остановке — Ниночка отказалась взять у Ржевского деньги на такси. Автобуса долго не было. Ржевский закурил и заговорил снова, не глядя на Ниночку:

— Что такое смерть? Это не только прекращение функционирования тела. Люди всегда, в любой религии, мирились с гибелью тела. Но никак не могли примириться, что с каждым человеком умирает мир мыслей, памяти, чувств. Поэтому одни люди придумали бессмертную душу. Другие придумали перевоплощение, возрождение этой же самой сущности, сотканной из мыслей и памяти, в ином существе. Так вот, я-то со временем помру. А в том, молодом человеке, который сейчас медленно входит в жизнь, мои мысли уже оживают. А пройдет еще тридцать лет, и он, Иван, создаст таким же образом своего сына, своего духовного наследника и передаст ему не только свои, но и мои мысли. Накопленные почти за столетие. Ты представляешь, что через двести, триста лет на Земле будет несколько сотен тысяч, не знаю сколько, гениев, вовравших в себя опыт и мысли нескольких поколений, людей с пятью, шестью, десятью душами...

— Души будут одинаковые, — сказала Ниночка. — Это страшно.

— А мне — нет, — сказал Ржевский буднично. И выбросил сигарету. Она красной звездочкой долетела до лужи у тротуара, пшикнула и исчезла.

— И чувства? — спросила Ниночка. — Чувства нескольких поколений?

Ржевский не ответил. Он увидел свободное такси и поднял руку.

— Нина, заглянем на пять минут в институт? Посмотрим, как идут там дела, а? И потом я отвезу тебя к подруге Симочке.

— Конечно, — сказала Нина и вся сжалась, будто ей неожиданно и раньше времени предложили пойти к зубному врачу.

Ржевский сел в машине подальше от нее, и она вдруг поняла, почему — он стеснялся шофера. Он не хотел, чтобы тот подумал: такой пожилой человек, а держит в любовницах этакое юное создание.

Они ехали минут пять молча. Потом Ржевский сказал:

— Я благодарен тебе, что пришла. Мне надо было перед кем-то излиться. Перед кем-то, кто ближе мне, чем просто коллеги.

— Ну что ж, — сказала Ниночка и стала думать, почему он выделяет ее из других. Из-за бывшей дружбы с ее родителями? Или из-за нее самой?

Со стороны фасада в институте горели лишь два окна — в дежурке. Окна лаборатории выходили в сад. Сторож долго не хотел открывать дверь, но, открыв, не удивился — только начал ворчать, что теперь все с ума посходили, превратили день в ночь, и никому от этого не лучше.

Они прошли слabo освещенным коридором до лаборатории. Во внешнем зале сидел лаборант Юра и крутил ручки приемника.

— Потише, — сказал ему Ржевский.

— Там не слышно, — сказал Юрочка, но сделал музыку почти неслышной. Он глядел на Ниночку. Почему она пришла ночью?

Ржевский подтолкнул Ниночку в переходник. Там заставил вымыть руки гадко пахнущей жидкостью, помог надеть халат, протянул маску. Делал все это быстро, нервно, спешил.

Потом позвонил в дверь внутренней лаборатории. Открыл глазок. Дверь открылась.

Внутри все изменилось. Пропали саркофаги. Ниночка не заметила почему-то, как их демонтировали и выносили. Зато туда внесли кровать. Почти обыкновенную кровать. Больничную. Около нее стояли капельница и небольшой пульт. Человек на кровати спал. Его лицо Ниночку разочаровало. Оно было гладким, бледным. Пшеничные волосы росли короткой щетиной. Руки безвольно лежали вдоль

тела на простыне. Человек, дежуривший у пульта, встал и начал что-то шептать Ржевскому. Ржевский слушал его внимательно, но глядел на Ивана. Медсестра, сидевшая по ту сторону кровати, на черном диване, который остался еще с тех времен, когда никакого Ивана здесь не было, щурилась спросонья.

Ниночка искала в лице молодого человека сходство с Ржевским. Конечно, это сходство было. Такой же нос, форма подбородка... Интересно, а какие у него глаза?

Молодой человек словно услышал ее вопрос. Руки его шевельнулись. Он медленно открыл глаза. Глаза Ржевского. Он посмотрел на Нину, но как-то лениво, вяло, словно и не хотел смотреть. Он ее не узнал.

18

Одним из первых, если не первым, собственным, настоящим воспоминанием Ивана было такое:

Он просыпается ночью. После очень долгого сна, и сон еще не ушел, он лишь на мгновение отпустил его... И видит, что над его кроватью в полутьме стоит тонкая глязастая девушка с пышными темными волосами и испуганно смотрит на него, будто он привиделся ей в кошмаре. Лицо девушки ему знакомо, но очень трудно сосредоточиться и вспомнить, откуда он ее знает, потом девушка отступает куда-то, и в этот момент он понимает, что приходила Нина, Ниночка, Эльзина дочь, хотя он совершенно не представляет, что значит этот набор букв — Эль-за...

Потом Иван очнулся снова, было утро, и в щель задернутой шторы пробивалось солнце, совсем такое же, как когда они с Лизой и Катей жили под Каунасом, в деревне, и он не спешил просыпаться, он ждал, пока Лиза первой вскочит с кровати, побежит, стуча босыми пятками по блестящим доскам пола, к окну и одним резким движением раздвинет шторы, словно разорвет их, и горячий куб солнечного света, заполненный, как аквариум рыбками, ажурной тенью листвы, ввалится в комнату...

В лаборатории была Ниночка. Она сидела в уголке и переписывала какую-то бумагу, склонив голову, иногда высовывая розовый язычок — быстро, по-змеиному, чтобы убрать им прядь волос. Странно, что он никогда раньше не замечал Нину. Она уже полгода в институте и с ним

почти не встречается, а впрочем, зачем? И если он перевел ее в лабораторию, то только по просьбе Эльзы, которой было неприятно его просить, но просить приходилось потому, что материам положено заботиться о своих детях и страдать ради них. Но почему Ниночка здесь?

Вслед за тем пришло понимание, что он болен. Он не знал, когда и чем заболел, но заболел серьезно, иначе бы его не поместили в эту палату. Тут же возникло новое воспоминание — воспоминания проявлялись, как изображение на фотобумаге, в бачке: в красном неверном свете неизвестно было, какой образ следующим возникнет на белом листе.

Воспоминание было неприятным и тревожащим — с ним надо было разобраться, понять, а понять его было нельзя, ибо оно заключалось в том, что он, Сергей Ржевский, лежащий здесь, в своей собственной внутренней лаборатории, вовсе не Сергей Ржевский, а кто-то другой, еще не имеющий имени, а потому неправильный, несуществующий человек, которого можно прекратить так же, как его начали, и невозможность осознать все это таилась в том, что начал его тот же Сергей Ржевский, то есть он сам, который существует сейчас вне его...

Тут же эти мысли прервались — он услышал взволнованные голоса, полная женщина в белом халате, которую он не знал, быстро заговорила о стрессе, молодой человек — знакомое лицо... он у нас работает техником? — что-то начал делать с приборами. Тут же был укол, короткая боль и скольжение на санках в небытие.

В это небытие проникали голоса извне. И он узнал, что о нем говорят как о Иване, и ему все время, без возмущения, без тревоги, тупо и спокойно хотелось поправить говоривших и сказать, что они ошибаются, что он — Сергей Ржевский, хотя он и сам знает, что называться Сергеем Ржевским не имеет никакого права, потому что Сергей Ржевский его придумал и сделал.

И когда он очнулся вновь, на следующее утро, он уже осознал и пережил свое отделение от Ржевского, свою самобытию и ничуть не удивился, когда Сергей Ржевский, сидевший у его кровати и следивший по приборам за моментом его пробуждения, сказал:

— Доброе утро, Иван. Мне хочется с тобой поговорить.

Иван прикрыл глаза, открыл их снова, показал, что согласен слушать.

— Здравствуй, Иван, — сказала Ниночка, как всегда, вбежав в лабораторию, и, как всегда, Ивану показалось, что ее принесло свежим ветром. — Ты уже обедал? А я не успела — заскочила в буфет, а там дикая очередь, представляешь?

Иван кивнул. Он сразу вспомнил, какие очередиываются в буфете, и ему захотелось сейчас же позвать Алексея и напомнить ему, что старики уже трижды обещали отдать буфету соседнюю комнату. Иван тряхнул головой, как всегда, когда отгонял лишние, чужие мысли — этого жеста у его отца не было.

— Съешь курицу, — сказал он. — Я все равно не хочу.

Мария Степановна, медсестра, укоризненно вздохнула. Она не терпела фамильярностей пациентов с персоналом. Ниночка была персоналом, а Иван — пациентом. От этого никуда не денешься — в этом заключается порядок, единственное, за что можно ухватиться в этом сумасшедшем доме.

— Правильно, — сказала Ниночка. — А ты в самом деле сырт?

— Меня кормят, словно я член олимпийской сборной по тяжелой атлетике, — сказал Иван.

Нина принялась за курицу. Иван смотрел в окно. В этом году снег выпал рано, может быть, он еще растает, но лучше бы уж улегся и кончились эти дожди. Иван подумал, как давно не вставал на лыжи, и, подумав, тряхнул головой, а Нина, заметив этот жест, хмыкнула и сказала:

— Я знаю, о чем ты подумал. Ты подумал: как хорошо бы покататься на лыжах.

— Как ты догадалась?

— Я телепатка. А в самом деле, я сегодня так подумала — почему бы не подумать тебе? Ты умеешь на лыжах кататься?

— Умел, — сказал Иван.

— Я отлучусь, — сказала Мария Степановна. — Через полчаса приду.

— А вы совсем идите домой, — сказал Иван. — Чего меня беречь? Я здоров как бык.

— Многие люди кажутся здоровыми. Производят впе-

чатление. — В голосе Марии Степановны было осуждение, разоблачение жалкой хитрости пациента.

Иван смотрел на свои руки. Руки как руки. Очень похожие на руки Сергея Ржевского. Только у того пальцы расширились в суставах, стали толще, а по тыльной стороне ладони пошли веснушками.

Иван смотрел на свои руки с удивлением, как на чужие. Ниночка шустро обгладывала ножку курицы и искоса поглядывала на него. Она всегда старалась угадать его мысли и часто угадывала. Ниночка за эти дни поняла, как Иван старается познать мир своими глазами, своими ощущениями, как он старается вычлениться из старшего Ржевского, отделить всю массу опыта и памяти отца от микроскопического, ограниченного стенами внутренней лаборатории и несколькими лицами собственного опыта. Он так ждет меня и так любит со мной говорить, думала Ниночка, потому, что я несу ему крошки его собственной жизни. Они обязательно будут ссориться с Сергеем Андреевичем. Представляю, что бы я сказала маме, если бы узнала, что она за меня ходила в школу.

Звякнул зуммер, оборвался. Техник включил селектор.

Ржевский просил Нину Гулинскую заглянуть к нему.

— Сейчас, — сказала Ниночка, вытирая губы. — Сейчас приду.

Иван посмотрел ей вслед. С ревностью? Как смешно!

Ниночка бежала по коридору и рассуждала: почему она больше не робеет перед Сергеем Ржевским? Такая разница в возрасте и во всем. Просто пропасть. Алевич и тот робеет перед Ржевским. Даже Остапенко иногда. Когда исчезла робость? После ночного разговора в его квартире? И в институте Ниночка уже не была мелким человеком, бегающим по коридорам, — она была причастна к эксперименту, на нее падал отсвет тайны и величия того, что случилось. Ведь величие, правда?

Мать стояла в коридоре, курила с незнакомым мужчиной, смеялась, сдержанно, но нервно. Мать любила, когда мужчины обращали на нее внимание, вообще говорила, что мужчины куда интереснее женщин, но настоящих поклонников у мамы не было, то ли потому, что она в самом деле не нуждалась в них, то ли потому, что они боялись ее всеобъемлющего чувства собственности. Ниночке иногда жалко было, что она родилась именно у

своей мамы. Мать в суматохе гостей, в тщетном стремлении к постоянным, хоть и не очень экстравагантным развлечениям — поехать к кому-нибудь на дачу и там увидеть кого-то, а потом сказать, что она знакома с ним самим и его женой, которая ее разочаровала, что-то купить, выразить шумное сочувствие чужой беде, — в такой суматохе мать надолго забывала о Нине, сдавала ее отцовской бабушке, которая уже умерла. Но потом у матери словно прорывало плотину — недели на две хватало безмерной любви, когда от нее продохнуть было невозможно. Уж лучше бы, как у других, — без особенных эмоций.

Мать, завидев Ниночку, бросила собеседника, близоруко сопнувшись.

— Нина, ты что здесь делаешь?

Нина сразу догадалась, что мать подстерегала ее, поэтому и выбрала место в коридоре первого этажа.

— Меня Сергей Андреевич вызвал, — сказала Ниночка. — А ты?

— Я? Курю.

— Обычно ты куришь на третьем этаже.

— Я тебя не спрашиваю, где мне курить. Ты удивительно распустилась. Зачем ты понадобилась Сереже?

Ага, этим словом мать отнимает у нее Ржевского, ставит Ниночку на место. А мы его не отдадим...

— Мамочка, пойми, — Нина старалась быть ласковой, не хуже мамы, — у нас с Ржевским эксперимент.

— Ах! — сказала мама с иронией и выпустила дым. Она никогда не затягивалась. Курение для нее было одним из проявлений светской деятельности. — Ребенок без высшего образования — незаменимая помощница великого Ржевского. У тебя с ним роман?

— Мама! — Ниночка трагически покраснела. У нее был роман с Сергеем Ржевским, хотя он этого не замечал, у нее начинался роман с Иваном Ржевским, чего она еще не замечала. То есть она была вдвойне виновата, поймана на месте, разоблачена, отчего страшно рассердилась.

Ниночка бросилась бежать по коридору, мама тихо рассмеялась вслед.

Потом Эльза бросила недокуренную сигарету в форточку. Она не хотела ссориться с дочкой, она хотела попроситься в лабораторию, поглядеть на этого Ивана. Иван был, по слухам, точной копией Ржевского в молодости. Но никто, кроме нее, Эльзы, не мог подтвердить

этого — она единственная в институте знала Ржевского в молодости.

Еще не все потеряно. Эльза оглянулась. Коридор пуст. Она дошла до торцевой двери. «Лаборатория № 1» — скромная черная дощечка. Ничего страшного — все знают, что у нее там работает дочь. Может быть, директору библиотеки надо сказать кое-что дочери.

Эльза подошла к двери, замерла возле нее, чтобы собраться с духом и открыть дверь простым и уверененным движением, как это делает человек, пришедший по делу. Толкнула.

Фалеева подняла голову и сказала:

— Здравствуйте, Эльза Александровна. А Ниночка убежала к директору. Что-нибудь передать?

— Спасибо, не надо, — сказала Эльза. Надо уйти. Но глаза держат ее, уцепились за белую дверь в дальней стене.

— Скоро ваш пациент начнет ходить? — спросила Эльза, входя и закрывая за собой дверь.

— Он уже встает, — сказала Фалеева. — Но Сергей Андреевич ему еще не разрешает выходить.

— И правильно, — сказала Эльза. — Это не зоопарк. А вы его не боитесь?

— Кого? — удивилась Фалеева. — Ваню?

Как нелепо, подумала Эльза. Называть искусственно-го человека Ваней. Как ручного медведя.

Белая дверь изнутри резко отворилась. Оттуда быстро вышел Сережа в тренировочном синем костюме с белой полосой по рукавам и штанинам. За ним выскочила полная женщина в белом халате.

— Ты с ума сошел! — кричала она на Сережу. — Что я Ржевскому скажу?

Эльзу вдруг начало тошнить — подкатило к горлу. От страха. И в самом деле, она была единственным человеком в институте, который мог узнать молодого Ржевского. А он взглянул на нее, поздоровался кивком, словно виделся с ней только вчера. В нем была неправильность. И только когда Ржевский прошел мимо, в коридор, медсестра за ним, Эльза поняла, что Сережа был неправильно подстрижен, он никогда не стригся под бобрик.

— Мне интересны твои впечатления, — сказал Ржевский. — Они могут быть, в силу вашей близости в возрасте, уникальны.

— Я старше его, — сказала Ниночка. — На восемнадцать лет.

— Конечно, конечно, — Ржевский усмехнулся одними губами. — Но и он старше тебя на четверть века.

— Конечно. Старше. И никак не разберется в самом себе.

— Пытается разобраться?

— Пытается. У него два мира, — сказала Ниночка. — Один — в комнате. В нем есть я, сестра Мария Степановна — маленький мир. А ваш мир его гнетет.

— Насколько мой мир реален для него? Со мной он настороже.

— Я не знаю. Он еще не совсем проснулся. — Ниночка нахмурила тонкие брови, ей очень хотелось соответствовать моменту.

— Ты слышишь в нем меня?

— Ой, не знаю! Он мне сегодня курицу отдал.

— Чего?

— Я голодная была, а он мне курицу свою отдал.

— Я бы тоже так сделал. Тридцать лет назад. Правда, тогда с курицами было сложнее.

Ржевский открыл папку у себя на столе, в ней были фотографии. Фотографии старые, любительские.

— Видишь, справа я, в десятом классе. Похож?

— На кого? — спросила Ниночка.

— Значит, не разглядела... Ага, вот уже в институте.

— Да, это он, — сказала Ниночка, как у следователя, который попросил ее опознать преступника. Она взяла еще одну фотографию. На ней стояли сразу четыре знакомых человека. Молодые папа с мамой, Иван и еще одна девушка. У девушки была толстая коса. Но больше всего удивилась Ниночка тому, что мама держала на руках девочку лет трех.

— Это ее дочка. — Ржевский показал на круглоголицую с толстой косой.

Он взял фотографию, хотел спрятать, потом взглянул еще раз и спросил:

— А маму ты сразу узнала?

— Она мало изменилась, — сказала Ниночка. — Она любит тискать чужих детей. Если знает, что скоро их отдаст владельцам.

— Ну и язык у тебя, — сказал Ржевский.

Телефон на столе взорвался писком — это был зеленый, внутренний телефон. Ржевский схватил трубку.

— Почему сразу не сообщили? Иди.

Он бросил трубку. Злой, губы сжаты.

— Иван ушел, — сказал. — Недосмотрели.

— Куда ушел?

— А черт его знает! За ним Мария Степановна побежала. Ну как же так! Я же ему говорил. Не на ключ же его запирать!

21

Отыскали Ивана в виварии. Он стоял перед клеткой со Львом. Лев внимательно разглядывал посетителя, словно встречал его раньше. Джон, на которого не обращали внимания, суетился в своей клетке, ворчал, а Мария Степановна отрешенно застыла у двери.

— Тебе еще рано выходить, — сказал Ржевский с порога.

— Здравствуй, — сказал Иван.

— Почему ты меня не предупредил?

— Я знаю в институте все ходы и выходы, — сказал Иван. — Не хуже тебя.

Ниночка стояла на шаг сзади, поворачивала голову, отмечая различия между ними. Например, чуть более высокий и резкий голос Ивана.

— Погоди, — сказал вдруг Ржевский, — дай-ка руку, пульс дай, тебе говорят!

Иван протянул руку. Лев, который увидел это, протянул свою лапу сквозь решетку, ему тоже захотелось, чтобы у него проверили пульс.

— Почему такой пульс? — спросил Сергей Андреевич.

— Ты прав, — сказал Иван. — Давай вернемся. Голова кружится. Делали меня не из качественных материалов. Черт знает что совали.

— Что и во всех, — ответил Сергей. — По рецептам живой природы.

В коридоре встретили нескольких сотрудников. Мало

кто в институте видел Ивана. Люди останавливались и смотрели вслед. Кто-то крикнул, приоткрыв дверь:

— Семенихин, да иди ты сюда! Скорей!

Ниночка почувствовала, как Ивану неприятно. Он даже ускорил шаги и вырвал руку у отца.

22

Ему снился длинный сон. В этом сне он был мал, совсем мал. Шел по поляне, на которой покачивались цветы с него ростом, и между цветами слепило солнце. Рядом шла мать, он ее не видел, видел только пальцы, за которые цепко держался, потому что боялся шмеля. Вот прилетит и его заберет. Он знал, что дело происходит в Тарусе и ему четыре года, что это одно из его первых воспоминаний, но в то же время это был сон, потом что само воспоминание уже выветрилось из памяти Сергея Ржевского, оно стало семейным фольклором — как Сережа боялся шмеля. Но почему-то в сознании не было картинки шмеля, а лишь звуковой образ Ш-Ш-Ш-мель! Неопределенность угрозы заставляла ждать ее отовсюду, она могла даже превратиться в руку матери, и он начал вырываться, но мать держала крепко, он поднял глаза и увидел, что это не мать. А Лиза, которая плачет, потому что знает — сейчас прилетит шмель и унесет его...

Он проснулся и лежал, не открывая глаз. Он хитрил. Он знал, что люди при нем перестают разговаривать об обычных вещах — словно ему нельзя о них знать. Он понимал, что его притворство скоро будет разоблачено — приборы всегда предавали его.

На этот раз, видно, никто не поглядел на приборы, может, не ждали его пробуждения. Говорили шепотом. Мария Степановна и другая, незнакомая сестра.

— Глаза у него неживые, старые глаза, — шептала Мария Степановна. — Сколько у меня было пациентов — миллион, никогда таких глаз не видела.

— Откуда же он все знает? Это правда, что он скопированный?

— Не скажу, — ответила Мария Степановна. — Когда меня сюда перевели, он уже готовый был.

— И рассуждает?

— Рассуждает. Иногда заговаривается, конечно. На первых порах себя директором воображал.

Иван осторожно приоткрыл глаза — в комнате горела только настольная лампа, техник дремал в кресле, две медсестры сидели рядом на диване. Было тихо, мирно, и разговор вроде бы и не касался его.

— А ты не боишься его? — спросила незнакомая сестра.

— Да нет, он добрый, я агрессивность в людях чувствую, большой послеоперационный опыт. Агрессивности в нем нет. Но глаза плохие. Боюсь, что не жилец он. Нет, не жилец...

Это я не жилец? Почему? Неужели в самом деле во мне есть что-то ненастоящее, недоделанное, слишком хрупкие сосуды или не той формы эритроциты?

Иван невольно прислушался, как бьется сердце. Сердце пропустило удар... По крайней мере нервы у него есть.

23

Снова Иван проснулся под утро. Что-то было не так... Снег стегал по закрытым окнам, ветер такой, что дрожали стекла. Почему-то показалось, что рядом лежит Лиза и спит — беззвучно, неслышно, чтобы не помешать ему, даже во сне боится ему помешать... Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее плеча, которое так точно вписывается в чашу согнутой ладони. И понял, что это не его память! Тряхнул головой, сбил подушку. Мария Степановна, прилегшая на диванчик, заворочалась, забормотала во сне, но не проснулась.

И тогда, уже бодрствуя, Иван начал прислушиваться к звукам ночного института, в которых что-то было неправильно.

Осторожно опустил ноги на пол, босиком, в пижаме, прошел к двери. Повернул ручку. Потом щелкнул замок.

В переходнике было темно. Иван прикрыл за собой дверь, во внешней лаборатории отыскал выключатель. Вспыхнули лампы, он даже зажмурился на мгновение. Тоже тихо — лишь через несколько стен доносится шум, глухой и неразборчивый. По коридору побежал. Подошвы тупо стучали по половицам. За одной из дверей — здесь живут шимпанзе — слышно было ворчание, стук. Он повернул ручку двери. Заперта. Иван наклонился, загля-

нул в замочную скважину. Была видна часть клетки, скупо освещенная маленькой лампочкой под потолком. Джон метался по клетке, тряс прутья, потом понял, что за дверью кто-то есть, и принял ухать, верещать, словно никак не мог вспомнить нужные слова.

— Что у вас там? — спросил Иван тихо. — Что случилось?

Джон услышал, принял бить ладонями по полу, отдергивая их, словно обжигался.

— Внизу? — спросил Иван.

Джон подпрыгнул и заревел.

Иван наклонился, попробовал ладонью пол. Может, ему показалось, но пол здесь был теплее. Подошвы ног этого не чувствовали, а ладонь ощущала.

И тут он услышал вой собак. Собаки часто выли ночами, но сейчас вой был совсем другим.

Иван пробежал еще несколько шагов, растворил дверь, ведущую в подвал, и, когда спускался по лестнице вниз, почувствовал, что воздух стал теплее, словно кто-то неподалеку открыл дверь в прачечную.

Дверь в виварий была не заперта. Иван потянул ее на себя, и в лицо ударили горячий сгусток пара. Вниз вело еще ступенек пять, нижние были покрыты водой, и лампы под потолком чуть светили сквозь белую вату. Жуткий собачий вой перекрывал шипение и журчание горячей воды.

Иван ступил вниз, в воду — она была горячей. Дальше, в середине длинного подвала с клетками вдоль стены пар был еще гуще, и там из лопнувшей трубы била вода.

Надо было ее закрыть. Но как доберешься до трубы и чем ее закроешь? Бежать наверх, звать на помощь? Иван даже полуобернулся было к двери, но тут скрежет собак усилился — собаки плакали, визжали, боялись, что Иван сейчас уйдет, и Иван понял, что сначала надо выпустить животных, это можно сделать быстро, в несколько минут. И то, пока приедет аварийка, собаки могут свариться.

Он нашупал ногой еще одну ступеньку, потом еще одну...

В два шага, пробиваясь сквозь воду, — словно вошел в море и оно придерживает, не дает ступить быстро, — добрался до первой клетки. Пес там стоял на задних лапах — псы во всех клетках стояли на задних лапах, — это была крупная собака. Откинув засов, Иван рванул дверцу на себя — собака чуть не сшибла его и бросилась

к выходу, попыталась бежать, не получилось, стала добираться к ступенькам вплавь...

Клеток оказалось много. Он не мог спешить, вода становилась все горячее, и ноги начали неметь от боли. У каждой клетки надо было на две секунды остановиться, чтобы откинуть засов и медленно — так лучше, вернее — потянуть, преодолевая сопротивление воды, дверцу на себя. Из пятой клетки никто не вылез — там была маленькая собачонка, она еле держала голову над водой, — пришлось протянуть руку в клетку и тащить собаку наружу, теряя ценные секунды, а та, обезумев от боли и страха, старалась укусить его, и это ей удалось. Он бросил ее по направлению к двери и поспешил дальше. Ему казалось, что у него с ног уже слезла кожа и он никогда не сможет выйти отсюда — откажут ноги и придется упасть в воду. А он все брел, как в замедленном фильме, от клетки к клетке, боясь отпустить решетки, чтобы не потеряться в пару, нагибаясь, открывая засовы и выпуская или вытаскивая псов. И только когда увидел, что следующая клетка пуста, повернул обратно, хватаясь за горячие прутья решеток, мучаясь, что за той, пустой клеткой, наверное, была еще одна, до которой он не добрался, но даже его упрямства не хватило, чтобы пойти назад...

Он успел заметить, что из одной клетки собака не вышла — плавает на поверхности воды серой подушкой, но он прошел мимо, считая шаги, чтобы не упасть. И уже у порога, увидев, как пытается из последних сил плыть какой-то песик, подобрал его и вынес наружу, переступив через тело собаки, выбравшейся из воды, но не одолевшей ступенек. Иван на секунду остановился, вдохнув холодный воздух. Надо позвонить в аварийку. Или дойти до Марии Степановны, чтобы смазала ему ожоги? Он поднялся по лестнице, к кабинету Ржевского, хотя ближе было дойти до вахтера. Ноги слушались его, но их начало терзать болью и почему-то руки тоже, но он не смел поглядеть на свои руки. Он миновал стол Леночки, кабинет был заперт, он вышиб дверь плечом — с одного удара.

Прошел к столу Сергея, нажал кнопку настольной лампы и с трудом подтащил к себе телефон. И только тогда увидел свою руку — красную и распухшую. Но как звонить в аварийку, он не знал. И куда звонить? Ржевскому? Нет. Он не поможет. Кто-то должен отвечать за

такие вещи... Иван набрал номер телефона Алевича. Долго не подходили.

— Я слушаю, — послышался сонный голос.

— Дмитрий Борисович, — сказал Иван. — Простите, что разбудил. Это Ржевский.

Алевич сразу понял — что-то случилось. Голос директора звучал натужно. И было четыре часа утра.

— Я слушаю. Что случилось? Что-нибудь с Иваном?

— Вы не можете... вызвать аварийную? Прорвало трубу горячей воды... затопило виварий...

— Господи! — вздохнул с облегчением Алевич. — А я-то думал...

— Погодите, — сказал Иван. — Я совсем забыл номер... вызовите и «скорую помощь».

— Ветеринарную? — Алевич все еще не мог скрыть облегчения.

— Нет, для меня, — сказал Иван и уронил трубку.

В коридоре топали шаги — Мария Степановна носилась по этажам, искала пациента...

24

— Теперь ты еще больше отличаешься от Сергея Андреевича, — сказала Ниночка. — И моя кровь в тебе есть.

— Спасибо, — сказал Иван. Они сидели на лавочке в заснеженном саду института. — Хотя мне иногда хотелось, чтобы меня не спасали.

— Так было больно?

— Нет.

Они помолчали. Иван поправил костыли, чтобы не упали со скамейки, достал сигареты.

— Почему он тебе разрешил курить?

— Наверное, потому, что курит сам, — сказал Иван. — Во мне есть память о курении, есть память, и ничего с ней не поделать.

— Ну ладно, кури, — снисходительно сказала Ниночка. — Значит, ты унаследовал его плохие привычки.

— А что у тебя дома сказали? — спросил вдруг Иван.

— Мать сказала, что этого от тебя не ожидала. Что ты всегда себя берег.

— Неправда, — обиделся Иван за Ржевского. — Она же знает, что это неправда...

— Иван, а почему ты побежал? То есть я понимаю, я бы струсила, но все говорят, что разумнее было вызвать аварийку.

— Конечно, разумнее. Но я ведь тоже подопытная собака. Своих надо выручать...

— Глупости, — сказала Ниночка. — Теперь к тебе никто так не относится. Особенно те, кто тебе свою кровь давал.

— И потом... Виноват Сергей. Во мне сидело ощущение, что это мой институт, мои собаки... без него я бы даже не нашел дороги в подвал.

— Замечательно, — сказала Ниночка. — Ты обварился за него, а он спокойно спал дома.

25

Иван отложил «Сайентифик Американ» — на столике у кровати кипа журналов, отец приносит их каждое утро, будто, если Иван читает их, какая-то часть знаний переходит к отцу. Любопытно наблюдать, как читает Ржевский. Себя — со стороны. Хочется делать иначе. Отец, беря ручку, отставляет мизинец — ни в коем случае не отставлять мизинец, всегда помнить о том, что нельзя отставлять мизинец. Отец, задумавшись, почесывает висок. Ивану тоже хочется почесать висок, но надо сдерживаться...

Журнал скользнул на пол. Повязки с рук сняли — руки в розовых пятнах. И это радовало — отличало от отца. Отец никогда не совершил этого поступка — это мой, собственный поступок.

Его организм оказался слабее, чем рассчитывали, — никто в этом при нем не признавался, но проскальзывали фразы вроде «для нормального человека такой ожог не потребовал бы реанимации»... А он — ненормальный?

Его сны, долгие и подробные кошмары были скорее формой воспоминаний. Чужая память тщательно выбирала стрессовые моменты прошлого, то, что резче отпечаталось в мозгу Сергея Ржевского. Иван предположил, что получил как бы два набора воспоминаний: трезвые, будничные и сонные, неподконтрольные. Сергей, как и любой человек, стрессовые воспоминания прятал далеко в мозгу, чтобы не терзали память. Мозг Ивана воспринимал эти

воспоминания, как чуждое. Но, когда дневной контроль пропадал, сны обрушивали на мозг Ивана подробные картины чужого прошлого, где каждая деталь была высвечена, колюче торчала наружу — не обойти, не закрыть глаз, не зажмуриться.

Ожидая, когда придет сестра и сделает обезболивающий укол, Иван прокручивал, как в кино, — Сергею это в голову не приходило, — мелочи прошлого. Он восстанавливал, выкладывал в хронологическом порядке то, что сохранилось в его памяти от чужого детства. Начало войны, ему семь лет, отец ушел на фронт. Они ехали из Курска в эвакуацию, эшелон шел долго, целый месяц. Это живет в памяти Сергея как набор фактов, из которых складывается формальная сторона биографии: «Перед войной мы жили в Курске, а потом нас эвакуировали, и мы провели год под Казанью». В мозгу Ивана нашлись лишь отрывочные картинки, и не было никакой гарантии, что там они лежали в таком же порядке, как в мозгу отца. Иван старался вспомнить: как же мы уезжали из Курска? Это было летом. Летом? Да. А вагон был пассажирский или теплушка? Конечно, теплушка, потому что память показала картинку — длинный состав теплушек стоит на высокой насыпи в степи, и они, кажется, с матерью и еще одной девочкой, отошли далеко от состава, собирая цветы. Состав стоит давно и должен стоять еще долго, но вдруг вагоны, такие небольшие издали, начинают медленно двигаться, и далекий, страшный в своей отстраненности гудок паровоза, незаметно подкатившегося к составу, доносится сквозь густой жаркий воздух, и вот они бегут к составу, а состав все еще далеко, и кажется, что уже не добежать... Потом кто-то бежит навстречу от состава... Потом они в вагоне. Больше Иван не может ничего вспомнить.

Ночью Иван уже готов к этому, как готов к неизбежности уколов и перевязок. Воспоминание, выпестованное днем, возвратится в виде кошмара, полного подробностей того, что случилось когда-то и забыто. Он снова будет бежать к маленькому поезду, протянувшемуся вдоль горизонта, но на этот раз увидит, как мама возьмет на руки чужую девочку, потому что та плачет и отстает. Ему, Сергею, станет страшно, что отстанет, и он будет дергать девочку за край платья, чтобы мать бросила ее, ведь это его мать, она должна спасать его — и он бежит за матерью и кричит ей: «Брось, брось!», а мать не оборачивается, на

матери голубое платье, а девочка молчит, потому что ей тоже страшно, и бег к поезду, столь короткий в действительности, в кошмаре превращается в вечность, так что он может разглядеть мать, вспоминает, что у нее коротко, почти в скобку, остриженные светлые волосы, видит ее полные икры, узкие щиколотки, стоптанные сандалии. Без помощи этого сна ему бы никогда не увидеть мать молодой — мать отпечаталась в дневной памяти лишь полной, разговорчивой и неумной женщиной с завитыми, крашенными, седыми у корней волосами. А потом, очнувшись и веря тому, что кошмар был, как и все эти кошмары, правдив, он оценит поступок матери, которая, страшась отстать от эшелона где-то в приволжской степи, помнила, что ее семилетний сын может бежать, а вот чужая девочка добежать не сможет... Но мать уже шесть лет как умерла, а он, Сергей, успел только на похороны... У него, Ивана, никогда не было матери, и признательность он испытывает к чужой маме, которая никогда не бегала с ним за уходящим поездом и никогда не отгоняла от него страшного шмеля. И в то же время Иван понимает, что сейчас он ближе к этой женщине, чем Сергей, потому что Сергей никогда не видел этого кошмара, спрятанного глубоко в мозгу.

26

— У тебя с ним роман, и меня это тревожит, — сказала мать.

Они смотрели по телевизору скучный детектив. Ниночка так устала за день, что у нее не было сил воевать с матерью.

— Ты сначала говорила, что у меня роман с Сергеем Андреевичем, — сказала Ниночка, — а теперь навязываешь мне его сына.

Надо идти спать, подумала Ниночка, завтра рано вставать, в темноте по морозу бежать в институт. Мария Степановна заболела, Фалеева тоже в гриппе, а она обещала перепечатать годовой отчет. Сумасшедшая работа.

— Роман с искусственным человеком еще хуже, — сказала мать. — Он ненормальный.

— Опять, мама!

— И эта попытка самоубийства в кипятке! Разве ты не видишь, что в нем сидит деструктивное начало...

Пришлось вставать, идти в свою комнату. Останусь без чая, не в первый раз. Она, улыбаясь, легла.

Стенка тонкая, Ниночке слышен разговор из большой комнаты.

— Я его любила, — говорит мать.

— Не верю. Не мешай смотреть.

— Но сама не понимала.

— У тебя была мама. А Сергей был вчерашний студент, без жилплощади, без денег, без перспектив. Ты оказалась в положении буриданова осла. Одна охапка сена — Сережа, вторая — мамино воспитание. Вот и проморгала. Пришлось сократить меня.

— Мерзавец! Подлец!

— Тише, ребенку рано вставать...

27

Сергей заглянул утром, спросил, как дела, напомнил, что завтра на комиссию. Оставил новые журналы. Сказал, что зайдет попозже. Взгляд у него был вопрошающий, он говорил с Иваном иначе, чем с остальными. Как будто он передо мной виноват, подумал Иван. Я знаю его мысли, его надежды на бессмертие, его рассуждения о научной эстафете — все это в моей памяти. А сегодняшнего Ржевского в ней нет. Мы как бы начали в одной точке и разбегаемся поездами в разные стороны.

Он открыл книгу, но читать не стал. Сейчас выйдет во внешнюю лабораторию, там сидит Ниночка, которая при виде его вскочит, лицо вздрогнет радостной улыбкой — смешной котенок. У Эльзы — и вдруг такая взрослая дочь. Дома у них стояло пианино, и Эльза бравурно играла на нем. О чем я думал? Потрепанная книга Шепмана, милого классика, догадавшегося отделить эктодерму от зародыша саламандры — зародыш выздоровел и вырос в саламандру без нервной системы. Оказывается, мезодерма контролирует дифференциацию нервной ткани. Так и меня делали — от Шепмана через Голтфредера и Стюарда к Ржевскому. Иван постарался усилием воли отогнать головную боль — он и так уже перегружен медикаментами, — принял листать страницы книги,

загнутые кое-где отцом, и понял, что ему хочется загибать те же страницы, но он не может этого сделать, потому что они уже загнуты Сергеем, и тот снова его опередил. Обедать Иван пошел в институтскую столовую. Это право он себе выторговал с большими боями. Нельзя мне жить на сбалансированной диете. Если ты, отец, одарил меня своим мозгом, то должен был допустить, что я буду претендовать на место в человеческом обществе...

Эльза сидела за соседним столиком и старалась не смотреть на Ивана. В столовой было мало народа — оба они пришли раньше, чем основная масса сотрудников.

Эльза отворачивается. Ревнует его к собственной молодости. А ну-ка, мы просверлим тебя взглядом! Это неэтично — гордость института, первый в мире искусственный человек жует институтский гуляш и сверлит взглядом директора библиотеки. Эльза на взгляд не реагировала, но нервно двигала пальцами, постукивала по стакану с чаем, начала что-то быстро и весело рассказывать сидевшей спиной к Ивану женщине, потом неожиданно вскочила и выбежала из столовой.

Когда через несколько минут Иван вышел, Эльза стояла на лестничной площадке, нервно курила, встретила его взгляд и спросила:

— Вы хотите что-то сказать?

Иван тоже достал сигареты, закурил и не ответил. Тогда Эльза заговорила быстро высоким, звонким голосом:

— Вы меня не знаете. Мы с вами не встречались. Я не верю. Ржевскому. Вы всех ввели в заблуждение. И не понимаю, почему вы меня преследуете.

— Я не преследую вас, Эльза, — сказал молодой человек голосом Ржевского. — Мы с вами так давно знакомы, что можно не притворяться.

— Я все равно не верю, — сказала Эльза. — Вам всего несколько месяцев. Ржевский рассказывал вам обо мне, потому что вы ему нужны для удовлетворения его дикого тщеславия. Может быть, ваша игра пройдет для академического начальства, но меня вам не убедить.

— А это совсем не трудно, — сказал Иван. — Можете меня проверить.

— Как?

— Спросите меня о чем-то, чего никто, кроме вас и Ржевского, не может помнить.

— И окажется, что он вам об этом рассказал. И это гадко, понимаете, — гадко. Человек может распоряжаться лишь своими воспоминаниями. Но когда это касается других людей, это предательство. Сплетня.

— И все же спросите.

Эльза поморщилась. Но не ушла. Вдруг спросила:

— Мы каталась на речном трамвайчике. Летом. Было холодно, и ты дал мне свой пиджак... Помнишь?.. Помните?

Воспоминание лежало где-то внутри. До этого мгновения Иван не знал, что когда-то катался на речном трамвайчике с Эльзой, не было нужды вспоминать.

— Вы были в синем сарафане с такими тонкими пле-чиками. Вы сказали мне, что хотите шампанского с семечками, а я ответил, что это винницкий вариант красивой жизни.

— Не помню. И это все?

— Все.

— Лжешь! — Эльза бросилась вверх по лестнице.

Она не хотела, чтобы он вспомнил, и боялась. А он вспомнил. Тогда на трамвайчике Эльза доказывала, что Лиза его недостойна. Что он никогда не почувствует с ней духовной близости, что Лизетта даже не смогла кончить десятый класс — надо понимать разницу между романом и семейной жизнью. Ты никогда не сможешь полюбить ее ребенка, я говорю тебе как друг, ей всегда будет ближе отец ребенка. Ты еще мальчик, Сережа, ты не знаешь женщин. Ей нужно устроиться замуж — ради этого она пойдет на все. Пойми меня правильно, я люблю Лизетту. Лизетта — добрая душа. Но тебя она погубит, опустошит... Беги от нее, спасайся, пока не затянуло мещанское болото.

— Вот где я тебя нашел, — сказал Ржевский. — Я так и подумал, что ты пошел в столовую. У меня кофе растворимый в кабинете. Хочешь чашечку?

Они молча поднялись по лестнице, и встречные со-трудники института останавливались, потому что Сергей и Иван были больше чем отец и сын, они были половинами одного человека, разделенными временем.

— Меня смущает, — сказал Ржевский, — что наши отношения складываются иначе, чем мне хотелось бы.

— Чего бы тебе хотелось? Чтобы я замещал тебя в этом кабинете?

— Со временем я рассчитывал и на это.

— Я могу замещать тебя и сегодня. Вопрос о жизненном опыте для меня не стоит.

Они одинаково держали чашки и одинаково прихлебывали кофе. И наверное, одинаково ощущали его вкус. Иван прижал мизинец, и Сергей не заметил этого движения.

— Ты должен идти дальше, вперед, от той точки, в которой я тебя оставил. В этом смысле тебя, меня, нашего с тобой эксперимента.

— А прошлое? Его во мне больше, чем в тебе.

— Почему?

— Ответь мне, как была одета мать, твоя мать, когда вы отстали от поезда в сорок первом году?

— Мы отстали от поезда... Это было в степи. Поезд стоял на насыпи... Нет, не помню.

— И еще там была девочка, маленькая девочка. Когда мать побежала, она подхватила эту девочку, потому что та не могла быстро бежать. А ты злился на мать и кричал ей: «Брось!»

— Не кричал я этого!

— Кричал, кричал. Как была одета мать?

— Не помню. Понимаешь, это трудно вспомнить через сорок с лишним лет.

— А я помню. Понимаешь, помню. Почему?

— Почему? — повторил вопрос Ржевский.

— Да потому, что я — это не ты. Потому, что я знаю: эти воспоминания моими никогда не были! Я могу в них копаться, я могу в них смотреть. Мать была тогда в голубом сарафане и сандалетах. Тебе кажется, что ты забыл. А ты не забыл! Просто вспомнить это могу только я, потому что я хочу вспомнить. Ты думаешь, это единственное различие между нами?

— Я забыл и другое? — Ржевский пытался улыбнуться.

— Ты забыл многое — я еще не знаю всего...

— Вместо того, чтобы искать точки сближения, ты стараешься от меня удалиться.

— А ты подумал о том, что я — единственный человек

на земле, у которого не было детства? Я помню, как мальчиком иду с матерью по лугу, и в то же время знаю, что никогда не ходил с матерью по лугу, — это ты ходил, ты украл у меня детство, ты понимаешь, ты обокрал меня и теперь сидишь вот здесь довольный собой — у тебя есть духовный преемник, замечательный сын, хорош собой и во всем похож на человека.

— Ты и есть человек. Самый обыкновенный человек.

— Врешь! Я не человек и не буду им, потому что у меня нет своей жизни. Я — твоя плохая копия, я вынужден вести твои дела, за тебя выяснять отношения с Эльзой, которая боится, как бы я не запомнил из прошлого больше, чем ты. Ты этого не понимаешь и еще не боишься, а она уже испугалась. Видно, инстинкт самосохранения развит у нее сильнее, чем у тебя.

— Чего ей бояться? — Ржевский поднялся, налил себе кипятку из термоса, принесенного Леночкой. — Хочешь еще кофе, сын?

— Замолчи, Ржевский! Сына надо вырастить, вставать к нему по ночам и вытираять ему сопли. Ты создавал не сына, а самого себя. Сын — это продолжение, а ты стремился к повторению. Если тебя тяготила бездетность, почему ты не удочерил Катеньку? У вас с Лизой были бы и другие дети... Или Эльза была права, когда вы катались на речном трамвайчике и она уверяла, что Лизочка тебе не пара?

— Какой еще трамвайчик?

— Ты меня наградил этой памятью, а теперь недоволен? Ты разве не знал, на что шел? Тебя не научили шимпанзе? Или ты хотел, чтобы я унаследовал только твою страсть к науке?

Ржевский взял себя в руки.

— В чем-то ты, наверное, прав... Но и мне нелегко. У меня такое чувство, будто я прозрачен, будто в меня можно заглянуть и увидеть то, чего я сам не хочу видеть.

— Я не хочу никуда заглядывать. Мне это не дает спокойно жить. Тебе хотелось бы, чтобы я опроверг эффект Гордона и всерьез занялся математикой? А я думаю о Лизе.

— Я думал, что после окончания работы комиссии ты переедешь ко мне. Я живу один, две комнаты, мы бы друг другу не мешали.

— А теперь уже сомневаешься. И ты прав. Нельзя

жить вместе с самим собой. Дай нам разойтись... подальше. Я не могу чувствовать себя твоим сыном, потому что я старше тебя. Дав мне свою память, ты позволил мне судить тебя.

— Мы еще вернемся к этому разговору. — Ржевский сказал это сухо, словно отпуская провинившегося сотрудника, и, когда Иван хмыкнул, узнав эту интонацию, он вдруг стукнул кулаком по столу. — Иди ты к черту!

Иван расхохотался, вытянул ноги, развалился в кресле, и Алевич, который сунулся в кабинет, потому что надо было решать с Ржевским хозяйственные дела, замер на пороге, не входил. Подопытный молодой человек вел себя уж слишком нахально. Сергей Андреевич никому этого не позволял.

29

Ниночка сидела у Ивана, он гонял ее по химии — зима на исходе, пора думать о том, как поступать в институт. Потом обнаружилось, что у Ивана кончились сигареты, и Ниночка сказала, что сбегает. Иван поднялся.

— Мне тоже не мешает подышать свежим воздухом.

Мороз на улице был сухой, несильный, снег скрипел под ногами звонко и даже весело.

— Мы так и не собрались на лыжах, — сказал Иван. — Зима уже на исходе, а мы с тобой...

— Я принесу лыжи из дома, — сказала Ниночка. — Они лет десять стоят у нас без движения.

Бараки уже снесли. Но отсутствие их не так чувствовалось зимой, когда деревья прозрачны и дыры, оставшиеся от бывших строений, не так видны.

— Ты знаешь, что он здесь когда-то жил? — спросил Иван.

— Да, очень давно.

— В третьем бараке от угла. Жаль, что я не успел туда сходить.

— Почему? Ты же борешься с Ржевским. Даже до смешного.

— Мне не все ясно. И я начинаю терзаться.

— Ой, и простой же ты человек, — сказала Ниночка. — Ясности тебе подавай. Даже я уже догадалась, что без ясности иногда проще. Ведь это замечательно, что еще

остались какие-то тайны. Раньше вот ты был тайной, а теперь ты...

— Кто я теперь?

— Сотрудник института.

— Со мной нельзя дружить, — сказал Иван, усмехнувшись. — Я потенциально опасен. Все неизвестное опасно. А вдруг у меня завтра кончится завод?

— А вот и неправда. Не кончится, — сказала Нина. — Целая комиссия тебя на той неделе разбирала по косточкам.

Ниночка разбежалась и поехала по ледяной дорожке, раскатанной на тротуаре. Иван, мгновение поколебавшись, за ней. Он часто колебался, прежде чем сделать что-нибудь, вполне соответствующее его двадцатилетнему телу. Будто Ржевский, сидевший в нем, стеснялся кататься по ледяным дорожкам или прыгать через лужи и немолодыми костями и мышцами соизмерял препятствия.

Они зашли в магазин у автобусной остановки. Иван купил блок сигарет. Ему не хватало тридцати копеек, и Ниночка дала их.

По договоренности с академией с первого числа Ивана зачислили в институт на ставку лаборанта — не сидеть же здоровому молодому парню в подопытных кроликах. Конечно, он мог бы и руководить лабораторией. Но и Ржевский, и сам Иван понимали, что рассчитывать на такую милость академии не приходится. Пока что Иван оставался экспериментальным существом и даже в поведении мудрых членов последней комиссии Иван отметил некоторую робость и настороженность. Но он уже привыкал на это не обижаться.

— Рассказывай дальше, — сказала Ниночка, когда они вышли из магазина и повернули к институту.

— Эльза их познакомила. Сергей жил в общежитии, а Лиза — в одной комнате с матерью, братом и, главное, с Катей. Катя — ее дочка от того актера. У актера была семья, он к той семье вернулся.

— А сколько было девочек?

— Катя? По-моему, годика три, совсем маленькая. Лиза и Сергей полюбили друг друга.

Ниночка вдруг начала ревновать Ивана к той далекой Лизе, что было бессмысленно, но ведь Иван помнил, как ее целовал. И, может, даже лучше бы он и не рассказывал об этой Лизе, но останавливать его нельзя...

— А потом... Пока Лиза была бедной и легкомысленной подругой, твоя мама ее опекала и обожала. Ах, эти исповеди на Эльзиной кухне!

— Стой! — сказала Ниночка мрачно. — Этого вы с Ржевским помнить не можете...

— Нам... То есть ему рассказывали. И у моей памяти перед памятью Ржевского есть преимущество — я всегда могу спохватиться и сказать себе: это не моя любовь! Это не моя боль! Ты, отец, ошибаешься, потому что участвовал. Я вижу больше, потому что наблюдаю. И сужу.

Иван разбежался, первым прокатился по ледяной дорожке, развернулся, протянул руки Ниночке, но она не стала кататься и обежала дорожку сбоку.

— Рассказывай, — сказала она, — что дальше было. И оставайся на почве фактов, как говорил комиссар Мегрэ.

— Они с Лизой сняли комнату в одном из этих бараков, купили топчан, сколотили кроватку для Кати и стали жить. Они любили друг друга... А потом^в в воспоминаниях начинаются сбои.

— Почему?

— Я думаю, что наш дорогой Сергей Андреевич переоценил свои силы и свою любовь, но признаться в этом не может даже себе.

— Он ее разлюбил?

— Все сложнее. Во-первых, разрушился союз друзей...

— Почему?

— Представь себя на месте мамы. У тебя есть младшая подруга, непутевая и еще с ребенком на руках, рядом — талантливый Ржевский и обыкновенный Виктор... И вдруг оказывается, что Ржевский серьезно намерен жить с Лизой, жениться на ней... И тогда твоя мама, прости, возненавидев Лизу, отвергла от своего сердца эту предательницу...

— Неправда!

— Я на днях разговаривал с твоей матерью. Она хотела узнать, не забыл ли я одного разговора о Лизе.

— Она надеялась, что ты забыл?

— А я запомнил. Лучше Ржевского.

Они вошли в институт, в коридоре встретили Гурину, которая вела за руку шимпанзе Льва, и тот сморшил рожу, узнав Ивана.

В лаборатории Ниночка осталась во внешней комнате.

Иван, чувствуя неловкость, что наговорил лишнего, прошел к себе.

— Но через пять минут Ниночка ворвалась к нему.

— Почему ты не рассказал, чем все кончилось? Жалеешь меня?

— Нет.

— Рассказывай.

— Ладно. Подошло время поступать в аспирантуру.

Они с Лизой прожили к тому времени больше полугода. Ржевский стоял в очереди за молоком для Катеньки и работал ночами, когда ребенок засыпал. Лиза готовила еду, стирала белье и была счастлива, совершенно не видя, что Ржевский смертельно устал — последний курс, диплом, а он — мальчишка, на которого свалились заботы о семье.

Ниночка кивнула. Достала из пачки сигарету, хотела закурить, но Иван отобрал у нее сигарету.

— В общем, Ржевский устал. Ему уже не нравился суп, который Лиза готовила без мяса, потому что на мясо не было денег. Она сама работала через день на фабрике — без этого не прожить, а каждый второй день Ржевский оставался с девочкой, и ничего нельзя было поделать — тогда в детский сад устроиться было очень трудно, начало пятидесятых годов. Ржевскому страшно хотелось остаться одному — без Лизы, без Кати, без людей. Он чувствовал себя пещерным человеком, у которого жизнь кончилась, не начавшись. И он уже никогда не будет ученым. Он был раздражен и несправедлив к Лизе.

— Я могу его понять, — сказала Ниночка. — Лиза тоже должна была понимать, на что она его обрекла.

— Ни черта ты не понимаешь, — сказал Иван. — Что могла Лиза сделать? Она старалась, чтобы Катя не плакала, когда папа Сережа работает. И надеялась — Сережа поступит в аспирантуру, им дадут квартиру в институте, все образуется. Как-то он встретился с твоей мамой и не сказал об этом Лизе. Эльза обволакивала его сочувствием. Она его понимала!

— Можно без комментариев? — попросила Ниночка.

— Можно. Потом в один прекрасный день твой дорогой Ржевский сообщил Лизе, что они с Катей погубили ему жизнь.

— Просто так, на пустом месте?

— Нет, ему сказали, что его моральный облик —

связь с Лизой — закрывает ему путь в аспирантуру. В те времена к этому относились строго. А она не была разведена с тем актером.

— Кто сказал ему про аспирантуру? Он сам догадался?

— Неважно.

— Важно. Моя мама, да?

Ниночка уже верила в это и потому стала агрессивной и готова была защищать Эльзу.

— Нет, — ответил Иван, не глядя ей в глаза.

Он не думал об этом раньше, а тут сразу вспомнил. Об этом сказала не Эльза. Виктор тогда стажировался в институте, всех знал и был не то в месткоме, не то ведал кассой взаимопомощи. Они курили в коридоре у окна, а Виктор смотрел грустно и рассуждал: «В дирекции недовольны. Наверняка отдадут место Кругликому. Я слышал краем уха. Старичок, надо выбирать. Или любовь, или долг перед наукой. Сам понимаешь...» Иван забыл об этом разговоре. Виктор мог рассуждать сколько угодно, если бы Ржевский сам для себя не готовился к расставанию.

— А чем кончилось? — спросила Ниночка.

— Лиза ушла от него. И уехала из Москвы.

— И он ее не нашел? Или не искал?

— Сначала он почувствовал облегчение. А через некоторое время затосковал. Пошел к Лизиной матери. Но та отказалась помочь. Эльза сказала ему, правда, она ошиблась, что Лиза вернулась к тому актеру.

— Ошиблась? Или нарочно?

— Не знаю. Через несколько лет он узнал, что Лиза уехала в Вологду. А там попала под поезд или как-то еще умерла.

— Она бросилась под поезд. Как Анна Каренина! Он ее убил!

— Может, случайность. С тех пор Ржевский уверен, что виноват в ее смерти.

— Виноват, — подтвердила Ниночка. — И мама в этом убеждена.

— Главное, что он виноват для самого себя. А когда он планировал меня, то, разумеется, не учел, что я буду помнить все о Лизе. Не только о генах и мутациях, но и о Лизе.

— А что стало с девочкой... с Катей?

— Милая, прошло много лет. Она сейчас старше нас с тобой. Живет, наверное, в Вологде, нарожала детей...

- Не хотела бы я быть на месте Ржевского.
- Прости, что я тебе все это рассказал.
- Кому-то надо было рассказать. Ты же ревнуешь к отцу.
- Ревную?
- Конечно. Тебе кажется, что он у тебя отнял и любовь. Он ее целовал, а ты об этом помнишь, как будто подглядывал. Это ужасно!
- Эдипов комплекс, Фрейд в квадрате. Не усложняй.
- Куда уж там... — Ниночка положила ладонь на руку Ивана, и тот накрыл ее другой рукой.
- Ниночка замерла, как будто была птенцом, которого всего Иван накрыл ладонью.
- А я? — сказала она не сразу. — Меня ведь там не было. Я только сегодня.
- Тебя я ни с кем не делю, — согласился Иван.
- Ты думаешь о другом?
- Нет, что ты...
- Ниночка вырвала ладонь, вскочила, отбежала к двери.
- Мне тебя жалко! — крикнула она от двери. — До слез.
- Извини, — сказал Иван. — Я думал о другом.
- Знаю, знаю, знаю!
- Ниночка хлопнула дверью. Тут же открыла ее вновь и заявила:
- Когда сам влюбишься, тогда поймешь.
- Но трудно рассчитывать на взаимность, — улыбнулся Иван. — При такой-то биографии. У меня даже паспорта нет.
- Дурак!
- На этот раз Ниночка так хлопнула дверью, что зазвенели склянки в белом шкафчике у окна.

30

В конце февраля вдруг совсем потеплело. Ивану было жалко, что снег съеживается, темнеет. Теплая зима неопрятна. И обидно, если это твоя первая зима.

Иван не собирался в Исторический музей. Он был в ГУМе, купил венгерские ботинки и галстук. Пробелы в гардеробе были катастрофическими, у отца брать вещи не хотелось, да и небогат был Сергей по этой части.

Иван обнаружил тут некоторое кокетство великого человека, который натягивает перед зеркалом потертый пиджак, чтобы все видели, насколько он выше подобных вещей. Отец, конечно, не отдавал себе отчета в кокетстве — только со стороны было видно. Со стороны и изнутри.

Низкие облака тащились над Красной площадью, задевая за звезду Спасской башни. Собирался снег. Или дождь. Исторический музей казался неприступным замком. Иван решил, что он закрыт. Но перед тяжелой старой дверью стояли скучные экскурсанты. У них был вид людей, которые уже раскаивались в том, что соблазнились культурой, когда другие заботятся о материальном благополучии.

Иван купил билет. Он даже вспомнил запах этого музея. Запах громадного замка, наполненного старыми вещами. К нему надо привыкнуть, не замечать его, забыть и вспомнить снова через много лет. Когда он первый раз пришел туда? Ему было лет пятнадцать, в коробке у бабушки оказалась античная монета, будто оплавленная из патины, невероятно древняя и невероятно ценная. Он тогда вошел с проезда у кремлевской стены в служебный вход, позвонил снизу в отдел нумизматики, кажется, номер 19. Он держал монету в кулаке. Прибежала девушка, оказалось, ее зовут Галей. Почему-то потом они сидели в комнате на втором этаже, которой можно было достичнуть, лишь пройдя путанными узкими коридорами. Стены комнаты были заставлены стеллажами с книгами. Другая женщина, постарше, вынесла толстый каталог в темном кожаном переплете. Он даже запомнил, как она сказала: «Варварское подражание». Ему эти слова показались смешными.

Иван покачал головой, словно хотел вылить воду из уха. Он никогда раньше не бывал в Историческом музее и не знал, как пахнет замок, полный старинных вещей.

Иван стоял в зале каменного века. На большой картины первобытные охотники добивали мамонта. Под стеклом лежали рядом наконечники стрел, оббитые ловко и точно, чуть зазубренные по краям.

Это было приятное узнавание. Кое-что изменилось. Но не так много, чтобы удивить. Впрочем, мало что изменяется в первобытно-общинном строе.

Надо было зайти в следующий зал. Но там, как назло,

половина помещения была отрезана веревочкой, на которой, чтобы посетители не налетели на нее, были развешаны зеленые бумажки, словно для волков-дальтоников. На полу стояло несколько греческих ваз. Рядом сидел Пашка Дубов с кипой ведомостей на коленях. Пашка сильно постарел, раздался, но в общем изменился мало. Иван сказал:

— Пашка!

И тут же спохватился. Он же не знаком с Пашкой.

Иван отвернулся к витрине, уставился в разноцветную карту греческих поселений Причерноморья. В стекле отразилось удивленное лицо Дубова — усики и острый носик. Хотя тогда усики еще только пробивались. Дубов говорил, что настоящий археолог не должен бриться — это экономия усилий и времени. Усики у него уже пробивались, а бороды еще не было. Они сидели на берегу Волхова, недалеко от моста. Был прохладный серебряный летний вечер. Давно ушедшее солнце умудрилось еще подсвечивать купола Софии. Сергей тогда сказал Пашке, что таких вот, как он, и бросали с моста в Волхов, устанавливая торжество новгородской демократии. Пашке хотелось скорее отрастить усы и бороду, потому что он был смертельно влюблен в аспирантку Нильскую. Разница между ними была необытная — минимум шесть лет. К тому же Нильская сошла по Коле Ванину, который был талантлив, как Шлиман. Потом пришел сам Коля Ванин и сказал, что береста, которую нашли утром, пустая. Без надписи. Пашка смотрел на мост и, видно было, хотел сбросить талантливого соперника в Волхов. А Коля не подозревал об угрожавшей ему участи и рассказывал, что печать Данилы Матвеевича надо датировать самым началом пятнадцатого века. Сергей глядел на молодого Шлимана влюбленными глазами. Он разделял чувства аспирантки Нильской. Коля Ванин разговаривал со школьниками, приехавшими на каникулы в новгородскую экспедицию, точно так же, как с академиками. Ему важны были единомышленники и умные люди. Должность — дело наживное.

Пашка Дубов снова обратился к ведомости. Интересно, он счастлив? Прошло три десятка лет с тех пор, как они сидели на берегу Волхова. Коля Ванин теперь член-корр. Грамот, которые в те годы только начали находить, набралось уже несколько сотен, а пожилой Пашка Дубов,

оказывается, работает в Историческом музее и считает черепки.

Дубов почувствовал взгляд и снова обернулся. Что он видит сейчас? Просто молодого человека, забредшего сюда в пасмурный день?

Дубов привстал, положил на стул ведомости, улыбнулся криво и несмело, он всегда так улыбался.

— Простите, — сказал он. — Простите...

— Вы обознались, — ответил Иван. — Хотя я очень похож на Ржевского в молодости.

И он быстро ушел из зала, почти выбежал из музея, чуть не забыл в гардеробе ботинки, ему было неловко, что он вел себя, как мальчишка. Совсем как мальчишка.

31

Вечером он сам зашел к отцу. Без предупреждения.

У отца сидел громоздкий обвисший старик, академик Человеков. Отец удивился и обрадовался.

— Вот вы какой, — гудел Человеков. — Завидую, завидую отцу вашему. Молодец вымахал. Что беспокоит?

Они пили чай с вафлями. Два солидных человека, настоящий академик и будущий академик. Ржевскому неловко было спросить, зачем Иван пришел. Он делал вид, что Иван здесь днют и ночует.

— Чай пить будешь? — спросил отец.

— Нет, спасибо. Я на антресоли залезу, хорошо?

— Что тебе понадобилось?

— Книшки, — сказал Иван.

Человеков, видно, решил, что Иван здесь живет, и продолжал разговор, не стесняясь постороннего. Впрочем, какой он посторонний?

Иван подставил стремянку. Антресоли были широкие, снаружи лежали старые ботинки, связки журналов. Иван бросал их на пол.

— Осторожнее, — сказал Ржевский. — Внизу люди живут.

— Ассигнования я гарантирую, — гудел Человеков. — Я бы не пришел к вам с пустыми руками. И лимит на японскую аппаратуру. Ведь нуждаетсясь, а?

Книги, заткнутые внутрь, пахли пылью. Когда он их туда положил? Лет шесть назад, когда был ремонт. Спря-

тал подальше, чтобы не вспоминать. Иван вытащил сборник по дендрохронологии в белой бумажной обложке. Срезы стволов, из которых сложены новгородские мостовые, были прорисованы тонко и точно.

— В любом случае, — рокотал Человеков, — вы не остановитесь на первом экземпляре. Не морщитесь. Экземпляр — это не оскорблениe. Правда, молодой человек?

— Нет, — откликнулся Иван. — Я не обижаюсь.

— Вот видите, он разумнее вас, — сказал Человеков. — А денег сейчас вам больше не дадут. Сначала года три помучают комиссиями.

За плотной стенкой книг по археологии нашелся и ящик. Юношеская коллекция. Ящик поддался со скрипом. Он был тяжелый. Иван с трудом спустил его на пол. Сел рядом и вынимал оттуда завернутые в белую бумагу черепки и кремни. Читал округло написанные данные — где, когда найдено.

Он даже не сразу услышал, как Человеков начал прощаться.

— Так проходит мирская слава, — сказал академик. — У меня внук собирается в историки. Я отговариваю. Прошлого не существует, пока мы не устроили настоящее.

Иван поднялся. Человеков прошел в прихожую и долго одевался. Внимательно разглядывал Ивана, кидал быстрые взгляды на Ржевского, потом снова на его сына.

Когда наконец натянул пальто, вдруг спросил:

— Молодой человек, а хочется ли вам быть продолжением отца?

— Я еще не знаю, — сказал Иван. — Наверное, не во всем.

— Молодец, — обрадовался академик. — Когда мы сделаем моего, я его обязательно уговорю заняться чемнибудь еще.

— Почему? — спросил Ржевский.

— Я пятьдесят лет отдал своей проклятой науке. Я устал. Какое я имею право навязывать своему сыну перспективу еще пятьдесят лет делать то, что он мысленно проделал со мной вместе? Не обращайте внимания, я щучу. У меня тоже бывают сомнения.

Когда академик ушел, Сергей сказал:

— Приходил просить сделать... это. С ним.

— Я понял, — сказал Иван. — Но при виде меня его уверенность уменьшилась?

— Даже с его влиянием денег ему не достать, — сказал Ржевский. — Что это ты вспомнил о детских увлечениях?

Иван вертел в пальцах половинку синего стеклянного браслета.

— Помнишь, как ты чуть с обрыва не рухнул? — спросил он.

— Помню. Конечно, помню.

— Я сегодня в Историческом музее был. Знаешь, кого там видел?

— Не имею представления.

— Пашку Дубова.

— Неужели? А что он там делает?

— Работает. Антикой занимается.

— Молодец, — сказал Ржевский. — А я думал, он сбежит. Знаешь, он страшно комаров боялся.

— Знаю.

— Человеков врет.

— Что? — Иван осторожно завернул обломок браслета в бумагу. Развернул следующий пакетик. Он еще никогда не ощущал такого сладостного узнавания. Даже в желудке что-то сжалось от радости, что он сейчас встретится со старым знакомым. Конечно же, валик от амфоры. Из Крыма.

— Человеков врет, — повторил Ржевский. — Я готов еще пятьдесят, сто лет заниматься тем же. И ты должен меня понимать лучше любого другого.

— Дубов растолстел, — сказал Иван. — А усики такие же. Сидит в зале, проверяет что-то по ведомостям.

— Значит, недалеко ушел. Младший без степени, — сказал Ржевский. — Потом сложи все это обратно.

32

В начале марта сдох шимпанзе Лев. От общего истощения нервной системы, как туманно выражались ветеринары. В последние недели он отказывался от пищи, устраивал беспричинные истерики, бросался на решетку, словно хотел пробиться к своему отцу и растерзать его. Джон огрызался, сердился, но тоже был подавлен, словно знал, что Льву не жить на свете.

Ржевского эта смерть очень расстроила. И даже не самим фактом — подопытные животные погибали и раньше. Плохо было, что ни один из медиков не смог определить причину смерти.

Но потом случилось еще одно непредвиденное осложнение. Когда Лев пал, Джон обезумел, рвался к мертвому сыну. Тело Льва унесли. Всю ночь Джон не спал. Гурина не выходила из вивария, но под утро задремала. Джон умудрился, не разбудив ее, выломать замок и сбежать из института. В поисках своего сына он добрался чуть ли не до центра Москвы — время было раннее и машин мало. Но в начале Волгоградского проспекта его сшиб троллейбус. Насмерть. Водитель даже не успел понять, что случилось, увидел только, что кто-то попал под колеса. И решил, что сбил человека. Когда остановил машину и увидел, что это обезьяна, он почувствовал такое облегчение, что ноги отказали, и он сел прямо на асфальт.

Иван с Ниной об этом не знали. Они пошли к Гулинским в гости. Эльза сказала Нине: «Приходи с ним». Та удивилась и не приняла этих слов всерьез, но с улыбкой передала приглашение Ивану. Он сразу согласился идти. И сказал:

- Я там давно не был. Несколько лет.
- Это любопытство? Или раскопки самого себя?
- Археология.

— Так я и знала. Пойду скажу матери, что ты придешь. Она сама не верила. Если не сказать, она не позвонит отцу. Если она не позвонит отцу, некому будет купить жратву на вечер.

Мать тщательно накрасилась, достала сервиз из шкафа, подаренный к свадьбе, поредевший, но ценимый. Отец, конечно, запоздал, и гости сначала выслушали гневную речь в его адрес.

Иван ходил по большой комнате, вглядываясь в вещи, многие так и прожили в этой давно не ремонтировавшейся квартире все тридцать лет. Несколько лет назад собрали денег на ремонт, но тут подвернулась горящая путевка в Дом творчества писателей в Коктебеле. Эльза прожила месяц в самом центре культурной жизни, а Виктор снимал койку в поселке и после завтрака волочился в Дом творчества за кисочкой. Иван никак не мог сообразить, что же его так тянуло сюда? Он прошел на кухню. Потолок стал темнее, kleenka на столе новая. Сколько раз он сидел на

этой кухне за поздними бесконечными разговорами. И сюда он пришел после ухода Лизы... И Эльза, потрясенная предательством Лизы, повторяла, что этого и надо было ждать... Зато перед Сергеем теперь открылась дорога в науку.

Ниночка вбежала в кухню.

— Что ты тут потерял?!

— Прошлое, — сказал Иван. — Но не стоило находить.

Эльза тоже пришла на кухню и стала чистить картошку.

— Простите, — сказала она, — но я не смогла отпрощаться. Сейчас все будет готово. Десять минут. Ниночка, почисть селедку.

Пришел, волоча ноги, бледный и заморенный Виктор.

— Похож, — сказал он Ивану, здороваясь. — Как две капли.

Он поставил на пол сумки. Потом из одной вытащил бутылку водки и несколько бутылок минеральной воды. И быстро сунул их в холодильник.

— Я тебя просила? — начала Эльза. — Я тебя просила раз в жизни что-то сделать для дома...

— Погоди, кисочка, — сказал Виктор, — не сердись! Я такое зрелище сейчас видел, ты не представляешь.

— Масло купил?

— Купил, купил, сейчас достану. Понимаешь, обезьяна под троллейбус попала. Вы можете себе такое представить?

Он шарил глазами по Ивану, будто рассказывал только ему.

— Какая обезьяна? — испугалась Ниночка. Казалось бы, в городе сотни обезьян, да и не знала она, что Джон сбежал. — Черная? Большая?

— Я ее уже мертвую видел. Громадная, — сказал Виктор. — На месте, одним ударом! Это же не чаще, чем драка двух львов на улице Горького, можно подсчитать вероятность. Из зоопарка, наверное, сбежала.

— Его Джоном звали, — сказала Ниночка. — Это он, правда?

Она взяла Ивана за руку. Тот кивнул

— Что? — спросил Виктор. — Ваша обезьяна, из института? Ну, тем более за это надо выпить. И срочно. Вечная ей память. Наверное, в валюте за нее платили?

— Это какая наша? — удивилась Эльза. — Из ви-вария?

— Да.

— Искусственная или настоящая?

— Настоящая, — сказала Ниночка зло. — Самая на-стоящая.

— Шимпанзе-самоубийца! — расхохотался Виктор. Ниночка увела Ивана в комнату.

— Ты расстроен за Ржевского? — тихо спросила она.

— Ему сейчас плохо.

— Но это же случайность.

— Случайность.

За столом царили улыбки и благодушие. Правда, Иван не пил, совсем не пил, и все согласились, что правильно, молодому человеку лучше не пить.

Виктор быстро захмелел. Последние годы ему доста-точно было для этого двух-трех рюмок, а тут он, пользуясь тем, что внимание Эльзы приковано к гостю, опрокинул их штук пять. И сразу стал агрессивен.

Ниночка не любила своего отца в таком состоянии — как будто в нем таился другой человек, совсем не такой деликатный и мягкий, как обычно, человек злой, завистливый и скрывающий свою зависть за умением резать правду-матку.

— Мы с отцом твоим, Ваня, — сказал Виктор, — были друзьями. Веришь?

Иван кивнул. Виктор был близок к истине.

— И остались бы, если бы не бабы и не его карьеризм. Он стремился вверх любой ценой. Ради славы готов был убить. А я... Я не мог наступать на людей.

Эльза пошла за печеною картошкой, загремела крыш-кой духовки. Виктор наклонился к Ивану и сказал:

— Я ему завидовал. Всегда. И был неправ. Теперь я ему не завидую, понимаешь? Он довел себя до трагедии одиночества. И ты — его расплата.

Иван послушно кивал, как истукан. Щеки его покрас-нели. Ниночка не знала, как его увести.

— Ржевский будет беспокоиться, — сказала она.

— Я оставил ему этот телефон, — сказал Иван, не двигаясь. Он внимательно смотрел на Виктора, будто приглашая его продолжать.

Эльза принесла блюдо с печеною картошкой. Хруста-

линки соли блестели на серой кожуре. Она грохнула блюдом о стол.

Виктор поднялся, подошел к Ивану, наклонившись, обнял его за плечи.

— Ты мне неприятен, — громко сказал он. — Но это не ты, а он, понимаешь?

— Папа!

— Молчи. Он, может, сам не понимает, он меня ограбил, а через столько лет опять явился. Тебе Эльзы мало? Тебе Лизетты мало? Ты за мою Ниночку взялся? Не дам! Не дам, понимаешь? Ничего тебе не дал и не дам!

— Молчи! — закричала Эльза.

Ниночка вскочила.

— Пошли отсюда, Иван!

Эльза плакала. Виктор поплелся за ними в прихожую.

— Ты не понимай меня в прямом смысле, — бормотал он.

К счастью, они быстро поймали такси.

В институте Иван сразу лег. Ему было плохо.

33

Четкий кошмар пришел той ночью к Ивану. Из тех кошмаров, что не оставляли не освещенными ни одного угла памяти Сергея Ржевского, заставляя Ивана знать о нем больше, чем сам Сергей.

Он вошел в комнату в бараке, кипя злостью и обидой, а Лиза, еще ничего не подозревая, бросилась к нему, обняла длинными тонкими руками мокрый от дождя пиджак, быстро и тепло поцеловала мягкими податливыми губами, стала стаскивать пиджак, приговаривая: «Ну, снимай же, ты чего сопротивляешься? Я сейчас же его проглажу». Потом с пиджаком в руке замерла: «Что-то случилось? На работе? У тебя неприятности?» Она говорила таким виноватым голосом, будто неприятности на работе бывали только из-за нее. Он смотрел, понимая, что она ни в чем не виновата, но все — и ее близорукий взгляд, и прогнувшаяся нижняя губа, и даже движение ее рук, чтобы отвести в сторону прядь волос, отросших и забранных сзади резинкой, — не вызывало обычного умиления.

— Я не хочу есть, — сказал он, проходя в комнату из маленькой прихожей — метр на два, но тут же подался

назад — совсем забыл, что Катя болела третий день, даже не спросил о ней, но это лишь усилило раздражение.

Они стояли в прихожей совсем близко, но не касаясь друг друга. Краем глаза Сергей видел, что на столе под лампой стоит тарелка, рядом хлеб и масло.

Так они и стояли в прихожей. И не могли никуда уйти. Иван догадался, что в этой неподвижности и таится кошмарность сна. И пока разговор не завершится, они не двинутся из тесной прихожей.

— Расскажи, что случилось?

— Ты мне не сможешь помочь.

— Но я хоть выслушаю. Раньше ты мне все рассказывал.

— Меня не зачисляют в аспирантуру.

— Не может быть!

— Ничего, — сказал Сергей. — Пойду в школу, буду преподавать биологию...

— Почему не берут? Ты же лучше всех. И твой диплом печатать взяли.

Сережа молчал и думал, что у Лизы скошенный лоб и слишком широкие скулы.

— Это из-за меня? — прошептала Лиза. — Ну скажи, скажи.

— Я сам во всем виноват. Сам. Понимаешь, только сам. Не надо нам было встречаться, — сказал он наконец.

А в прихожей — метр на два — тесно и душно, кружится голова, и Иван знает, что сейчас Лиза задохнется. У Лизы плохое сердце, она совсем больная, здесь, в тамбуре, ей не хватит воздуха, и она умрет. Тогда все кончится, его возьмут в аспирантуру, только надо еще потерпеть... и потом станет легче.

А ему, Ивану, хоть это не его вина и не его боль, необходимо спасти Лизу, открыть окно, сломать стену, хотя бы распахнуть дверь. И он просыпается. Тихо. Теперь никто не дежурит по ночам в комнате. И вообще, почему человек должен жить в институте? Как в виварии. Вот притащили шкаф, списанный в какой-то лаборатории, белье, лежащее в нем, пропитывается застарелым запахом кислоты. Снять, что ли, комнату? В каком-нибудь бараке.

Иван достал журнал и попытался читать. Журнал был испанским. Испанского языка Ржевский не знал. Испанский язык учил Иван. Это было важно. Он почитал несколько минут, потом его одолела дремота.

— Сократите свои штудии, — сказал профессор Володин. — Вы сведете себя с ума. Я серьезно говорю. Раньше это называли мозговой горячкой. Теперь мы придумаем современное название, но помочь вам не сможем. Молодой человек, а давление прыгает, как у старика. Больше свежего воздуха, можете бегать рысцой.

— Я и в молодости не бегал рысцой, — сказал Иван. Тряхнул головой и добавил: — Попробую.

На следующее утро натянул Иван спортивный костюм, белая полоса, как лампасы, побежал трусцой сначала по асфальтовой дорожке, потом свернул в проход между бывшими бараками, попал в промоину, промочил ноги, разозлился на себя. В той, первой молодости он был куда подвижнее.

Тут Иван вспомнил, что его ждет Ниночка. Надо заниматься, раз обещал.

Занятия с Ниночкой выбивали Ивана из колеи, он не мог признаться ученице, что дело в ней. Он сравнивал себя с шофером-профессионалом, который обучает езде новичка. Ниночка была обыкновенной, в меру способной ученицей. Но не больше. Без искры. Часы, которые он проводил с ней, утомляли — ему достаточно было проглядеть страницу, чтобы понять больше, чем имел в виду автор учебника. Но он не мог позволить себе спешить — Ниночка должна была понять то, что было для нее сокровенной тайной, а для него — запятой в уже прочитанной книге. А ощущение времени, ускользающего, дорогого, невозвратимого, у Ивана было чужое — от Ржевского. Казалось бы, он, Иван, должен бы быть куда ближе к Ниночке, для которой сегодняшний день не имел особой ценности, потому что впереди их было бесконечное множество. А в Иване жила внутренняя спешка, желание успеть... Надо было что-то сделать. Сделать, несмотря на предостережения доброго профессора Володина. Что Володин понимает в монстрах? Он же их раньше не лечил. Докторам важно сохранить в целости его бренное тело. Отцу важно использовать его голову. Использовать безжалостно, как собственную. А что нужно Ивану? Жизнеспособен ли он? Дурное самочувствие, хандра, вспышки ненависти к журналам, что отец подкладывает к нему на стол, — это свойства его еще не стабилизированного

характера или органические пороки, которые свойственны всем подобным монстрам? Лев и Джон умерли — нет его родственников. Эксперименты на людях пока остановлены — научный мир смотрит на Ивана с различной степенью доброжелательности или зависти. Для всех он — колонки цифр, рентгенограммы, строчки в отчетах. А рядом сидит очаровательная Ниночка и старается осознать закон Харди—Вайнберга, и популяционная генетика для нее выражается сейчас в движущейся картинке, на которой население города Балтиморы свертывает языки, — классический пример из учебника, а Ниночке хочется сходить в кино независимо от того, каков процент аллелей в популяции этой Балтиморы рецессивен. И в этой весьма удручающей жизненной картине у Ивана лишь один просвет — взгляд Пашки Дубова и пыльные пакетики из ящика на антресолях.

— А в «Ударнике» сегодня начинается неделя французского фильма, — сообщила вдруг Ниночка. Не выдержала. Теперь надо сделать так, чтобы она не потащила Ивана за собой в кино, потому что ему хочется просмотреть купленную вчера у букиниста книгу любознательного епископа Евгения о древностях новгородских. На это как раз ушла вся зарплата младшего научного сотрудника, если не считать того, что отложено на сигареты.

35

Мозг — система, которая имеет пределы мощности. Лишь малая часть его клеток работает активно. Это вызвано не недосмотром природы, а ее мудростью. Мозг надо беречь.

При ускоренном создании взрослой особи к ней переходит весь жизненный опыт условного отца. Чем выше организован донор, тем активнее трудится его мозг, тем ближе он к пределу своих возможностей, тем меньше у него резервов. То есть мозг Ивана, его нервная система с первого мгновения жизни были перегружены информацией. Усталость Ржевского, истощение его нервной системы достались Ивану.

Но, «родившись», Иван медленно начал поглощать информацию. Он не просто продолжал Ржевского, он спешил отделиться от него, утвердиться, наполнить мозг собственной информацией, а не постепенно, годами наби-

рать ее, как все люди. Ощущив перегрузку, осознав опасность, зазвенели в мозгу предупреждающие сигналы — и мозг принял отчаянно бороться с чужой памятью Сергея Ржевского.

Господи, подумал Иван, сколько хлама накапливается в каждом мозгу за полвека. И каверза на математической контрольной в четвертом классе, и взгляд Зины из соседнего двора, и содержание поданного в октябре прошлого года заявления об улучшении жилищных условий слесаря Синюхина...

Борьба с Ржевским оборачивалась борьбой с собственным мозгом, и тот выплескивал мысли и образы прошлого — клетки, населенные информацией Ржевского, буквально вопили, что истинные хозяева — они.

Что же теперь делать? — думал Иван. Принимать валерьянку? Бросить читать и писать? Не обременять мозг новыми мыслями? Это невозможно. Проще повеситься. А большая совесть профессора Ржевского, столь легкомысленно переданная его незаконному сыну, жаждет покоя. Может кончиться тем, что Иван рухнется, а Ржевский не перенесет провала. Не только провала эксперимента — провала человеческого. Тут все ясно как день. Значит, чтобы не погубить Ржевского, надо выжить самому. А чтобы выжить самому, надо избавиться от недавнего прошлого Ржевского — заколдованный круг.

36

Иван подстерег Пашку Дубова у служебного входа. Тот шел с хозяйственной сумкой — из пакетов выссыпались горлышки бутылок минеральной воды.

Дубов вовсе не удивился, увидев Ивана.

— Вы чего тогда не подошли? — сказал он. — Я же сразу вычислил. Вы — сын Сергея Ржевского. Точно? Удивительное сходство. Даже в манерах.

Иван не стал спорить. Потом они долго сидели на лавочке в Александровском саду. Дубов послушно отчитывался в экспедициях, в которых работал, даже рассказал о том, почему он женился недавно на студентке и как плохо это отразилось на его положении в музее, потому что его предыдущая жена, даже две предыдущие жены, работают там же. Дубов, оказывается, имеется плохое

обыкновение влюбляться в экспедициях. И всерьез. Это вело к алиментам, что накладно при зарплате младшего научного, который так и не собрался защититься.

— А как Сергей? — спрашивал он время от времени, но Иван умело переводил разговор на дела экспедиционные, и Дубов послушно переходил к продолжению рассказа.

— Хотите летом с нами? — спросил он. — Мы будем недалеко, в Смоленской области. Я бы уехал на Дальний Восток, но Люсенька в положении, она возражает.

— Хочу, — сказал Иван.

— А Сережа, Сережа не собирается? Взял бы отпуск.

— Нет, он занят.

— А вы учитесь? Я даже не спросил.

— Я биолог, — сказал Иван.

— Я был убежден, что Сергей станет археологом. И выдающимся.

— Я его заменю, — сказал Иван.

— Хотя бы на месяц, во время отпуска, — согласился Дубов. — Я буду рад. Я очень любил Сережу. Жаль, что наши пути разошлись. А он не будет возражать?

— Наверное, будет, — сказал Иван.

— Он против того, чтобы вы отвлекались, да?

— Против.

— А вас тянет?

— Я нашел коллекцию отца. И у меня такое чувство, что собирал ее я сам. У меня нет такого чувства по отношению к другим делам отца.

— А мой отец хотел, чтобы я стал юристом, — сказал Дубов. — Но я был упрям. Я сказал ему, что нельзя из сына делать собственное продолжение.

— Почему? — заинтересовался Иван.

— Потому что отец не может знать, какое из продолжений правильное. В каждом человеке заложено несколько разных людей. И до самого конца жизни нельзя сказать, кто взял верх. Я убежден, что Сережа мог стать хорошим археологом. Но стал хорошим биологом. Мы с вами не знаем, когда и что случилось в его жизни, что заставило его на очередном жизненном распутье взять вправо, а не влево. А может, ему до сих пор иногда бывает жалко, что он не забирается утром в пыльный раскоп, не берет кисть и не начинает очищать край глиняного черепка. Кто знает, что за этой полоской глины? Может, гро-

мадный Будда, которого откопал Литвинский? Может, неизвестный слой Трои? Может быть, целая эпоха в жизни человечества, открытие которой сделает нас вдвое богаче... Господи! — Дубов поглядел на часы и расстроился. — Люсенька мне буквально оторвет голову. У нее завтра семинар, а я еще обед не приготовил. Запишите мой телефон.

37

Есть с утра не хотелось. Иван напился прямо из кофейника холодного вчерашнего кофе, с тоской поглядел на стопку новых журналов. Тут его вызвал Ржевский.

Иван подумал, что Ржевский за последние недели заметно осунулся.

— Смотри, — сказал он, подвигая через стол стопку медицинских отчетов. — Это то, о чем пациенту знать не положено. Но ты активно занимаешься самоуничтожением.

В отчетах не было ничего нового. Правда, есть некоторый регресс. Такое впечатление, что он старик, у которого барахлят различные системы.

— Физиологически я тебя обгоняю, — сказал Иван равнодушно.

— Созываем консилиум. Наверное, переведем тебя в клинику.

— Там я точно загнусь, — сказал Иван.

— Но ты сам не хочешь себе помочь.

— В клинике они могут лечить то, что им знакомо. А я только кажусь таким же, как другие люди.

— Ты устроен, как другие люди.

— Не верю. Каждый человек запрограммирован на определенную продолжительность жизни. Хотя бы приблизительно. Возможно, программа эта отрабатывается в утробе матери. Ты тоже не знаешь, как эта система действует. Все эти годы ты гнал себя к практическому результату. На философскую сторону дела взглянуть не удосужился.

— На философскую? — спросил Ржевский раздраженно. — А может, на мистическую?

В кабинет заглянула Гурина подписать бумаги о питании для новых обезьян. Ржевский подписал, не читая.

— О чём мы говорили? — спросил он, когда Гурина ушла.

— О том, что ты, отец, боишься провала эксперимента больше, чем моего разрушения. Не бойся, независимо от конечного результата эксперимент великолепен. Ты все делал точно.

— Балбес! Ты же мой сын.

— Ты давно это понял?

— Помнишь, ты заходил ко мне на днях, копался на антресолях в старых черепках? Я очень не хотел, чтобы ты уходил.

— Я снова видел Дубова. Он обещает взять меня в экспедицию. Тебя тоже звал. Он до сих пор убежден, что ты стал бы великим археологом.

— Может быть. Только это скучно.

— Мне так не кажется.

— В твоем возрасте я еще жалел иногда, что сижу в лаборатории. Это у нас общее детское увлечение.

— А если для меня это важно и сейчас?

— Не отвлекайся. У нас есть проблемы и поважнее.

Иван пожал плечами. Если в самом деле человек должен всю жизнь выбирать дороги, то отец очень далеко ушел по своей. И уже не может понять, что проблема выбора на распутье, решенная им, может быть не решена Иваном до конца.

— Ты авторитарнее меня, — сказал Иван. — Перед тобой серия задач. Это и есть твоя жизнь. Решил одну, решаешь другую, и самочувствие подопытных кроликов тебя не волнует.

— Самоуничижение паче гордыни.

— Я не о себе, отец.

Иван встал, подошел к окну. Снег сохранился только под деревьями и в тени, за домом. Над белыми домами у горизонта шли высокие пушистые облака. Таких зимой не бывает. Если утром лечь в степи и смотреть в небо, то очень интересно следить, как они переливаются, меняя форму, и мысленно угадывать эти изменения, представляя себя небесным скульптором.

— О ком же? — услышал он настойчивый голос отца. — О ком же? Ты меня слышишь?

— О твоем давнем эксперименте. С Лизой. Тогда, тридцать лет назад, Виктор сказал тебе, что ты должен

выбирать между Лизой и наукой. А ведь выбирать не надо было. Просто тебе удобнее было выбрать.

— При чем тут Виктор?

— Он очень вовремя пугнул тебя.

— Не помню.

— Я мог бы написать исследование о свойствах человеческой памяти. Как ловко она умеет выбрасывать то, что мешает спокойствию и благополучию ее хозяина. Ты ее мог найти и вернуть.

— Как ее найдешь, если даже адрес... — Вдруг Ржевский замолчал. И Иван понял, почему. Он отвечал как бы чужому человеку, а вспомнил, что говорит сам с собой.

Облако за окном наконец-то перестало напоминать Алевича, спрятав внутрь его нос. Налетел ветер, и деревья в парке дружно склонились в одну сторону, помахивая вороньими гнездами на вершинах.

— Не так, — сказал Ржевский. — Конечно, я сначала боялся ее возвращения. А потом смог жить без нее. Если бы я хотел найти, то нашел бы и в Вологде. Но никакого разговора с Виктором я не помню.

— Он в самом деле ничего не решал, — сказал Иван. — Дело только в нас. Ты выбрасываешь что-то из головы, прячешь в подвалах мозга, забрасываешь сверху грудой тряпья... А я не могу спрятать твоё добро в свой подвал. Гнет прошлого — для тебя застарелая зубная боль. Не больше. А что если в каждом человеке, независимо от его восприятия собственной жизни, таится не осознаваемая им некая шкала важности поступков для развития его личности? И на той шкале твой разрыв с Лизой оказался чрезвычайно важен. Тебе ведь хотелось все бросить, бежать к ней... А ты вместо этого мчался на чрезвычайно ответственную конференцию в Душанбе.

— Погоди. — Ржевский тоже поднялся, подошел к окну и встал рядом с сыном, поглядел на облака. — Как они меняют форму! Я раньше любил на них смотреть... О чём я? Да, ты все время стремишься отделиться от меня, стать самостоятельной личностью. Я тебя понимаю. Но ты же сам себе мешаешь! Пока ты копаешься в моем прошлом, ты связан со мной. Так убеди себя: это не мое прошлое! Это прошлое Сергея!

— Я не могу жить, пока не разгребу твои подвалы.

— Ну почему же??

— Потому что я твоя генетическая копия. Если ты

вор, я должен понять, почему, чтобы самому не стать вором. Если ты убийца, предатель, трус, эгоист, я должен понять, унаследовал ли я эти твои качества или смогу от них избавиться.

— И ты тоже думаешь, что я убийца?

— Унаследовав твою память, я ни черта не понял!

— Неужели в моем прошлом нет ничего, что бы тебя радовало? — Ржевский попытался улыбнуться.

— Есть, — сказал Иван, повернувшись к нему и глядя прямо в глаза. — Есть вечер на берегу Волхова, когда рядом сидел Пашка Дубов, а потом пришел Коля с печатью...

— Это чепуха, — уверенно сказал Ржевский. Он не поверил. Он вернулся к письменному столу, полистал зачем-то настольный календарь. Вздохнул. — Будь другом, — сказал он, — отдохни сегодня. Завтра консилиум. Хочешь, я попрошу Ниночку с тобой погулять?

— Ей надо заниматься, — ответил Иван.

38

На месте врачей Иван не стал бы рисковать — загнал бы себя в клинику, и с плеч долой.

Если он начнет доказывать врачам, что дело в чрезмерной нагрузке на мозг, они ему или не поверят, или залечат... Нет, даваться нельзя.

С утра Иван послушно подвергся всем анализам, потом заявил Ниночке, что в ее заботе не нуждается. Ниночка почудила неладное, но промолчала — верный ребенок. Потом Иван сунул в карман зарплату, институтское удостоверение, оделся потеплее и вышел в сад.

Из сада он знакомой тропинкой, скользя по подтаявшему снегу, прошел к автобусной остановке. Чувствовал он себя погано, но надо было держаться. Вышло солнце. Было тихо, чирикала какая-то весенняя птаха.

Почему-то он помнил, что Виктор всегда ходит обедать в столовую на углу улицы Чернышевского и Хлопотного переулка, там у него все официантки знакомые и пиво оставляют — видно, при какой-то случайной встрече похвастался... К этой столовой Иван и поехал. Там Виктора не было. Тогда Иван вышел на улицу — в столовой

было душно, а от запахов, в общем обыкновенных, Ивана мутило — тоже плохой симптом.

Иван стоял у входа в столовую, прислонившись спиной к холодной стене. У него возникла идея, как можно упростить процесс рассечения ДНК, и он мысленно принялся конструировать такое приспособление, но тут увидел, что по улице бредет Виктор. Тот прошел было, но узнал Ивана. Остановился настороженно.

— Здравствуйте, — сказал Иван. — Я вас жду.

— Понимаю, — быстро ответил Виктор. — Разумеется, почему нам не поговорить, а то прошлый раз не получилось, мне самому тоже очень хотелось. Здесь скамейки есть во дворе — летом пиво там пью, посидим, а? Нас никто не увидит.

Виктор первым успел к скамейке — сняхнул с нее перчаткой снег.

— Не простудитесь?

Иван сел, закурил. Он курил больше Ржевского.

— Поймите меня правильно, — продолжал Виктор. — Я не имею ничего против ваших отношений с Ниночкой. Вы не подумайте.

Господи, подумал Иван устало, он решил, что я собираюсь жениться на Нине — они это обсуждают на кухне и боятся этого. Тут есть что-то запретное, но почетное.

— Я хотел спросить вас о другом. О том, что случилось двадцать пять лет назад.

— Двадцать пять лет?

— Как вы думаете, почему Ржевский ушел от Лизы?

— Он не уходил, — быстро ответил Виктор. — Она сама ушла. Она была очень гордой женщиной — ее обидели, и она ушла. Это я гарантирую.

— Но как получилось, что Сергей так ее обидел?

— Фактически убил, я не боюсь преувеличений. Ради него она от всего отказалась...

— А вы что тогда делали?

— Я понимал, что Сергей эгоист. Нет, не в плохом смысле, но для него наука — все. Ему казалось, что Лиза ему мешает. Вот он и отстранил ее с пути... Ей ничего не оставалось, как уйти.

Виктор курил жадно, глубоко затягиваясь. Ого, как он не любит Сергея, подумал Иван, и не может ему ничего

простить даже теперь, через столько лет. А может, именно за столько лет и накопилась злость.

— Почему вы ему сказали, что его не примут в аспирантуру?

— Я? Никогда не говорил. Не было этого.

Другого ответа Иван не ждал.

— А потом вы еще видели Лизу?

— Это тебе нужно? Или Сергей прислал?

— Он ничего не знает.

— Тебе скажу. Лиза позвонила мне, вся в слезах, голос дрожит. Сережа, говорит, меня бросил. Я с ней встретился. Катька больная, говорю я, ты куда? Но ты же знаешь, если Лиза чего решила, ее танками не остановишь. Я, говорит, помехой ему не буду, ему наука нужнее нас. И я ее проводил...

— Куда проводили?

— Куда? На вокзал, конечно, в Вологду.

— А потом?

— Через несколько месяцев она погибла. Думаю, покончила с собой... После этого я уже не мог дружить с Ржевским. И зачем тебе все это?

— Мне надо узнать правду.

— Правду? — удивился Виктор. — Разве она бывает? Она умирает с людьми. Сколько людей, столько и правд.

— Мне нужна одна правда, — повторил Иван.

— Ищи. Только потом на меня не обижайся.

— Где жила мать Лизы?

— Послушай, прошло почти тридцать лет!

— Вы же там бывали. Вы знаете адрес.

— Забыл. Ей-богу, забыл.

— Подумайте.

— Там никто не живет. Екатерина Георгиевна Максимова, так ее мать звали, умерла лет десять назад. Никого там нет. И брат куда-то уехал.

— Вы заходили туда?

— Запиши, Арбат, дом...

Виктор смотрел, как Иван записывает адрес. Потом сказал:

— А может, лучше примем по кружке — у меня тут все официантки знакомые...

Оказалось, что Виктор был прав. Мать Лизы давно умерла, в квартире жили чужие люди, и никто не мог помочь. Борясь с головной болью и все более проникаясь безнадежностью этого дела, Иван обошел все соседние квартиры, где тоже давно сменились жильцы, сходил в домоуправление, наконец, совсем отчаявшись, остановился посреди двора, возле стола, за которым два старика играли в шахматы, а еще несколько человек внимательно наблюдали за игрой. Один из шахматистов, который давно поглядывал на него, вдруг сказал, приподняв пешку:

— В продовольственный сходи, тридцать второй, до угла дойдешь, направо — голубая вывеска. Спроси там грузчика Валю. Запомнил?

Тут же отвернулся, поставил пешку и сказал противнику:

— Твой ход, Эдик.

Иван так устал, что не стал ничего спрашивать — велели иди, пошел. В магазине он спросил продавщицу:

— Грузчик Валя здесь?

Она мотнула головой за прилавок. Иван прошел внутрь, там был темный коридор, дальше — лестница в подвал, где горел свет. В подвале на ящике сидел пожилой мужчина с мятым, когда-то красивым, но незначительным лицом и пил пиво из горлышка.

— Здравствуйте, — сказал Иван. Лицо грузчика было знакомо. Валя был похож на Лизу и на Екатерину Георгиевну. — Валя, вы меня не знаете...

Брат Лизы поднялся с ящика, протер тыльной стороной ладони и тихо выругался.

— Ну, точная копия, — сказал он. — Абсолютное сходство. Дух подземный, откуда ты приперся?

— Я сын Ржевского, — сказал Иван.

— Не надо объяснений. Ясное дело, что сын. Как меня нашел?

— Соседи во дворе сказали.

— Повезло. Давно там не живу — следы мои затерялись в людском море. Значит, женился все-таки твой папаша, на своей, наверное, из института?

Валя Максимов нервничал, руки его дрожали.

— Ты садись, — сказал он. — Сколько лет прошло. Я против твоего отца ничего не имею. Лизетта себя с ним

человеком ощущала. Что за дела! Как он? Не болеет? А мать умерла. В семьдесят втором. Не повезло ей с нами.

— Я хочу узнать, что случилось после того, как отец расстался с вашей сестрой, — сказал Иван. — Мне это важно.

— Не присутствовал, — сказал Валя Максимов. — Не берусь определять причины и следствия. Но если сильно интересуешься, поезжай туда, с Катькой поговори. Она меня за человека не считает, но к праздникам поздравления шлет.

— Дочь Лизы?

— Она.

40

В самолете Иван потерял сознание, к счастью ненадолго. С аэродрома в Вологде он позвонил в Москву, в институт, но не к Ржевскому, а в лабораторию. Подошла Ниночка.

— Скажешь Ржевскому, что у меня все в порядке. Я дышу воздухом.

Было уже темно, девятый час, в голосе Ниночки дрожали слезы — Иван представил, какая паника царит в институте.

— Ты же никому ничего не сказал!

— Дела, котенок, у каждого мужчины бывают дела. Завтра приду, все расскажу.

Он повесил трубку и пошел на стоянку такси.

Катя была дома. Она жила в маленькой квартирке, в новом пятиэтажном доме у реки. Из окна была видна набережная, фонари на той стороне, светлые стены и маковки кокетливых церквей.

— Я вас сразу узнала, — сказала она. — Как вы вошли, так и узнала.

Говорила она медленно, ровно. У нее была длинная коса, редко кто в наши дни носит косу, коса лежала на высокой груди.

— Пойдемте на кухню, — сказала Катя глуховатым голосом. — А то моя Лизочка проснется.

Катя поставила чайник. Ивану стало спокойно. Он с наслаждением предвкушал, что чай будет крепким и ду-

шистым. Лиза тоже хорошо заваривала чай. Иван любовался плавными и точными движениями Кати.

— А ваш муж где? — спросил он.

— Нет у меня мужа, — сказала Катя, — ушла я от него. Пьет. Он инженер хороший, способный, только пьет и взялся меня колотить... а меня колотить нельзя. — Она улыбнулась, и ей самой было непонятно, как можно ее бить. — А вы прямо из Москвы приехали?

— Из Москвы.

— Отец прислал? Я его папой Сережей называла. Он добрый был, мне всегда конфеты приносил. Вы не представляете, как я первые дни плакала по нему.

— Он меня не присыпал. Я сам.

— Вы где остановились?

— Я потом в гостиницу пойду.

— В гостиницу у нас даже по брони не устроишься, — сказала Катя. — У меня переночуюте. Я вам раскладушку сделаю — вы не обидитесь, что на раскладушке?

— Спасибо, — сказал Иван, — а то я замучился сегодня.

— Бледный вы, ужасно бледный. Сейчас чаю попьем, отпустит.

От чая, душистого и крепкого, стало полегче. Он с Катей был знаком давно, тысячу лет знаком.

— Что, — спросила она, — отец все переживает?

— Он считает, что виновен в смерти вашей мамы!

— Ой, ужас-то какой! Я бы знала, обязательно бы написала, как все дело было! Мама на него совсем не сердилась. Ну ни капли. Она со мной всегда разговаривала, как сейчас помню — мне интересно, что со мной как со взрослой разговаривают. Мы же целый год вдвоем прожили... У тетки моей, тетка тоже хорошая была, не навязчивая. Мы неплохо жили, вы не думайте, мать работала, тетка тоже, я в садике была. Конечно, мама тосковала по папе Сереже, очень сильно тосковала — писала ему письма, целую пачку написала — я их сохранила, показать могу. Даже думала после маминой смерти, что надо послать. Но потом не послала. Человек забыл, а я ему душу травить буду. Он ведь женился, вас родил, ему получать такие письма было неправильно. И ваша мама бы беспокоилась.

— Сергей Андреевич так и не женился.

— А как же...

— Катюша, придется вам все рассказать. Только сначала расскажите вы. Ведь это я к вам ехал, а не вы ко мне.

— Правильно, — сказала Катя, — а что рассказывать?

— Почему ваша мама... умерла?

— Бывают такие случайности — она улицу переходила, а ее грузовик сшиб, шофер пьяный был, занесло на повороте — вот и сшиб.

— А мне сказали, что она бросилась под поезд... и отец так думает. Он вас искал...

— Видно, не сильно искал. Вы-то нашли. Не обижайтесь. Мама весь тот год ждала. Да и Виктор Семенович адрес знал. Он маме письма писал. А потом моя тетка ему про мамину смерть написала. Вы Виктора Семеновича знаете? Он вашего отца самый близкий друг.

— И письма Виктора Семеновича тоже сохранились?

— Их всего два было. Одно так, записка, другое длинное. Он маме писал, что любит ее и хочет на ней жениться. Но мама ему сразу отказалась очень решительно, даже резко. И он понял... Мать папу Сережу любила.

И вдруг Катя заплакала — из серых выпуклых глаз по матовым щекам покатились слезы. Она вскочила, убежала в ванную. Вернулась не сразу, принесла из комнаты шкатулку.

Там лежали поздравительные открытки, какие-то билеты, квитанции и письма. Пачка писем в белых ненадписанных конвертах была перевязана ленточкой.

— Это мамина корреспонденция, — сказала Катя, — все Сергею Андреевичу. Не думайте, его она не упрекала — она себя упрекала из-за того, что стала ему помехой.

Из-под пачки тех писем Катя вытащила еще одно.

Почерк на конверте был знаком. Маленький, по-женски округлый почерк Виктора не изменился за тридцать лет.

«Дорогая Лизочка!

В нашем последнем разговоре ты решительно отказалась от меня во встрече. Права ли ты? Не мне решать. Я ничего не могу сделать с моей любовью к тебе, о которой я всегда молчал, потому что неловко объясняться в любви к женщине, с которой живет твой друг. И для меня это было мучительно вдвое, так как я видел, что ваша жизнь катиться под уклон, что она обречена на гибель. Он же не любил тебя, неужели ты так и не поняла? Ты была ему

удобна для уюта, не обижайся, но это так. Связывать свою жизнь с тобой он не собирался. Ты была слепа, но теперь хоть твои глаза открылись? И эта история, что его не примут в аспирантуру, — ты пытаешься в ней найти ему оправдание, — клянусь тебе, что никаких неприятностей у него на работе не было, просто он выбрал удобный момент, чтобы отдалиться от тебя. До чего все-таки наивны бывают женщины, даже такие умные, как ты... Последние месяцы у Сережи кипел бурный роман с Эльзой, об этом знал я и страшно переживал за твою честь и тоже скрывал все от тебя...»

Иван понял, что не хочет дочитывать письмо. Может быть, его дочитает отец. А может, ему тоже не надо его видеть. Как скучно и подло...

— Ты знаешь, — сказал он, аккуратно складывая письмо Виктора, — что он потом женился на Эльзе?

— Он хотел, чтобы мама ушла от папы Сережи?

— Если бы не он, со временем все бы обошлось...

— Нет, — сказала Катя. — Не стали бы они жить. Он ее любил, конечно, но не так сильно, как надо. Свою работу он любил больше. И мама это тоже понимала. Может, потому и не сердилась на него. А знаешь, она с благодарностью все вспоминала — как они с ним в Ленинград ездили, как в кино ходили. Он ей книжку Вересаева о Пушкине подарил, ты не читал? Хочешь, покажу? Она эту книгу как Библию берегла.

— Нет, — повторила Катя. — Не стали бы они жить.

Он долго не мог заснуть. А Катя уснула сразу, и в тишине квартиры ему было слышно ее тихое ровное дыхание. Потом заворочалась, заплакала во сне маленькая Лиза. Иван подумал, что утром увидит ее.

И тут его начало жутко трясти. Даже зубы стучали. Он ворочался, старался сдерживаться, чтобы Катя не проснулась, но потом забылся, и, видно, его стон разбудил Катю. У Ивана начался бред. Катя перепугалась, выбежала на улицу, из автомата вызвала «скорую помощь», и Ивана увезли.

Катя отвела Лизочку в садик и вернулась в больницу.

Когда Иван пришел в себя, он увидел очень близко серые глаза Кати, протянул непослушную руку и дотронулся до конца косы.

— Здравствуй, — сказал он. — Спасибо.

— За что?

Иван хотел объяснить, но объяснить было невозможно, язык не слушался, и он понимал, что скажет все это потом. А сейчас надо не упустить еще одну важную мысль. И он попросил ее срочно позвонить в Москву, Ржевскому.

В тот же день за Иваном прилетели Сергей Андреевич и профессор Володин. Ржевский прошел в палату. У Ивана был жар, но он узнал отца и сказал:

— Познакомься.

— Сергей Андреевич, — протянул Кате руку Ржевский.

Странно, что он ее не узнает, ведь она похожа на Лизу. Но Ржевский думал в этот момент только об Иване. И даже когда Иван сказал: «Катя Максимова», он не сразу сообразил.

— Катя Максимова, — повторила та.

И только тут кусочки мозаики встали на свои места.

— Катя, — сказал он тихо.

— Письма, — сказал Иван. — Не забудьте письма отцу. Ему они очень нужны. А то у нас один шимпанзе умер...

— А они у меня с собой, — сказала Катя. — Не знаю, почему в больницу их взяла.

41

Когда Иван уже выздоравливал, случилась еще одна встреча, не очень приятная. Утром перед обходом, когда посетителей непускают, к нему в палату пробрался Виктор — как уж ему удалось это сделать, одному Богу известно.

— Только два слова, — сказал он. Он был пьян и жалок. — Я все знаю, мне Ниночка рассказала. Только два слова. У меня дочь, единственное любимое существо, вы этого еще не знаете, но поймете. Если она узнает, мне лучше умереть. Я клянусь вам, что я любил Лизу, честное слово. Но про аспирантуру и то, что вы можете считать клеветой, это очень сложный сплав. Эту идею мне Эльза подсказала. Не хотела она Сергея Лизе отдавать. Она — разрушитель, понимаете. А я к Лизе стремился. И страдал. Тебе не понять. — Виктор говорил быстрым, громким шепотом, клонился к кровати, и от него так несло перегаром, что Иван отстранил голову. Но Виктор не замечал, он спешил каяться. — Она бы не

уехала, надеялась, но я тогда на следующее утро пришел к ней, к матери ее, как будто от имени Сережи, она этого никому не сказала. И подтвердил, что он не хочет ее больше видеть. Поэтому она уехала. И аминь. Тебя интересует правда? Правда в том, что я Лизе был бы хорошим мужем. Она не поняла. Я угодил в лапки к Эльзе, а она погибла. Молчите, а? Если Ниночка вам дорога. Это для нее будет невыносимая травма.

— Уходите, — сказал Иван. — Никому я ничего не буду говорить.

Тот ушел. И вовремя. Через пять минут прибежала Ниночка, принесла тарелку клубники и массу институтских новостей.

Через два дня Иван начал вставать. Кризис миновал. Володин утверждал, что его организму пришлось преодолеть биологическую несовместимость. Как при пересадке органа. Только здесь речь шла о двух личностях. Теория переполнения мозга информацией у Володина сочувствия не вызвала. «Ничего особенного вы своему мозгу не задали, коллега», — сказал он. Но Иван остался при своем мнении. Чужие сны были теперь не так мучительны. Хоть и не исчезли совсем. Ниночка таяла от чувств, ей очень хотелось кормить Ивана с ложечки, она легко краснела и обижалась по пустякам.

Отец снова предложил переехать к нему.

— Не надо, — сказал Иван, — мы слишком разные люди.

— Чепуха.

— Я вчера целый час решал задачу, которую ты не смог решить в контрольной в десятом классе. И решил.

— Вот видишь, это же моя задача. И есть еще миллион задач, которые мы решим вместе.

— Ты даже не помнишь, что за задача. Ты умеешь забывать о своих провалах, а мне такой способности не дал.

И тут, когда спор грозил превратиться в ссору, вошел Дубов. Опять с авоськой, полной пакетов и бутылок. Он начал неловко и шумно целовать Ржевского, потом вспомнил, что принес гостинцы, и вывалил из сумки все на стол и принялся делить — что домой Люсеньке, а что больному Ванечке.

— Такое счастье, — повторял он, — что Ваня решил стать археологом. Люся тоже согласна, понимаешь? Он

как бы подхватит эстафету, выпавшую из твоей ослабевшей руки. Жалко, что у меня нет такого сына.

— Каким еще археологом! — зарычал Ржевский.

Ниночка впорхнула в комнату, замерла на пороге, сжимая испуганными пальчиками пакет с ягодами — темно-красные пятна проявлялись на бумаге.

— Я уезжаю в экспедицию. Через две недели, — сказал Иван. — Осенью вернусь.

— Ты с ума сошел! Кто тебя пустит?

— Профессор Володин не возражает. Он даже обрадовался. Утверждает, что свежий воздух и пыль раскопов — лучшее лекарство для гомункулусов, — сказал Иван. Он сейчас был куда сильнее отца и пользовался этой силой.

— Мог бы мне сказать раньше, — произнес Ржевский.

— У нас еще две недели. Затра принеси мне новые журналы. Я еще ничего не решил. Мне не хочется ошибаться.

— Ладно, — сказал отец, — я пошел.

Он обернулся к Дубову.

— Паш, — сказал он, — зайди потом ко мне, хочешь домой, хочешь в институт.

— Конечно, — сказал Дубов. — Нам столько есть чего вспомнить... А хочешь, я сейчас с тобой пойду? Я тебя провожу.

— Отец, — сказал вслед Ржевскому Иван, — Катя не собиралась приехать?

— С чего ты решил? — пришел черед Ржевского взять реванш.

— Так просто подумал...

— Я послал ей телеграмму, — сказал Ржевский. — Если она согласится переехать в Москву...

— Иди, — сказал Иван. — Иди, перечитывай Лизины письма. А ты, Нина, положи наконец пакет на стол, блузку испачкаешь.

1980 г.

ОСЕЧКА-67

повесть-сказка

От автора

Осенью 1967 года нашу страну охватило остервенение от близкого пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Необразованному наблюдателю могло показаться, что пятидесятилетие — высочайшая вершина в нашей истории, после которой неизбежно произойдет обвал, потому что долго продержаться на таком пафосе невозможно. Однако опытные наблюдатели, вконец развращенные секретными докладами Хрущева, к всеобщему восторгу относились скептически, не скрывая враждебной усмешки.

Будучи опытным наблюдателем, я видел идиотизм действа, но всю осень не мог ухватить ниточку, за которую, потянув, можно бы вывернуть праздник партии наизнанку. На дни кумачовых безумств мне удалось сбежать по приглашению друзей в Болгарию, но и там, разумеется, торжества меня не оставляли. Так как Болгарии не повезло и ее народ в семнадцатом году не смог взять штурмом Зимнего дворца, решено было восполнить недостачу воспоминаний современными действиями. Поэтому во время торжественного шествия демонстрантов перед мавзолеем Димитрова 7 ноября 1967 года была предпринята попытка инсценировки штурма цитадели Временного правительства. По площади нестройными рядами бежали вооруженные учебными винтовками матросики и красногвардейцы. Перед ними в панике отступали юнкера в форме Болгарской народной армии.

А вот если бы... если бы...

Но решения, цельного образа еще не было.

Возникло оно через несколько дней, когда я, возвратившись домой, просматривал скучные, барабанные праз-

дничные газеты и в одной из них натолкнулся на сообщение о том, что в шотландском городе, названия которого не запомнил, студентами и историками местного университета к удовольствию горожан революция 1917 года была воспроизведена в лицах. Небольшой местный замок был временно переоборудован в Зимний дворец, и переодетые соответствующим образом молодые люди взяли его штурмом.

Конечно же! Так следовало поступить и у нас! Как жаль, что великие мысли приходят слишком поздно.

А тем временем я уже воображал, как все у нас разделятся на красных и белых и под руководством горкома, который и проявит такую инициативу, начнут брать ленинградский телеграф и почтамт, стрелять из пушки крейсера «Аврора» и заседать в Смольном. А тем временем у Зимнего соберутся его защитники... и защитницы? А кто будет изображать защитниц? Пожалуй, будучи секретарем горкома партии я бы доверил эту роль комсомолкам, молодым сотрудникам и экскурсоводам Эрмитажа. Какое получится зрелище!

И, сказав так, я сразу усомнился в зрелище.

Ведь повторный образцово-показательный штурм Зимнего будет проходить в стране победившего идиотизма. И что из этого выйдет?

Чтобы выяснить это, я сел за стол и в начале 1968 года за неделю написал свой вариант революционных событий и неожиданных последствий этих событий.

Написал и с сожалением понял, что, за исключением узкого круга верных друзей, никому эту повесть-сказку показывать нельзя. Могут правильно понять.

Друзья прочли. И на этом литературная жизнь повести завершилась.

Повесть залегла в нижнем ящике письменного стола и, постепенно обзаводясь такими же ссылочными подругами, продремала там два года. Потом случилось так, что я ждал обыска совсем по иному делу, вспомнил о собственном самиздате, извлек рукопись из стола и выбросил. То, что сегодня даже коммунистам кажется совершенно невинной фрондой, тогда могло быть сочтено идеологическим и даже уголовным преступлением. Ведь даже Брежнев с Андроповым были еще относительно молоды.

Несколько последующих лет я пребывал в убеждении, что этой повести, как и других ей подобных, не существует. И вдруг в одном дружественном доме обнаружился

ссе экземпляр. Случилось это уже недавно, когда «стало можно». И я, преисполненный запоздавшей отвагой, решил повесть опубликовать. Хотя, конечно, ее следовало бы опубликовать весной 1968 года и стать Гаврошем.

Ничего я не стал в повести менять — она теперь как бы археологический памятник, ценность которого, как ценность пыльного черепка, нынешнему молодому читателю непонятна. Был у меня соблазн повеселиться, прописав этот сюжет заново, но соблазн я преодолел.

Итак, вот он, взгляд из 1968 года.

С запозданием на четверть века начинается еще один штурм Зимнего дворца. Видно, революция у нас все же перманентная...

Пролог

«В ряду наиболее знаменательных событий юбилейного года — пятидесятилетия Великого Октября — важное место занимает решение ЦК Компартии и Советского правительства о проведении во время торжеств в Ленинграде штурма Зимнего дворца.

К участию в этом крупнейшем юбилейном мероприятии привлечены многочисленные представители общественности, а также целые коллективы ленинградских заводов, фабрик и учреждений. Воспроизведение в реальном масштабе славных событий октября 1917 года привлекло пристальное внимание зарубежной прессы и мировой общественности и должно вновь со всей убедительностью показать преимущества социалистического строя.

Несколько недель, предшествовавших мероприятию, славный город Революции живет в ожидании Штурма. Текстильные фабрики готовят комплекты одежды для участников событий, художники восстанавливают облик Петрограда октябрьских дней, работники кино и телевидения монтируют в ключевых пунктах восстания аппаратуру.

Восстание, возвещенное легендарным залпом «Андрея», должно быть проведено в течение 7-го ноября 1967 года и завершится по плану открытием съезда Советов в Смольном...»

Правда. 16.10.1967

Антипенко развернул львиный фас в сторону Зоси из отдела фарфора и спросил, кто поедет получать шинели. Зося спросила, какого цвета шинели. Этого Антипенко не знал.

Под окном стоял автобус с финскими туристами. На сиденьях дремали уморившиеся бабушки.

— Наверное, черные выделят, — сказал долговязый Боря Колобок. — С черепом и костями.

— Не говори глупостей, — обиделась Зося. — Тебе хорошо, у тебя юнкера, а на нашем участке еще баррикаду не достроили.

— Я звонил им, — сказал Антипенко. — У них прорыв. Студентов мобилизуют.

Обшитая черной kleенкой дверь чуть приоткрылась, и Раиса Семеновна заполнила проем полной грудью.

— Шинели готовы. Пора ехать на склад.

— Ну, с богом, — сказал Зосе Антипенко. — Распоряжайся. — И крикнул вдогонку: — Чтобы не подрезать и не ушивать. За шинели я головой отвечаю. Историческая правда прежде всего.

Зося кивнула, не оборачиваясь.

Боря Колобок спросил Антипенко:

— А оружие когда получать будем?

— С оружием трудности. Мне на складе уже выписали. И виза была, но тут звонит Соколов из обкома, он оружием сейчас ведает, и говорит: эту партию на Ближний Восток отправили. Неувязка вышла. А пушки завтра из Артиллерийского музея подвезут. Три штуки. Только что снаряд на столе лежал. Не видел, куда я его задевал?

Пока Антипенко растерянно шарил по столу веснушчатыми руками, Боря налег на стол верхней половиной своего ломкого длинного тела и громко прошептал:

— Милиция на площади будет?

— Это еще зачем?

— А вдруг в самом деле?

— Чего?

— Вдруг они ворвутся в самом деле? У нас же ценностей мировой культуры на миллиарды новых рублей.

— Ты, Колобок, это кончай. В каждой колонне идут члены бюро райкомов. Так что без паники. Понял?

— Понял, — сказал Колобок неубежденно.

— А милиция в других районах пригодится. Народ будет праздновать, а он требует контроля.

— Может быть. Ну, я пошел.

— Только совсем не уходи. Может, понадобишься. Сам понимаешь, положение напряженное. В любую минуту могут поступить новые распоряжения из инстанций.

— Ладно.

Колобок поправил модные очки и, широко расставляя худые ноги, направился к своему отделу.

В гобеленовой галерее Колобок встретил красивого Извицкого. Извицкий вел экскурсию. Колобок протолкнулся к нему сквозь строй пенсионерок.

— Долго тебе еще? — спросил он, наклонившись к уху экскурсовода.

— Сейчас кончу. А что?

— Беги сразу в отдел. Важное дело.

Симеонова Колобок разыскал в буфете. Симеонов пил кефир. Колобок сказал Симеонову о встрече в отделе и заодно попросил предупредить античников.

Через десять минут в комнате отдела Дальнего Востока собрались десять сотрудников Эрмитажа. Колобок сел на исцарапанный поколениями кандидатов и докторов письменный стол, отодвинул в сторону ножны от самурайского меча и сказал:

— Товарищи, я собрал вас, вы сами догадываетесь, почему. Сейчас я был у Антипенки, и старый хрен дал понять, что милиции на площади не будет.

Колобок блеснул очками, и взгляд его приобрел суровскую пронзительность. Остальные молчали.

— Не поняли? Объясню. Через два дня — штурм Зимнего. Известно всем? Штурмовать выделены Кировский завод, сводная колонна обкома комсомола, группа персональных пенсионеров и другие организации. Если не будет милиции, штурмующие могут увлечься. И ворваться в эти стены...

Мертвая тишина воцарилась в комнате отдела Дальнего Востока.

— Баррикады наши сделаны на живую нитку. Только для кинооператоров. Пушки — без замков, из Артиллерийского музея. Наши винтовки ушли на Ближний Восток. Чем мы задержим...

— Постой, Борька, — сказал тут Симеонов. — Ты что

же, хочешь сказать, что штурмующих в Зимний пускать нельзя?

— Пускать придется, но не дальше вестибюля. Я все понимаю — пятьдесят лет назад штурм был настоящий и тогда Зимний пал. Но кто-нибудь подсчитывал действительный ущерб в семнадцатом году? Никто. Но тогда юнкера хоть как-никак, а дворец защищали. Сейчас мы защитить его не сможем. И кто гарантирует нам стопроцентную сохранность памятников культуры и искусства? Ты, Симеонов?

— Нет, зачем так сразу. Штурмующие должны понимать. Там представители партийных органов пойдут, как по льду Кронштадта.

— А о массовых психозах ты слышал?

— Это где массовые психозы? — грозно сверкнул черными очами Извицкий. — Ты с каких позиций выступаешь? Люди на святое дело собрались!

Кто-то хихкнул. Колобок шлепнул ладонью по столу:

— Я выступаю с наших позиций! С позиций сохранности народного достояния!

— Ребята, вы, по-моему, соревнуетесь в лицемерии, — заметил Симеонов.

Колобок почти не смущился:

— Я выступаю с позиций сотрудника и, если хочешь, патриота Эрмитажа. Мы обязаны не допустить повторения ошибок семнадцатого года. Мы обязаны это сделать как члены партии, комсомола и просто профсоюза.

— Еще побьют чего доброго, — неудачно пошутил кто-то из древних греков.

— И будут правы, — добавил Симеонов. — Если людям разрешают раз в полсотни лет взять штурмом Зимний дворец, то они имеют полное право немного пошалить.

— И все-таки в райком надо бы сходить, — тоскливо произнес Извицкий.

Колобок даже удивился. Он не ожидал поддержки с той стороны.

— Сходить можно, — сказал кто-то от двери.

— И заодно вооружиться, — вставил Колобок, который ковал железо, пока горячо. — Мы должны быть готовы ко всяkim случайностям.

Колобок соскочил со стола и широко развел руками:

— Это же все наше, народное. Мы — дети рабочих и служащих и сегодня, может, для некоторых впервые в

жизни наступило серьезное испытание. Я не хочу возражать против решения ЦК повторить в день пятидесятилетия штурм Зимнего. Это, ребята, мудрое решение. Но без милиции может произойти взрыв. Я сам слышал такие разговорчики на улице...

— Какие?

— Неважно какие. Считай, на уровне анекдота. Случайности — это тоже необходимость.

— Кто в райкоме пойдет? Сам?

— Сам схожу. А ты, Извицкий, побеседуй с девчатами.

— С какими?

— С нашими. Которых в женский батальон смерти мобилизовали. Там у них Зося — комбат. Она сейчас за шинелями поехала на театральный склад.

На том и разошлись. Только Симеонов в дверях остановил Колобка и сказал серьезно:

— Ты в райкоме не очень. А то еще выговор склопочешь за паникерство.

— Дурак я, что ли? Я про милицию намекну — сами должны понять. Если что, им же отвечать придется.

2

Уже несколько недель райкомом владело обалделое предпраздничное настроение, настолько затянувшееся и нереальное, что оно стало нормой и возвращение к обычной жизни казалось почти невероятным. Оно почему-то выражалось почти одинаково у всех сотрудников райкома. «Вот все кончится, — говорили они в узком кругу, — уйду в отпуск. Поселюсь на двадцать четыре дня в Сочи и буду играть в преферанс».

Но пока было не до преферанса.

Колобок сначала не разглядел милиционера у лестницы. Милиционер полностью скрывался за горой жестяных и фанерных вывесок и реклам, которым, казалось бы, не должно быть места в райкоме.

— Вы к кому? — раздался голос из-за оранжевого щита «Коньяк Шустова».

— К Грушеву, — ответил Колобок и достал партбилет.

— Что-то я его сегодня не видал, — сказал старшина, отодвигая к стене вывеску «Трактир». — Вот привезли

сейчас, а развешивать некому. Эта, — он показал на «трактир», — над нашей дверью повиснет. Я уж возражал.

— Несолидно, — согласился Колобок. — Неужели другой не нашли?

— Главный архитектор удружила, — сказал старшина. — По плану старому проверял. Оказалось, соответствует исторической правде.

По лестнице спускались два инструктора промышленного отдела, сгибаясь под тяжестью позолоченного двуглавого орла. Инструкторы развернули его, как рояль, и неумело принялись просовывать в дверь. Старшина забыл о Колобке и с криком: «Левей заноси, так его!» бросился на помощь инструкторам.

Колобок поднялся на второй этаж и инстинктивно прижался к стене. Навстречу медленно шел крупный мужчина с эполетами, украшенными черными орлами. При виде отпрянувшего Колобка мужчина вздохнул, оттянулся в разные стороны рыжие бакенбарды, и Колобок узнал третьего секретаря.

— Осваиваю, — сказал секретарь. — Не узнал?

— Нет. У вас это убедительно получается. Это чья форма?

— Меня еще не прикрепили. Но прохожу по флотской части. Наверное, морской кадетский корпус дадут. Ты к Грушеву? Может не принять. Занят.

— Я попробую.

Дверь в кабинет первого секретаря была распахнута, и из-за нее, клубясь по приемной, вырывался табачный дым. Колобок вошел в кабинет и с минуту приглядывался, стараясь разобрать в голубом мареве, где же товарищ Грушев.

Наконец он разглядел зелень секретарской скатерти и поплыл к столу. В тумане над столом покачивалась крепкая фигура секретаря. Секретарь был в тельняшке и бескозырке, на которой золотыми буквами было написано «Аврора». Повезло, подумал Колобок. В самом центре событий будет находиться. Два пожилых джентльмена с острыми, неумело наклеенными бородками и в одинаковых черных жилетах ритмично взмахивали руками, пытаясь заставить матроса подписать трудно различимые в дыму бумаги.

Матрос между тем говорил по двум телефонам и,

время от времени прикрывая ладонью трубку, давал какие-то указания красноармейцу в буденовке с синей звездой.

Надо бы сказать им — недоразумение получается, подумал Колобок. В семнадцатом еще не было буденовок. И самого Буденного не было. Запад будет смеяться.

Последние слова нечаянно вырвались наружу и прозвучали в комнате в тот редкий момент, когда в ней наступила кратковременная тишина.

— Что? — спросил матрос Грушев, приподнимаясь над столом и уперев в зеленое сукно телефонные трубы. — Кто там о Западе?

Тут Грушев распознал Колобка из Эрмитажа.

— А, привет! — сказал он. — Что ты там о Западе говорил?

Колобок подумал, что Грушеву нелегко приходится вживаться в образ простого человека, морского волка.

— Здравствуй, товарищ Грушев, — ответил попросту Колобок. — Буденовку зачем на бойца надели? Это же изобретение Первой Конной, так сказать, в пламени гражданской войны.

— Дурак, — сказал Грушев. — Шпак сухопутный. У нас что, консультантов нет? Это же Тематьян — он в театрализованном представлении будет участвовать, после нашей победы. Не читал разве «Пятьдесят лет в один вечер»? Там у нас и правые уклонисты будут, и строители Беломорканала. Зачем пришел?

Спросив так, Грушев, не дожидаясь ответа, приложил к ушам телефонные трубы и локтем отпихнул обоих джентльменов в жилетках.

Зайдя сбоку, Колобок придвинулся к столу и присел на свободный стул.

— Я насчет милиции, — сказал он.

Грушев не рассыпал. Колобок решил подождать.

— Петропавловка! — кричал секретарь в трубку. — Петропавловка! Сейчас к тебе политзаключенных приведут! Да нет, не антисоветчиков! Наших людей, пролетариат! Из управления охотничьего хозяйства и рыбнадзора. Значит, так, распределишь их по камерам... Да подожди ты! (во вторую трубку: это не тебе...) Так вот, постельным бельем не обеспечивай. Товарищи предупреждены. Два дня и на голом поспят. Деды их страдали... Страдали, говорю! С питанием? Питание будет. Из столовой «Белые

ночи». Они знают... Нет, ты запирай, запирай, чтоб комар носу не подточил. Главное — историческая правда. Правда, говорю! Охрана в пути! А пока музейных сторожей мобилизуй. Как так — возражают? Пообещай сверхурочные! С приветом!

Грушев бросил телефонную трубку и крикнул во вторую:

— Это Коган? Коган, слухай сюда!

Зазвонил первый телефон, и Грушев поднял трубку, кинул в нее: «Сейчас!» и отбросил, как змею.

Колобок подобрал осиротевшую трубку.

— Это райком? — спросил дрожащий женский голос.

— Общественный инструктор Колобок слушает.

— Послушайте, товарищ общественный инструктор, — пропел женский голос. — Синяя полоса сверху или снизу?

— Какая полоса?

— На русском национальном флаге. Я Смирницкая, из детского сада номер тридцать. Мы делаем кокарды для буржуазии.

— Сейчас. Может, товарищ Грушев вам поможет.

Колобок передал трубку матросу. Черт знает что, подумал он, не знаю, какой должен быть флаг. Привык как-то, что красный.

— Минуточку, — сказал Грушев трубке и продолжал кричать в другую: — Так ты, Коган, не крути, ты эти штучки брось! Твой Бунд и одной комнаткой обойдется. Что я тебе, Таврический дворец отдам? Вы же активного участия не принимали. Что Маркс? При чем тут Маркс? Знаешь что, кончится мероприятие, я тебя к партответственности привлеку. Да-да, за демагогию. Маркс национальности не имеет. Он великий учитель рабочего класса, и ты это учти. И вообще, я тебе сейчас нескольких украинских товарищей подкину, а то ты, я вижу, желаешь в свой Бунд одних евреев набрать. Не хочешь хохлов? Тогда принимай армян. Они тоже брюнеты.

— Девушка! — схватил Грушев другую трубку. — Чего у вас? Синий, думаешь? А ты энциклопедию посмотри. Большую. Нет, говоришь? Так позвони историкам. Что? Знаешь, Смирницкая, это принципиального значения не имеет. Кто разберется — что сверху, что снизу? В телевизоре все равно серым будет.

— Ты еще здесь, Колобок? — сказал Грушев, бросая трубку. — Пошли в коридор, отдохнешь.

Они вышли в коридор. Джентльмены в наклеенных бородах бросились было за секретарем да потеряли его в дыму.

— Сюда, — сказал Грушев. — А то настигнут.

Они прошли в мужской туалет. Грушев распахнул форточку, и в нее сразу влетел мокрый осенний ветер. За замазанным до половины белой краской окном висело серое грустное небо.

— Жду инфаркта, — вздохнул Грушев. Поправил бескозырку. — Ох, сорвем мероприятие, опозоримся. Китай знаешь как на нас смотрит? Внимательно... Только и ждет осечки, чтобы развернуть кампанию травли. А как с людьми работать? Слышал, что этот Коган говорит? Маркс, говорит, был еврей, а участвовал в революциях. Ну, я ему еще покажу.

— У нас тоже нелегко, — сказал Колобок. — Ты же знаешь.

— Да что там. Вы ж юнкера?

— И юнкера, и женский батальон смерти. Девчата наши.

— Ну и сидите. Вот кировцам и «Электросилю» придется под дождем через весь город идти. А вам что?

— Я к тебе пришел с вопросом. Может, не вовремя, но хочу все-таки спросить.

— Валяй, — сказал Грушев, печально глядя в окно.

— Ты скажи, милиция на площади будет?

— Когда?

— Да во время штурма.

— А почему это тебя волнует?

— Понимаешь, посоветовались мы тут с товарищами. Есть опасность, что могут пострадать культурные ценности. Возьмут Зимний...

— Ты это не надо. Ты за кого наш питерский пролетариат принимаешь?

— Я не про пролетариат. Нас сейчас никто не слышит. Случайные люди затесаться могут. Выпьют по дороге. Ну и дадут прикладом по витрине. Я ж о государственном забочусь.

— М-да, — сказал Грушев. — Есть и такая опасность. Но небольшая.

— Так будет милиция? Может, ее в Эрмитаж поставить?

— Понимаешь, какая история получается. Милицию

мы тоже мобилизуем. Форму им полицейскую выдаем. Городовыми и околоточными станут. ОРУД в жандармы пойдет. Людей-то не хватает.

— Всех?

— Что всех?

— Всех милиционеров в жандармы?

Грушев присел на подоконник.

— Я тебе конфиденциально говорю. Меня самого это беспокоит, — сказал он наконец. Вынул пластиковый пакет, набитый табаком, кусок газеты и неумело свернулся самокрутку.

— Мы бы, конечно, — продолжал он, — могли в жандармов еще кого одеть, но тут два соображения было. Во-первых, у штатского опыта нет, а во-вторых, хочется, чтобы милиционера даже в такой праздничный день отличить можно было. Ведь у народа к форме уважение имеется. Ясно?

— А КГБ мобилизовать?

— Знаешь, куда они меня послали?

— Тебя, Коммунистическую партию?

— А у них указание — фиксировать, кто себя в городе будет неправильно вести. Для последующих мер.

— Ну тогда хоть жандармский наряд в Эрмитаж направь. На всякий случай.

— Это сделаем. Пожалуй, еще пожарную машину подкинем. Только вам придется их оборудование к системе горячего водоснабжения подключить. Если в случае чего поливать народ придется, так чтобы не простужались. А то неприятностей не оберешься.

— Пожарников все-таки не стоит, — сказал на это Колобок. — Они такую грязь в залах разведут, что хуже восставшего народа.

— Добро. Это как хочешь. С директором посоветуйся. Значит, пропускай их за баррикаду и ни шагу дальше. В случае чего звони прямо в обком. Меня-то не будет. Я на «Авроре» буду, залп совершать. Доверили.

— Ну я пошел.

— Давай. И без паники. Народ, повторяю, у нас сознательный. Хороший народ!

Керенский стоял перед зеркалом и пытался надвинуть короткий, торчком, парик таким образом, чтобы скрыть редеющие курчавые волосы на висках. Волосы были темнее парика и тугими завитками обрамляли халтурное произведение ленфильмовских парикмахеров. Керенский с грустью подумал о том, что придется быть сдержаннее в движениях. Он сложил руки на груди. Похоже.

По коридору медленно шли два министра. Керенский не знал их в лицо, но подумал, что по комплекции они должны быть Милюковым и Гучковым. Он помнил их фамилии по учебнику истории.

С министрами шел Розенталь, администратор театра Ленсовета. Он заведовал труппой совета министров.

— Товарищ Яманидзе, — сказал он Керенскому, — познакомьтесь. Эти товарищи будут работать с вами.

— Седов, — представился первый:

— Сульженицкий, — представился второй.

— Конкретных ролей товарищи не получили. Ждем списка совета министров, — сказал Розенталь. — Как пришлют из музея Революции, распределим по внешним данным.

— Где нам пока ждать? — спросил Керенский-Яманидзе.

— Посидите в вестибюле.

— Мы лучше в буфет спустимся, — возразил Седов. — Познакомиться надо. Как-никак с завтрашнего дня будем руководить страной.

— Только чтобы без излишеств, — предупредил Розенталь. — К восемнадцати ноль-ноль быть как стеклышки. Проведем освоение декораций.

Министры спустились в буфет. Буфетчица не узнала Керенского. Это Керенскому не понравилось. Он достал из кармана роль, напечатанную на плохой машинке, и уселся за столик, ожидая, пока Седов с Сульженицким сообразят насчет питания.

— Граждане свободной России! — бормотал Яманидзе, стараясь придать голосу интеллигентность. — Сегодня решается судьба свободы и демократии! — Роль Керенскому нравилась.

В буфет забежал Розенталь и представил министрам царского адмирала.

— Из райкома, — сказал он. — Третий секретарь. Замминистра обороны. Будет с вами в Эрмитаже. Так что прошу любить и жаловать.

— Это можно, — пропел Сульженицкий. — Мы с вами, господин адмирал, в одном лагере.

— Меня вообще-то надо называть вашим превосходительством, но для вас я пока Иван Сидорович, — строго сказал адмирал.

— Иван Сидорович, — спросил Седов, возвратившийся на минутку от стойки, — два рубля в советской валюте найдется? За победу социалистической революции надо выпить.

Адмирал откинулся на спинку стула и вытащил пластиковый бумажник.

— Гоните рубль сдачи, эксплуататор, — сказал он и улыбнулся добродушной, усталой улыбкой.

Седов дал рубль сдачи.

Присели. Адмирал разливал коньяк и рассказывал о том, как командовал ротой на Втором Белорусском. Черные орлы на его эполетах мерно шевелились и, казалось, взмахивали пышными крыльями.

— Граждане свободной России! — кричал Керенский, немного захмелев. Парики сбились набок, и он уже совсем мало походил на премьера Временного правительства. — Родина в опасности!

Адмирал укоризненно качал головой и негромко повторял:

— В случае чего — билет на стол. Понимаешь, на стол.

— А я тебя сгию. И на погоны не посмотрю! — грозил Керенский. — У меня, мать твою, верные казаки! У меня в обкоме рука!

Министры смущались и обильно закусывали частиком в томате. У них еще не было фамилий и портфелей, и это ставило их в ложное положение.

Прибежал Розенталь.

— Ах! — сказал он. — Я это отлично предполагал. А у меня еще вся Государственная Дума на шее висит. Всех одень, обуй в импортную обувь.

Розенталь быстро опрокинул рюмку коньяка и повторил, убегая:

— Чтобы к восемнадцати ни в одном глазу.

— Ни-ни, — сказал Керенский.

Адмирал тихо поднялся и ушел писать докладную на Керенского. Он писал ее непосредственно на имя контрольной комиссии и цитировал Керенского на память.

К восемнадцати Керенский крепко подружился со своими министрами. Они обнялись и дружно пели «Боже, царя храни». Слов они не знали, но все равно получалось красиво.

— Я тебя Милюковым сделаю, — кричал Керенский в паузах. — Ты моей правой рукой будешь, Седов. Постdam. Уважение обеспечу. В историю войдешь.

Керенский размахивал сорванным с головы париком, и буфетчица, узнав его наконец, тихо улыбалась. Она любила Яманидзе. Он был широкий мужчина и кавалер.

В восемнадцать прибежал взмыленный озабоченный Розенталь и, подталкивая в толстые буржуазные зады, увел министров на заседание Государственной Думы последнего созыва. Яманидзе шел сзади и повторял:

— Граждане свободной России! Счастье не за горами!
Мои верные казаки ждут приказа!

4

На складе была очередь, и Зоя проторчала там до четырех часов. Она волновалась, что не успеет в детский сад за дочкой.

Молоденький лейтенант милиции перед ней получал жандармскую форму. Он немного смущался и даже сказал Зое:

— Помните у Лермонтова:

И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ

— Да, — ответила Зоя. — Это когда он уезжал на Кавказ.

— Жандармы были ненавистной народу организацией, — сказал лейтенант. — А я на заочном юридическом учусь. На четвертом курсе. Вы кого будете изображать на торжествах?

— Ой, и не говорите, — ответила Зоя. — Мы женский ударный батальон. Охрана Зимнего.

— Маяковский про вас писал, — сказал лейтенант. — Только не помню точно слов. Что-то обидное.

— Как уговорю моих девчат, даже не представляю, —

сказала Зоя. — Говорят, у нас на рукавах будут череп и кости. Такой позор!

— Ничего в этом позорного нет, — вмешался в разговор старичок в пенсне. — Я отлично помню, что в среде этого батальона были очень порядочные женщины, попавшиеся на удочку царской агитации. Например, моя тетя Глафира Семеновна, впоследствии видный работник на ниве сельского просвещения, незаконно репрессированная в тридцать пятом году.

— А вы кто будете? — строго спросил лейтенант.

— Черная сотня, — сказал старичок не без гордости. — С хоругвями и образами.

— А чего же здесь вам получать?

— Как чего? А поддевки, картузы, сапоги? У нас очень обширный инвентарь. Говорят, все импортное.

— М-да... — Лейтенант смотрел на старичка с неприязнью. Зосе показалось, что он хочет сказать: а не был ли ты, голубчик, в этой черной сотне до семнадцатого года?

Но старичок как будто угадал мысли лейтенанта, улыбнулся лукаво и сказал:

— Вы, молодые люди, только не поддайтесь ложному впечатлению, что я сочувствую правым силам. В черную сотню выбраны люди многих национальностей. В том числе армяне, евреи, грузины и даже один товарищ корейского происхождения. Это наш интернациональный долг показать врагов во всем их гнусном обличье.

Лейтенант ушел следить за погрузкой мундиров, старичок задремал на деревянной скамье.

— Вашу накладную, пожалуйста, — сказала женщина в окошке.

Зоя передала ей документы.

— Вам, девушка, придется самой на склад пойти. Шинелей не хватит. Кое-кто куртки из кожемита получит. Если возражаете — завскладом вторая дверь налево.

— Я не возражаю, — сказала Зоя, которая очень спешила. — Пусть будут куртки.

— Дура! — проснулся черносотенец. — Они натуральную кожу себе расхватали. Ты на них в райком подай.

Когда кладовщица откричала свое на старичка, Зоя, получив куртки, черные шинели и еще специальный пакет с нашивками, которые надо будет завтра пришивать своими силами, села в кабину рядом с шофером.

Грузовик долго ехал по Московскому проспекту, по-

том свернул на Лиговку. Улицы были оживлены. С брандмауеров снимали вывески сберегательных касс и рекламы Аэрофлота. Перед воротами какого-то номерного предприятия на мокром асфальте лежал длинный лозунг «Встретим славное пятидесятилетие новыми трудовыми успехами». По лозунгу, который уже никому не пригодится, бродили суровые такелажники, готовя к подъему щит с рекламой гильз «Катык». На углу в маленьком киоске продавали красные банты и трехцветные кокарды. Из школы шли старшеклассники, гордясь гимназическими гербами на фуражках.

У Московского вокзала была обычная толчая, и представитель «Интуриста» отчаянно спорил с носильщиками. Большая группа интуристов стояла перед гостиницей «Октябрьская» и глазела, как снимают с крыши двухметровые буквы названия гостиницы.

На Невский грузовик не пустили. Пришлось пробираться вокруг. Зося, хоть и спешила, попросила шофера проехать мимо Смольного. Шофер согласился. Ему самому хотелось взглянуть на штаб Октября за два дня до восстания.

Памятник Ленину решили не демонтировать, а только покрыли брезентом, чтобы не нарушать исторической правды. Перед въездом стоял броневик с надписью «Смерть царизму!» и названием «Илья Муромец» на борту. Около броневика суетились телевизионщики. В броневике будет одна из передвижных телестанций.

Зося вдруг подумала, что лейтенант неправильно получал форму. Какие там жандармы в октябре семнадцатого? Но тут же она отогнала от себя эту мысль. В обкоме лучше знают.

Антипенко ждал Зосю внизу.

— Ты куда затерялась? — напустился он на нее. — Как будто не могла кого послать! Быстро сдай шинели и сразу в распоряжение товарища Розенталя.

— Не могу, мне в детский сад за Галкой ехать. Моего Колю в Викжель мобилизовали. Срывать связь между Москвой и Питером.

— Вот что, тогда быстренько познакомься с Розенталем. Он за Временное правительство отвечает. Большими доверием облачен.

— Ладно. Только недолго. А вы сами выгрузку обеспечьте.

— А это что?

— Это возьмите. Это черепа и кости. Наши нашивки.

Зося поднялась на третий этаж, где ее ждали товарищ Розенталь и два министра Временного правительства.

— Здравствуйте, — сказал Розенталь. — Мы хотели обосноваться в нашей комнате. В той самой, в которой нам скажут: «Кто тут временные, слазьте».

— Там сейчас переоборудование идет, — сказала Зося. — Вам, наверно, товарищ Антипенко говорил.

— Он нам много чего говорил, — сказал актер Сульженицкий. — Но сами посудите, каково нам одним, без поддержки общественности, декорацию осваивать.

И в этот момент в комнату вошел Керенский. Он уже пропрэзвел, и парик сидел на нем очень удачно. Так, что полностью скрывал черные завитки на висках.

— Нодар Яманидзе, — представился он Зосе и долгим взглядом погрузился ей в глаза.

Зося попыталась оторваться от огненного взора Нодара и потерпела поражение. Командир женского батальона поняла, что премьер Временного правительства ждал встречи с ней, может быть, уже несколько лет. Как слепая, Зося сделала несколько шагов навстречу премьеру, и только резкий голос Розенталя остановил ее:

— Так проводите нас, будьте так любезны, в зал заседаний.

Зося резко повернулась, чтобы не видеть больше черных огненных глаз Керенского. Но, даже не глядя, она чувствовала на спине этот взгляд и понимала, что дело революции потерпело первое поражение. Командир женского ударного батальона, общественница, комсомолка, жена и мать Зося Петрова из отдела фарфора поняла, что она и ее подчиненные отдадут все силы, чтобы защитить премьера и его правительство от справедливого гнева восставших масс.

И когда Боря Колобок, ожидавший в коридоре Зосю, увидел ее глаза, сияющие внутренним женским, преданным и постоянным светом, он понял, что Эрмитаж, может быть, удастся отстоять.

Боря Колобок после визита в райком осознал, что на помощь партии и милиции рассчитывать не приходится. И сознание этого, наложившее дополнительную ответственность на Колобка, придало ему новые силы.

— В отличие от Великой Октябрьской социалистической революции наши торжества пройдут в несколько более короткие сроки, — сказал секретарь обкома по пропаганде и агитации. — Мы не имеем права отключать на два дня крупнейшие промышленные объекты нашего города. Кстати, товарищи из Москвы могут подтвердить, что там, в нашей столице, взятие Кремля рассчитано на три часа.

— Три с половиной, — поправил представитель ЦК.

— Три с половиной. Это диктуется соображениями уличного движения и интересами телезрителей. Мы, конечно, не можем в три часа разгромить силы контрреволюции. Это было бы несолидно.

Одобрительный гул зала поддержал слова секретаря. Грушев намотал на указательный палец ленточку бескозырки и сказал сидевшему рядом Бурундукову с «Электросилы»:

— На нас Запад смотрит.

— Да и китайцы не прочь палку в колеса вставить.

Секретарь, будто подслушав слова Бурундукова, продолжал так:

— Вы все, товарищи, понимаете сложность международной обстановки. Пекинские догматики спят и видят, как бы опорочит славное пятидесятилетие. Строго между нами, я могу сообщить, что вчера на Невском видели корреспондента агентства Синьхуа, который переписывал от руки вывешенные нами вывески и призывы семнадцатого года. (Шум в зале.) Мы так полагаем, товарищи: каждый из нас несет личную ответственность за каждую запятую, за каждый штрих, за каждое слово. Представляете, какой шум поднимет не дружественная нам пресса, если они поймают нас на исторической ошибке. Теперь перейдем к насущным нашим проблемам...

— Повезло тебе, Гриша, — сказал Бурундуков. — Мне вообще не придется поучаствовать в событиях. Остаюсь в заводоуправлении на связи.

— Товарищи! — выступил после короткого перерыва член ЦК из Москвы. — Товарищи, мы все отлично понимаем двойную и даже тройную ответственность, которую накладывает на каждого из нас решение ленинского Центрального комитета о воспроизведении в день

пятидесятилетия Октября событий семнадцатого года. Во всей их сложности и порой противоречивости... Весь мир должен воочию увидеть, что мы готовы хоть ежегодно штурмовать и брать Зимние дворцы ради демонстрации торжества марксизма-ленинизма! Пусть все видят, что наши мозолистые пальцы еще способны держать винтовку! Кульминационным моментом торжеств будет, как вы знаете, штурм цитадели реакции — Зимнего дворца. Этот штурм послужит сигналом для революционных событий в Москве, столице нашей родины. — Член ЦК сделал паузу и не спеша налил воды из графина, стоявшего на небольшой трибуне. Вода лилась в стакан тонкой струйкой, и плеск ее в стакане отчетливо передавался через микрофон по всему залу. — Предыдущий оратор останавливал ваше внимание на международных аспектах завтрашних событий. Это, без сомнения, важно. Но главная наша цель — собственный советский народ. Поэтому мы, вспомнив высказывание одного из марксистов-ленинцев: «Кадры решают все», должны поставить на особо ответственные участки верных партии и сознательных, желательно непьющих товарищей. Товарищи, восстание — это искусство. Так учил нас Ленин! Отнесемся же к показательному восстанию как к искусству!

Бурные аплодисменты потрясли небольшой зал обкома.

Вождь бундовцев Коган обернулся к Грушеву и крикнул, не переставая аплодировать:

— Мы им покажем!

Казацкий чуб Когана растрепался и закрыл правый глаз.

— Все на штурм Зимнего! — крикнул кто-то в зале.

Снова загремели аплодисменты.

— Зайди ко мне, инструкции получишь, — догнал Грушева в коридоре инструктор обкома.

Они зашли в кабинет.

— «Аврору» уже сегодня ночью начнут перетягивать к Кронштадту, — сказал инструктор. — Пока с нее сняли все надстройки и отправили вниз по реке на баржах. Твоя задача... я знаю, что ты в курсе, но повторить не мешает. Твоя задача — быть тем старшиной, который откажется поверить капитану, что фарватер мелкий. Выйдешь на шлюпке в Неву и промеришь лотом фарватер. Потом возьмешь в свои руки командование кораблем и приведешь его на позицию для обстрела Зимнего. Ясно?

— Да уж две недели как ясно.

— А вот то, что я тебе скажу, еще неясно. Строго между нами. Почему, ты думаешь, надстройки с крейсера сняли? Не знаешь. Объясню. Сегодня ночью подвезут другую пушку. Которая может стрелять боевыми. И дадут вам два настоящих снаряда. Дадите залп по Зимнему. Теперь ясно?

— Что-то нет.

— Газеты читать надо. Слушай сюда. Есть среди наших интеллигентов тенденция изображать залп Авроры, как будто его на самом деле не было. Будто там был один сигнальный выстрел и притом холостой. Мы посоветовались с товарищами и решили дать им по зубам. Так, чтобы в 67-м был настоящий залп!

— Но ведь там же, в Эрмитаже, картины и так далее...

— За это не беспокойся. Электронщики все подсчитали. Снаряды попадут в зал западного искусства. В этих самых... импрессионистов. Особой потери не будет. Теперь ясно? Ну иди, исполняй. И чтоб ни-ни.

Грушев подумал, что Колобок кое в чем был прав.

— Учти, это личное секретное распоряжение товарища Брежнева!

6

В пять часов вечера все заводы Ленинграда протяжно, нестройно и тревожно загудели. Гудел Кировский завод, уже не Кировский, а Путиловский, гудел завод «Электросила», гудели номерные предприятия, украшенные разнообразными вывесками, гудел хлебокомбинат, гудели военные суда в Кронштадте, гудели поезда на Московском, Витебском, Варшавском и Финляндском вокзалах, гудели речные трамвайчики, гудели такси, и установленные повсюду радиодинамики покрывали этот гуд позывными «Широка страна моя родная».

И по мере того, как стихали гудки, северная Пальмира чудесным образом преображалась. Постовые покидали посты, взбирались в синие милиционские фургоны и вылезали вновь в виде полицейских и городовых в низких папахах. Из-за угла Литейного вышла плохо организованная толпа мужчин в поддевках и начищенных маргарином сапогах в гармошку. Мужчины несли иконы и

хоругви и пели по бумажкам «Боже, царя храни». Исчезли с улиц такси, и вместо них по Невскому, непривычно затихшему и опустевшему, покатили лихачи. Оттесняя зевак к тротуарам, проскакали казаки. На пиках трепетали сине-бело-красные флаги. Французские флаги, предложенные экспертом из музея Ленина. Древний «форд» с неизвестными в военной форме без знаков отличия выскоцил на мост и, запыхав синим дымом, застрял у клодтовского коня. На ломовой телеге, переодетые селянами, ехали кинооператоры. Глаза объективов зловеще выглядывали из-под распахнутых зипуинов.

Темнело. Та часть населения Ленинграда, что не принимала непосредственного участия в мероприятии, толкалась на тротуарах и нервно прислушивалась к голосам репродукторов. Размах действия и его реальность внушали трепет обывателям и даже непонятное желание спрятать подальше, в сундук, за двойное дно, членские билеты ДОСААФ и профсоюзные книжки. Вразброд, отвыкшие после долгого перерыва, ударили колокола Казанского собора, и руки прохожих потянулись ко лбам — перекреститься или просто отереть пот.

Автобусы «Интуриста», замаскированные под конки, стояли на господствующих местах, и оттуда очередями вспыхивали блици.

Черносотенцы в условленном месте схватили киргиза, замаскированного под еврейского раввина, и откровенно издевались над ним, не причиняя, как и было указано, еврею телесных повреждений.

Зажглись многочисленные огни в бывших железнодорожных кассах, а ныне Государственной Думе. В окнах мелькали фигуры депутатов, принадлежащих различным фракциям. Депутаты взмахивали руками, и репродукторы, включенные на несколько минут в зале Думы, передавали гул и выкрики контрреволюционеров.

Слышались удары тяжелых орудий. Части генерала Краснова рвались к Питеру, но остановились, бессильные, по знаку сержанта ГАИ перед Пулковскими высотами.

Беспокойство ощущалось и в Зимнем дворце. В пять уехали последние автопогрузчики и самосвалы, отделив Эрмитаж от площади кое-как скрепленной баррикадой, сооруженной из пустой тары, контейнеров, металломата, выбракованных бревен и длинных прутьев арматуры, превративших баррикаду в подобие длинного дикобраза.

На баррикадах выстроились пулеметы и три пушки без замков, привезенные из Артиллерийского музея. Но в промежутках между стеной дворца и баррикадой было пока пусто.

Девушки — секретарши, искусствоведы, уборщицы и экскурсоводы Эрмитажа примеряли форму. В углу египетского зала Раиса Семеновна установила швейную машинку и подгоняла, несмотря на строгое указание Антипенко, шинели и куртки по росту женщинам из ударного батальона смерти. В буфете стояла очередь за кефиром и черным кофе. Ночевать придется в Эрмитаже, и завтра еще предстоит трудный день.

Антипенко распоряжался установкой раскладушек в главном вестибюле. Раскладушек не хватало, потому что они в эту ночь требовались не только в гнезде контрреволюции.

Зося, уже одетая в черную блестящую куртку с черепом на рукаве, — она вынуждена была признать, что эта форма ей идет, — сидела на подоконнике с премьером Временного правительства. Они пили черный кофе и негромко разговаривали.

— Мне так приятно, что вы меня понимаете, — сказал Керенский. — Меня редко понимают женщины.

Керенский, сказав это, опустил глаза, и взгляд его случайно упал на стройное сухое колено Зоси. Керенский вздохнул. Зося, инстинктивно почувствовав, что в ее туалете нелады, попыталась натянуть мини-юбку на колено, но ничего из этого не вышло.

— Я женат уже восемь лет, — вздохнул Керенский и оправил парик. — Моя жена, Рита, оказалась очень ограниченной женщиной.

— Не надо так, — сказала Зося. — Я уверена, что ваша жена — милая и добрая женщина. Ей так же несладко с вами, как и вам с нею.

— Вы опять правы, совершенно правы, — вспыхнул Керенский. — Во всем виноват только я.

По коридору прошел Колобок. Он сгибался под тяжестью ящика. Второй такой же ящик тащил за ним Симеонов.

— Что у вас такое, ребята? — спросила Зося.

— Ничего особенного.

— Боря наш вождь. В смысле — сегодня он командует юнкерами. Вас арестуют?

— Нет, — ответил Керенский. — В последний момент мне удастся убежать. Переодевшись медсестрой. И я убегу в Америку.

— Очень интересно, — сказала Зоя. — Высмотрели «Мужчину и женщину»?

— Нет. Что это?

— Картина о настоящей, чистой любви. Французская.

7

Владимир Ильич обогнал товарища Ярхо и первым подошел к двери подъезда. Давно немытое стекло было серым, в подтеках от ноябрьских дождей.

— Кажется, казаков не видно, — сказал Ленин.

— И юнкеров тоже нет.

Ленин поправил повязку, скрывавшую половину лица, и надвинул кепку пониже на рыжий парик. Наверху хлопнула дверь. Телевизионная камера на площадке второго этажа стрекотала приглушенно, и в полутьме фигуры операторов казались привидениями.

— Пойдемте, товарищ Ильич, — сказал Ярхо, имитируя эstonский акцент. — В Смольном нас ждут.

— Да, уже пора.

Владимир Ильич осторожно распахнул дверь, и этот исторический жест моментально повторился миллионно-кратно на экранах всех телевизоров Советского Союза и телевизоров прогрессивных европейских стран, включенных в систему Интервидения.

Холодная дождливая ночь схватила путников и понесла их к мосту, к Неве, к опасности и славе. Ярхо шагал впереди. Его широкие шаги были уверены, но осторожны. Ленин шагал сзади. Повязка мешала ему смотреть и быстро намокла, отчего казалось, что к щеке приторочена мокрая тяжелая подушка.

Поздние зрители теснились на тротуарах, и шепот: «Идет!» перекатывался вперед, забегая за несколько кварталов.

Знакомая по книгам и кинофильмам фигура вождя в длинном узком пальто с бархатным черным воротником, в рабочей кепке и с подвязанной щекой — вождя, идущего взять в свои руки руководство восстанием, — ставила все на свои места.

Нарушая все правила мероприятия, путников обогнала телевизионная машина с вращающимся локатором на крыше. Она была кое-как замаскирована под катафалк, и цилиндры операторов и режиссера зловеще покачивались над темной улицей.

Длинное рыло камеры, высунувшееся с тылу катафалка, в последний раз дало на экраны крупным планом лицо Ленина. Зная, что его снимают, Владимир Ильич старался унять дрожь в плечах. Дождь пронизывал его до костей, и казалось, что ледяные капли стекали по печени. Заныл зуб. Еще позавчера жена настойчиво рекомендовала сходить к зубному, но в поликлинике ВТО запись была только на три дня вперед.

Ярхо отряхнулся и закурил, прикрывая огонек от ветра широкими ладонями.

— Спрятчте пачку, — сказал Ленин. — Кто пятьдесят лет назад курил «Беломор»?

— Нас не снимают, — сказал Ярхо. Он говорил уже без эстонского акцента. — Они поехали к вокзалу. Там сейчас начнутся бои.

— Прибавим шагу, — сказал Ленин. — А то разведут мосты.

— Нет. Сегодня ночью их держат птиловцы. Красная гвардия.

— Во сколько нам надо быть в Смольном?

— Пока есть время. Неплохо бы зайти куда-нибудь согреться.

— Вы с ума сошли. Этого же не было.

— А кто знает... В ту ночь мы за ними не наблюдали.

Ярхо выбросил окурок, и он внятно зашипел в черной луже.

Издалека зацокали копыта.

— А ну-ка, отойдите, Владимир Ильич, в эту подворотню. Похоже на казачий разъезд. Боюсь, не засекли ли они, эти троцкисты, вашу явочную квартиру.

— Ближе к тексту, — строго сказал Владимир Ильич, ныряя в темную подворотню. — Какие еще троцкисты? Лева должен сидеть в Смольном и руководить, пока меня там нет.

— Не может быть!

— Да и в самом деле не может быть. Решили обойтись без этой политической проститутки! Там Подвойский и Свердлов. Верные люди. Из ревизионной комиссии.

Казачий разъезд быстро проскакал мимо подворотни, и брызги, поднятые копытами коней, влетели, как от проезжающего автомобиля, в подворотню.

— Пойдем дальше?

— Пойдем. И осторожнее. Шутки шутками, а если мы попадемся на глаза казачьему патрулю, может получиться скандал.

На углу горел костер. Вокруг стояли красногвардейцы. Винтовки были сложены в пирамидку.

— Свои, — сказал Ярхο. — Еще через два квартала мост. А там до Смольного рукой подать.

— Скорей бы, — сказал Ленин.

Один из красногвардейцев повернулся на звук шагов.

— Кто идет? — спросил он.

— В Смольный, — ответил Ярхο. — Пароль — победа. Телевизионщики не проезжали?

— Нечего вам в Смольном делать, — сказал красногвардеец.

— Ты так не разговаривай, — стараясь быть вежливым, сделал замечание Ярхο. — Не знаешь, с кем говоришь.

— Знать не хочу, — сказал красногвардеец.

— А надо бы догадаться. Вас предупредить должны были.

— Знаешь что, — вдруг разозлился красногвардеец. — Вместо того, чтобы нотации читать, предъявил бы документы.

Остальные красногвардейцы тоже повернулись к задержанным и внимательно прислушивались к разговору.

— Какие еще документы? — грозно спросил Ярхο. — Не может быть у нас документов. Мы же пароль сказали. И давайте в сторонку, не задерживайте. А то потом локтикусать будете, как в обкоме вызовут вас на ковер.

— Вась, а он тебя пугает, — сказал один из красногвардейцев.

Красногвардейцы довольно громко, не опасаясь казачьих патрулей, засмеялись.

Может быть, вся эта история и закончилась бы благополучно, не вмешайся в нее Владимир Ильич.

— Товагищи, — вдруг сказал он. — Я указываю вам на недостаток геволюционной бдительности. В тот момент, когда враг может победить, ваши гужья стоят незажженны.

— А это что за маскарадная маска? — поинтересовался красногвардец. — Зуб болит? Врезали?

— Товагиши! — уже громче сказал Ленин. — Я вам именем геволюции приказываю...

Он не договорил. Красногвардец подошел к нему вплотную и сказал:

— Как будто они.

— Мы, мы, — поддержал его Ярхо, решивший, что его наконец узнали.

— И точно, — сказал второй красногвардец. — Один высокий громила, он замок снимал. Второй, маленький, круглый, и пришел тетю Зою.

— И документов нет, — поддержал его второй.

— Вы же птиловцы! — успел крикнуть Ярхо, когда ему начали крутить руки.

— Мы не птиловцы, а ОБХСС, — ответил красногвардец и показал под светом повязку с надписью «дружинник» и без ятя на конце. — Нас вместо милиции здесь оставили. Не всем же в зрелица играть. Кому-то и работать надо. А то ваш брат под шумок тут такого натворит... Ну ладно, пойдем в отделение, там разберемся.

Тем временем другой красногвардец всмотрелся в лицо Ленина и, ничего не разглядев, сказал товарищу:

— Включи-ка фонарик. Чтой-то лицо его мне очень знакомо.

— Я — Ленин, — сказал Владимир Ильич. Ему уже нечего было терять. Время шло, и в любой момент могло начаться восстание. «Вчера было рано, завтра будет поздно», — повторял он про себя.

Красногвардец вонзил ему в лицо луч карманного фонарика. Ленин зажмурился. Одним движением красногвардец сорвал с Ильича мокрый парик, повязку и, как назло, нижний парик с лысиной и бородку.

Человек, стоявший перед красногвардейцем, уже ничем не напоминал вождя революции.

— Обознался, — сказал красногвардец. — А то чем-то показался похожим.

— Я — Ленин, — повторил вождь революции.

— А ты проходи, проходи. За Ленина ты еще дополнительно получишь. Таким именем не шутят, — сказал красногвардец, подгоняя задержанных.

Часам к трем ночи Керенского вызвали на совещание кабинета министров. Он сказал Зосе, что постараётся поскорее вернуться, и Зося пока, чтобы не заснуть завтра, в самый разгар событий, прикорнула на диванчике у гардероба. Там ее и нашел Боря Колобок, собиравший к себе командиров отрядов.

Ночь была злой и темной. С крыши Генерального штаба вырывались слепящие лучи прожекторов, ощупывали фасад Зимнего, пустые баррикады и елозили по площади, освещая овалами дождливую рябь луж. Несколько милиционеров, переодетых городовыми, но с красными повязками на рукавах, закрывали ворота в арке Генштаба. Ворота будут распахнуты в момент штурма.

Из окна комнаты Колобка было видно, как первые отряды рабочих и красногвардейцев подходят со стороны Исаакиевского и прячутся от дождя под промокшими, еще не совсем облетевшими деревьями.

— Докладывайте обстановку, — сказал собравшимся Колобок. Он был строг и подтянут и сильно отличался от давно знакомого и привычного Колобка.

— Мои юнкера уже собрались внизу, — сказал Симеонов. — Почти все. Человек пять отсутствуют, в основном по уважительным причинам. Загребин с завтрашнего дня уходит в отпуск, у него путевка есть — я его отпустил. У одного мать заболела. У Бугаева обострился радикулит.

— Как с оружием?

— Все в порядке. Двадцать винтовок, один пулемет. Четырнадцать охотничьих ружей. И выставка пистолетов из галереи нижнего этажа.

— Дудник, как у тебя?

— Свинец достали. Льем пули. К утру килограммов сто сделаем. Подгонять только трудно. Часть оружия — семнадцатого-шестнадцатого веков.

— Мальчики, — сказала Зося, — вы с ума сошли. А если Антипенко узнает?

— Ничего не узнает, — сказал Извицкий. — Я позабочился. Мы с ним восемьсот грамм коньяку приняли за победу революции. Кстати, я пошел бы поспал. Все равно пушки мои без замков.

— Иди, — сказал Колобок. — Спасибо за службу. Как твои девчата, Зося?

— Всего по списку у меня восемьдесят человек. Сейчас в наличии сорок три. Сами понимаете, у кого дети, у кого еще что. Завтра, может, еще человек пятнадцать-двадцать подойдут. И все-таки вы, по-моему, зарывается. Что у вас, война, что ли? А вдруг кого-нибудь раните?

— Вот что, ты, Зося, не очень здорово информирована. Придется тебя просветить. Симеонов, будь другом, приведи пленного.

Зося вдруг вся эта сцена показалась совершенно нереальной. Вот стоит ее хороший приятель, младший научный сотрудник Эрмитажа Боря Колобок, на нем офицерский, — а может, это юнкерский? — мундир. На боку кобура. И говорит Колобок о патронах, винтовках и пленных. Может, у него не все в порядке? Позвонить куда-нибудь? Но Симеонов — он же серьезный парень, председатель месткома...

Симеонов втолкнул в дверь парня. У парня были связаны руки. Парень как парень. Брюки-клеш с «молниями» внизу, волосы ниже ушей и куртка без воротника. Прятный в общем парень.

— Посади его, — сказал Колобок.

Парень не спеша сел на пододвинутый стул. Юнкера пересели так, чтобы получше видеть пленного.

— Кончай баланду, — сказал парень высоким голосом. — Закурить лучше дай.

— Фамилия? — спросил Колобок. — Имя?

— Я ж говорил. А сейчас прошу по-человечески: дай закурить.

— Развяжи ему руки.

Парень потер онемевшие кисти и взял «Шипку» у Симеонова.

— Теперь говорить будешь?

— А чего говорить? Все и так знаете.

— Начнем сначала. Некоторые тут наши товарищи еще не все слышали. Как зовут тебя? Ну!

— Про Зою Космодемьянскую слышали, белые сволочи? — спросил пленный.

— Ладно, больше тебя слышали. И про Павлика Морозова, и про генерала Карбышева. А ты Ефимов Владислав, 1948 года рождения, проживаешь на Второй линии Васильевского острова. А если дальше все не расскажешь, морду набьем.

Колобок говорил серьезно, и парню это не понравилось.

— Не имеете права, — сказал он. — Сейчас не война и вы не милиция.

— Что делал в Эрмитаже?

— Ничего.

— А ну-ка, Симеонов, покажи ему свою дуру.

Симеонов полез в обширный карман галифе и извлек оттуда злодейского вида пистолет времен войны за испанское наследство.

— Мы тут шуток шутить не собираемся. И в милицию тебя сдавать не будем. Некогда. Так что отвечай: зачем в Эрмитаж пробрался?

Парень покосился на пистолет, затянулся и сказал:

— В разведке был.

— Вот так-то лучше. Кто послал?

— Ребята.

— Какие?

— Да чего вам говорить, все равно не знаете их. Ну, Колька Косой.

— И что узнать ты должен был?

— Я вам скажу, свои пришьют.

— Не пришьют. А не скажешь, мы пришьем. Сейчас у нас здесь действуют законы военного времени. Ты не смотри, что мы в юнкеров переодеты. Мы такие же советские люди, как и ты, только посознательней тебя. Отвечай, гад, пожалеешь.

И в голосе Колобка прозвучало настолько твердое убеждение в том, что пленный обязательно пожалеет, что парень опустил глаза вниз и спросил:

— А пытать будете?

— Пока без пыток обойдемся. А если будешь упрямиться...

— Ладно, скажу! Только чтоб наши не узнали. Послали меня на разведку, чтобы узнать, какие еще входы есть, чтобы не охранялись.

— Зачем?

— А нам сказали, что, когда Зимний возьмем, можно будет почистить. Как Суворов. Три дня на разграбление, молодые соколы. Вот мы и решили узнать, как скорей других к дворцу прорваться. Чтобы первыми. Тут, еще сказали, и бабы будут.

При последних словах пленного Зося вздрогнула. Ей

все еще казалось, что происходит какая-то ошибка, недоразумение. Все выяснится, и этого милого юношу отпустят к маме...

— Какие бабы? — спросила Зося и не узнала своего голоса.

— Да такие, как ты, чтобы побаловатьсь. Ведь штурм же.

— Это же безобразие! Срочно нужно позвонить!

— Обсудим потом. Сядь, Зося, не мешай допрос кончить.

Зося огляделась. Лица юнкеров были серьезными. Никто не собирался шутить.

«Как же так, — думала Зося, — как же это может случиться на пятидесятому году советской власти, когда наш народ уже настолько воспитан и сознательен?»

— Давай дальше, выкладывай.

— А что выкладывать? Как я пробрался, меня ваши и взяли. Узнали. Бабка какая-то вредная, уборщица, ты, говорит, что делаешь? Ну, я рванул по коридору, в каменный ящик спрятался, а там мертвяк лежит. Я дал голосу, меня и взяли.

— Ясно. И многие так думают, как ты?

— Да, считай, многие, — сказал парень. — А то чего бы мне спешить в разведку идти?

Парня увели.

— Теперь я хочу вам одну штуку показать, — сказал Колобок. — За мной!

У небольшого окна, выходящего в сквер у правого торца, Колобок остановился. В комнате не горел свет, и отблески прожекторов позволяли разглядеть то, что творилось на улице. Темные фигуры перебегали от дерева к дереву, устраиваясь в засадах поближе к боковому фасаду.

— Сюда, поближе, — сказал Колобок. — Видите?

Часть стекла была аккуратно вырезана и чудом держалась в раме.

9

Матросы завинчивали последние болты — крепили орудия к палубе. Кран подавал на борт тюки с листовками и бенгальскими огнями. «Аврора» выходила в Неву через час.

Капитан, из бывших особистов, сухой недоверчивый

человек в больших круглых очках, вызвал к себе председателя судового комитета Грушеву.

— Неприятно мне с вами разговаривать, — сказал он откровенно. — Всю жизнь я других драл, а пройдет каких-нибудь часа два и меня самого возьмут как контрреволюционера.

— Ничего, — успокоил его Грушев. — Ради революции можно и пострадать. Дурного мы вам не сделаем. А как кинооператоры и журналистская сволочь отойдут подальше, отпустим.

Последний тюк с листовками декрета о земле опустился на броневую палубу.

— Снаряды привезли? — спросил Грушев у капитана.

— Все сделано.

— Где лот и причиндалы?

— В шлюпке, все приготовлено. Как только выйдем к Балтийскому заводу, созвовем судовой комитет и я... — тут капитан сдержанно вздохнул, — тут я откажусь вести крейсер дальше. Под предлогом мелководья. И тогда вам придется на шлюпке выйти лотом промерить, вернуться и сообщить команде, что я... ну, в общем, что я антисоветский элемент.

— Контра, — вежливо поправил капитана Грушев.

— Эта самая. Вы в шлюпку сядете, плащ не забудьте — дождик.

— Нельзя — с вертолета телекамеры будут снимать.

«Аврора» дала длинный сигнал. На клотик вполз красный флаг. Крейсер восстал.

Прогулочный трамвай с интуристами некоторое время следовал за легендарным крейсером вверх по Неве, потом отстал — туристов повезли осматривать Кировский стадион.

Грушев заглянул в каптерку — взял у артельщика пачку сигарет. Он волновался. Тут же разодрал пачку и закурил. Именно в этот момент в каптерку ворвался матрос и крикнул, как положено:

— Измена! Капитан, мать его, не хочет дальше крейсер вести!

Грушев молнией взлетел на мостик. Капитан стоял, полузакрыв глаза, и рука его твердо лежала на машинном телеграфе. Стрелка телеграфа замерла на «самом малом».

—Что делаешь, капитан? — входя в роль, закричал Грушев. — Что делаешь, сволочь? Там наши товарищи гибнут!

От неожиданной ярости Грушева на мостике наступила гробовая тишина. И все услышали, как со стороны города доносятся частые выстрелы.

— Не могу, — ответил капитан. — Не могу быть предателем. Ведите крейсер. Глубины должны быть нормальными. Я вам как ветеран партии обещаю.

Грушев сделал вид, что не расслышал этого малодушного монолога.

— Сам пойду на шлюпке, — сказал он. — Промерим глубины. Судовой комитет берет власть в свои руки.

— Да я сам согласен, — упорствовал капитан. — Я же член партии с двадцать девятого года!

— Дура! — прошептал Грушев, когда матросы уводили капитана. — Дура, тебя же не посадят.

— Это как знать, — ответил капитан.

Телевизионный глазок, спрятанный в углу штурманской, неуверенно замигал. В эти минуты передача с «Авроры» была прервана.

Грушев молодецки вскочил в шлюпку. Гребцы уже сидели на банках и только ждали сигнала, чтобы рвануться вверх по течению.

— Вперед! — сказал Грушев. — Умрем, но исторический залп произведем!

Вертолет телевидения спустился совсем низко и снимал Грушева крупным планом.

— Лот давайте, — сказал Грушев. — Лот где?

— А черт его знает! — растерянно произнес рулевой. — Вроде только что здесь был.

— Что-о-о?

— Не знаю. Может, забыли в суматохе.

— Так как же мы промеры сделаем?

— А вы не волнуйтесь, товарищ Грушев, — сказал один из гребцов. Грушев его знал в лицо — гребец работал в районном отделе комитета. — Мы же так, для видимости...

— Точно, — добавил рулевой. — Сделайте вид, что опускаете. Только поскорее — с вертолета вроде бы машут. Им все равно в дожде не разглядеть.

Грушев наклонился над бортом и сделал вид, что опускает в воду веревку. Он не знал, каким бывает лот,

но вернее всего — это и есть веревка. Серые волны плескались у самой руки. Над Ленинградом поднималось дождливое утро — седьмого ноября 1967 года.

— Ну, хватит, что ли?

— Хватит, — согласился Грушев. Его вдруг охватило разочарование. Главная часть роли была уже сыграна. В дальнейших событиях ему отводилась подчиненная роль. Для Грушева праздник кончился. Но секретарь райкома умел держать себя в руках.

— Заворачивай, — сказал он. — Пошли к Зимнему.

Через пять минут шлюпка причалила к борту. Машинны крейсера заурчали, и он двинулся вверх по реке. Еще через пять-десять метров он сел на мель.

10

Заседание Временного правительства прервалось под утро. Керенский снял парик и вышел в коридор, вытирая им лоб. Свет юпитеров в зале заседаний был неприятен не только яркостью, но и тем, что превращал зал в баню.

Министры поспешили вниз, в буфет, операторы выключили свет и отвезли камеры по углам, а затем отправились по домам.

Керенский нашел Зосю дремлющей на диванчике. Во сне Зося показалась премьеру совсем девочкой, тоненькой и беззащитной. И черная куртка с черепом и костями на рукаве только подчеркивала ее беззащитность. Керенский надел парик и, нагнувшись, тихо и нежно поцеловал Зосю в лоб.

Зося почувствовала прикосновение запекшихся после долгих речей губ и открыла глаза. Глаза ее в полутьме были почти черными и совершенно бездонными.

— Это ты, Саша? — спросила она тихо и чуть хрипловато.

Керенский чуть было не возразил, но тут же вспомнил, что он не Яманидзе и не Нодар. Он — Александр.

— Ты так красиво спала, — сказал Керенский.

— Ой, не говори чепухи. Я страшная, как собака.

Керенский присел рядом на диванчик.

— Не вставай, — сказал он. — Еще есть время. Утро не наступило.

— Да, ты слышал? — спросила Зося, чуть отодвигаясь от Нодара. — Оказывается, в самом деле Эрмитажу грозит опасность.

— Колобок докладывал об обстановке на совете министров, — сказал Керенский. — Ничего страшного. Мы созвонились со Смольным — во всех наступающих частях будет проведен инструктаж. Очевидно, кое-кто без злого умысла слишком буквально понял свою задачу.

— Значит, ты полагаешь, ничего страшного?

— Самое страшное, — сказал Керенский, наклонившись к самой щеке Зоси, — самое страшное, что через час-два нам надо будет уже быть на своих местах, а что дальше... никто не знает.

Щека Зоси была горячей и мягкой со сна. Даже в полутьме Керенскому были видны отпечатки грубой ткани дивана — красная сетка на щеке. Керенский наклонился еще ближе к щеке, и губы его легли на кожу Зоси так мягко и естественно, что Зося не смогла, да и не догадалась отодвинуться. Керенский повернул голову Зоси к себе так, что губы его оказались против ее губ, но в последний момент Зося успела чуть отодвинуть их в сторону, и Керенский поцеловал ее в глаз, запутался губами в распластившихся волосах, и Зося, окончательно проснувшись, зашептала быстро и сбивчиво:

— Ты с ума сошел, уйди, а то я позову кого-нибудь... уйди...

Губы Керенского наконец встретились с ее губами, какие-то секунды Зося еще крепко сжимала зубы, но вдруг, помимо ее воли, она сдалась, сдалась как-то сразу, она не укрывалась больше от его поцелуев, ей хотелось только, чтобы тот не отпускал ее и чтобы он не подумал уйти. Зося крепко прижала его к себе, и сквозь английское сукно защитного френча премьера Временного правительства она почувствовала тепло его спины, и широко открытый рот ее стал мягким и влажным.

Она еще успела шепнуть «не надо», но так тихо, что Керенский скорее мог понять совсем обратное, но в этот момент он вдруг поднял голову и, не отнимая руки от ее груди, сказал:

— Нам надо уйти отсюда. Здесь кто-нибудь может пройти.

Зося вскочила и застегнула черную кожаную куртку.

— Мы сумасшедшие, — сказала она. — Мы же только что познакомились и совсем не знаем друг друга.

— А разве надо знать? — спросил Керенский и, наклонившись, подцеловал ее уверенно и сильно. Именно так, как Зося этого хотела.

Они долго плутали по полуосвещенным коридорам, минуя спящих на раскладушках юнкеров и редких часовых, клевавших носом на перекрестках коридоров.

— Ты лучше знаешь эти места, — сказал Керенский. — Ты же здесь работаешь.

— Направо, сейчас направо, — ответила Зося, и ей стало стыдно, что она ведет по Эрмитажу чужого человека. Ведь она всегда была верна мужу. Она вдруг захотела сказать об этом Керенскому, может быть, для того, чтобы он оценил ее жертву, но она подумала, что Керенский отделается ничего не значащим междометием и будет еще хуже.

Перед кабинетом Антипенко Зося остановилась. Поняв, что ей не хочется самой предпринимать никаких действий, Керенский осторожно приоткрыл дверь. Дверь вела в предбанник к секретарше Антипенко, Раисе Семеновне, которая сейчас находилась внизу, с другими женщинами ударного батальона. Клеенчатая дверь в кабинет Антипенко была заперта.

Керенский подошел к старинному кожаному дивану для посетителей и сел. Снял парик. Зося отошла к окну и посмотрела вниз, на площадь, где в рассветном тумане бродили часовые Красной гвардии.

— Иди ко мне, — позвал Керенский.

— Сейчас, — сказала Зося, но не двинулась с места. Керенский встал и, подойдя сзади, обнял ее.

— Я хочу быть с тобой, — сказал он.

— Пойми, я никогда раньше... Нет, — сказала она твердо. — Нет, если это и случится, то не здесь и не сейчас.

— Именно здесь и сейчас. В ночь перед революцией. В Зимнем. И помни, кто я!

— Я не могу этого помнить. Я не знаю, кто ты. То ли последний премьер России по имени Керенский, то ли Саша, то ли актер Нодар Яманидзе. А может быть, ты мне приснился?

Зося улыбнулась. Она повернула голову к Керенскому, и на мгновение упавший в окно свет прожектора очертил

золотым контуром ее четкий профиль, длинную шею и светлые коротко подстриженные волосы.

— Я никто, — ответил Керенский. — Я приснился тебе. И пусть это будет лучшая ночь в моей жизни. И в твоей.

Зоя серьезно посмотрела ему в глаза, пытаясь увидеть в них нечто, неизвестное даже ей самой, но очень нужное, и так и не поняв, нашла или нет, закрыла глаза, чтобы в тот же момент почувствовать на веках его губы.

Керенский отвел ее к дивану.

— Садись, — сказал он, и она послушно села, не открывая глаз. Она знала, что больше не принадлежит себе, а принадлежит тому человеку, который сегодня ночью первый и последний раз в жизни управляет судьбами великой страны. И хоть ладони ее встретили не ежик волос, а курчавые тугое завитки...

В этот момент Антипенко проснулся, зашевелился спросонья на составленных у него в кабинете креслах и громко выругался.

Он поднялся, опрокинул стул, уронил на пол чернильницу и в кромешной тьме принялся искать выход из тюрьмы, в которую его засадил коварный алкоголик Извицкий.

Он не знал, что грохот упавшего стула заставил любовников в предбаннике отпрянуть друг от друга, не знал и того, что этим спугнул затаившегося в углу лазутчика красных, не знал, что разбудил этим грохотом караул у баррикад, не знал, что разбуженный караул у баррикад бросился к пулемету, не знал, что дежурный юнкер кандидат искусствоведения Извицкий решил, что началось, и пустил в воздух красную ракету, не знал, что, увидев ракету, пришли в движение цепи красногвардейцев, скапливаясь перед чугунной решеткой ворот арки Генерального штаба, не знал, что в ответ на красную ракету Извицкого взвилась такая же над Петропавловской крепостью и комендант ее, у которого остановились часы, решил, что восстание началось, и потому приказал пушке с Петропавловки дать сигнальный выстрел, не знал, что уже через минуту сидевший в полуудреме у полевого телефона режиссер Ленинградского телевидения приказал включить все камеры, не знал, что еще через минуту телефон зазвонил в сонном здании Смольного, который не был еще готов к восстанию, не знал, что Свердлов прика-

зал Подвойскому срочно мчаться на площадь и остановить этих идиотов, не знал, что этим начал Великую Октябрьскую революцию. На три часа раньше установленного срока.

11

— «Аврора»? «Аврора»! «Аврора»! — надрывался телефонист. — Не отвечает, Яков Михайлович, — сказал он, оборачиваясь к Свердлову.

— Странно, — сказал Свердлов. — Они должны быть уже на месте. Что бы могло приключиться?

— Подвойский на проводе, — крикнул другой телефонист.

— Ну-ка, дай трубку, — сказал Свердлов. — И скажи кому-нибудь принести черного кофе. Покрепче. Подвойский? Ну что там у тебя? Уже пошли? Как так не остановить? Да ты понимаешь, что «Аврора» еще не стрельнула? Ты понимаешь, чем это для тебя пахнет? Как минимум бюро обкома. Ладно, действуй. «Аврору» беру на себя.

Свердлов прошел к двери в другую комнату Смольного. В коридоре, в котором не успели сменить светильники на более старые, озаренные холодным светом люминесцентных ламп, стояли и сидели крестьяне, матросы и солдаты, в основном делегаты съезда, который должен был открыться вечером. Они ждали Ленина.

Революционеры Дыбенко, Крыленко и Коллонтай из Театра юного зрителя выскошили из двери напротив.

— Что творится! — сказала Коллонтай. — Что творится! «Аврора» не стреляет, Ленин пропал, и восстание началось на три часа раньше времени. Ведь весь Ленинград еще спит.

— Знаю, — отрезал Свердлов. — Дублер Ленина скоро приедет?

— Будят. Сильно пил вчера. День рождения у жены.

— Разбудить любой ценой и загrimировать.

— Яков Михайлович! — высунул голову телефонист. — Есть связь с «Авророй»!

— Ну что там еще у вас? — просил нервно Свердлов. — Где пропали?

— Понимаете, какая оказия, Яков Михайлович, — сказал в трубке глухой голос. — На мель мы сели. Надо

буксир вызвать. Видно, фарватер за пятьдесят лет изменился.

— Так у вас же лот...

— Мы не думали. Да и пока не страшно. Буксир мы уже вызвали из Кронштадта. Часа через два будет. Так что мы успеем.

— Чего успеете? Восстание началось!

— Рано еще.

— Сам знаю, что рано. Замерзли, промокли, вот и поддались на провокацию. Вот что, «Аврора», стреляй прямо сейчас. Потом разберемся, где стояла.

— Не получится. Нас бортом развернуло, а пушка новая, не поворачивается. В ней все электронщики рассчитали, чтобы в какой другой дом не попасть. Так что ждем буксир. Все. До связи.

— Стреляй, мать твою! — совсем рассердился Свердлов.

12

Зоя выбежала из дворца. В узкой щели между Эрмитажем и бастионом уже толклись растерянные, но настроенные решительно юнкера.

— Где твои девчата?

— Сейчас разбуджу.

Зоя метнулась обратно во дворец и побежала по широкой лестнице. Скорее! Она успела через бастион бросить взгляд на толпу у арки и первые цепи, поднимающиеся в атаку от Адмиралтейства. Цепи были черными, страшными и безликими. Они хотели взять Эрмитаж, разгромить его, а главное — убить Сашу. Зоя забыла о том, что по плану у заднего входа должна стоять машина под посольским флагом иностранной державы. Да если бы она и вспомнила об этом, вряд ли это изменило бы ее решимость отстаивать Зимний. Саша в любом случае подвергался опасности.

— Вставайте, девчата, — трясла Зоя подруг. — Вставайте. Началось!

— Ты с ума сошла, — сказала Раиса Семеновна. — Еще такая рань на дворе. Они нас раньше вечера взять не должны. Да и «Аврора» еще не стреляла.

— Прежде времени началось, — сказала Зося. — Нам от этого не слаще.

Ворча, ударницы поднимались с раскладушек, натягивали куртки и шинели, разбирали винтовки.

Вбежал Колобок.

— Патроны к винтовкам в ящиках в вестибюле! — крикнул он. — Там же инструктор. Научит, как пользоваться.

Кто-то нервно рассмеялся.

— Гражданская война начинается?

— Ну скорее же, девочки, милые! — умоляла Зося. — Скорее!

Она вернулась на улицу раньше девчат. За эти минуты цепи нападающих значительно приблизились.

Баррикада молчала.

Выбегая на улицу, ударницы сливались с мглой, окунались в сумятицу прожекторных побледневших лучей, криков и отдаленного барабанного стрекота.

С площади ударили пулемет.

— Прячься! — крикнул Симеонов, складывая свое крупное тело за ящиком из-под карамели «Апельсины».

— Чего прятаться? — не унималась Раиса Семеновна. — Мне интереснее посмотреть. Сейчас, наверное, «Аврора» будет стрелять. Ведь интересно же.

И как бы в ответ на ее слова над рекой, над городом глухим раскатом ударила трехдюймовка. Где-то далеко в стороне от Зимнего вспыхнул столб огня.

— Ой, красиво, девочки! — сказала Раиса Семеновна.

И тут же упала, сраженная самой настоящей пулеметной пулей.

В то время защитники Зимнего, окружающие Раису, не знали, что единственный снаряд, выпущенный так неудачно севшей на мель «Авророй», попал по несчастливой случайности в левое крыло Смольного, где находилась телефонная станция.

С этой минуты Смольный был отрезан не только от площади Зимнего дворца, но и от обкома.

Зося в ужасе наклонилась над Раисой. В синем утреннем свете видно было, как на груди ее, сдавленной шинелью, выступает кровавое пятно.

Кто-то заплакал. Кто-то прошептал: «Хулиганы».

Колобок, появившийся из тумана, сказал авторитетно:

— Два юнкера. Ко мне. Отнести раненую.

Раиса застонала.

— И не разбегаться! — прикрикнул на женский батальон Колобок. — Вас же по одной выловят. Кто не взял еще патроны, получите.

— Какое безобразие! — услышала рядом Зося голос.

Керенский, скрестив руки на груди, стоял за ее спиной. Три или четыре министра, сопровождавшие его, невыспавшиеся, помятые, со стершимся гримом, в покосившихся бородах и бакенбардах, казались запуганными и неуверенными в себе.

Керенский нашел глазами Зосю и подмигнул ей. Подмигивание вряд ли было в тот момент к месту, но Зося вдруг почувствовала себя увереннее.

— Граждане свободной России! — воскликнул Керенский так, что его услышали даже на дальних концах баррикады. — Заговорщики хотят нас лишить великих завоеваний революции. Родина в опасности! Вы здесь — последний оплот свободы! И именно от вас, товарищи, зависит, спасем ли мы величайшие сокровища Эрмитажа, принадлежащие трудовому народу!

— Ураа! — рявкнули юнкера, охваченные благородным порывом.

— Ура-аа!!! — раскатилось в ответ по площади. Цепи восставших бежали к Зимнему.

— По противнику, над головами, кто из чего может, дружно, а-гонь! — крикнул Симеонов, поднимая пистолет шестнадцатого века.

Баррикада ощетинилась вспышками выстрелов.

Первая цепь остановилась и залегла.

— Сволочи! — послышалось оттуда. — Гады!

— Не снижайте революционной бдительности! — привзвал обороняющихся Керенский и, резко повернувшись, ушел во дворец. На ходу он сказал Милкову: — Сильно надеюсь на конницу генерала Краснова.

И эти его слова, разнесшиеся от человека к человеку по баррикаде, внущили веру в свои силы немногочисленным юнкерам.

Эти слова были тем более нужны, потому что от арки Генштаба кто-то авторитетным голосом через репродуктор уже грозил административными и прочими мерами чересчур отважным юнкерам.

Утром Коган успел забежать домой. Выкроил минутку. Он полагал, что домашние спят. Ночь прошла в помещении ЦК партии Бунд сравнительно спокойно — к двум часам закончились прения, признавать или не признавать большевиков, и в конце концов приняли нейтральную резолюцию, призывающую подчиниться Учредительному собранию. А так как телевизионных камер на партию Бунд не хватило, то члены ЦК мирно улеглись спать, а Коган успел даже забежать домой, потому что он жил через дорогу.

Но жена не спала.

— Аркадий, — сказала она, — ты с ума сошел. Ты бегаешь по улицам, как мальчишка, в тот момент, когда уже стреляют.

— Ничего страшного. Вскипяти мне какао, — ответил Коган, кладя на стол толстый портфель с документами партии Бунд. — До начала всех этих представлений еще несколько часов. Да и в конце концов наша роль очень второстепенная — как не лягем, нас все равно поимеют.

— Мне уже соседка говорила, что из вас сделают козлов отпущения, — откликнулась жена из кухни.

— Это как так?

— Если людям дали какое-никакое оружие и выпустили их на улицы кого с красным флагом, а кого с иконой, это плохо кончится только для евреев.

— Я бы сказал, что ты оппортунист, Роза, — ответил Коган, садясь за стол. — В нашей партии есть товарищи из райкома. А среди черносотенцев их еще больше. Это специально сделано, чтобы держать массы под контролем. И в конце концов, если ты так волнуешься, я могу тебе рекомендовать на сегодня уехать к сестре в Репино. Там нет никакой революции.

— А тем временем с тобой кто-нибудь сведет личные счеты, и меня не будет рядом, чтобы перевязать тебе кровавые раны.

— Роза, ты с ума сошла! Ты забыла, что сегодня — пятнадцатый год советской власти и это не революция, а мероприятие.

— А ты знаешь, что соседский Коля говорил своей маме, что они в самом деле собираются почистить Зимний дворец?

— Никто им этого не позволит. На это есть жандармы и народные дружиныки...

Но договорить Коган не успел. Далеко бухнула пушка с Петропавловки, и в форточку квартиры на улице Герцена ворвалось раскатистое «ура». Это пошли на первый штурм цепи на Дворцовой площади.

— Ну вот, — сказала жена, и крупные слезы навернулись ей на глаза. — Теперь совсем будет плохо.

— Ошибка какая-то, — сказал Коган, так и не допив, какао. — Это не может быть восстание. Это, наверное, генеральная репетиция.

— Дай-ка я включу телевизор, — сказала Роза. — Нас же должны в конце концов информировать.

Но экран телевизора только зашипел и пошел серыми линиями. Передач не было.

— Надо идти, — вздохнул Коган. — Я должен быть с партией.

— Ты с ума сошел, Аркадий, — ответила Роза. — Я запру тебя на ключ. Зачем ты хочешь рисковать своей жизнью? Разве ты мальчишка?

— Роза, ты не понимаешь, мое участие в Бунде — мой партийный долг. Если я брошу партию на произвол судьбы, то кто поручится, что завтра я не брошу в тяжелом испытании и Коммунистическую партию?

Коган хлопнул дверью и ушел, так и не добившись взаимопонимания с женой. Коган спускался по лестнице, и его тревожили мрачные мысли. Любое мероприятие должно идти по плану. И если оно вдруг идет не по плану, значит, случилось нечто отрицательное, непредвиденное. Но что?

Коган постоял за углом, пережидая, пока проедет казачий патруль. Странно, подумал он, если началось восстание, то весь город уже должен быть в руках восставших.

Убедившись в том, что рассветная улица пуста, Коган быстренько добежал до помещения районной заготконторы, переданной бундовцам. Там его уже ждали.

— Коган, ты знаешь, что уже случилось? — спросил Паплиян, направленный в Бунд не по национальной принадлежности, а в порядке партнадзора.

— Началось?

— Я пытался созвониться со Смольным, а они молчат.

— Как так?

— Есть подозрение... — Паплиян наклонился к самому уху Когана. — Есть подозрение, что «Аврора» попала своим снарядом в Смольный! Тишиш!

— Как узнал?

— Есть источники.

— И жертвы?

— Неизвестно.

— А как Ленин?

— Никто его не видел.

— Так. — Коган сел на потертый стул и опустил седеющую голову на ладони.

Зазвенел телефон.

— Я сам возьму, — сказал Коган. — Может, это Смольный.

— Говорят Государственная Дума, — сказал голос в трубке. — Большевикам пока не удалось взять Зимний. Вокзалы тоже в наших руках. Предлагаем подчиниться Временному правительству.

Раздался щелчок. На том конце линии упала трубка.

— Кто?

— Государственная Дума, — сказал Коган. — Ничего не понимаю. Предлагают подчиниться Временному правительству.

— Может, так надо? — спросил Грот.

— Не знаю.

— Ведь Бунд всегда был оппортунистической партией И даже поддерживал Временное правительство.

— Я пойду, — сказал Паплиян. — Постараюсь проникнуть в Смольный или даже прямо в обком. Пусть дадут указания.

— Ладно, иди. А мы пока...

— Пока действуйте в соответствии с исторической правдой. Бунд поддерживал Временное правительство. Ну и вы поддерживайте. Только не очень активно. В общем сидите здесь и ждите.

Паплиян накинул плащ-болонью и собирался уже идти, как его остановил Грот:

— Так не получится. Несоответствие. Возьмите зипун. У нас есть один. Чтобы народ не узнал.

Когда Паплиян ушел, Коган сказал:

— И может, к нам будут врываться?

— Кто?

— Черная сотня. Или, наоборот, красногвардейцы. Ведь никогда не скажешь, кто к нам хуже относится.

Грот склонил яйцеобразную лысую голову и сказал:

— В этом есть правда. Мы будем делать баррикаду.

Сталили к входной двери все столы и шкафы. После этого члены ЦК почувствовали себя спокойней. По крайней мере голыми руками их уже не возьмешь.

Снова зазвонил телефон.

— Это партия Бунд? — спросила трубка.

— Да, — ответил Коган. — Это наша партия.

— Говорят Викжель.

— Какой Викжель?

— Комитет железнодорожников. Мы в соответствии со сценарием отказались поддерживать связь с Москвой. Мы сейчас оброняемся от матросов и Красной гвардии. Нужна помощь. Вы могли бы нам прислать человек сто друзинников?

— Вы с ума сошли! — возмутился Коган. — Мы мирная партия. У нас есть только Центральный комитет, и в нем семь человек. Восьмой ушел за инструкциями в обком.

— Какой обком? — поинтересовалась трубка.

— КПСС!

— Дорогой товарищ, обкома КПСС не существует.

Пока власть еще в руках Керенского.

13

К десяти утра атаки красногвардейцев стихли. Уже три раза цепь их накатывалась на баррикады и трижды отступала. Причиной тому было и упорство защитников, и разрозненные бесполковые действия руководителей наступления.

Подвойский и Антонов-Овсеенко, которые должны были возглавить штурм на площади, этого сделать не смогли. По той причине, что Антонов-Овсеенко, полагая, что раньше десяти часов его услуги не понадобятся, засел у своего приятеля, актера Ленфильма. А Подвойский, не имевший до того никакого военного опыта, узнав, что на Дворцовой площади вправду стреляют, на первой же электричке уехал в Выборг искать дыру в советско-финской границе.

Из Смольного, поврежденного неудачным выстрелом «Авроры», не поступало никаких конкретных указаний. Общую суматоху увеличили туманные слухи о том, что убили Ленина. Слухи эти проникли на площадь еще на рассвете и упорно циркулировали среди частей птиловцев и военных моряков, несмотря на уверения инструкторов обкома, что такого быть не может, потому что Ленин **вечно жив**, а если что, то лежит в Мавзолее.

В девять часов начало работать телевидение и Интервидение. Телевизионные комментаторы читали текст по заранее заготовленным сценариям, показывали заранее снятые кадры, и потому телезрители, смотревшие на голубые экраны, часов до одиннадцати были полностью уверены в том, что восстание развивается именно так, как ему положено развиваться. На экранах темнела гордая «Аврора», демонстранты сталкивались с полицией, революционные солдаты в Гатчине отражали очередную атаку частей генерала Краснова. Все это было как на самом деле и очень интересно. То, что Смольный был отключен от передач, вряд ли вызывало у кого-нибудь удивление — съезд Советов начнется только вечером.

Колобок зашел в вестибюль проводить раненых. Их набралось уже человек десять. Несмотря на многочисленные звонки в милицию, с площади продолжали стрелять боевыми патронами.

Две девушки из ударного батальона переквалифицировались в медсестер.

— Крепитесь, — сказал Колобок. — Крепитесь... гражданине. Ваша кровь не пропадет задаром.

Ну и чепуху я несу, подумал Колобок. Людям же больно.

По коридору пронесся Керенский. Он тащил полевую рацию. Эту радиостанцию юнкера захватили у нападающих в отважной и короткой вылазке.

Зоя, измазанная грязью — ее швырнуло на землю воздушной волной, когда кто-то бросил за баррикаду гранату, — шла за Керенским.

Рацию установили в зале заседаний совета министров. Министров осталось вдвое меньше, чем раньше. Пять человек убежали из Зимнего на машине с иностранным флагом. Машина предназначалась для Керенского, но тому и в голову не пришло воспользоваться ею. Впрочем, может, и к лучшему. Машина в районе Пулковского

аэропорта была задержана кordonом КГБ, и министры, жестоко избитые, были увезены в неизвестном направлении.

Недавно Керенский имел беседу с Колобком. Тот провел Керенского по залам. В зале Рембрандта окно было разбито камнем или пулей на излете и капли дождя подбирались к «Автопортрету с Саскией на коленях». Другие окна тоже пострадали.

После этого разговора Керенский надвинул парик пониже на лоб и взял винтовку. Идея с рацией принадлежала ему. В распоряжении генерала Краснова, который рвался к Петрограду под тщательным наблюдением кино- и телевизионных камер, находилось несколько дисциплинированных батальонов — курсанты мореходки имени Макарова и электронный факультет Инженерной академии.

Колобок догнал Керенского и Зосю уже в зале заседаний. С помощью радиолюбителя Извицкого они установили радио и старались выйти на связь с Красновым.

В комнату вбежал окровавленный юнкер.

- Они ворвались с фланга!
- Откуда?
- Со стороны Адмиралтейства. Там большие окна.
- Вперед! — приказал Колобок.

Он несся по коридорам, тормозя каблуками на поворотах. Сзади стучали шаги Керенского, Извицкого, Зоси и юнкера. По дороге к ним присоединились некоторые легкораненые.

Они успели вовремя. В Зимний прорвалась небольшая группа матросов. Вместо того, чтобы развивать прорыв, матросы занялись стаскиванием gobelenov. Это промедление их и погубило. Колобок снял очередь из автомата первого из матросов. Второго свалил Извицкий.

— Гады! — кричали, убегая, матросы. — Мы еще с вами посчитаемся. Ни один живым не уйдет!

— Это точно, — согласился Извицкий, закладывая в кобуру пистолет. — Нам придется держать Зимний, пока не придет помощь.

— Откуда ей быть? — сказала Зося. Ей хотелось плакать. Ей было страшно.

— Без паники, — рассердился Керенский. — Сейчас мы свяжемся с Красновым.

Они возвращались по сумеречному коридору. Пустынный коридор медленно разворачивался навстречу. Со стен

мрачно смотрели полководцы Отечественной войны. Орденские звезды слабо светились на темных мундирах.

Керенский взял Зосю за руку. Колобок покосился на них и тут же деликатно отвернулся. Хотелось спать. Со стороны фасада трещали пулеметы.

Колобок подумал: какое счастье, что нападающие придерживаются сценария и штурмуют дворец в лоб. Иначе бы не устоять — защитников мало, оружия и патронов почти нет.

— Ах ты, господи! — с отвращением произнес Керенский, когда они вернулись в зал заседаний. Министры, люди штатские и не терпящие кровопролития, окружили вернувшихся из карательной экспедиции и засыпали их пустыми и нервными вопросами.

— Вот что, — сказал Колобок, — совет министров попрошу следовать за мной. Можете считать себя мобилизованными в ополчение. Оружие возьмем у раненых. Будете защищать фасад.

— Это нарушение демократии, — сказал Милюков.

— Без разговорчиков! — вспылил Керенский. — Я, председатель совета министров, не гнушаюсь носить в руках оружие. Граждане свободной России...

Зосе показалось, что из глаз Саши вылетели две молнии и поразили на месте министров.

— Граждане свободной России! Революция в опасности!

Пораженные силой, изливавшейся от Керенского, Милюков и Гучков бросились к двери. Они спешили получить оружие.

Вернулся Извицкий.

— Несладко там, на площади. По-моему, они откуда-то откопали «катюшу».

— Давай быстро, ищи Царское Село.

Колобок подошел к окну. В самом деле, от Невского медленно ехала, окруженная солдатами и матросами, старая «катюша». Видно, осаждающие взяли ее в Артиллерийском музее.

— Всем уйти с верхних этажей, — приказал Колобок. — Укрыться за мешками и ящиками. Приготовить огнетушители.

Дежурный юнкер побежал выполнять приказание, а Колобок остался стоять у окна, одним ухом прислушиваясь к настойчивым призывам Извицкого о помощи.

Вокруг «катюши» между тем разворачивалась какая-то свалка. Сначала Колобок подумал, что откуда-то пришла помошь Зимнему, но тут же понял, в чем дело: это были кинооператоры. «Катюша» нарушила им весь антураж. Операторы требовали убрать «катюшу» с площади и продолжать штурм средствами семнадцатого года.

Колобок не видел деталей и подробностей — только мелькали руки, и даже девятиротный морской бинокль, случайно оказавшийся в зале заседаний, не мог помочь. И Колобок только угадал, что свалка закончилась тем, что «катюша», поврежденная, но еще боеспособная, снова двинулась вперед.

Зашитники дворца не знали, что в свалке у «катюши» полегли основные кадры кино и телевидения. С этого момента репортаж с Дворцовой прекратился.

14

В 13.30 Зимний установил связь с батальонами генерала Краснова. Это случилось через несколько минут после того, как ударный батальон Зоси в исполном составе отчаянным броском прорвался к «катюше» и вывел ее из строя. Батальон потерял тридцать четыре человека убитыми, ранеными и уведенными пущиковцами в плен на поругание. Зося, раненная в руку и голову, лежала на раскладушке в переполненном лазарете. Рядом, закрыв глаза, потихоньку стонал министр Милюков. Он проявил храбрость, туша пожар на третьем этаже от попадания снаряда «катюши».

Зимний держался...

— Зимний? — удивился генерал Краснов. — Вы еще держитесь? До меня дошли слухи, что штурм начался на рассвете. Я уж думал сворачивать наступление. А то трудно удержать моих мальчиков. Они вошли в раж и еще немногого — в самом деле прорвутся к Ленинграду.

— Планы изменились, — сказал Керенский. — Властью Временного правительства приказываю немедленно двинуть вперед все ваши части. Революция в опасности!

— Да, но у меня нет указаний из обкома.

— Дело сейчас не только в указаниях. У нас половина личного состава — раненые и убитые. Патроны кончаются. И без шуток! Если вы генерал Краснов, то выполнайте

свой долг. Вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы прорваться к нам.

— Да я не Краснов, — сказал генерал. — Моя настоящая фамилия Перепелкин. Я преподаю химию и обществоведение.

— Тем более. Тогда я повторяю: товарищ Перепелкин, забудьте о том, что вы Перепелкин. Вы сейчас — Краснов, и от вас зависит судьба революции.

— Ничего не понимаю, — сказал Краснов.

— И нечего понимать. Подчиняйтесь.

— Слушаюсь, — сказал Краснов.

— Проверю через час. В случае чего будем судить по законам военного времени.

Керенский бросил трубку и уже привычно отер париком пот со лба. Зазвонил телефон.

— Говорят Викжель. Мы еще держим Московский вокзал.

— А мы держим Зимний, — ответил Колобок.

— Нам бы подкинуть подкрепление.

— Не можем. Защищайтесь сами.

Керенский потуже натянул парик и спросил у Колобка:

— Интересно, как там Государственная Дума?

— Никаких сведений.

— Не послать ли нам разведку? — спросил Керенский. — Мы же не знаем, что творится в Петрограде. Может быть, положение еще не плохо. Может быть, где-нибудь еще есть порядок?

— А кого послать?

— Симеонов пойдет. Верный человек.

Керенский нахмурился.

— Где-то здесь должен крутиться наш Розенталь.

— Какой еще Розенталь?

— Он отвечает за нас, за Временное правительство.

Довольно деятельный мужичок.

— А где он прячется?

— Знаю, где, — сказал Гучков. — Он санитаром у нас в госпитале.

— А ну-ка, кликни его.

...Керенский проводил разведгруппу до самых боковых дверей, выходящих на Летнюю канавку. Розенталь и Симеонов, одетые солдатами, в высоких потрепанных папахах, неловко замялись перед дверью, пока пожилой юнкер из хозуправления перебирал ключи, отыскивая подходящий.

— Ну, во имя свободы! — сказал Керенский. — Попытайтесь пробраться в Смольный, может быть, в обком. Главное, это касается вас, Симеонов, побывайте в Государственной Думе.

— Ясно, — сказал Симеонов. Он почему-то завязал один глаз черной, сомнительной чистоты повязкой. — Постараемся.

— У меня большие связи в Думе и обкоме, — сказал Розенталь. — Все будет в порядке.

Розенталь первым проскользнул на улицу. Симеонов раздвинул створки двери объемистыми плечами, последовал за ним.

— Сбегут, — сказал юнкер с ключами. — Обязательно сбегут. Особенно этот шустренький.

— Мы вынуждены идти на риск. Людей мало.

Керенский поднялся в госпиталь.

Зоя не спала. Она узнала его по походке и сама удивилась, как много успела узнать об этом человеке за одни сутки.

— Как тебе? — спросил Керенский, присаживаясь на кончик раскладушки.

— Не опрокинь меня, — постаралась улыбнуться Зоя. — А вдруг я останусь калекой?

— Не говори глупостей, — сказал Керенский. — В новой России будет много хороших врачей. И все они будут счастливы поставить тебя на ноги.

— Ради тебя?

— Ради тебя самой. Твое имя напишут золотыми буквами...

— Кончай, Саша, без громких слов. Все это кончится строгачом. Если не хуже.

В два часа Коган собрался было пойти пообедать, но Грот его отговорил.

— На улице все время скачут какие-то казаки и анархисты. Я пытался добежать до угла купить сигарет, но не смог. Они шли с черным знаменем.

— Казаки?

— Нет, анархисты. И еще они кричали: «Да здравствует Учредительное собрание!»

— М-да... Зимний еще держится?

— Стреляют.

— Стреляют-стреляют. Вы мне скажите, откуда не стреляют? Паплиян так и не вернулся.

И как бы в ответ на слова Когана кто-то постучал в дверь.

— Кто там?

— Свои, — ответил глухой голос.

Коган посмотрел на Грота. Грот — на Когана. Из соседней комнаты вышли остальные бундовцы.

— Что будем делать? — спросил Коган.

— Да это же я, Паплиян. И со мной еще один товарищ.

— Паплиян? А как мое имя-отчество?

— Да Коган, Аркадий Аркадьевич. Что еще за штучки-мушки?

— Отодвигай, — сказал Коган. — Если Паплияна не взяли в плен, то это он.

Бундовцы отодвинули шкафы, и в комнату вошел Паплиян. За ним робко скользнул и остановился в уголке небольшой человек, закутанный в башлык поверх солдатской папахи. Из-под башлыка выглядывали толстые запотевшие очки. Человек снял очки и протер их полой шинели.

— Познакомьтесь: товарищ Розенталь. Из Зимнего, — сказал Паплиян.

— Из Зимнего? Разве в Зимнем еще не большевики?

— Если помочь не придет вовремя, то будут большевики.

— Я был в обкоме, — вставил Паплиян. — Там товарищи держат связь с Москвой. Принято решение не завершать штурма, пока не начнется съезд Советов. То есть до ночи. И еще... — Паплиян оглянулся — вроде бы свои? — ..и еще говорят: пропал Ленин.

- Что?
 - Никто не знает, где Ленин. Юнкера его не задерживали. Больше того, «Аврора» на мели.
 - Она же стреляла.
 - Не туда. Она попала в Смольный.
 - Вот дела, — сказал Коган.
 - А пока, — вставил человек из Зимнего, который был Розенталем, — пока наш долг — удержать Зимний.
 - Да, — подтвердил Паплиян. — В обкоме тоже так думают. По крайней мере пока не загrimируют нового Ленина. Или не найдут старого.
 - А если нет?
 - Тогда... — Паплиян перешел на громкий шепот: — решено вызвать Кантемировскую дивизию и кончить дело.
 - А что мы можем сделать? — удивился Коган. — Мы же маленькая партия и совсем не пользуемся влиянием в массах.
 - Сколько у вас здесь людей?
 - Меньше десяти, — ответил Коган. — И в большинстве своем освобожденных от воинской повинности.
 - Защищать родину — долг каждого гражданина Советского Союза, — строго сказал Розенталь. — Оставьте здесь одного человека у телефона, а остальные пойдут со мной к Государственной Думе.
- В голосе Розенталя звучала сталь. Центральный комитет партии Бунд надел пальто и галоши и, взяв в руки зонтики, пошел к Государственной Думе.
- На улице было холодно и промозгло. Розенталь думал о Симеонове, который пошел в Смольный и исчез. Розенталь прождал его минут пятнадцать, скрываясь за углом Смольного института, но так и не дождался. Или Симеонова взяли, или он изменил.
- На опустевшем Невском, неподалеку от Думы, бундовцев остановил казачий патруль.
- Нам в Думу, — сказал Розенталь. — Я из Зимнего, а эти товарищи, то есть граждане, из партии Бунд.
 - Не положено, — сказал казак. — Давай отсюда. Тут уж были добровольцы. Старались проникнуть.
 - Что там у вас? — спросил молодой жандармский урядник.
 - Просются в Думу. А может, с бомбами.
 - У меня есть мандат, — сказал Розенталь. — От Керенского.

— А ну покажи.

Розенталь долго распутывал башлык, чтобы забраться за пазуху. Члены Бунда переминались с ноги на ногу под пристальными взглядами казаков.

— Вот, — сказал Розенталь наконец. — Подписанное товарищем Колобком. Комендантам Зимнего.

— У вас там должен адмирал один быть. Иван Сидорович, — сказал урядник, разворачивая мандат. — Он с моей мамашей из одной деревни.

— Его нет, — сказал Розенталь. — Я его знаю. Он в самом деле из райкома. Он написал большой донос на гражданина Керенского и сам повез его в Москву.

— Ну-ну, — сказал урядник. — Он уже тогда дерьмом был. На отца написал, раскулачили. А вам чего в Думе?

— Зимнему плохо. А сдавать его нельзя.

— Это точно! — сказал урядник и пропустил делегатов.

Около Думы шла небольшая демонстрация правых сил, направленная в поддержку существующего режима. Казаки и полицейские равнодушно смотрели на демонстрацию. Они послушно охраняли врагов революции, но больших симпатий к ним не испытывали, как не испытывали к контрреволюции симпатий и сами демонстранты — на девяносто девять процентов члены профсоюзов, ДОСА-АФ и Общества охраны памятников.

Розенталь велел своим бундовцам заняться поисками оружия, а сам поднялся в зал заседаний Думы. В этот момент депутат от меньшевистской фракции призывал покончить с кровопролитием. Розенталь послушал немного горячую речь меньшевика и подумал, что тот говорит дело. Слева зашикали — центр и правые скамьи аплодировали.

Розенталь обогнал следующего оратора и взбежал на трибуну.

— Вы кто такой? — спросил председатель.

— Я делегат Зимнего, — сказал Розенталь.

И слова эти произвели гипнотизирующее впечатление на Думу. Такое выступление не было запрограммировано, ни слова о нем не было в программках, задолго до этого розданных депутатам.

— Граждане свободной России! — неожиданно для самого себя словами Керенского начал свою речь Розен-

таль. — Зимний в опасности! Вы не имеете права повторить ошибку семнадцатого года!

Что я говорю? — мелькала между тем в его голове мысль. — Меня же возьмут прямо здесь, в зале. И Розенталь хотелось остановиться и убежать из зала, но ни остановиться, ни убежать он не мог. Если бы его попросили объяснить, почему же он этого не сделал, он развел бы руками, потом снял толстые очки, протер стекла и сказал бы: «Знаете, такие бывают в жизни случаи...»

— Там, в двух шагах отсюда, гибнут, защищая со кровища Эрмитажа, ваши товарищи. Раненые и убитые девушки и женщины, молодые люди — кандидаты и доктора наук, престарелые профессора — все встали на защиту Зимнего. Сам товарищ Керенский с винтовкой в руках отражает беспрерывные атаки под огнем противника. Только час назад одна из лучших женщин Зимнего, командир женского ударного батальона, замечательный общественник, мать и жена, была тяжело ранена, отбивая у врага «катюшу», из которой было сделано несколько роковых выстрелов по Зимнему, в результате чего безвозвратно испорчена картина Тинторетто «Снятие с креста».

Негодуший шум прокатился по залу. Через полчаса Розенталь увел к Зимнему всех правых и центристских депутатов.

17

Уже стемнело, и Керенский, на минуту отойдя от баррикады, забежал в здание напиться. Водопровод работал. Туда же пришел Колобок.

— Сколько у тебя осталось?

— Шесть человек и восемнадцать патронов. Точно знаю, — сказал Керенский.

— У меня не лучше. Но, по-моему, они устали и разошлись обедать.

— Далеко не все. Вон там — мои юнкера видели — приехала полевая кухня.

— Как с Красновым?

— Должен быть уже у Московского вокзала. Это неплохо. Соединится с железнодорожниками.

— Я ему говорил об этом.

— От разведчиков ни слуху ни духу.

— И из Думы не отвечают. Телефон все время занят.
Может быть, бросили трубку?

— Да, еще час-два продержимся, а потом кранты.

— Да, тем более что они решили уже идти на решительный штурм. Скоро начнется съезд.

— Откуда знаешь?

Вспомни историю. Вечером был последний штурм и Зимний пал.

Колобок, исхудавший и почерневший за последние сутки, подождал, пока Керенский напьется из последнего стакана, оставшегося в буфете, и налил себе воды.

— Как Зося? — спросил он.

— Скорее бы все кончилось. Ей надо в больницу. Ладно. — Керенский подобрал винтовку и пошел к выходу. — Сейчас не время для таких разговоров.

— Ураа! — донеслось с площади.

Колобок догнал Керенского в дверях. Они остановились на ступенях, глядя на площадь. Она казалась единой темной массой. За последние часы к атакующим подошли большие подкрепления, в основном за счет анархистов, черносотенцев, которым надоело быть черносотенцами и захотелось войти в историю с лучшей стороны, и, наконец, за счет многочисленных любопытных, покинувших дома после того, как телевизоры перестали передавать репортаж с места событий, а переключились почему-то на мультфильмы.

Темная масса угрожающе ревела: «Урра!» и надвигаясь на жалкую цепочку израненных юнкеров и женщин, иказалось, стремление ее к победе было настолько неотвратимо, что даже дивизия горцев не смогла бы остановить народ. И всем защитникам Зимнего, начиная от Керенского и кончая уборщицей тетей Полей, было ясно, что случится, когда восставшие ворвутся во дворец.

Правда, они не знали, что в этой атаке были задавлены или жестоко избиты немногочисленные инструкторы и организаторы, что пытались как-то образумить революционные массы и вернуть их в русло законности и порядка.

Последней лентой плеснул в стену атаки пулемет, захлопали разрозненные выстрелы, и Колобок достал из кармана последнюю и единственную гранату.

И тут другое «Ураа!» — не такое, может, громкое и яростное, но весьма весомое, — донеслось с другого конца

площади. Как бы вдогонку за нападающими из-под арки выскоцила толпа разнообразно одетых людей, вооруженная чем попало, но тем не менее единая в своем боевом порыве.

Впереди толпы бежал Розенталь, и концы башлыка развевались за ним, как вожжи взбесившейся лошади.

Неожиданный удар сзади на какие-то мгновения ошеломил атакующих. В тылу их завязалась быстрая, непонятная свалка, где тузили друг друга и свои, и чужие, а над толпой иногда взлетали зонт Когана, знамена, очки и галоши.

Однако первые ряды продолжали бежать вперед, в пылу боя не слыша и не понимая, что происходит сзади.

И оставалось каких-нибудь двадцать шагов до баррикады, уже Колобок кинул последнюю гранату, уже замолчал пулемет, уже Керенский и два десятка верных юнкеров приготовились броситься врукопашную, как по революционной массе прокатился страшный крик:

— Нас предали!

Ряд за рядом на площадь с улицы Степана Халтурина выходили части генерала Краснова.

Несмотря на долгий марш, на тяготы пути и стычки с милицией, которые пришлось выдержать от Пулковских высот до Зимнего, верные солдаты Краснова шли спокойно и уверенно. Они выполнили приказ.

Генерал Краснов, потерявший в бою половину бороды, ехал впереди на белом коне.

Вот уже первые цепи солдат столкнулись с народом, и, складываясь гармошкой, черная масса начала отступать к Адмиралтейству. Люди бросились по трамвайным путям к Исаакиевскому собору, и, может быть, бегство и полный крах штурма Зимнего еще можно было предотвратить, но, как назло, именно по трамвайным путям шли сплоченными рядами братишки — матросы «Авроры» во главе с Грушевым, которые за неимением другого дела решили взять Зимний.

Бегущие красногвардейцы решили, что это тоже части Керенского, и поняли, что окружены.

Несколько шумных, бесстоловых и мятущихся минут тысячи людей бегали, сшибая друг друга, по площади, но наконец паникующая толпа сшибла и разорвала морской отряд и исчезла, развеиваясь и скрываясь по подворотням.

Последние защитники баррикады выбежали на пло-

щадь, заваленную мусором, который неизбежно остается после всякой революции, и кинулись брататься с союзниками.

Генерал Краснов не очень умело слез с коня, подошел к Керенскому и молча пожал ему руку.

Керенский хотел сказать, что во всем происшедшем основная заслуга принадлежит простому народу, интеллигенции, сотрудникам Эрмитажа, но слезы душили его, и он отвернулся от генерала.

Председатель Государственной Думы взобрался на поставленный набок контейнер с надписью «Морфлот СССР» и жестом пригласил Керенского, Гучкова, Колобка, Розенталя и Краснова лезть к нему.

— Наш народ, — закричал он, стараясь достать голосом до краев площади, — всегда был долготерпеливым! Сегодня мы продемонстрировали это всему цивилизованному человечеству. Мы отстояли цитадель российской демократии против большевистского заговора. Победа далась нам дорогой ценой. Нет среди нас некоторых отважных...

Оратор запнулся. На языке вертелось слово «товарищей», но это слово относилось к прошлому, его не должно быть в обиходе председателя Государственной Думы. Но нового слова он пока не знал.

— Граждан свободной России, — подсказал генерал Краснов.

После него говорил Керенский. Он призывал к бдительности. Он предупредил, что хребет большевизма треснул, но еще не сломался. В любой момент может начаться новый штурм.

Публика на площади гневно отзывалась на такое предположение.

Генерал Краснов негромко сказал Керенскому:

— Вряд ли.

— Почему?

— Потому что Смольный пал, — сказал Краснов. Эти слова стали слышны на площади, и люди принялись радостно кричать.

— Я послал туда эскадрон, — продолжал Краснов, теперь уже в микрофон. — Но там мы не нашли никого, кроме технического персонала и нескольких пьяных красногвардейцев во главе с неким матросом Железняком. Руководители обкома и горкома разбежались.

По площади прокатились волной аплодисменты.

— А где Ленин? Ленин где? — кричали снизу.
— Пропал, — развел руками генерал Краснов.
После окончания митинга Краснов сказал Керенскому:

— Вам бы поспать минут шестьсот. На вас лица нет.
— Нельзя, — сказал Розенталь. — Александр Федорович — реальная власть в Ленинграде.

Тут же он осекся, потому что такого города уже не было.

Ночью между двумя заседаниями, охрипший от споров с председателями колхозов, которые категорически отказывались вернуть землю крестьянам, Керенский заехал на «газике» в больницу, к Зосе. Дежурная сестра не хотела его пускать.

— А мне все равно, что вы Керенский или полковник КГБ, — сказала она. — Больной нужен отдых.
— Хорошо, — сказал Керенский и дал сестре десять рублей. — Вы только покажите мне, где ее палата.
— Не стоило меня подкупать, — сказала сестра, как бы смиряясь с судьбой.

Керенский прошел за ней по тускло освещенному коридору.

У двери в палату, откинувшись на спинку стула, дремал, открыв рот, черноволосый, заросший щетиной человек в железнодорожной фуражке. Керенский решил было, что кто-то посадил к Зосиной палате телохранителя, но сестра рассеяла эту надежду.

— Ихний муж, — сказала она. — Очень за нее переживает.

Керенский не стал подходить к двери, а пошел обратно.

Он вовремя успел на совещание правительства. Грузия требовала независимости, Курляндия высказывала территориальные претензии к Лифляндии. С совещания Керенского дважды отзывали к телефону. Первый раз позвонил папа Римский, передал поздравления от католиков всего мира, затем по вертушке позвонил Брежнев.

— Александр, простите, Федорович? — спросил он.
— Керенский слушает.
— Я не спрашиваю вашего настоящего имени-отчества, — сказал Брежnev. — Это уже не нужно.
— Почему? — удивился Керенский.

— Потому что я отдал приказ стратегической авиации нанести удар по городу Ленина. По родному нашему Ленинграду...

Брежnev громко всхлипнул.

Трубка звякнула. Раздались короткие гудки.

Керенский, с трудом заставляя себя поверить в слова Брежнева, все ускоряя шаги, кинулся в зал заседаний Смольного. Совет министров заседал в апартаментах обкома.

— Что случилось? — Генерал Краснов, новый министр обороны России, сразу понял, что произошло неладное.

— Ракеты... бомбы... — с трудом ответил Керенский, держась за косяк двери. — Стратегическая авиация.

Министры и иные случайные люди начали вскакивать со своих мест.

— Господи! — кричал кто-то высоким голосом. — Надо же принять меры!

Упал стул... Краснова толкнули, и он выругался басом.

— Они не посмеют! — закричал от двери Розенталь.

— Они все посмеют, — сказал Краснов.

— Но тут же памятники искусства, это же колыбель революции.

— По колыбели залпом... пли! — крикнул в ответ министр внутренних дел Колобок.

Он крикнул так громко, что все подняли головы — показалось, что это настоящая ракета.

Но было тихо.

Все стояли, слушали, но было тихо.

Так же в Кремле у вертушки стоял Брежнев и ждал, тихо рыдая, доклада пилотов.

Наконец зазвонил, заверещал телефон.

— Ну и как? — спросил Брежнев, хватая трубку.

В открытую дверь сунулись белые лица членов Политбюро.

— Нет. — сказали в трубке. — Наши по Ленинграду не хотят! Город Ленина... нельзя!

— Я так и думал, — сказал Брежнев и выпустил трубку. Она стала покачиваться, головой вниз, у самого ковра. — Вот так, товарищи.

Последнее относилось к членам Политбюро.

— Может, поднимем Кантемировскую дивизию? — спросил Суслов.

Никто не ответил.

Брежnev брал со стола карандаши, часы, мелкие вещи, рассовывал их по карманам.

Вдруг его прорвало.

— Какой к черту Ленин? — закричал он, краснея. — При чем тут ваш... Ленин?

— Уходим в подполье? — спросил Суслов.
Брежнев не ответил.

История со сгинувшей и найденной повестью имела продолжение.

Весной 1993 года мне позвонил из Петербурга режиссер Виктор Мельников и сказал, что ему в руки случайно попал тот самый, единственный экземпляр повести. Может ли он снять по повести фильм?

Фильм был снят за лето, практически без денег, на энтузиазме, правда, не всеобщем, потому что некоторые приглашенные актеры отказались сниматься, мотивируя это тем, что «когда коммунисты вернутся к власти, они мне это припомнят».

Фильм вышел на экран в октябрьские дни 1993 года, что склоняет к философским размышлениям об особой социальной роли фантастики и пользе полежать четверть века в письменном столе. На октябрьскую годовщину 1994 года фильм показали вновь. Оказалось, что он еще не устарел.

Таким образом, повесть опять опоздала появиться. И делает это лишь сейчас.

1968—1995 гг.

Содержание

От автора	3
Журавль в руках	5
Царицын ключ	79
Похищение чародея	201
Чужая память	299
Осечка-67	387

**Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Серия «Взрослая фантастика»
Чужая память**

Составитель А. В. Алексеев
Художник К. А. Сошинская
Ответственный редактор Т. В. Бобрынина
Технический редактор А. Н. Анисеев
Корректор Л. М. Гусева
Оригинал-макет Л. И. Шмелева-Агинская, О. В. Новикова
Ответственный за выпуск Новиков Е. А.

ЛР № 061490 от 30.07.92.
Подписано в печать 18.04.95. Формат 84×108¹/32.
Объем 14 печ. л. Уч.-изд. л. 22. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.
Заказ 6242. Цена договорная.

Издательство «Хронос»
121009, Москва, а/я 880.

ПРИ УЧАСТИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АРМЭ»

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

